

ПО
СЛЕДАМ
ДРЕВНИХ
КУЛЬТУР
КАЗАХ-
СТАНА

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

ПО
СЛЕДАМ
ДРЕВНИХ
КУЛЬТУР
КАЗАХ-
СТАНА

Издательство «НАУКА» Казахской ССР
АЛМА-АТА 1970

Сборник состоит из научных статей и публикаций, содержащих новые материалы по большинству разделов казахстанской археологии.

Читатель познакомится с открытыми и исследованными городищами средневековья, курганами первого и второго тысячелетий нашей эры, поселениями и могильниками эпохи бронзы, наскальными изображениями и случайными находками.

Подводятся итоги изучения палеолита и неолита, разрабатывается классификация керамики верховий реки Арысь, рассматриваются типы и формы жилищ андроновского поселения Чаглинка, новые данные по оседлости и земледелию у древних усуней Семиречья, нумизматические находки, краниологические и палеозоологические материалы.

Книга рассчитана на археологов, историков, антропологов, краеведов, студентов гуманитарного профиля вузов.

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
М. К. КАДЫРБАЕВ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемый сборник продолжает серию археологических выпусков, посвященных памятникам исторического прошлого Казахстана.

В него входят статьи по некоторым общим вопросам древней истории республики, публикации новых археологических материалов, результатов краниологических и палеозоологических исследований и, наконец, сообщения о ценных коллекциях вещей из разряда случайных находок.

От предшествующих сборников, изданных в 1968 и 1969 гг., настоящая работа отличается более широкой географией археологического поиска. С каждым годом все большее число исследователей из областных центров республики: Усть-Каменогорска и Чимкента, Караганды и Уральска, Кокчетавы и Семипалатинска принимает в нем активное участие. Тесные научные контакты с археологами Алма-Аты, оперативная взаимная информация уже приносят ощутимые результаты.

Разнохарактерность статей по составу и содержанию отражает разную степень изученности памятников определенных районов и эпох. В одних работах освещаются дискуссионные вопросы, возникающие при изучении значительного по объему археологического материала, в других делается попытка по-новому рассмотреть некоторые научные гипотезы. И, наконец, большинство статей содержит систематизированный новый материал.

Статьи сгруппированы в основном по четырем разделам археологии. Они расположены в той хронологической последовательности, с которой обычно сталкивается археолог при изучении, например, многослойного поселения или города.

Сборник открывают работы по средневековой археологии.

В статье безвременно скончавшейся Е. И. Агеевой впервые публикуется и анализируется значительная коллекция стеклянных изделий из Тараза.

Раскопанному в Илийской долине Семиреченской экспедицией «торткулю» посвящена работа К. М. Байпакова и Л. Б. Ерзаковича. Сравнительно большая площадь раскопок городища Жаксылык позволила получить более подробное, чем раньше, представление о культурно-хозяйственном облике сельского поселения полуоседлого типа в Семиречье.

В статьях М. К. Кадырбаева, Р. З. Бурнашевой, Ф. Х. Арслановой дается характеристика слабо изученным погребениям кыпчакского времени, которые содержали редкие вещественные находки. В первой статье на новых данных подтверждается точка зрения о существовании в среде кыпчакских племен Казахстана денежного обращения по крайней мере с XIII—XIV вв.

К тому же золотоордынскому времени относится и сообщение Л. Б. Ерзаковича. В нем выдвигается интересное и не лишнее оснований предположение об участии южноказахстанских оседлых кыпчаков в формировании культуры золотоордынских городов. В качестве вещественного доказательства этой гипотезы фигурирует керамика с зеленой и желтой поливой, известная на городищах северных склонов Каратау с конца XII в., возможно и раньше.

Вторая группа статей знакомит с памятниками усуньского и тюркского времени Семиречья и Южного Казахстана.

Работа К. А. Акишева посвящена сложной и во многом дискуссионной проблеме возникновения оседлости и земледелия у усуньских племен в начале I тысячелетия н. э. Авторы на основе добытых им археологических данных и сведений письменных документов развивают эту гипотезу, органично вписывая в нее ряд новых и оригинальных предположений.

Не так давно открытие в Казахстане раннеземледельческого поселения рубежа и первых веков нашей эры было своего рода событием. Теперь их количество непрерывно растет, подтверждая давнее мнение А. Н. Бернштама о массовом процессе оседания кочевников в южных районах Казахстана на рубеже нашей эры.

Новые материалы по поселениям этого типа содержат статьи М. С. Мерциева и Н. П. Подушкина.

Первый автор дает описание памятника Кзыл-Кайнартобе и приводит ценные данные о погребении IV—V вв. н. э. Раскопки его позволили установить сравнительно точную дату гибели поселения и в то же время предоставили науке довольно редкую коллекцию изделий полихромного искусства.

Н. П. Подушкин предлагает первый опыт классификации керамики с двух поселений малоисследованного района верховий р. Арысь.

Б. Н. Нурмуханбетов третий полевой сезон продолжает исследование Борижарского (Бурджарского) могильника, начатое 20 лет назад экспедицией А. Н. Бернштама. Многие здесь до сих пор остаются неясным, начиная от хронологических рамок и кончая этнокультурной его характеристикой. Публикация автора дает представление о ведущих типах погребальных построек. Последующие раскопки, надо полагать, ликвидируют пробел в наших знаниях об этом могильнике.

При изучении цепочки усуньских курганов Таласской долины обнаружена глиняная печать — штамп. Ей и другим находкам посвящена публикация А. Г. Максимовой.

В третьем разделе сборника рассматриваются памятники бронзового века.

Статья А. М. Оразбаева построена на сопоставительном анализе конструкции и строительных форм жилищ андроновского поселка с казахскими жилыми сооружениями недавнего прошлого. Не все положения статьи подкреплены достаточным количеством фактического материала. Громадный, почти трехтысячелетний исторический отрезок времени между концом II тысячелетия до н. э. и XIX в. еще остается не исследованным, что, безусловно, сказалось на убедительности приводимых доводов. Тем не менее ценность сравнительного археолого-этнографического анализа, проведенного А. М. Оразбаевым, бесспорна.

Г. Б. Зданович публикует археологические данные по новому поселению эпохи бронзы, открытому им в Северном Казахстане, в полосе, где на протяжении многих тысячелетий происходили интенсивные этнокультурные контакты между племенами степной и лесостепной зон. К этому поселению тематически примыкает и раскопанный С. Я. Зданович могильник Бурлук I, оставленный населением того же культурно-исторического круга.

В фондах Центрально-Казахстанской экспедиции хранится значительное количество неизданного материала разных лет по памятникам андроновской культуры. Статья А. Х. Маргулана знакомит с рядом погребений могильника Былкылдак, не вошедших в книгу «Древняя культура Центрального Казахстана».

Надо сказать, что комплексы Былкылдак, открытые А. Х. Маргуланом в 1951 г., занимают особое место в истории изучения бронзового века Центрального Казахстана. В результате их исследования был получен массовый и главное разновременный материал, во многом способствовавший разработке периодизации древностей палеометаллической эпохи. Настоящей статьей завершается публикация сведений об этом узловом памятнике.

Древнейший исторический период представлен в сборнике четырьмя статьями.

А. Г. Медоев подводит итог своим исследованиям по палеолиту Сары-Арка, дает схему эволюции культур каменного века, исследует закономерности размещения палеолитических местонахождений различного типа в связи с палеоклиматическими и геологическими факторами.

М. Н. Клапчук определяет место галечных орудий стоянок Музбель 1—2 в хронологии древнекаменного века Центрального Казахстана. Оба автора высказывают ряд ценных замечаний о месте древнекаменных культур этого района в древнейшей истории Азиатского континента.

Статья Х. А. Алпысбаева посвящена итогам изучения палеолита Казахстана, а работа Л. А. Чалой — результатам исследования новокаменного века.

Заключают сборник статьи О. И. Исмагулова по краниологическим материалам Центрального Казахстана и Л. А. Макаровой по костным остаткам животных из поселения Чаглинка, а также публикации Т. Н. Сениговой о случайных находках из Семиречья и П. И. Мариковского — об открытых им наскальных рисунках.

М. Кадырбаев

Е. И. АГЕЕВА

СРЕДНЕВЕКОВОЕ СТЕКЛО ИЗ ТАРАЗА

На многих городищах X—XII вв. н. э., расположенных на территории Казахстана, были обнаружены обломки голубых, синих, зеленых, желтых стеклянных сосудов.

Замечательные свойства стекла: прозрачность, химическая устойчивость, сравнительная легкость формовки, а также способность воспринимать различные окраски, передавать игру света, естественно, привлекали внимание человека и широко использовались им с глубокой древности для создания разнообразных вещей.

Первые по времени находки изделий из непрозрачной одноцветной стекловидной массы (бусы) в Казахстане относятся к эпохе бронзы и выявлены во время раскопок в могильниках Тау-Тары¹, Боровском², Былкылдаке I и II, Бегазы и Атасу, в могильнике на берегу р. Шурубай-Нура³, а также на поселении Камай⁴.

Стеклянные бусы находили в могильниках и поселениях и более позднего времени вплоть до VIII в. н. э.⁵

Эти изделия специально не изучались, и потому судить о том, где и как их изготовляли, трудно. Ясно только одно, что предметы из стекла известны населению Казахстана очень давно.

Отдельные стеклянные изделия были встречены и на городищах Казахстана (Сауран, Сыгнак, Отрар, Баба-ата, Тараз, Ак-тобе, Луго-

¹ А. Г. Максимова. Могильник эпохи бронзы Тау-Тары. Труды Института истории, археологии и этнографии (ИИАЭ) АН КазССР, т. 14, Археология. Алма-Ата, 1962, стр. 37—56.

² М. А. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Археология. Алма-Ата, 1958, стр. 256.

³ «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, № 2281, 2284, 2349, 2370.

⁴ А. Г. Максимова. Памятники эпохи бронзы Восточного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Археология. 1959, стр. 152, табл. XIV.

⁵ «Археологическая карта Казахстана», № 27, 506, 605, 613, 855, 1895, 1898, 1902, 2100, 2982, 3898, 4061, 4234, 4509 и др.

вое, Чуль-тобе, Кумкент, Талгар и др.), но более или менее компактная и разнообразная коллекция собрана во время раскопок на городище Тараз в 1961—1962 гг. (раскопы 2, 4, 6).

Несколько стеклянных предметов было обнаружено на городище Тараз и во время работ Семиреченской археологической экспедиции 1938—1939 гг. и Джамбулского археологического пункта (1940 г.). В их отчетах сказано, что в раскопе 3 были найдены две бусины (цилиндрическая и шарообразная желтая с идущими наискось коричневыми полосами), а в раскопе 2 (баня) в завале около пола — вогнутые внутрь донца из зеленого и белого стекла, закраины от плоских горизонтальных подставок или венчиков в виде валика, ободки с валиками из тонкого стекла толщиной до 0,5 мм⁶.

В стратиграфическом раскопе стекло выявлено во всех слоях (2, 3, 4, 5). В юго-западной части слоя 3 в квадрате 7 была найдена закраина сосуда из белого матового стекла, украшенная рельефным пояском растительного орнамента, нанесенного краской с золотом. Ниже орнамента на поверхности сосуда сделаны незначительные углубления в виде заходящих одна за другую восьмерок, что напоминало рыбную чешую. Обломок имел слегка утолщенный слабо вогнутый край, создающий впечатление сосуда с широким устьем.

В квадрате 9 того же слоя обнаружен обломок сосуда с рельефным орнаментом в виде сильно вогнутых овалов, расположенных между параллельными поясками, в квадрате 15 — фрагмент закраины сосуда, похожего на пиалу со слабо вогнутым краем и круглым в разрезе отогнутым венчиком, несколько фрагментов донцев и бусы из темно-фиолетового, черного и желтого с цветными розетками стекла.

В слое 4 (квадрат 12) найдены небольшой сосудик из зеленоватого стекла в форме кувшина с довольно высоким и широким горлом и отогнутым венчиком; фрагмент мало отогнутой закраины толстостенного сосуда из прозрачного голубоватого стекла с «налепным» валиком вдоль края; фрагмент края сосуда (прямой, слегка утолщенный), а также обломки закраин с сильно утолщенным краем от сосуда большого диаметра; донца из малопрозрачного зеленоватого стекла. Здесь же собрано небольшое количество стекловидного шлака.

Кусочки стеклянной посуды обнаружены и в слое 5.

А. Н. Бернштам, исходя из стратиграфии залегания предметов, отнес их к саманидскому времени⁷.

---

⁶ См.: «Труды Семиреченской археологической экспедиции. Таласская долина». Рукопись Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, ф. 2, д. 62, стр. 112.

⁷ Там же, стр. 142—156.

В 1940 г. в раскопе 1 (поставлен Джамбулским археологическим пунктом), граничащем на северной стороне с раскопом 1 (1938 г.), в мусорной яме второго слоя, датируемого XIII—XV вв., было найдено значительное количество обломков изделий из цветного стекла, а именно: петлеобразные ручки, подножки от сосудов типа рюмки, горловины и донца⁸.

В раскопах, произведенных А. И. Тереножкиным в 1936 г., в районе строившегося магазина райпотребсоюза в слое 3 также были встречены обломки стеклянных сосудов⁹.

Несколько фрагментов стеклянных сосудов хранится и в Джамбулском областном музее, среди них заслуживают внимания закраина от небольшого сосудика, донца с коническими подставками, вогнутые внутрь, и плоские донца. Последние украшены выпуклым орнаментом, состоящим из рядов округлых вмятин, разделенных валиком.

Раскоп 2, который дал основную часть предметов, был поставлен в котловане глубиной от 2,6 до 3 м, расположенном в юго-восточном секторе. Котлован был вскрыт под фундамент здания. В ярусе 7 (считая от уровня современной поверхности)¹⁰ была вскрыта постройка, нарушенная многочисленными выгребными ямами вышележащих горизонтов с материалами XI—XV вв. н. э.

Наша коллекция в основном состоит из материалов, выбранных из выгребных ям квадратов АБ 5—6 и АБ 7 (западный сектор раскопа). Один почти целый сосуд найден в выгребной яме квадрата Г 1. Несколько разбитых стеклянных сосудов обнаружено в раскопе 4, расположенном севернее раскопа 2 на 22,5 м.

Следующая группа предметов коллекции из выгребных ям раскопа 6, произведенного в 1962 г. (ямы 15, 17). Раскоп находился северо-западнее раскопа 2, и его южный обрез являлся продолжением северного среза раскопа 2.

Целых сосудов мало, но по имеющимся обломкам можно восстановить их многие формы. Сосуды изготовлены из зеленого разных оттенков (от светлого до темного), желтого, синего, бирюзового и розового стекла. Всего насчитывается 154 предмета, из них 54 сделано из зеленого стекла, 37 — из сине-голубого, 12 — из желтого, 31 — из белого, 3 — из розового. Вследствие сильной ирризации цвет стекла остальных определить не удалось.

⁸ Г. И. Пацевич. Раскопки на территории древнего города Тараза. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, Археология. Алма-Ата, 1956, стр. 76.

⁹ См.: «Труды Семиреченской археологической экспедиции». Более подробного описания перечисленных предметов в отчетах и публикациях нет.

¹⁰ Каждый ярус равен 0,5 м.

В процессе реставрации восстановлены графины с узкой цилиндрической горловиной, пологими плечиками, плавно переходящими к тулову баночной формы с резко вогнутым внутрь дном. Размеры их невелики. Общая высота от 14 до 20 см, причем тулова — 8—14 см (рис. 1).

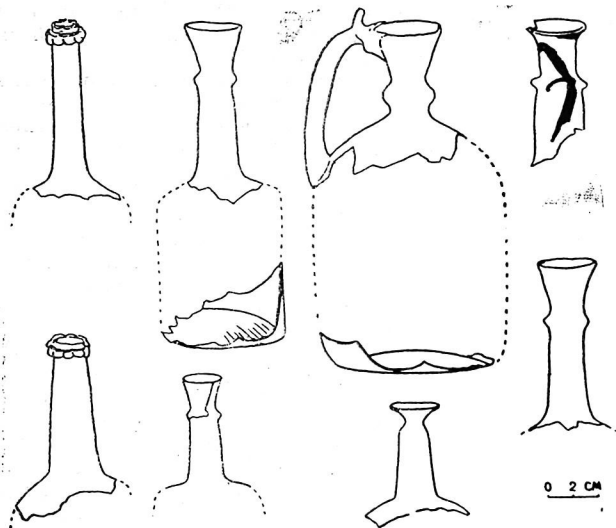

Рис. 1. Графины.

Горловины графинов оформлены по-разному. Некоторые из них заканчивались резко суживающимся воронкообразной формы венчиком, сделанным почти перпендикулярно к стенкам горловины. В месте перехода к нему имеется канавка, сильно вогнутая внутрь. У других сосудов горловина в верхней части расширяется и образует расруб. Там, где она начинает расширяться, расположен небольшой выпуклый валик. У трех образцов верхнюю часть горловины опоясывает волнистый налепной валик.

Из 30 экземпляров коллекции только два графина были с круглыми ручками, прикрепленными одним концом в верхней части гор-

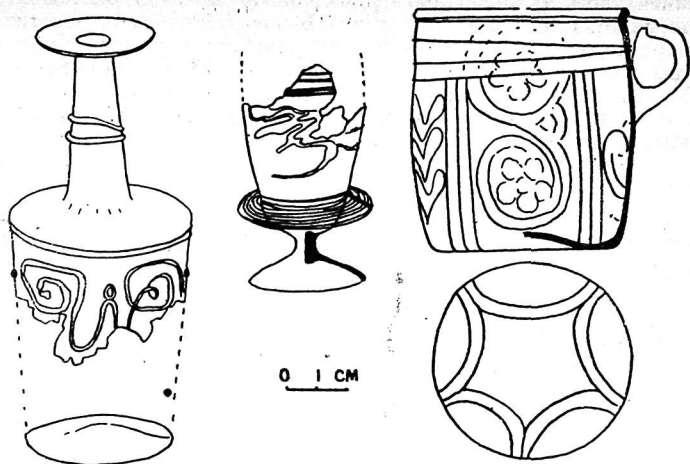

Рис. 2. Графин, рюмка, кружка.

ловины, а другим — к средней части тулова. Вверху они заканчивались сосцевидным отростком.

Особый интерес представляет графин из белого матового стекла, от которого сохранилась лишь верхняя часть тулова с горловиной и дно (рис. 2). Узкая цилиндрическая горловина заканчивается воронкообразным венчиком, плечики у сосуда довольно крутые, тулово цилиндрической формы и к низу суживается, дно вогнутое. На внешнюю сторону графина нанесены две тонкие стеклянные нити. Они опоясывают среднюю часть горловины, а по верхней части тулова располагаются причудливым рисунком, напоминающим спираль. В верхних частях между деталями узора имеются круглые вставки из цветного стекла, которые монтировались в сквозные отверстия, сделанные на еще незатвердевшем изделии. После закрепления вставок стекло со стенок отверстия оплывало и придавало вставкам еще большую прочность.

Подобным же образом украшена рюмка (рис. 2). Ее верхняя часть не сохранилась, однако ясно, что она имела высокое овально-цилиндрическое тулово и дно на высокой конической подставке.

К нижней части тулова «приварено» кольцо из последовательно соединенных тонких стеклянных нитей. Выше располагается растительного характера рисунок из тех же стеклянных нитей, а над ним сделано два ряда валиков также из стеклянных нитей, но сдвоенных.

Основным типом стеклянной посуды, встреченной в раскопах, были миски (рис. 3, 4). Они самой различной формы и размера. Легко восстанавливаются такие ее разновидности:

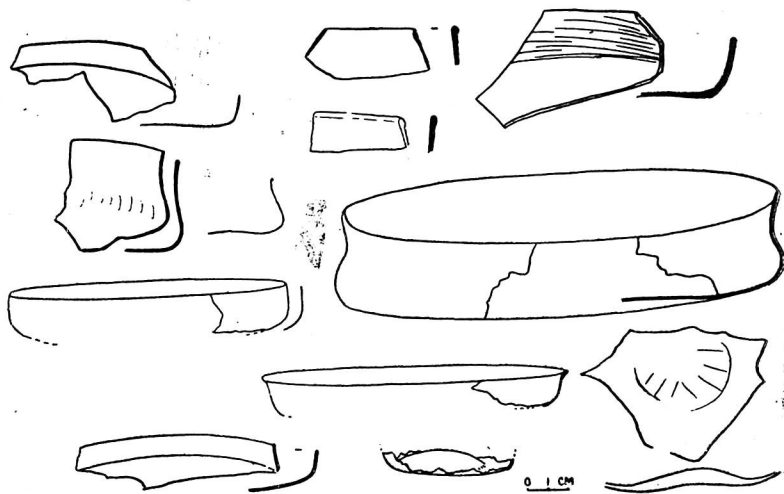

Рис. 3. Фрагменты мисок.

а) миниатюрные мисочки с трапециевидным туловом, заканчивающимся в верхней части валиком, образованным отгибом стенки сосуда наружу, а в нижней — вогнутым внутрь донцем. Некоторые из них имеют на тулове легкие едва заметные рифы. У большинства диаметр устья 6—10 см, высота 2—4 см. Они сделаны из сине-зеленого и белого матового стекла;

б) близкая к ним по форме посуда, но с более пологими, плавно переходящими ко дну стенками и разнообразными закраинами (пря-

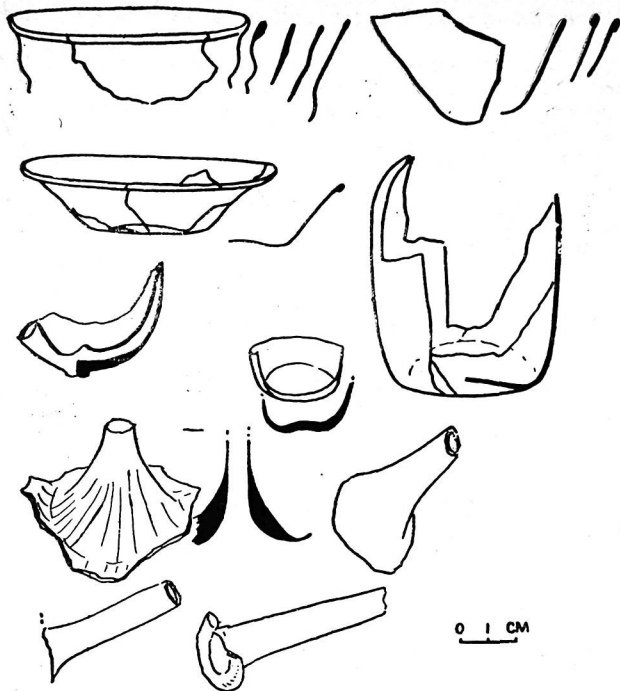

Рис. 4. Фрагменты мисок, бокалов, носики сосудов.

мая, каплевидная, валиком). Некоторые в верхней части тулова имеют валик;

в) плоские, низкие миски (высота 1,5—3 см, диаметр устья 12—16 см) с прямыми и каплевидными закраинами. Форма тулова разнообразная. Оно либо плавно отходит от дна и расширяется к закраине (разница в диаметре дна и закраины — 1,2—1,6 см), либо имеет в нижней половине небольшой выгиб наружу (диаметр дна и закраины совпадает) или резкий перегиб;

г) больших размеров миски, диаметр устья 18—24 см. Все они

с прямой закраиной, плавно переходящим к дну туловом с изгибом в нижней части.

Из других находок следует сказать о пробирке из светло-желтого стекла (рис. 5). Она цилиндрической формы с круглым дном. На закраине три небольших усика, сделанные путем поджатия щипчиками верхней части тулова. Кроме нее, можно назвать небольшие флакончики с овальным туловом и цилиндрической горловиной (рис. 5).

Рис. 5. Пробирка, флакончики, чаши.

носики от неизвестной нам формы сосудов и большое количество доньев, имеющих различный прогиб внутрь, а также обломки конических донцов от рюмок (рис. 6).

Форма донцев (прогиб внутрь), тулова сосудов, а также их тонкостенность, остатки понтий¹¹ на средней части донцов позволяют сделать вывод, что они были изготовлены методом свободного выдувания. По описанию Н. Качалова¹², он состоял в следующем: мастер-стеклодув опускал в жидкую стеклянную массу конец стеклодувной трубки¹³ и, вращая, набирал необходимое для определенного пред-

¹¹ Понтия — комочек стеклянного теста, прикрепляемый к дну изделия для удобства снятия его с трубки.

¹² Н. Качалов. Стекло. М., 1959, стр. 70—80.

¹³ Трубки были железные, цельнотянутые, длиной от 1 до 1,5 м, толщина стенок — 2,5—3 мм. Диаметр трубки зависел от размера и вида изготавливаемого изделия, он колебался от 10 до 25 мм. Один ее конец заканчивался соском, а другой — раструбом. Для удобства вращения на трубку насаживалась деревянная рукоять.

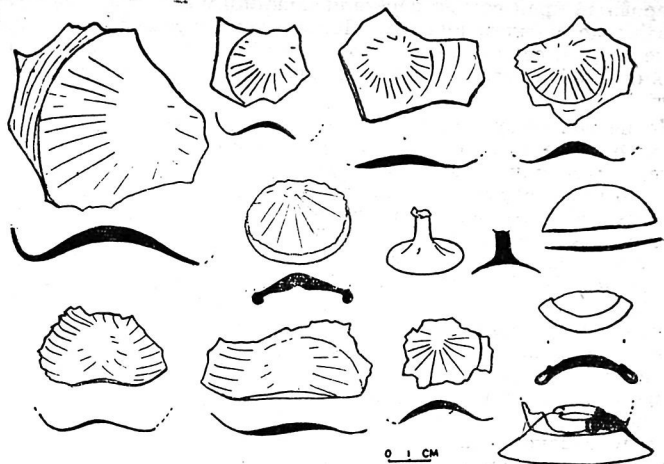

Рис. 6. Донца различных сосудов.

мета количество стекла. Далее этот стеклянный ком он раскатывал на деревянной плите и одновременно вдвухвал в него воздух для образования полостей. Чтобы не исказить форму заготовки (мягкая стекловидная масса обычно стекает), он переносил ее на специальное кресло-верстак с длинным локотником и, быстро вращая, добивался нужной формы. Круговым размахиванием трубки мастер мог удлинить заготовку. Если стенки были тонкие, а дно толстое, он держал трубку вертикально, заготовкой кверху, и стекло, стекая, уравнивало стенки сосуда. Когда получалось наоборот, он поворачивал трубку заготовкой вниз.

Сосуды, изготовленные таким способом, всегда отличались один от другого размером и выгибом тулова, отгибом венчика и т. п. Это подтверждает и наша коллекция.

Чтобы снять сосуд с трубки, к его дну прикрепляли небольшой комочек размягченного стекла на конце железного прута (понтня), затем прикладывалась мокрая железная полоска к соответствующему месту еще горячего изделия, где образовывалась опоясывающая

трещина, и после легкого постукивания изделие отделялось от трубки. Неровный край сосуда обрезали ножницами, а сам обрез чуть подогревали до мягкого оплыва. После всех операций приступали к отделке сосуда, если было нужно: оттягивали специальными щипцами венчик, зачищали края, приваривали ручки, накладывали орнамент.

Но не только это мастерски делали средневековые стеклодувы Тараза. Они умели изготавливать посуду с богатым и привлекательным орнаментом. В отличие от первой группы сосудов эти предметы имеют несколько иные формы, а также толстые стенки. Наиболее интересны бокалы-кружки, найденные в яме 15 раскопа 6. Одна из них почти вся склеилась (рис. 2). Они баночной формы, из белого матового стекла, со слегка расширяющимся в центре туловом, в верхней его части расположена петлеобразная ручка со слабо выраженной пятой, венчик в виде валика, дно вогнутое. На верхнюю часть тулова тонкими голубыми нитями нанесены три параллельных пояска, внутри венчика находится такой же поясок. Обе кружки вылиты в форме и имеют оригинальный орнамент, идущий сверху вниз. Вся плоскость разделена тремя вертикальными поясками на четыре сегмента, в двух из них выполнен елочный рисунок, в двух других — спиралевидный. Внутри противоположных загнутых концов спирали расположены пятилепестковые розетки, а на дне кружки — пятилепестковая звезда из полуovalов.

К этой же группе сосудов по технике изготовления относятся: полусферической формы чаша из желтого стекла с горизонтальными довольно широкими гофрами и выпуклым рисунком в виде рядов спиралей; полусферической формы чаша из светло-зеленого стекла с венчиком в виде валика и выпуклым рисунком из вытянутых, вписанных овалов; часть открытой чаши с вогнутым дном и плавно отходящими от него стенками тулова, слегка расширяющимися к краям, на дне имелся рельефный орнамент из восьмилепестковых розеток, оконтуренных овалами; донца от массивных чаш из розового и желтого стекла с подобной розеткой в центре (рис. 7); нижняя часть маленького цилиндрического сосудика с орнаментом в виде вписанных ромбов, расположенных горизонтальными рядами.

Перечисленная посуда сделана путем последовательного выдувания в двух различных формах. Первая форма имела на стенках резьбу, соответствующую орнаменту. Во второй (большего размера) завершалась обработка поверхности чаш. Орнамент, получившийся таким образом, отличался мягким рельефом рисунка. Рисунок наносился на внешнюю сторону изделия, внутри же оно имело гладкую поверхность. Иногда после изготовления сосуда орнамент обрабаты-

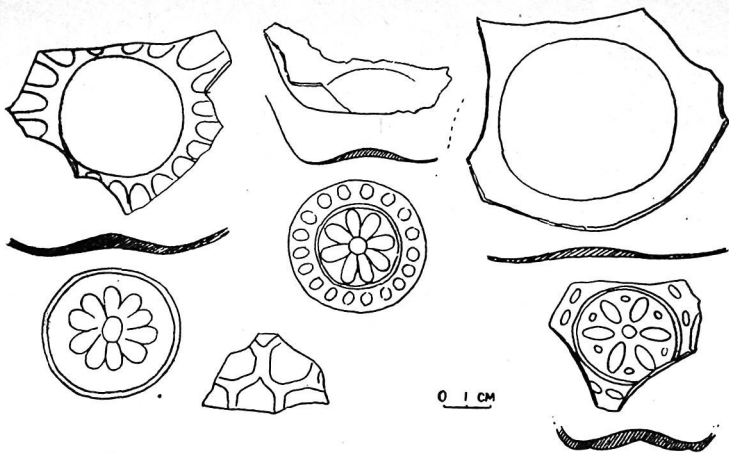

Рис. 7. Донца чаш с рельефным орнаментом.

вался дополнительно. В нашей коллекции оказался только один такой обломок от дна, украшенного орнаментом в виде соединенных между собой полуovalов.

Кроме описанных, в коллекции имеются диски с краями из белого матового стекла, зеленого и розового (рис. 8). Их использовали для остекления, вставляли также в гипсовые или алебастровые решетки. Анализ техники изготовления дисков дан в статье Е. А. Давидович¹⁴. Технология заключалась в следующем: сначала выдували пузырь, затем откалывали стекловидную трубку, а отверстие ее расширяли и заравнивали, в результате получалась отогнутая закраина. Поддерживая пузырь путем подогрева в размягченном состоянии, его равномерно вращали. Под действием центробежных сил он расплавался и превращался в диск. Для придания окончательной формы его переворачивали и снова вращали.

Материалы, приведенные в другой статье того же автора¹⁵, позволяют заключить, что застекление оконных проемов в общественных

¹⁴ Е. А. Давидович. Стекло из Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. 1. Ашхабад, 1949, стр. 373—399.

¹⁵ Е. А. Давидович. Средневековое оконное стекло из Таджикистана. Доклады АН ТаджССР, т. 7, Душанбе, 1953, стр. 29—30.

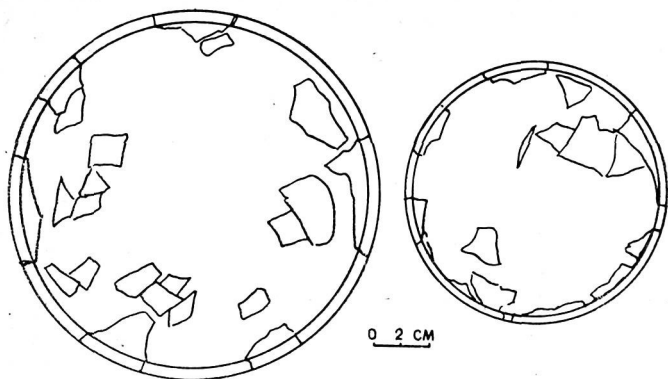

Рис. 8. Оконные диски.

и жилых зданиях было широко распространено в Средней Азии еще в домонгольское время, и Тараз, судя по нашей коллекции, не был в данном случае исключением. Если по нашим находкам можно предполагать, что это остатки застекления жилых комплексов, то диски, обнаруженные экспедицией 1938 г. в раскопе 2 (баня), по всей вероятности, использовались для застекления общественных зданий, в данном случае бани.

Нашу коллекцию можно разделить по формам сосудов на такие основные группы: графины (30, из них 2 с ручками), флаконы (2), рюмки (9), миски трапециевидные (20), тарелки (31), массивные миски (10), бокалы (2), пробирка (1), донца вогнутые (32), донца с орнаментом (4), прочие формы (14).

Преобладали две формы: миски и близкие к ним тарелки, пиалы (61) и графины (30).

подавляющая часть посуды сделана методом свободного выдувания, а малая (12) вылита в форме. Каждая вещь, вылитая в форме, имеет свой орнамент, который находит ближайшие аналогии в керамике. Таразская неполированная керамика часто украшена различного рода спиральями. Они встречаются на крышках (в резьбе и гравировке), на котлах и кувшинах, на поливных блюдах. Для ее орнаментики характерны розетки, отмеченные на достарханах, крышках, хумах. Вписанные ромбы известны по памятникам архитектуры, но

в орнаментации тараской керамики они встречаются редко, чаще в керамике соседнего Отрарского оазиса.

Весьма интересны и другие особенности орнамента стеклянных изделий. Если первый (спиральный) орнамент, появившись сравнительно давно, продолжает бытовать в посуде XI—XIII вв. и даже значительно позднее, то второй (розетки) в позднекараханидской керамике почти не наблюдается и более характерен для IX—XI вв. Стеклянные изделия как бы объединили в себе эти две эпохи. Возможно, разгадка кроется в том, что при изготовлении форм для отливки такого типа сосудов использовались приемы керамического ремесла предшествующего периода, хорошо разработанные гончарами Таласской долины. Украшенную резьбой и гравировкой посуду, которая была продуктом индивидуального мастерства, сменила полива, где наносимый кистью рисунок требовал совершенно других технических навыков.

Многие формы нашей стеклянной посуды обнаруживают аналогии в материалах из городищ Средней Азии IX—XIV вв., а именно: замок Калаи-боло¹⁶, Афрасиаб¹⁷, Кулдор-тобе¹⁸, Хульбук¹⁹, замок Шахсенем²⁰, Узген²¹ и др.

Исключение составляет рюмка из ямы квадрата Г 1, встречающаяся больше аналогий в материалах с Северного Кавказа²².

Поскольку описываемая коллекция стеклянных изделий — первая компактная находка на городищах Казахстана, а по Средней Азии еще не разработана их четкая хронология, несмотря на значительное количество материалов, то для датировки мы используем сопутствующие стеклу археологические предметы, обнаруженные в выгребных ямах, в первую очередь керамику. Из нее следует выделить котлы с серповидными, треугольными и в виде прямоугольного

¹⁶ Е. А. Давидович. Раскопки замка Калаи-боло. МИА, № 66, 1958, стр. 91, рис. 1, 1; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района. Труды АН ТаджССР, т. 35, Душанбе, 1955, рис. 48, 2.

¹⁷ В. В. Вяткин. Городище Афрасиаб. Ташкент, 1927, рис. 72.

¹⁸ Б. Я. Ставиский. Раскопки городища Кулдор-тепе в 1956—1957 гг. «Советская археология», 1960, 4, стр. 117, рис. 72.

¹⁹ Э. Гулямова. Стекло с городища Хульбук. «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», 1961, вып. 1 (24), стр. 19, рис. 4; стр. 14, рис. 2.

²⁰ С. А. Трудновская. Стекло с городища Шахсенем. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. 2. М., 1958, стр. 423 и сл.

²¹ Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. 4, М.—Л., 1960, стр. 239, рис. 58.

²² В. А. Кузнецов. О позднеаланской культуре Северного Кавказа. «Советская археология», 1959, 2, рис. 3, 3; Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. КС ИИМК, вып. 78, 1960, стр. 116, рис. 43.

уступа ручками; плоские с сильно загнутыми кверху краями крышки с цилиндрическими ручками; крышки с резным орнаментом, тагара, горшки, миски, кумгановидные сосуды, копилки, сфероконусы и другие формы неполивной посуды.

Стеклянную посуду в основном сопровождают пиалы и кесы, а также блюда. Многие из них белой, светло-зеленой и желтой поливы. Самые распространенные орнаменты — вихревые розетки в центре дна, плетение типа гириха, эпиграфические надписи, читаемые, как «благоденствие», «благополучие», «обеспеченность»²³, а также стилизованные надписи. К этой же группе находок следует отнести чираги с зеленой, коричневой и белой поливой.

Ближайшие аналогии керамический комплекс встречает в третьем слое Тараза²⁴, в городищах Ташкентского оазиса²⁵, верховьев Таласа²⁶, а также в других среднеазиатских городищах, где вскрыты слои с материалами XI — начала XIII в.²⁷

Таким образом, в Таразе в XI — начале XIII в. и эта отрасль ремесла получила широкое развитие. О местном производстве изделий говорят находки шлаков, а также комочки стекла от понтий. Стеклодувы Тараза изготовляли не только простую посуду, но и мастерски ее обрабатывали. Они умели накладывать на ее поверхность изящные рисунки из тонких стеклянных нитей, делать вставки из цветного стекла. В этих же комплексах были найдены бусы из зеленого, белого, синего стекла, а также бисер из матового зеленого, красного, синего, желтого и белого стекла. Такое ожерелье из мелких бус и бисера хранилось в маленькой круглой металлической коробочке и случайно было обрешено в мусорную яму (раскоп 6, яма 15).

Косвенным доказательством местного производства стеклянных изделий может быть и общедоступность сырья. Им является кварцевый песок в смеси с мелом или известью. Мел и известь при необхо-

²³ О. Г. Большаков. Арабские надписи на поливной керамике Средней Азии IX—XII вв. «Эпиграфика Востока», 15, 1963, рис. 9, II; 12, 1958, табл. III.

²⁴ См.: «Труды Семиреченской археологической экспедиции», стр. 166—171.

²⁵ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента (раскопки 1940 г.). Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана, т. 1, Ташкент, 1948, стр. 106—111.

²⁶ М. А. Бубнова. Средневековые мастерские рабада (по материалам Орловского городища). «Известия АН КиргССР, серия общественных наук», 1959, № 1, стр. 58 и сл.

²⁷ В. Я. Ставский. Археологические работы в бассейне Маргиан-Дарьи в 1957 г. Труды ИИАЭ АН ТаджССР, т. LСIII; «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. 5. Душанбе, 1959, стр. 70—71; Ю. А. Заднепровский и Я. Археологические работы в Южной Киргизии, стр. 225, 236; Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский. Археологический очерк Исфаринского района, стр. 98.

димости заменяли древесной золой, содержащей нужное количество натриевых и калиевых солей.

Процесс изготовления стекломассы может быть восстановлен в следующем виде. В небольшой низкой печи без дымовых труб (дым выходил через рабочие окна) в специально изготовленных для этой цели тиглях — горшках из огнеупорной глины варили стекло.

Чтобы получить хорошую стеклянную массу, песок и мел просушивали, затем дробили и просеивали для удаления крупных частиц. Для каждого вида изделия нужно зерно одного размера, так как неоднородность приводит к образованию пороков. Для получения более или менее прозрачного стекла температура в печах должна быть не менее 1200—1500°.

Большинство наших сосудов имеет следы так называемых пороков стекломассы: мошка, свили, которые возникли в процессе дегазирования стекломассы.

Малое количество форм стеклопосуды, простота приемов орнаментации большинства изделий, скопление их в одной выгребной яме указывают, вероятно, на то, что посуда изготавливалась для широкого рынка и вошла в обиход населения города.

Эти находки восполняют существенный пробел в изучении стекольного производства древнего Казахстана и ставят Тараз в один ряд со средневековыми городищами Средней Азии.

К. М. БАЙПАКОВ, Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ЖАКСЫЛЫК

Городище Жаксылык — один из объектов исследований Семиреченской археологической экспедиции в 1967—1968 гг. находится в 6 км к юго-востоку от главной усадьбы совхоза «Октябрь» (Алма-Атинская область, Илийский район)¹. Оно расположено на левом берегу небольшой речки Котен-Сай, в урочище Жаксылык, от имени которого и получило свое название (рис. 1).

Рис. 1. Поселение Жаксылык. Вал, вид с запада.

¹ Некоторые результаты работ 1967 г. освещены в печати. См.: К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Раскопки на городище Жаксылык (Илийская долина). Сб.: «Археологические открытия 1967 года». М., 1968, стр. 324—325.

Городище представляет собой четырехугольный в плане участок, окруженный оплывшим валом высотой около 2 м и шириной в основании 6—7 м. На углах заметны округлые в плане башни в виде выступающих всхолмлений. По две башни имелось и на середине каждой из сторон. Въезд, видимо, был в середине юго-восточной стороны. Городище ориентировано углами по странам света. Стороны равны: СЗ — 98, ЮЗ — 105, ЮВ — 103, СВ — 107 м. Внутри городища поверхность к центру понижается, снаружи вала прослеживается ров глубиной до 0,5 м, шириной по верху 3—4 м, образовавшийся, вероятно, вследствие выемки земли для сооружения стен.

К городищу примыкает территория, ограниченная прямоугольником стен, также ориентированным углами по странам света. Размер его 470 × 450 м. Вся поверхность и три стены, кроме надречной — северо-восточной, которая представляет собой оплывший вал высотой до 1 м с всхолмлениями (остатки башен), распахана. На каждой стороне вала насчитывается до 18 башен. Въезд устроен в северо-западной стене у северного угла со стороны реки (рис. 2).

Основной раскоп был заложен в северном углу поселения, рядом с валом. При выборе для него участка исходили из лучшей сохранности последнего и отсутствия на нем следов современных работ, обычно нарушающих культурные наслоения.

Раскоп площадью около 540 кв. м был ориентирован, как северо-западная стена, и разбит на квадраты 2 × 2 м. Первоначально он соответствовал ширине одного квадрата — 2 м и длине четырех квадратов — 8 м (например, А — 1, 2, 3, 4), в дальнейшем его расширяли последовательными отрезками площадью 2 × 8 м. Работы велись послойно, соответствующие слои контролировались в разрезах каждой последующей полосы. Была также проложена траншея через ров, вал и юго-западный обрез раскопа внутрь городища. Раскоп по всей площади доведен до материка — плотной желтой глины.

Общая толщина культурного слоя у крепостного вала 1,85—2 м, по мере продвижения к центру городища культурный слой умень-

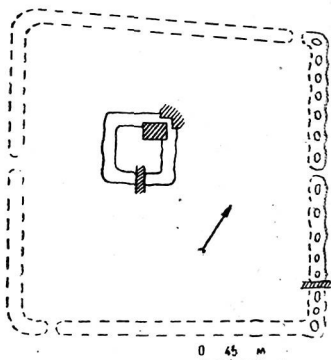

Рис. 2. План поселения Жаксылык (заштрихованы раскопанные участки).

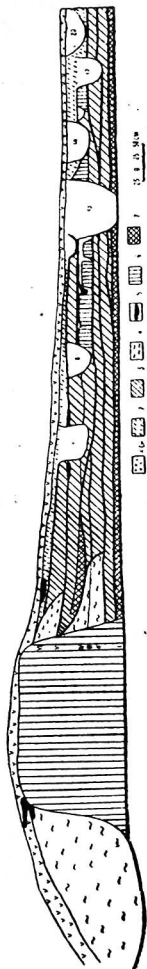

Рис. 3. Стратиграфический разрез (северо-запад — юго-восток): 1 — дерновый слой; 2 — строительный мусор; 3 — намытая глина; 4 — оплыв стены; 5 — очаги; 6 — стены; 7 — гумус с вкраплениями золы; угольков.

шался и затем прослеживался слабо. Изучение стратиграфии показало, что памятник многослойный. Каждый слой соответствовал определенному периоду обживания, причем, судя по мощности слоев, периоды жизни по длительности были различные. Прослойки между культурными наслоениями состоят из слоя стерильной намытой глины толщиной 5—15 см. Они образовались в период запустения поселения в результате разрушения вала и стен помещений (рис. 3).

Теперь довольно уверенно на основе стратиграфии культурных слоев у крепостной стены можно говорить о шести периодах жизни поселения. Каждому из них соответствуют определенные строительные горизонты. На уровне верхних горизонтов слабо прослеживаются оплывшие остатки глинобитных и камышитовых стен, а также обломки камышитовых перекрытий с глиняной обмазкой. Лучше заметны очаги, тандыры и хозяйственные ямы, которые, как правило, удавалось расчистить с уровня древней поверхности.

Достаточно четко видна первоначальная планировка (рис. 4).

Раскопанная часть поселения представляет собой жилой массив из нескольких обособленных комплексов. В каждом из них одно или несколько помещений соединено проходами. Из комплексов имеется выход во двор, он расположен в центре поселения.

Дадим характеристику выявленным помещениям.

Комплекс I. Находится в северном углу раскопа у крепостного вала и состоит из помещений VI, VIII—XII.

Помещение VI прямоугольное в плане, размер его 2,8×4,2 м. В нем расчищено два глинобитных очага с топочным устьем на северо-восток. Один из очагов прямоугольный в плане, размером 0,5×0,35 м, другой — подковообразный, размером 0,5×0,4 м. Между очагом и стеной имеется маленький заком

А Б В Г Д Е Ж И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч

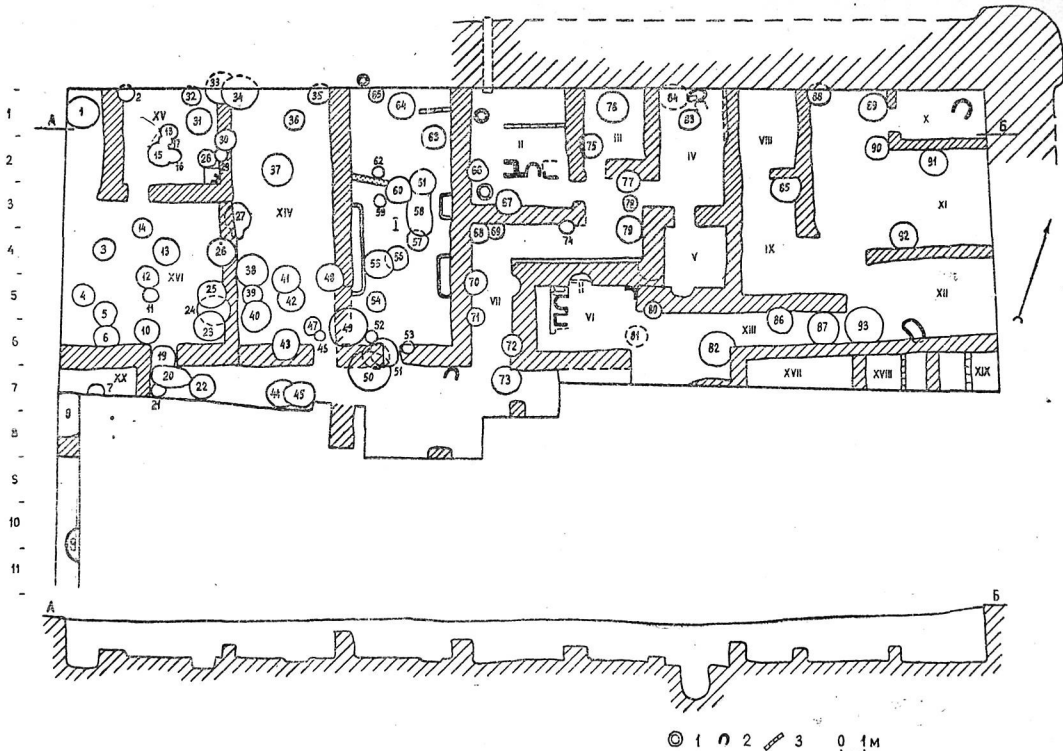

Рис. 4. План первоначальных построек поселения Жаксылык. 1 — тандыр, 2 — очаг, 3 — перегородка из сырцового кирпича.

размером $0,4 \times 0,2$ м и глубиной $0,3$ м (рис. 5). Очаги в северном углу и у северо-западной стены относятся ко второму периоду. В помещении на уровне их обнаружен слой золы и углей толщиной до $0,3$ м. Несомненно, в комплексе жилых помещений это была кухня.

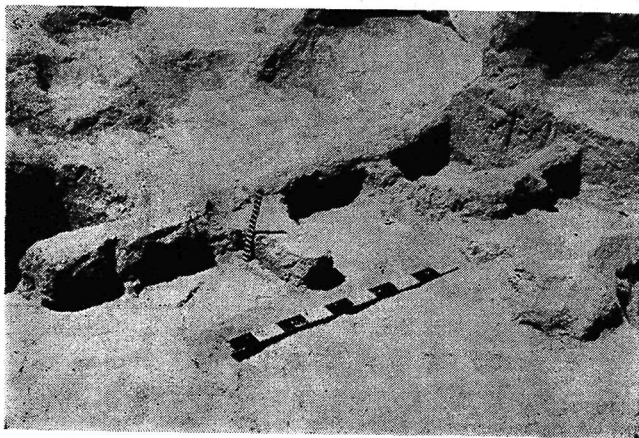

Рис. 5. Очаги в помещении VI.

Помещения VIII и IX смежные, размером $2,5 \times 3,5$ м и $2,5 \times 4,5$ м. Они отделены друг от друга стеной толщиной $0,4$ м и соединены проходом шириной $1,2$ м.

Помещение X ($2,1 \times 3,9$ м) находится в северном углу комплекса. Внутри него ближе к северному углу расположен подковообразный глинобитный очаг размером $0,4 \times 0,6$ м, глубиной $0,2$ м (рис. 6).

Помещение XII ($3,2 \times 5$ м) соединено с коридором. У юго-восточной стены на уровне первоначального пола выявлена очажная яма овальной в плане формы, размером $1,4 \times 0,5$ м, глубиной $0,3$ м.

Между помещениями внутри комплекса был устроен, вероятно, небольшой дворик (на плане II). Поверхность его глинистая с натоптаным слоем коричневого цвета, толщиной $2-3$ см. В площадь двора врезаны четыре ямы (89—92) диаметром $1-1,35$ м, глубиной до $0,6$ м.

В описанный комплекс можно попасть только со двора через коридор (на плане XIII). Ширина его $1,3$ м, длина 5 м.

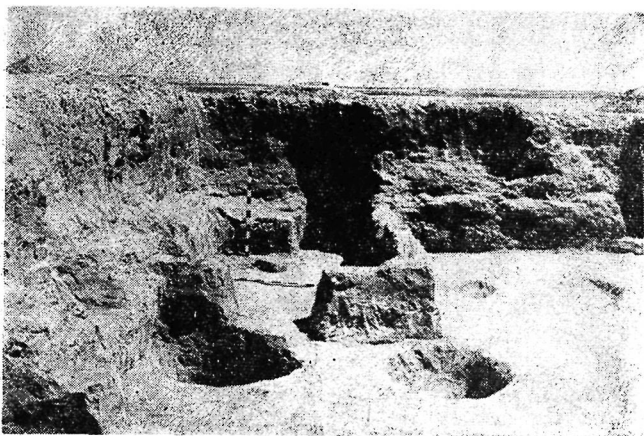

Рис. 6. Помещение X (вид с северо-запада).

Помещения II, III, IV, V составляют второй комплекс, вход в который (VII) шел из внутреннего двора. Вход шириной 1,7—1,8 м имел коленчатую в плане форму. Длина его до поворота 5 м, длина колена 7,5 м.

Помещение II прямоугольное в плане. Размер его 4,15×5 м. Имеет в юго-восточном углу вход шириной 0,8 м, идущий из небольшого прямоугольного вестибюля размером 3×1 м, соединяющего все помещения данной группы. Тонкая глинобитная перегородка делит помещение на две части.

В его юго-западном углу стоял тандыр диаметром 0,8 м; сохранившаяся высота его стенок 0,3—0,4 м и толщина 2—2,5 см. Изнутри он покрыт прочерченными волнистыми линиями, чтобы не образовались трещины при нагреве. Тандыр был заполнен белого цвета золой с крупными кусочками угля (рис. 7).

В помещении хорошо сохранились конструкции, относящиеся ко второму периоду жизни поселения. Здесь размещалось какое-то хозяйственное производство. На это указывает система из четырех глинобитных очагов, подковообразных и прямоугольных в плане размером 0,4×0,4 м; 0,3×0,4 м; 0,4×0,5 м; 0,5×0,5 (?) м. Их топочные устья направлены в противоположные стороны, образуя в плане S-видную форму. Стенки очагов толщиной до 5 см (рис. 8).

Рис. 7. Тандыр в помещении II.

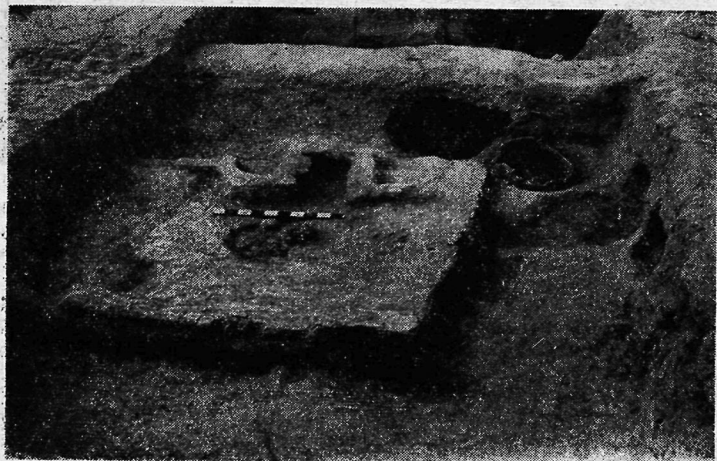

Рис. 8. Помещение II (вид с северо-запада).

На уровне второго слоя глинобитная перегородка в помещении была наращена стенкой из сырцового кирпича прямоугольной формы, желтого цвета. Размер его $28 \times 15 \times 5$ см. Сохранился один ряд кирпичей, поставленных на ребро.

Из помещения через стену в ров выведена гончарная труба диаметром 25 см. Для нее было сделано специальное клиновидное отверстие, которое затем замазали влажной глиной, давшей при засыхании усадку. По цвету этой глины и трещинам проем хорошо виден. Труба уложена с наклоном наружу на 15 см (рис. 9).

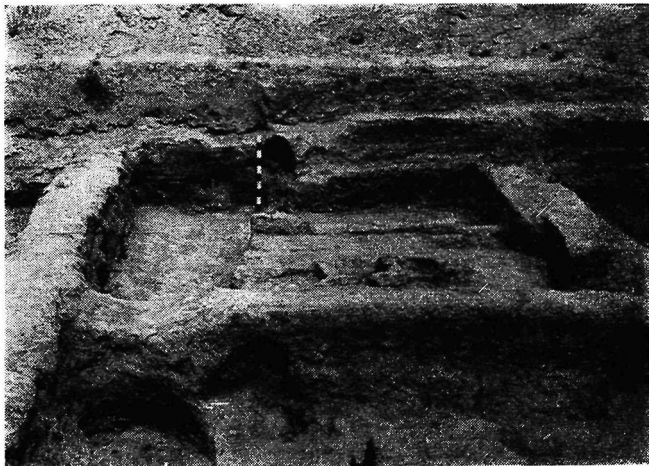

Рис. 9. Помещение II (вид с юго-востока).

Для чего она предназначалась, не совсем ясно. Никаких особых находок (шлаки и т. д.), указывающих на производственный характер помещения, здесь не найдено. Скорее всего это кухня, подобная кухне помещения VI первого комплекса. Труба могла служить в качестве отдушины или отвода талых и дождевых вод.

Помещение III в плане почти квадратное, размером $2,5 \times 2,6$ м, имеет вход шириной 0,7 м, идущий из вестибюля. У середины северо-западной стены обнаружена яма (79), относящаяся к начальному периоду обживания поселения. Диаметр ее 1,4 м, глубина 0,8 м. На дне

сохранилась зола вперемешку с коричневой рыхлой массой органических остатков, содержащих обломки керамики и кости.

Помещение IV размером $3 \times 5,2$ м. У северо-западной стены его находится очаг подковообразной формы. Его размер $0,6 \times 0,4$ м, глубина $0,3$ м. Он заполнен красновато-белой золой, имеет топочное устье с южной стороны. Очаг относится ко второму периоду жизни поселения. В этом помещении сохранилась яма (83) — бадраб диаметром 1 м, глубиной $1,6$ м. Она содержит органические остатки зеленоватого цвета, в которых встречаются мелкие обломки керамики, кости. Яма относится к начальному периоду.

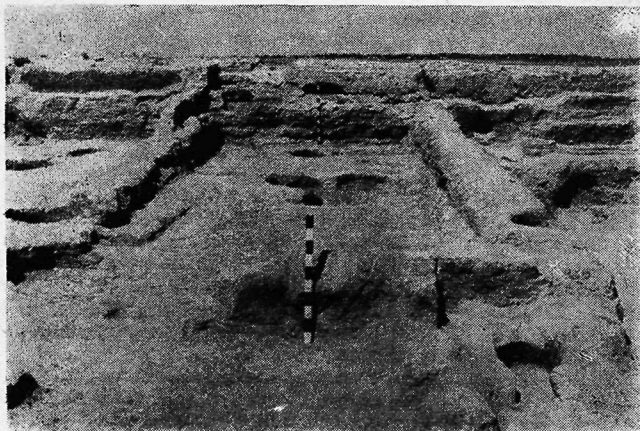

Рис. 10. Помещение I (вид со двора).

Помещение V соединяется с помещением IV проходом шириной 1 м. Оно в плане квадратное, размером $2,7 \times 2,7$ м. Юго-восточная стена почти в середине разрушена ямой одного из позднейших периодов жизни поселения.

Видимо, самостоятельные комплексы представляют собой помещения I и XIV, самые большие и с отдельным выходом во внутренний двор.

Помещение I вытянуто с северо-запада на юго-восток, его размер $11,1 \times 4,3$ м (рис. 10). Оно отапливалось двумя очагами, пристроенными к северо-восточной стене. Это прямоугольные пристройки размером $1,75 \times 0,5$ м и $0,9 \times 0,5$ м, сложенные из одного ряда сырцо-

вых кирпичей (размер $35 \times 15 \times 8$ см), поставленных на ребро. Очаги заполнены золой, углями, кальцинированными костями. Напротив очагов, у юго-западной стены, расчищен заком прямоугольной формы размером $3,5 \times 0,5$ м. Его глинобитная стенка сохранилась до высоты 0,2 м при ширине 0,25 м.

Приблизительно посередине помещения имеется канавка (ширина 0,2 м, глубина 0,2 м), нарушенная поздними ямами. Не исключено, что ее вырыли для закрепления основания легкой камышовой или турлужной перегородки, делившей помещение на две части.

В северном углу помещения находится узкая кирпичная перегородка, нарушенная ямой (64) более позднего периода.

У северо-западной стены помещения I на уровне четвертого периода жизни поселения обнаружен тандыр (диаметр 0,5 м). Вероятно, к этому времени первоначальные очертания вала уже были утрачены и поэтому тандыр с внутренней стороны частично врезается в крепостную стену.

У юго-восточной фасадной стены помещения I сохранился подковообразный очаг, относящийся к сооружениям начального периода (размер очага $0,5 \times 0,4$ м).

Помещение XIV, расположенное с юго-западной стороны помещения I, прямоугольное в плане, размер его $4,3 \times 11,3$ м, т. е. почти такой же, как помещения I (рис. 11). Вход в него (ширина 0,8 м) шел из внутреннего двора. Почти в центре помещалась хозяйственная яма (37) начального периода. На стенках прослеживаются остатки проса. Диаметр ямы 1,4 м, глубина 0,9 м. От последующих периодов жизни поселения сохранилось много ям, некоторые из них врезались в материковый слой и кое-где разрушили стены.

Помещение XIV примыкает с северо-восточной стороны к другому комплексу помещений, раскопанных частично. Полностью вскрыто лишь помещение XV, квадратное в плане, размером $4,1 \times 4,1$ м. Вход в него (ширина 0,9 м) находится в юго-восточной стене. К первоначальному строительному периоду относится хозяйственная яма (31) в северном углу, диаметр ее 1,1 м, глубина 0,6 м. От построек третьего периода сохранился подковообразный глинобитный очаг в восточном углу (диаметр 0,3 м, глубина 0,2 м) и несколько ям, часть из них более позднего времени.

В помещении XVI вскрыта лишь площадь $6,3 \times 7$ м. Возможно, это небольшой внутренний дворик, аналогичный дворiku в первом комплексе (XI). Юго-западная часть помещения не расчищена.

У фасадной стены, связывающей все строительные комплексы, первоначально, вероятно, было построено еще несколько помещений, которые прослеживаются очень плохо (высота стен 10—15 см). Это помещение XX, частично раскопанное, и остатки других помещений.

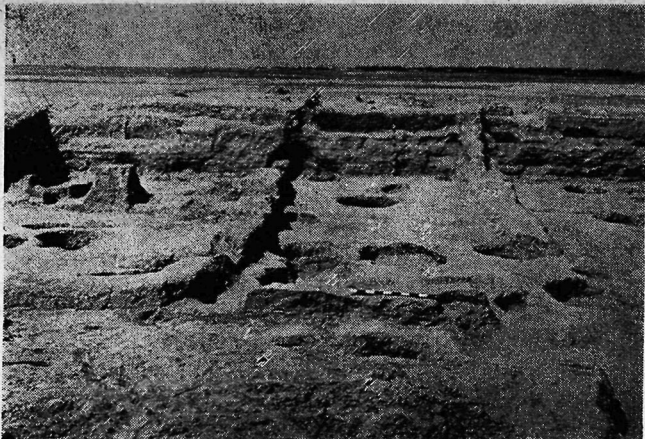

Рис. 11. Помещение XIV (со стороны двора).

На территории двора имеется несколько разновременных мусорных ям, заполненных золой, органическими остатками, битой глиняной посудой и костями.

В северо-восточной части поселения частично вскрыты жилые постройки, примыкающие изнутри к крепостной стене. Возможно, они располагались полосой шириной 12—14 м и подобны постройкам у северо-западной стены. На плане это помещения XVII, XVIII, XIX. Они разделены перегородками, которые в 2 раза тоньше основных стен и равны 0,3—0,5 м. Перегородки в помещениях XVIII и XIX сложены из сырцового кирпича во второй строительный период.

Что касается строительных материалов, используемых при возведении помещений, то в основном это был лёсс. Из него возводились глинобитные стены. Их ставили на материк без фундамента. У основания они шире, иногда до 1,5 м, их обычная толщина 0,7—0,1 м. Внутренние перегородки помещений достигают 0,3—0,5 м. Сохранившаяся высота стен 0,8—1,2 м. Отчетливо видно, что стены вверх наращивали слоями толщиной 0,2—0,25 м, а в длину отрезками 3—4 м.

Перекрытия помещений плоские, вероятно, двускатные. Они опирались на деревянные жерди и тонкие столбы, которые вкапывались в материк на 0,15—0,2 м. Перекрытия больших, прямоугольных в плане помещений I и XIV покоились на трех рядах столбов: по краям

у стен и посередине. Всего, судя по ямкам, кровлю поддерживали 15—20 столбов. В остальных помещениях столбы располагались по периметру возле стен. Перекрытия были из камыша, обмазанного толстым слоем глины. Куски его найдены в завалах на полах помещений, сделанных в разное время.

Внутри поселения, как удалось выяснить с помощью траншеи длиной 9,5 м и шириной 1 м, имелся двор-площадь. В разрезе прослеживался слой толщиной 3—5 см с прослойками коричневого гумуса, угля и золистыми пятнами. По всей вероятности, во дворе было несколько помойных ям, заполненных золой, углем и органическими остатками.

Траншея, прорезавшая крепостной вал, помогла определить его конструкцию и основные строительные параметры. Стена глинобитная, ширина ее в основании 3 м, сохранившаяся высота 2 м. Судя по всему, она оплывала в основном в ров.

Зачистка участка стены и восточной угловой башни позволила установить, что башня округлая в плане и выступает за линию стены на 0,5 м. Как и стена, она глинобитная в основании, а с высоты 2 м сложена из кусков пахсы размером 0,70×0,50×0,40 м (рис. 4).

Выяснена и конструкция внешнего вала, разрезанного траншеей. Это также глинобитная стена шириной в основании 0,5 м и с сохранившейся высотой 1,7 м.

На территории городища между внешним и внутренним валом заложено 4 шурфа, каждый размером 2×2 м. В шурфе (на небольшом возвышении) в 20 м к юго-востоку от восточного угла поселения обнаружен культурный слой толщиной 0,2—0,4 м. В нем расчищена хозяйственная яма диаметром 0,4 м и глубиной 0,6 м, заполненная коричнево-серой массой, содержащей золу, кусочки угля, кости и обломки глиняных сосудов, однотипных найденным в раскопе на территории внутреннего укрепления. Здесь же подобрана круглая бусинка из сердолика диаметром 0,5 см.

В других шурфах культурный слой не обнаружен. Возможно, он разрушен при распашке плугом.

Что касается датировки городища и комплекса раскопанных помещений, то она достаточно точно определяется находками во дворе (XI) трех монет. Они сильно окислены, надписи прочитывать не удалось, однако по обрывкам легенды и начертанию букв их можно отнести к XI в.²

Наиболее массовым материалом, полученным в результате раскопок, является керамика, на характеристике которой следует остановиться. Несмотря на многослойность поселения, каких-либо разли-

² Определение нумизмата Р. В. Бурнашевой.

чий в материалах не обнаружено, поэтому вся керамика рассматривается как единый комплекс (рис. 12, 13). По технике изготовления она в основном станковая. По способу отделки ее следует разделить на поливную и неполивную, а по назначению — на столовую, кухонную, для хранения и переноски жидкостей и прочие глиняные изделия, применяемые в хозяйстве. Сюда входят светильники, ступки и т. д.

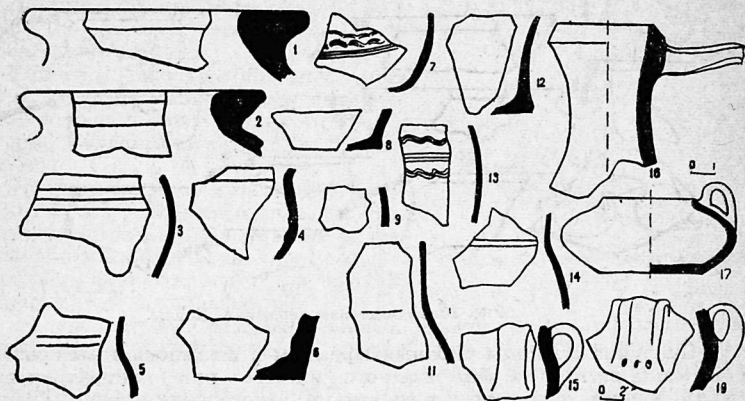

Рис. 12. Неполивная керамика.

Сосуды изготовлены из хорошо промешанной глины с добавлением мелкого речного песка, в изломе имеют красный обжиг.

Хумы представлены лишь несколькими фрагментами. Этот вид посуды, используемой главным образом как тара для хранения зерна, на Жаксылыке не был распространен, так как для этой цели устраивали зерновые ямы.

Для хумов характерен широкий, плоский сверху венчик, который лежит на плечиках тулова, потому что горло у хумов не выделено.

Котлы — самый массовый вид посуды. Форма их стандартная — сферическое, приплюснутое тулово и округлое, иногда сильно уплотненное дно. Венчик совершенно прямой или отогнут наружу. Ручки налпные, петлевидные.

Кувшины по своему назначению делятся на столовые и водосносные.

Столовые варьируют по размерам, но форма их стандартная. Обычно они с узким горлом, иногда с рифлением, сделанным на гончарном круге, округлым раздутым туловом на плоском дне. Коленчатая ручка идет от горла к тулову.

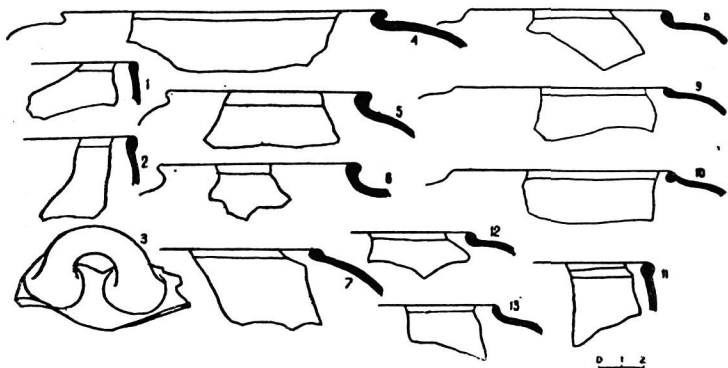

Рис. 13. Неполивная керамика. Котлы.

Снаружи кувшины украшены резным и штампованным орнаментом. Чаще всего он в виде плавного зигзага или концентрических линий, иногда то и другое в сочетании. Такого вида кувшины характерны для слоев XI—XII вв. городищ северо-восточного Семиречья³.

Водоносные кувшины имеют широкое горло, плавно переходящее в округлое тулово.

Интересен фрагмент горла кувшина из теста с примесью песка (рис. 14). Высота его 7 см. Верх с носом-сливом и оформлен в виде морд фантастического существа. Глаза и брови у него наклепные, на подбородке имеется наклепное изображение извивающейся змеи. Поверхность кувшина снаружи слегка залощена.

Кувшины такого вида, как правило, столового назначения, они встречались при раскопках городищ северо-восточного Семиречья — на Сумбе и Антоновском в слоях, датированных IX—X вв.⁴ Довольно близкие параллели прослеживаются в керамике Таласской долины

³ А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, рис. 5; К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения северо-восточного Семиречья. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, рис. 5, 11—13, 16—17.

⁴ К. М. Байпаков. Указ. работа, рис. 4, 7.

VIII—X вв.⁵ Аналогичные S-образные фигуры, видимо, символизирующие змею, хорошо известны по штампованному орнаменту на поливной керамике караханидского времени⁶. Возможно, что налlep на кувшине из Жаксылыка свидетельствует о культе змеи у древнего населения Семиречья.

Крышки представлены фрагментами. Судя по ним, это были диски диаметром 20—30 см с навершием в виде грибообразного конуса.

Найдено несколько обломков дниц ступок. По форме они стандартны — расходящиеся кверху стенки и массивное дно. Поддон плоский, дисковидный (рис. 15).

Находки другого типа посуды единичны. Это светильник в виде плоской чашечки с петлевидной ручкой и обломки горшкообразных двуручных сосудов, подобных обнаруженным при раскопках городища Антоновского⁷.

На уровне слоев верхних периодов жизни поселения выявлены единичные обломки поливной посуды — чаш и светильников. Полива

светлая, нанесена поверх белого ангоба с подглазурной росписью коричневыми и зелеными красками, а темно-зеленая, зеленая и желтая — на внутреннюю и внешнюю поверхности (рис. 16). Аналогичные поливные изделия из северо-восточного Семиречья относят к XI — началу XIII в.⁸ Таким образом, в целом поселение можно датировать X — началом XIII в.

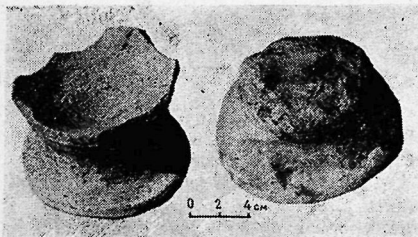

Рис. 15. Фрагменты ступок.

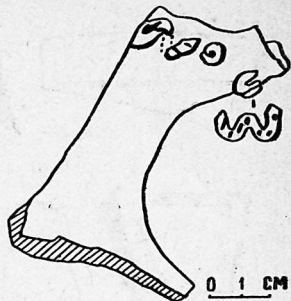

Рис. 14. Фрагмент слива кувшина с налlepами.

⁵ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941, стр. 32, табл. V.

⁶ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26; 1952, стр. 160.

⁷ К. М. Вайпаков. Указ. работа, рис. 5, 15—18.

⁸ А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области, рис. 5; К. М. Вайпаков. Указ. работа, рис. 5, 24.

От основной массы керамики ремесленного производства резко отличаются три фрагмента и обломки лепной керамики архаичного об-

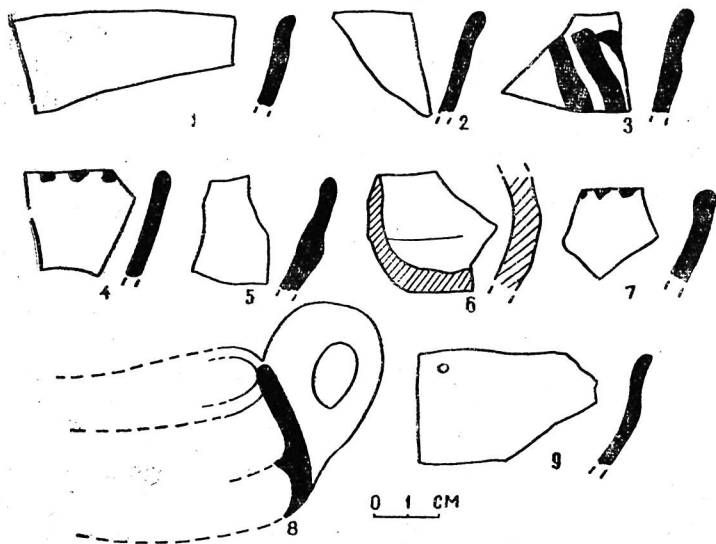

Рис. 16. Поливная керамика.

лика, найденные на уровне нижних слоев (рис. 17). Два фрагмента — это закраины банкообразных сосудов и один — боковина кружки. Видимо, они цилиндрической формы. Сосуды были украшены штампованным гребенчатым орнаментом, поясками маленьких кружочков, нанесенных на поверхность тонкой трубчатой косточкой, и линейным прочерченным орнаментом. На ручке и тулове имелись скобчатые вдавления.

В тесте обнаружены обильные примеси шамота и крупно толченого кварцевого песка. Обжиг слабый. Поверхность кружки и од-

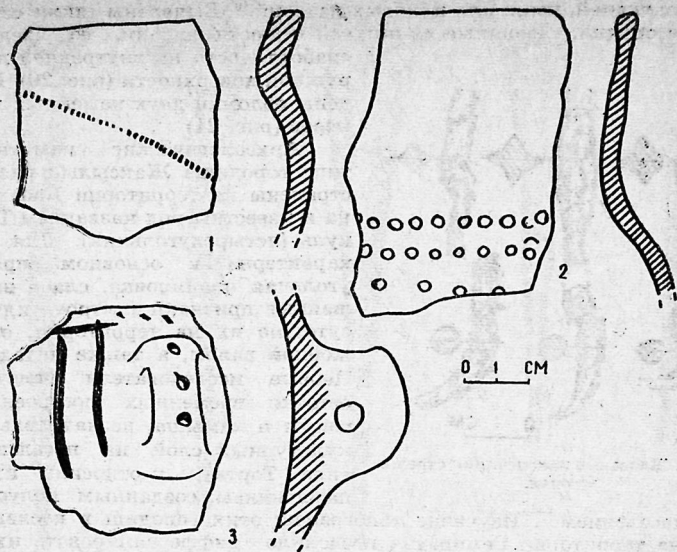

Рис. 17. Фрагменты лепных сосудов.

ного из банкообразных сосудов сильно закопчена. Происхождение этой группы керамики на поселении Жаксылык не ясно.

Из других находок следует отметить немногочисленные поделки из железа: черешковые однолезвийные ножи, пряжки, железные накладки (обломки), крючки для подвешивания котлов, четырехгранные ромбические черешковые наконечники стрел, широко известные в караханидский период (рис. 18)⁹.

Во всех слоях очень часто встречаются изделия из кости. Это прежде всего шилья различной величины, булавки (рис. 19), а также трубчатые кости лошади со следами шлифовки на одной или двух гранях. Возможно, это костяные гладильники, применяемые для об-

⁹ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 225—227, рис. 4, 5, 10.

работки тканей, кожи или меховых изделий¹⁰. Выявлены также серповидные орудия, сделанные из нижней челюсти лошади, со следами сработанности на внутренней и наружной поверхности (рис. 20). Найдены обломки двух каменных жерновов (рис. 21).

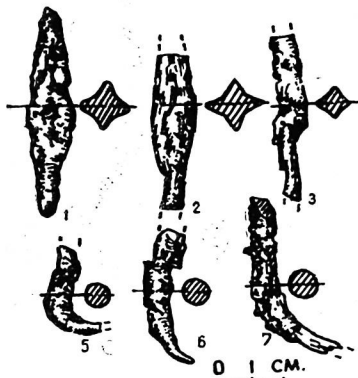

Рис. 18. Железные наконечники стрел и крючья.

Археологические памятники типа городища Жаксылык распространены на территории Казахстана и известны под названием Торткуль (четырёхугольник). Для них характерна в основном прямоугольная планировка, слабо выраженные признаки построек или отсутствие их на территории, окруженной валом, а также цитадели. Первые исследователи отмечали остатки временных построек из глины и камыша, незначительный культурный слой на поселениях типа Торткуль и относили их к памятникам, созданным полусед-

лым населением¹¹. Изучение топографии этих городищ в последние годы на территории Семиречья позволило дифференцировать их на четыре типа: поселение городского типа, сельское поселение, ставка или убежище, караван-сарай или рабат. За их основные признаки взята длина и высота стен, количество башен, форма и устройство въездов, мощность культурного слоя, месторасположение¹².

Анализ материалов, накопленных за два полевых сезона, показывает, что городище Жаксылык — сельское поселение полуседлого типа. В этом убеждает прежде всего стратиграфия памятника: чередование периодов жизни и запустения. О том же говорит и содержимое мусорных и выгребных ям. Большинство из них небольшой глубины и заполнено почти на четверть битой керамикой, обломками костей,

¹⁰ С. А. Семенов. О назначении «коньков» и костей с нарезками из Саркела — Белой Вежи. МИА, № 75, 1959, стр. 353—361.

¹¹ А. Х. Маргулан. Третий сезон археологических работ в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1951, вып. 3, стр. 51; его же. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950, стр. 55—62, 88—106.

¹² К. М. Байпаков. Указ. работа, стр. 68—84.

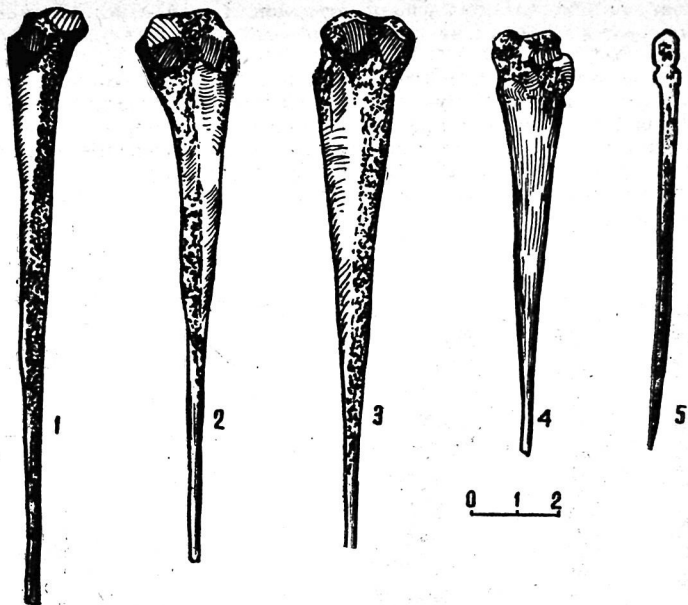

Рис. 19. Костяные шилья, булавки.

гумусом различного происхождения, остальное составляет надвунной лёсс, натеки. Следовательно, ямы использовались непродолжительное время. О полуседлом характере хозяйства насельников Жаксылыка свидетельствует также состав костей животных: лошади — 47,4%, коровы — 22,7%, овцы — 19%, козы — 7,3%, верблюда — 3,6%¹³. Судя по многочисленным остаткам в культурном слое разбитых (особенно трубчатых) костей животных, основной пищей было, видимо, мясо. Из костей изготовлялись и производственные инструменты: шилья, булавки, орудия для обработки кожи, меха, тканей. Земледелие было развито слабее. Культивировали главным образом просо, о

¹³ Определение К. Ж. Жилкибаева и Л. Т. Мусакуловой, сотрудников лаборатории палеобиологии Института зоологии АН КазССР.

чем говорят находки его на полу помещений и в ямах. Возможно, часть керамики делали на поселении, что подтверждают находки шлаков.

Полуседлый тип хозяйства поселения не имел сезонного характера. Судя по мощности культурных отложений, периоды жизни на поселении были довольно продолжительными. Регулярное запустение поселения связано, видимо, с какими-то длительными производственными циклами в хозяйстве, ибо никаких других причин для этого нет (следы пожаров, разрушений и т. п.).

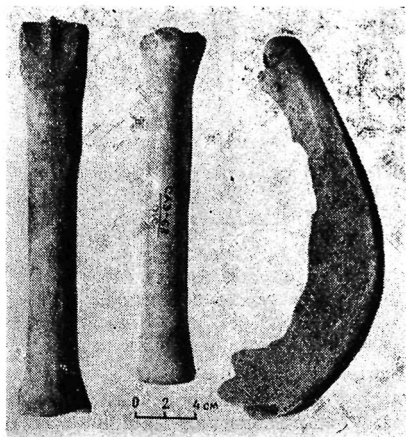

Рис. 20. Орудия из кости.

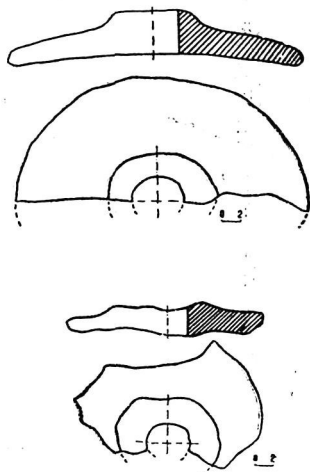

Рис. 21. Каменные жернова.

Расположение разновременных хозяйственных и выгребных ям, характер перепланировки поселения (верхний слой) говорят о том, что первоначальные общие контуры сохранились и в периоды жизни после очередного запустения. Новые ямы и тандыры, очаги, тонкие внутрикомнатные перегородки, наращенные стены, ремонты не искажали характера жилых комплексов. Нарушение стен помещений ямами поздних периодов возможно произошло вследствие смещения первоначальных

чальных контуров глинобитных стен. Судить о последних двух периодах жизни трудно из-за очень плохой сохранности помещений. Но совершенно ясно, что возобновление жизни на поселении каждый раз было связано с одной и той же этнокультурной общностью полуоседлых скотоводов. Возможно, что помещения покидали не все жители, какая-то их часть оставалась. Окончательные выводы можно сделать лишь после завершения работ на всей территории поселения.

М. К. КАДЫРБАЕВ, Р. З. БУРНАШЕВА

ПОГРЕБЕНИЕ КЫПЧАКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIV ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА ТАСМОЛА

Наши сведения о племенах, населявших казахстанскую часть Детш-и-Кыпчак, почти целиком основаны на одной группе исторических источников — средневековой географической литературе, страдающей крайней фрагментарностью и относящейся к разным историческим периодам, а также странам и областям¹.

Еще более неблагоприятно обстоит дело с другой категорией источников — археологическим материалом. Исключение составляют данные, касающиеся Западного Казахстана и Павлодарского Прииртышья, в изучении которых в последнее время достигнуты значительные успехи². В остальных районах древнейшей области расселения кыпчаков насчитываются пока единицы исследованных памятников.

Среди археологических материалов, поступивших в 1961 г. из Центрального Казахстана, особый интерес представляет погребение с находками двух серебряных монет из урочища Тасмола, находящегося в 50 км к северо-западу от г. Экибастуза, на правом берегу р. Шидерты. В этом урочище сосредоточено несколько разновременных могильников. Один из них, Тасмола IV, состоял из двух земляных курганов, отстоящих на 30 м друг от друга и вытянутых с северо-востока на юго-запад. Насыпи курганов опоясаны 3-метровыми рвами. Одна насыпь частично разрыта топографами, и на ее вершине сооружена триангуляционная вышка. Исследовать удалось лишь вторую насыпь.

Курган 2 имел диаметр 14 м и высоту 1,2 м (рис. 1). В центре, под насыпью открыта грунтовая могильная яма подпрямоугольной формы

¹ В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Соч., т. V, М., 1968, стр. 32, 49.

² И. В. Синицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956; Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968.

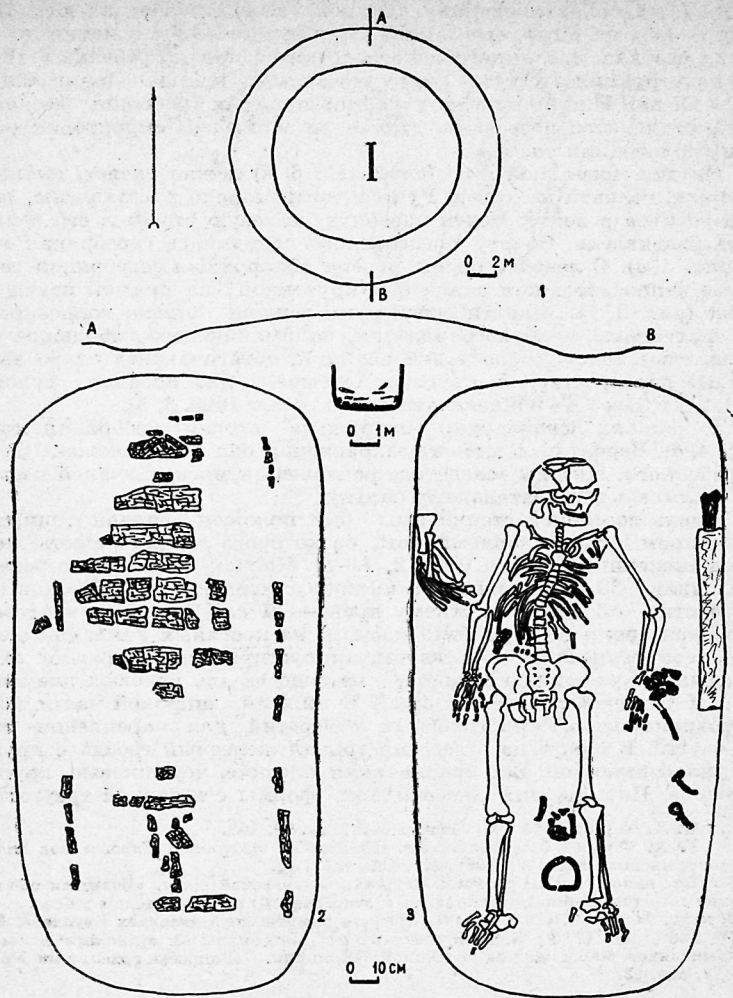

Рис. 1. Могильник Тасмола IV. План и разрез кургана 2, а также перекрытия и погребения.

(2,4×1,1 м), ориентированная длинной осью с севера на юг. Перекрытия ямы не было, его заменяло деревянное сооружение в виде ящика без дна, сделанного непосредственно над погребенным. Подобная конструкция бытует среди кимакских племен Прииртышья с VIII—IX вв.³ В принципе этот же тип дощатых гробовиц несколько позже становится известным далеко на западе, на территории расселения половецких племен⁴.

На дне могильной ямы (глубина 1,6 м) лежал скелет, вытянуто, на спине, головой на север. Руки и ноги широко расставлены, левая рука согнута в локте. Череп повернут в левую сторону, его верхняя часть раздавлена. Во рту погребенного находилась серебряная монета (рис. 4, а). С левой стороны черепа обнаружена серебряная серьга в виде вопросительного знака с накрученной на прямой конец спиральные фрагменты железного изделия, напоминающего небольшое блюдо, железный нож с бронзовой обоймой, обтягивающей слабо выступающее перекрестие, и круглым штырем для насадки рукоятки (рис. 2, 4). Здесь же найдено железное кресало (рис. 3, 3).

В пальцах левой руки обнаружена вторая серебряная монета (рис. 4, б). Вероятно, в момент захоронения она была вложена в руку погребенного, а затем вследствие разложения мягких тканей несколько сместилась к указательному пальцу.

Вдоль восточной стенки ямы был положен колчан с широким основанием и узким приемником, из которого торчали шесть железных наконечников стрел (рис. 2, 1—3). Колчан состоял из бересты, имел длину 68 см, ширину по нижнему основанию — 19 см, в средней части — 13 см, по верхнему краю — 11 см. Его внешняя сторона украшена тремя неширокими поясами из костяных накладок с врезным, геометрическим орнаментом, инкрустированным красной охрой. Подобные украшения колчанов — не новость для кочевых племен начала II тысячелетия нашей эры⁵. В нижней широкой части колчана сохранилось восемь сквозных отверстий для скрепления обеих его частей. В одном из отверстий торчал железный гвоздь с круглой выпуклой шляпкой. Все наконечники плоские, черешковые, крупных размеров. Пять из них ромбовидной формы с широкой треугольной

³ Ф. Х. Арсланова. Указ. работа, стр. 99, 101.

⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 130, табл. 12.

⁵ См. напр.: А. Харузин. Курганы Букеевской орды. «Известия об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те», т. XIV, 1890, кург. 24; И. В. Синицын. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, № 78, 1960, рис. 47, 9; В. Д. Викторова. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии. «Вопросы археологии Урала», 1962, 4, рис. 73.

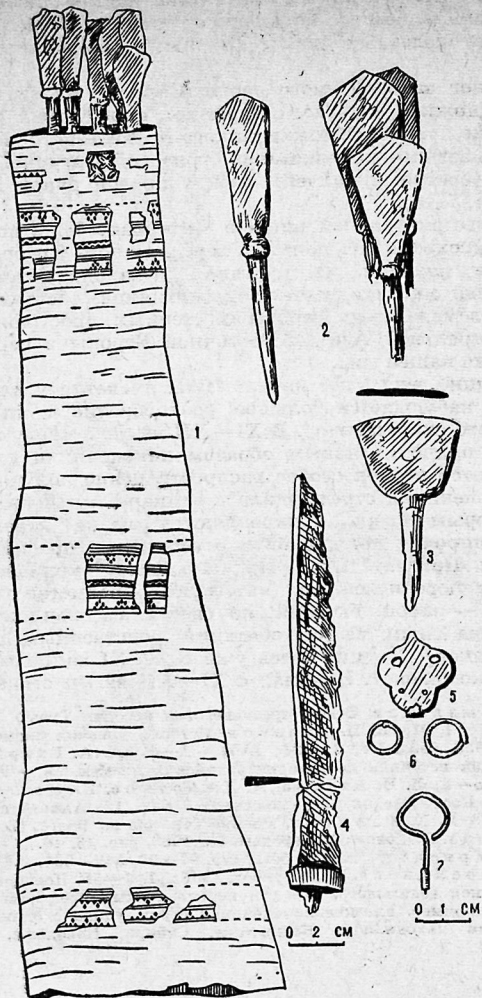

Рис. 2. Тасмола IV, курган 2. Предметы вооружения и украшения.

боевой частью. Шестой наконечник имел прямое лезвие (рис. 2, 3). Южнее колчана и немного подальше от стенки находилось два разоб- щенных звена железных удил с крупными подвижными внешними кольцами.

Между ног захороненного располагались железные стремена с широкой подножкой и узким отверстием, пробитым в расплющенной верхней части дужки. Обломки какого-то железного изделия вместе с двумя бронзовыми колечками и бронзовой фигурной накладкой с четырьмя отверстиями найдены между правой рукой и ребрами че- ловека (рис. 2, 5—6).

В качестве ритуальной пищи в погребение была положена часть туши барана (сохранилась лопатка, передняя нога и ребра).

Вещевые находки из кургана 2 находят самые широкие аналогии среди многих десятков памятников, оставленных тюрко- язычными племенами на огромных степных пространствах Южной Сибири, Центральной Азии и Восточной Европы в первой половине II тысячелетия нашей эры.

В последние века I и в начале II тысячелетия у племен евразий- ских степей наблюдается большое разнообразие в типах вооруже- ния и конского снаряжения⁶. В XI—XII вв. понемногу вещи стандар- тизируются, причем главным образом наконечники стрел, удила и стремена. В этот период особое распространение получают плоские в сечении наконечники стрел, удила с одинарными подвижными коль- цами, к которым теперь прикрепляются повод и ремни оголовья, стремена с широкой подножкой и отверстием, пробитым в верхней части дужки. Показательно, что наибольшее количество совмест- ных находок перечисленных категорий предметов приходится на Прииртышье — район, бывший, по сведениям письменных источни- ков, первоначальным местом обитания родственных племен — кып- чаков и кимаков⁷. Именно здесь уже с X—XI вв. складывается этот устойчивый комплекс⁸. Начиная с XI—XII вв. он становится господ-

⁶ Л. Р. Кызласов. Этапы средневековой истории Тувы. «Вестник МГУ», 1964, № 4, табл. 1, II; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1956, табл. LV, 21—24; LVII — 1—6; А. А. Гаврилова. Могиль- ник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 1965, рис. 15, 4—5; рис. 16, 5—6; Е. И. Агеева, А. Джусупов. Интересная находка. «Уче- ные записки КазГУ, серия историческая», вып. 12. Алма-Ата, 1963, рис. 2; В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. IX: С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1963, рис. 43, 46.

⁷ В. В. Бартольд. Указ. работа, стр. 97—99, 549—551.

⁸ Ф. Х. Арсланова. Указ. работа, табл. 1, 1—59. Подчеркиваем, что речь идет о постоянной взаимовстречаемости перечисленных предметов, ибо отдельные типы вещей, например, плоские наконечники стрел, удила с одинарными подвиж- ными кольцами находили в Казахстане, Сибири, Поволжье, на юге России и раньше.

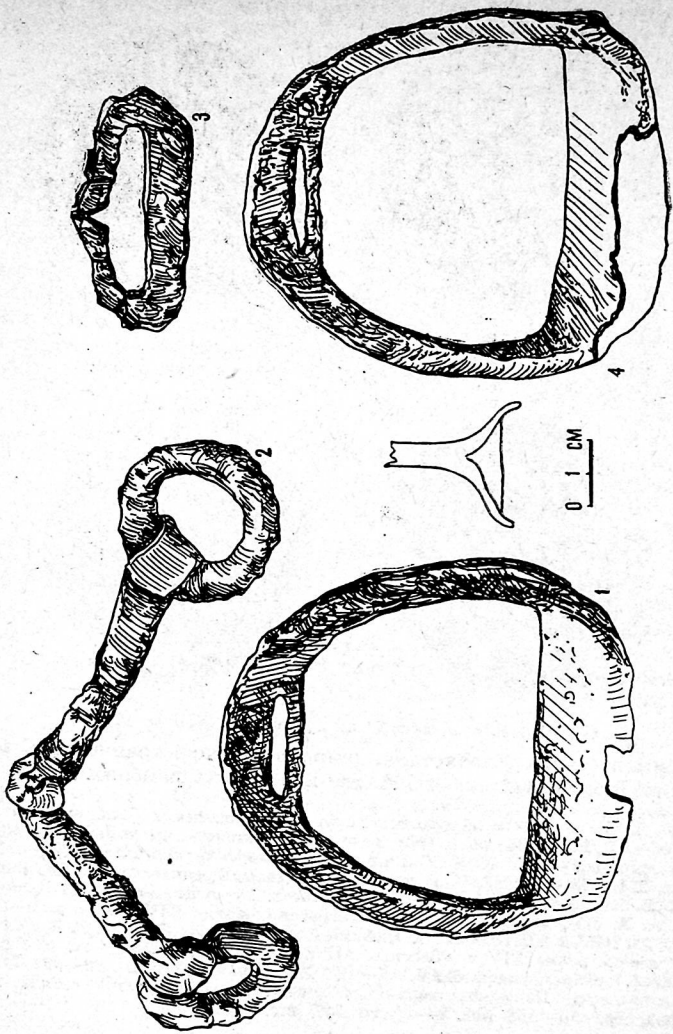

Рис. 3. Тасмола IV, курган 2. Железные удила, стремена и кресало,

Рис. 4. Серебряные монеты из кургана 2, Тасмола IV.

ствующим в степях Казахстана, широко распространяется в западной части Дешт-и-Кыпчак, на Алтае и в других районах⁹.

⁹ И. В. Синецких. Археологические исследования в Западном Казахстане, стр. 96—97, 103—104, 111—113; его же. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 166—167; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 211, 265—267; Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962, стр. 197, рис. 59; А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV века в долине реки Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959, рис. 5, 6; А. Г. Максимова. Погребение воина XIV в. «Вестник АН КазССР», 1965, № 6; А. А. Гаврилова. Указ. работа, табл. XXV, 4—10; XXVII, 14; XXXI, 82—84; 91—93; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 156—158, рис. 3—4; стр. 168, рис. 8.

Таким образом, археологическую коллекцию из могильника Тасмола правомочно отнести к XI—XIV вв., взяв за аргумент нижней даты, кроме археологических аналогов, сведения письменных источников о заселении кыпчаками в XI—XII вв. степной зоны от Алтая до Дуная¹⁰.

Находка в погребении двух серебряных монет позволяет точно датировать курган 2.

Первая монета, найденная во рту погребенного, чеканена ханом Золотой орды Токтогу (689—712 гг. х.) в Сарае-ал-Махруса в 710 г. х. (рис. 4, а). Ее диаметр 16×17 мм, вес 1,47 г. На лицевой стороне в поле, ограниченном рамкой из точек, имеется надпись с титулатурой Токтогу: سلطان ال اعظم | عباس الدنيا | بطمس | لعادل... «Султан верховный, Гийас Эд-дин, Токтогу справедливый». Имя Токтогу написано по-монгольски. На оборотной стороне в круглую рамку из точек вписана квадратная линейная рамка, по бокам которой расположены четыре виньетки. На поле помещен текст:

ضرب سراي | المحروسه | سنه 10 | 7

«Чекан Сарая-ал-Махруса, 710 г. х.».

Этот тип монет описан Х. М. Френом, а позднее на основе новых материалов из Волжской Болгарии С. А. Яниной¹¹. Он упоминается (4 экземпляра) В. К. Савельевым в числе монет из клада, найденного в 1867 г. в бывшем Спасском уезде Казанской губернии¹². Чекан Токтогу в Сарае-ал-Махруса 710 г. х. (3 экз.) представлен в кладе джучидских серебряных монет, обнаруженном в 1928 г. в Чувашии и определенном проф. Фасмером¹³. Одна из монет того же чекана упомянута в работе Г. А. Федорова-Давыдова¹⁴.

Вторая монета (рис. 4, б) плохой сохранности принадлежит чекану золотоордынского хана Узбека (712—741 гг. х.), по-видимому, из Сарая-Берке, основателем которого он считается¹⁵. Дата и название монетного двора, вероятно, стерты, но по почерку и типовым при-

¹⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, стр. 143—144.

¹¹ Х. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами иных мухаммеданских династий в прибавлении. СПб., 1832, № 28; С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946—1952 гг. МИА, № 42, т. 1, 1954, стр. 431, № 10.

¹² В. К. Савельев. О кладах золотоордынских монет в развалинах древнего города Болгар. Труды I археологического съезда в Москве, II. М., 1871, стр. 495.

¹³ К. В. Элле. Клад джучидских монет в Чувашской АССР. КСИИМК, вып. 15, 1947, стр. 112.

¹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, приложение I, стр. 264.

¹⁵ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке. «Известия ГАИМК», т. 8, вып. 2—3. Л., 1931, стр. 14.

знакам ее можно отнести к самому концу 20-х гг. XIV в.¹⁶. Диаметр монеты 16 мм, вес 1,43 г. На лицевой стороне в поле, окаймленном линейным и фигурным ободками, читается имя Узбек-хана: «...Мухаммад Узбек-хан» محمد | ادبک خان —

На обороте в круглой рамке, в поле с четырьмя виньетками по бокам сохранилась часть символа веры:

— ..... محمد | الاله الا | الاله الا —

«Нет бога, кроме аллаха, Мухаммад...».

Над именем правителя симметрично, с обеих сторон расположены так называемые «узлы счастья», широко известные в монгольском чекане.

Клады и отдельные монеты с чеканом Токтогу и Узбек-хана особенно распространены на территории Восточной Европы. А. П. Смирнов и Г. А. Федоров-Давыдов, основываясь на этом, писали: «...деньги появляются только в степях к западу от Волги...», «за-волжские степи и Казахстан не дают находок монет. Видимо, кочевники этой части улуса Джучи сохранили в полной мере натуральное хозяйство»¹⁷. Позже Г. А. Федоров-Давыдов формулирует эту мысль еще более категорично: «И учет погребений с монетами, и регистрация находок кладов и отдельных монет показывают, что денежное обращение в обширных степях Казахстана совершенно отсутствовало. Здесь известно только одно кочевническое погребение с монетами»¹⁸. С таким мнением нельзя согласиться.

В степной части Казахстана и Средней Азии найдено немало монет монгольского времени. Перечислим хотя бы такие местонахождения:

1. Клад серебряных джучидских монет (1253 шт.), найден в середине прошлого столетия на территории Внутренней Киргизской орды (Западный Казахстан)¹⁹.

2. Серебряная и медная монеты из курганов в низовьях Узеней (Западный Казахстан), раскопанных в 1948—1950 гг. По определению И. В. Сеницына, они золотоордынского времени²⁰.

¹⁶ С. А. Янина. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1953—1954 гг. МИА, № 61, т. II, 1958, стр. 404, № 31а.

¹⁷ А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. Задачи археологического изучения Золотой орды. СА, 1959, 4, стр. 134.

¹⁸ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы, стр. 216.

¹⁹ В. В. Григорьев. Новоткрытые джучидские монеты. «Известия Восточного отдела Арх. об-ва», ч. I, вып. 1. СПб., 1858.

²⁰ И. В. Сеницын. Археологические исследования, стр. 98, 99, 124.

3. Серебряная джучидская монета Узбек-хана с чеканом Сараял-Махруса 722 г. х. Случайная находка из урочища Козды-Кара Боксайского района Гурьевской области²¹.

4. Три серебряные монеты конца XIII—начала XIV в. открыты А. Г. Максимовой в 1963 г. в курганном погребении урочища Тос-Тобе близ с. Королевка Джамбулской области²².

5. Серебряная монета джучида султана Махмуда Джанибек-хана, чекан Сараял-Джедид (749 г. х.), найдена Е. И. Агеевой в Сузакском районе, у р. Сартан-Сай, в 20 км северо-восточнее городища Баба-ата²³.

6. Клад серебряных монет XIV в. (около 600 шт.), обнаружен в глиняном сосуде, найденном в 1928 г. на левом берегу р. Талас, в верхней части долины, на землях бывшего с. Иогансдорф (Киргизия). Он состоял из джагатаидских (546 шт.), джучидских (6 шт.) и монет бадахшанского чекана (4 шт.)²⁴.

7. Три серебряные джагатаидские монеты извлечены А. Х. Маргуланом из Жартасской группы курганов близ г. Караганды²⁵.

8. Серебряная монета джучида Мюрид-хана (1361—1363), чекан города Гюлистана (763 г. х.). Случайная находка из городища Сыгнак учителя А. Аманжолова из поселка Чиули²⁶.

Кочевнические погребения с нумизматическим материалом, клады монет второй половины XIII—начала XIV в. найдены в Ахангеране²⁷, долине Чирчика²⁸, на Халчаян-тепе²⁹.

---

²¹ Хранится в отделе археологии ИИАЭ АН КазССР. Этот тип описан С. А. Яниной (см.: МИА, № 42, 1954, стр. 434).

²² М. Е. Массон. К вопросу об изучении языческих курганных погребений. «Вестник АН КазССР», 1965, № 1, стр. 82—83.

²³ Хранится в отделе археологии ИИАЭ АН КазССР. Подобный тип монеты отмечен в названной работе С. А. Яниной, только лицевая сторона ее совпадает с № 59, а оборотная — с № 60 (стр. 438); М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах. «Материалы Узкомстариса», вып. 5. Ташкент, 1933, стр. 12.

²⁴ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии..., стр. 13—14.

²⁵ А. Х. Маргулан. Указ. работа; М. Е. Массон. Серебряные монеты XIV века из погребений могильника в бассейне реки Нуры, там же, стр. 262, 265.

²⁶ Хранится в отделе археологии ИИАЭ АН КазССР. Этот тип описан С. А. Яниной (см.: МИА, № 42, стр. 445, № 95; МИА, № 61, стр. 410, № 95—95а).

²⁷ М. Е. Массон. К вопросу..., стр. 83. Более раннее упоминание см. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1948, стр. 25.

²⁸ М. Е. Массон. По поводу нескольких монетных находок, зарегистрированных на территории Казахстана до 1947 г. «Вестник АН КазССР», 1948, № 7, стр. 59; е го же. К вопросу..., стр. 83.

²⁹ Г. А. Пугаченкова. Погребение монгольского времени в Халчаяне. СА, 1967, 2, стр. 253. Монета джагатаидского чекана найдена и при расчистке соседнего бугра на Ханака-тепе.

Монетные находки, хотя пока и немногочисленные, бесспорно, говорят о том, что степные племена Казахстана были втянуты в сферу товарно-денежных отношений с торгово-ремесленным и сельскохозяйственным населением городов Средней Азии и Поволжья золотордынского времени. Другое дело, что из-за малого количества монет в настоящее время нельзя определить степень и масштабы развития денежного обращения, но это уже вопрос времени, зависящий от темпов развития средневековой археологии Казахстана. Пока же погребение из могильника Тасмола является самым северным пунктом в ареале джучидских монет на территории Казахстана.

Очень интересна этнографическая деталь погребального обряда — расположение монет во рту и в руке погребенного. Обычай захоронения покойника с монетой во рту неоднократно отмечен в разновременных погребениях Средней Азии, Китая, Восточного Туркестана и других районов³⁰. Подобный ритуал, широко распространенный во многих странах с первых веков нашей эры вплоть до недавнего времени, был известен с середины I тысячелетия нашей эры и в Казахстане³¹. Исследователи объясняют его по-разному. В греческой мифологии монеты во рту погребенного служили платой за переправу через реку, разделяющую реальный мир от потустороннего. Но такая трактовка обычая едва ли приемлема для племен и народов древнего и средневекового Казахстана, погребальный обряд и религиозные представления которых не имеют ничего общего с греческой «моделью».

Наиболее правдоподобную, на наш взгляд, интерпретацию ритуала дает Дж. Г. Фрэнсер, предположивший, что первоначальный обычай класть в рот покойнику какую-либо пищу несколько изменился, во рту стали оставлять деньги, на которые умерший мог якобы купить себе пищу³².

³⁰ М. М. Дьяконов. Работы Кафирниганского отряда. МИА, № 15, 1950, стр. 160—161, погребения 79 и 85; В. Ф. Гайдукевич. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане. СА, 1952, 6, стр. 334; А. М. Беленицкий. Археологические заметки. «Известия Отд. общ. наук АН ТаджССР», 1957, вып. 14, стр. 6—8; Б. А. Литвинский, Э. Гулямова, Т. И. Зеймаль. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты (1956). Труды АН ТаджССР, т. 91. Сталинабад, 1959, стр. 137—138; Б. А. Литвинский. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии. «Известия Отд. общ. наук АН ТаджССР», 1968, № 3, стр. 45. Здесь же имеются сведения о древнекитайском обычая класть монету в руку погребенному.

³¹ А. Г. Максимова, М. С. Мерцнев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 259.

³² I. G. Fraser. Garnered sheaves. Essays, addresses and reviews, London, 1931, p. 19—20. Цит. по работе Б. А. Литвинского. Погребальный обряд..., стр. 46.

Заметим, что в основе обряда, независимо от вариантов его объяснения, лежит принцип снабжения покойника деньгами. В первом случае монета служит платой за «переправу через реку Стикс», во втором — за пищу на время «путешествия в потусторонний мир». Такой обычай не случаен, он порожден уже существовавшим тогда представлением людей о деньгах, как средстве обращения и мере стоимости. Если исходить из этого, то тасмолинский нумизматический материал еще более подтверждает тезис о наличии товарно-денежного обращения в степях Казахстана.

Соотношение археологических комплексов и этнических групп, известных по сведениям письменных источников, справедливо считается одной из самых сложных проблем древней и средневековой истории. В нашем случае дело облегчается тем, что средневековые авторы (Гардизи, Ибн Хордадбех, Ибн ал-Факих, Махмуд Кашгарский) единодушно размещают кыпчаков и кимаков в степях Прииртышья и Центрального Казахстана. Мы уже говорили о полном сходстве погребального обряда и вещевых находок тасмолинского кургана с прииртышским кимако-кыпчакским комплексом.

Как известно, в XI в. имя кимаков сходит со страниц письменных документов³³. Вероятно, XI в. и является тем рубежом, с которого курганные погребения Прииртышья и Центрального Казахстана следует называть кыпчакскими. Конечно, традиции материальной и духовной культуры кимаков не исчезли бесследно. Напротив, они нашли прямое продолжение в культуре вышедших из той же среды кыпчакских племен, впоследствии расселившихся на огромной территории евразийских степей.

Вспомним в этой связи и о специфических украшениях-серьгах в виде вопросительного знака (рис. 2, 7), сопровождающих большинство погребений кыпчакского облика. Исследования последних лет³⁴ достаточно убедительно показывают, что этот тип серег следует считать этническим признаком кыпчаков и их западной ветви — половцев.

³³ В. В. Бартольд. Кыпчаки. Статьи из энциклопедии ислама. Соч., т. V, стр. 349.

³⁴ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы..., стр. 176; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы..., рис. 6 (VIa—б) и стр. 40—41; Н. Н. Вактурская. О серьгах со средневекового городища Шехрлик. Сборник к 60-летию С. П. Толстого. М., 1968, стр. 249, 252.

Ф. Х. АРСЛАНОВА

ПОГРЕБЕНИЯ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ В ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ

В Павлодарском областном музее хранится интересная коллекция предметов, случайно найденных в 1959 г. в 4 км к западу от усадьбы совхоза «25 лет Октября» Краснокутского района (в 120 км севернее г. Павлодара). По сведениям сотрудников музея, в разрушенном при разработке песчаного карьера кургане лежал скелет, вытянуто, на спине, головой на север.

При нем найдены обломки железного стремена и удила, серебряные нашивные бляхи и головной убор, бронзовое посеребренное зеркало.

Стремя овальной формы с плоской подножкой и отверстием для ремня, пробитым в расплюсченной верхней части дужки. Такой тип стремян территориально наиболее широко бытует позднее XIII в. Аналогии им найдены в погребении воина XIV в. на р. Нуре (Центральный Казахстан)¹, датированном по монетам. Указанная форма стремян известна в памятниках XIV в. Сибири² и Восточной Европы³.

Железные удила были двусоставные со свободно вращающимися наружными кольцами. Подобные удила синхронны описанному типу стремян и встречают много аналогий.

На тыльной стороне литого дисковидного зеркала диаметром 11 см имеется рельефное изображение животных, расположенных в двух концентрических кругах. Вследствие изношенности литейной формы, а возможно, и неудачного копирования изображения, рису-

¹ А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV века в долине р. Нуры. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Археология. Алма-Ата, 1959, рис. 62.

² А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, табл. XXVII, 14.

³ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 12, 13, рис. 1, Е, III.

нок лишен четких очертаний. Местами видны наплывы, образовавшиеся при литье, которые затрудняют рассмотрение деталей композиции. Из шести фигур большого (наружного) круга можно различить четыре — собаку, лошадь, черепаху и мышь. Во внутреннем круге изображены, по-видимому, так называемые «собаководные морские кони» в погоне друг за другом. Изображения значительно стилизованы. Эта стилизация усиливается растительным орнаментом, покрывающим заданную плоскость круга. В центре зеркала сделана петля, в которую продеты два кольца диаметром 3 см с нанизанными на них (по одному на каждом) костяными дисками. Кольца изготовлены из трехмиллиметровой серебряной проволоки. По краю зеркала проходит бортик высотой 6,5 см с «лентой» из выпуклых бугорков.

К сожалению, прямых аналогий зеркалу нам неизвестно, однако сюжет во внутреннем круге в какой-то мере перекликается с рисунком, воспроизведенным на китайском зеркале танской эпохи, найденном в Туве⁴. Плохое качество отливки позволяет предполагать, что рассматриваемое зеркало является копией иноземного оригинала. Бряд ли его использовали как календарь для летоисчисления, поскольку некоторые рисунки на нем повторяются или не соответствуют очередности годам животного цикла. Скорее всего, это заимствованная композиция, в которой изображения животных имеют лишь декоративное назначение.

Найденные в данном комплексе 14 нашивных блях изготовлены из тонкого листового серебра. Все они с отверстиями по краям для крепления и различной формы: одна прямоугольная с волнистыми краями, две квадратные, выпуклые в центре, девять подтрапециевидной формы с рельефной, пересекающей плоскость линией, две ромбовидные с вытянутым нижним концом (в центре по основанию выпуклого круга и по краям имеется ряд выдавленных изнутри бугорков).

Аналогичных форм и размеров нашивки и подвески изображены на одежде женских половецких изваяний Восточной Европы⁵.

Наиболее интересной в этой коллекции является конусовидный головной убор, изготовленный из двух листов тонкого (0,2 мм) серебра, соединенных по бокам кровельными швами. По нижнему краю головного убора, а также (спереди и сзади) по вертикали нанесен орнамент (путем выдавливания изнутри) в виде двух рядов «плетеной косички». Имеющиеся на «полях» отверстия диаметром до 1 мм образованы, очевидно, вследствие пришивания к мягкой подкладке

⁴ А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге. Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции (1957—1958 гг.), М. — Л., 1960, рис. 22.

⁵ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, рис. 26, 1, 3, 10; рис. 27, 3, 4.

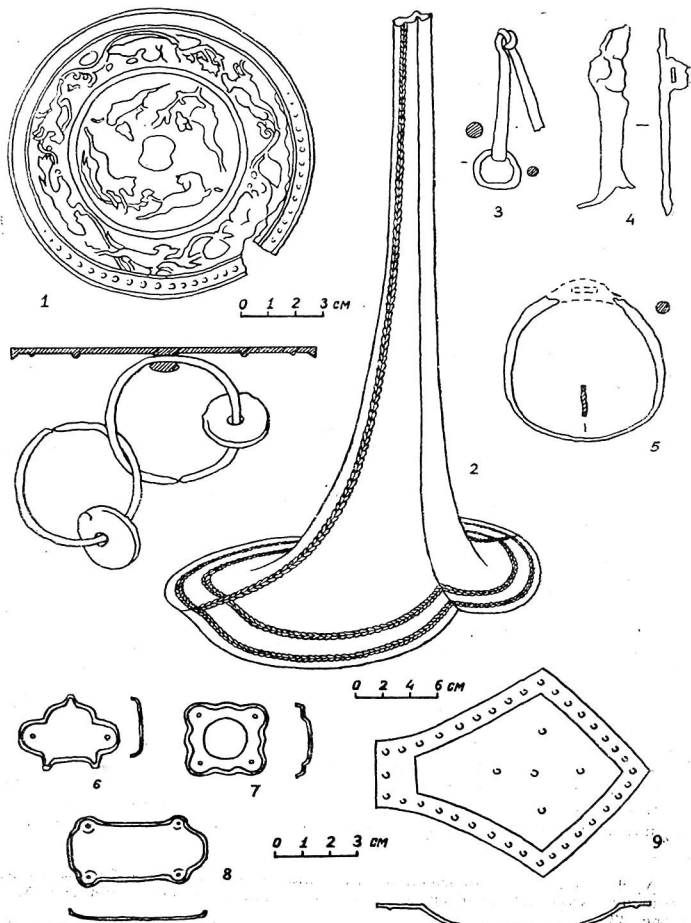

Таблица I. 1 — посеребренное бронзовое зеркало; 2 — серебряный головной убор; 3 — железные удила; 4 — обломок железного предмета; 5 — железное стремя; 6, 7, 8, 9 — серебряные нашивные бляхи.

или шапке. В нижней части головной убор имеет форму эллипса (20×28 см). Ширина полей 4—6 см. Высота головного убора 43,5 см, сверху он обломан.

Высокие головные уборы, несколько напоминающие описанный, были известны еще в глубокой древности, о чем свидетельствует изображение на золотой бляхе, найденной в степях междуречья Оби и Иртыша (Сибирская коллекция Петра I). М. П. Грязнов писал, что изображенный на ней головной убор женщины «представляет собой цилиндрическую шапку с рельефно выступающей планкой на боку и с очень высоким стержнем на верху. Косы подняты наверх и, возможно, привязаны или иным способом прикреплены к стержню головного убора»⁶.

Аналогичный по форме деревянный головной убор, обтянутый кожей, найден в пятом Пазырыкском кургане⁷.

Подобные головные уборы были распространены и у племен, населявших в VIII—XII вв. н. э. районы Сибири⁸ и Казахстана⁹, что нашло отражение на некоторых каменных изваяниях, изображавших женщин. Встречаются они и на половецких каменных бабах южно-русских степей¹⁰, а также на скальных рисунках у подножия Богдо-уула¹¹.

Необходимо отметить, что головные уборы в общих чертах напоминают бокку, носимую монгольскими женщинами в XIII в., которую не раз описывали средневековые путешественники. Однако в описании ее деталей они не всегда единодушны.

Упомянутая у Платона Карпини бокка имеет форму удлиненной перевернутой трапеции. Он пишет: «На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев и коры длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот (убор) все увеличивается в ширину...»¹².

⁶ М. П. Грязнов. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири. «Археологический сборник», № 3, Л., 1961, стр. 22.

⁷ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М. — Л., 1960, стр. 210.

⁸ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири. МИА, № 24, 1952, стр. 103, рис. 56, 1—3.

⁹ Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М. — Л., 1966, табл. XXVI, 127.

¹⁰ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. работа, рис. 26, 1, 4, 5.

¹¹ А. П. Окладников. Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножия горы Богдо-уула. «Монгольский археологический сборник», М., 1962, рис. 19.

¹² См.: «Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука», М., 1957, стр. 27.

По Рубруку же бокка цилиндрической формы, увенчанная четырёхугольником. Недаром он сравнивает ее с капиталью колонны: «...носят украшения на голове, именуемое бокка, устраиваемое из древесной коры или из другого материала, который они могут найти как более легкий, и это украшение круглое и большое, насколько можно охватить его двумя руками; длиною оно в локоть и более, а сверху четырёхугольное, как капитель колонны»¹³.

В 1961 г. в курганах 14 и 17 Ждановского могильника (Павлодарская область) при женских скелетах были найдены остатки двух головных уборов¹⁴, во многом совпадающих с описанной Рубруком боккой, а формой напоминающих серебряный головной убор из рассматриваемого нами комплекса. Погребенные лежали головой на юго-запад в деревянных колодах, помещенных в подбое, устроенном в западной стенке прямоугольной могилы и заставленном бревнами. В земляных насыпях сохранились остатки ритуала огня (обугленные бревна и комья прокаленной земли). Кроме головных уборов, в погребении обнаружены бронзовое зеркало с изображением двух рыб и серьги в виде вопросительного знака, что характерно для памятников XIII—XIV вв.

По определению антрополога О. Исагулова, оба черепа принадлежали женщинам зрелого возраста, европеоидной расы.

На основании определения антропологического типа умерших можно предположить, что это кыпчакские захоронения золотоордынского времени, которому присуща неустойчивость обряда погребения (разнообразие в ориентировке скелетов и устройстве могил), отразившего в какой-то степени ситуацию, возникшую в результате смешения местных племен с монголами. По свидетельству ал-Омари, с приходом татаро-монголов «кыпчаки сделали их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля держала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали, точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)»¹⁵.

Что касается головных уборов из Ждановского могильника, то достаточных оснований для отождествления их с монгольской боккой не имеется, особенно если учесть существование аналогичных форм у местных племен. Поэтому попытки исследователей связать происхождение найденных в захоронениях отдельных частей голов-

¹³ Там же, стр. 100.

¹⁴ Ф. Х. Арсланова. Средневековый могильник из Прииртышья. «Сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР», вып. III. Алма-Ата, 1963, стр. 285, табл. VI, 1—4.

¹⁵ См.: «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 120—121.

ных уборов (остатки бересты, ткани и т. д.) с боккой не всегда состоятельны.

В этой связи находка серебряного женского головного убора конической формы весьма показательна. Этот головной убор, обнаруженный в комплексе предметов, типичных для кыпчакских захоронений XIII—XIV вв., со скелетом, лежащим в грунтовой могиле (без подбоя) и ориентированным головой на север, несомненно, местного происхождения и изготовлен по образцу местного традиционно сложившегося покроя.

Уже говорилось, что половецкие каменные изваяния Восточной Европы нередко изображены в высоких конусовидных головных уборах¹⁶.

По всей вероятности, аналогичные формы головных уборов, изготовленных из простых и сравнительно недорогих материалов (бересты, войлока, ткани), были широко распространены среди кыпчакских племен. Следует подчеркнуть, что подобная форма сохраняется и в головном уборе невесты (саукеле) у казахов XVII в., причем саукеле делали не только из ткани, но и серебра. Серебряные саукеле описаны М. Чормановым¹⁷.

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря из разрушенного захоронения в Павлодарском Прииртышье позволяет датировать этот комплекс XIII—XIV вв. н. э.

На основании приведенных материалов и с учетом утвердившихся в археологической науке соответствующих положений можно сказать, что в рассмотренном кургане была погребена женщина одного из знатных родов, входивших в кимакско-кыпчакский конгломерат племен.

---

¹⁶ Известно, что существовавший у восточных кыпчаков (кимаков) обычай сооружать каменные изваяния сохраняется в XII—XIII вв. у западных кыпчаков (половцев).

¹⁷ М. Чорманов. Заметка о киргизах Павлодарского уезда. «Записки Зап.-Сиб. отд. РГО», кн. XXXII. Омск, 1906, стр. 14.

Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

О ЮЖНОКАЗАХСТАНСКОМ КОМПОНЕНТЕ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В последние годы специальные археологические исследования позднесредневековых городищ Южного Казахстана в некоторой степени дополнили общеисторические сведения, известные по письменным источникам и работам В. В. Бартольда и других русских и советских историков. Большинство городищ Таласской долины и Семиречья не дали материалов XIII в. и позже. Соответствующие же слои на ряде городищ маловыразительны и, несомненно, свидетельствуют об общем процессе загустения городов и захирения оседлой жизни в период после монгольского нашествия¹.

Однако этот процесс не был одновременным и всеобъемлющим на территории Южного Казахстана, как считали ранее. Обследование склонов Каратау, среднего течения Сыр-Дарьи показывает, что часть городов возродилась после разрушений, произведенных здесь монголами в 1219—1220 гг. Положение городов, видимо, стабилизируется со второй половины XIII в., когда происходит усиление Ак-орды в составе Золотой орды или как самостоятельного государственного образования. Пока трудно сказать, достигли ли города уровня развития домонгольского времени. Вероятнее всего, это произошло лишь с Сыгнаком, Саураном, Отраром.

Керамика — основной материал, добытый на позднесредневековых городищах. Предварительная хронологическая классификация подъемной керамики, предложенная Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем² после первых лет исследований в Южном Казахстане, была впоследствии уточнена и дополнена на основе материалов стратигра-

¹ Л. Б. Е р з а к о в и ч. О позднесредневековом городище Аспара. В сб.: «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 85—97.

² Е. И. А г е е в а, Г. И. П а ц е в и ч. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 196—201.

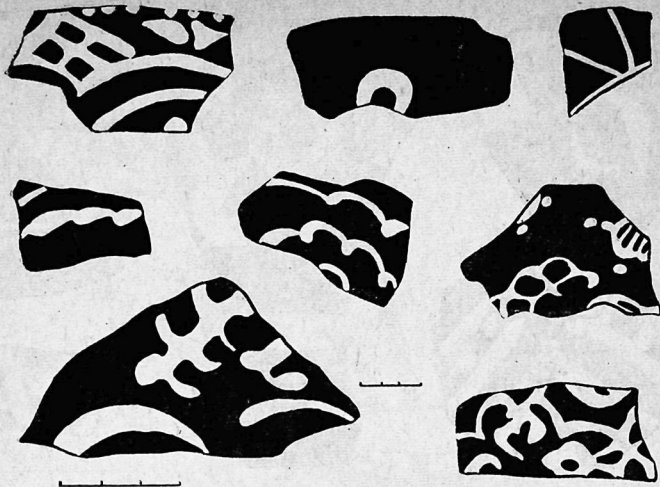

Рис. 1. Керамика с желтой поливой (Сузак, Баба-ата).

фических раскопов Баба-аты³, Сузака, Кумкента и новых подъемных сборов с других городищ⁴. В настоящее время в позднесредневековых материалах выделяется очень своеобразная группа поливной керамики XIII—XIV вв., собранная на городищах среднего течения Сыр-Дарьи и склонов Каратау. Ее отличает широкое использование красного или коричневого ангоба⁵. По ангобу нанесена роспись белыми красками (иногда невысоким рельефом), а внутренняя поверхность и частично внешняя покрыта прозрачной зеленой или желтой свинцовой поливой.

Окрашенная полива с красным или коричневым ангобом создает

³ Е. И. Агеева. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-ата). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14. Археология, 1962, стр. 201—204.

⁴ Л. Б. Ерзакович. Поливная керамика городища Сузак XIII—XVIII вв. «Вестник АН КазССР», 1966, № 5, стр. 78—81; К. А. Акишев, К. М. Байпаков, Л. Б. Ерзакович. Новое в археологии Южного Казахстана. В сб.: «Культура скотоводческих и земледельческих племен Казахстана». Алма-Ата, 1969, стр. 21—42.

⁵ Встречается ангоб и буро-зеленого цвета. На некоторых фрагментах он отсутствует и фоном является поверхность обожженного черепка.

Рис. 2. Керамика с зеленой поливой (Сузак, Кумкент).

темный фон различных оттенков с зеленым или желтым цветом орнамента. В этой группе керамики встречаются полихромные росписи и сочетание желтой и зеленой поливы на внешней и внутренней поверхности. Довольно часты находки неорнаментированных фрагментов с желтой поливой по красному ангобу (рис. 1⁶, 2).

Другая многочисленная группа — это керамика с желтой поливой по белому ангобу и полихромными росписями (рис. 3). Отдельную группу составляют сосуды с зеленой поливой по светлому ангобу, без орнамента, редко с подглазурной гравировкой.

Перечисленные группы представлены главным образом чашами полусферической формы. У них высокое тулово, прямая или слегка отогнутая наружу закраина, полукольцевой поддон с выступом на середине (рис. 4).

Насколько можно судить по фрагментам, мотивы росписей обычно растительного или геометрического характера. Как правило, на внешней поверхности располагается орнамент в виде «арочек».

⁶ См.: Керамика Баба-аты из фонда Е. И. Агеевой. Отдел археологии ИИАЭ АН КазССР.

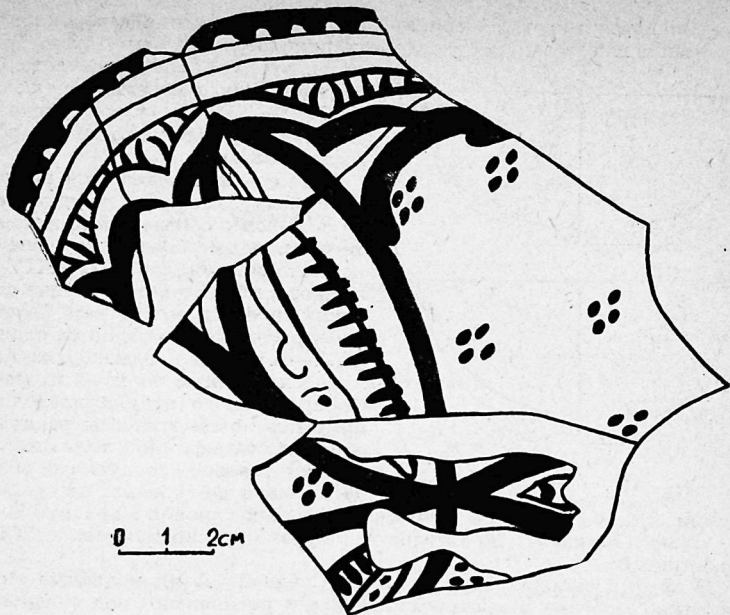

Рис. 3. Чаша с желтой поливой и полихромными росписями (Кумкент).

Керамика сделана из плотного, хорошо промешанного и без примесей теста, черепок в изломе красноватый.

Е. И. Агеева в свое время отмечала, что посуда с зеленой и желтой поливой почти не встречается в материалах из сопредельных территорий, но хорошо представлена в подъемном и раскопочных материалах с городищ северных склонов Каратау, которые по этому признаку были выделены ею в особую провинцию⁷.

В последние годы отряд Семиреченской археологической экспедиции провел широкие разведочные работы в Южном Казахстане.

⁷ Е. И. Агеева. Памятники средневековья..., стр. 201—203.

Судя по подъемному материалу, поливная керамика северокаратауского типа имеется и на городищах правобережья Сыр-Дарьи. Правда, в этом районе встречается самаркандская и хорезмийская посуда XIII—XIV вв., в том числе кашинная керамика, но это единичные образцы.

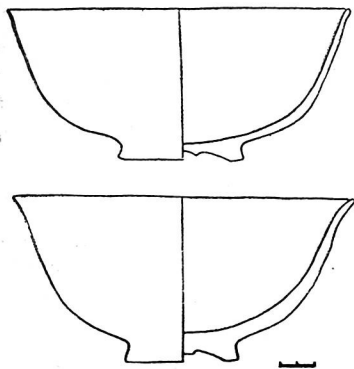

Рис. 4. Чаши XIII—XIV вв.

течения Арыси (Караспан и др.), от северных склонов Каратау (Бабата, Сузак, Кумкент) до Отрара и Саурана на правом берегу Сыр-Дарьи (рис. 5).

В других районах Казахстана и Средней Азии подобные типы керамики, особенно с красным ангобом и росписями под зеленой и желтой поливой, не получили распространения⁸. Но при сравнении южноказахстанских материалов и некоторых групп керамики с зеленой и желтой поливой из городов Золотой орды в Нижнем Поволжье⁹ обнаруживаются прямые аналоги. Этот факт заслуживает особого внимания.

Как известно, одним из главных вопросов археологии Золотой орды является проблема генезиса культуры джучидских городов. Еще в работах А. Ю. Якубовского было высказано мнение о синкретизме золотоордынской культуры, прослежены хорезмийские истоки части

⁸ В фондах Самаркандского музея истории культуры народов Узбекистана имеется несколько образцов с коричневым фоном и зеленой поливой (А 43—90, 91, 212; А 49—305). Аналогичные фрагменты с желтой поливой есть среди случайных сборов Джамбулского музея.

⁹ Ф. В. Баллод. Приволжские «Помпеи». М. — Пг., 1923, табл. 24; Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1962 гг. СА, 1964, № 1, стр. 267; Н. М. Булатов. К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах. «Вестник МГУ», 1969, № 2 (История), стр. 54—55.

Рис. 5. Район распространения красноангобированной поливной керамики.

ее поливной керамики¹⁰. Археологические исследования последних лет на территории Золотой орды помогли многое уточнить. Наряду со среднеазиатскими компонентами выявлены другие культурные влияния: волжско-болгарское, северокавказское, закавказское, херсонско-византийское¹¹. Но все же проблему генезиса золотоордынской культуры еще нельзя считать решенной. Как отмечал Г. А. Федоров-Давыдов, несмотря на перечисленные влияния, «основная масса керамики пока не находит своих прямых прототипов... Это основные типы неполивной керамики и типы поливной керамики на плотном красном тесте»¹².

¹⁰ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Верке. «Известия ГАИМК», т. VIII, вып. 2—3, 1931; В. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, стр. 160—178.

¹¹ Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая, стр. 263—267.

¹² Там же, стр. 267.

Названные прототипы поливной керамики городов Золотой орды Нижнего Поволжья в Южном Казахстане свидетельствуют не только об одновременном (XIII—XIV вв.) существовании одних и тех же групп керамики в различных частях Золотой орды, но и позволяют уточнить характер культурных взаимосвязей.

Отдельные элементы орнамента поливной керамики XIII—XIV вв., такие, как «вихревая» розетка, точки на закраине сосудов, несомненно, связаны с караханидской традицией. Некоторые мотивы росписей на керамике монгольского времени близки так называемой фигурной раскраске неполивной керамики X—XIV вв.¹³ Красный ангоб XIII—XIV вв. с лощением был распространен и в предшествующее время в неполивной керамике Отрарского оазиса и склонов Каратау¹⁴. На этом основании можно говорить о местных истоках поливной керамики XIII—XIV вв. и исключить возможность влияния культуры Нижнего Поволжья на культуру Южного Казахстана, предположив обратную связь¹⁵.

Таким образом, выявлен новый компонент, участвовавший в сложении золотоордынской городской культуры, — южноказахстанский. Вследствие этого вполне возможны и пути этнокультурной конкретизации южноказахстанского компонента.

Исследователи Золотой орды считают, что носителями той синкретической культуры, которая называется золотоордынской городской культурой, были половецкие племена. Половецкий (кыпчакский) компонент устанавливается по лингвистическим данным и прослеживается в материальной культуре: это серьги в виде вопросительного знака, сумки с железными оковками, находимые в культурном слое городищ, кочевнический набор в погребениях на мусульманских кладбищах Нового Сарая¹⁶. Однако отсутствие развитых традиций оседлости у половцев в домонгольский период натолкнуло исследователей на мысль, что образование половецкого городского населения не было длительным процессом постепенного оседания, в связи с этим отмечалась незначительность вклада бывших кочевых племен по сравнению с вкладом оседлых мастеров других стран в городскую культуру¹⁷. Это положение правомерно, если иметь в виду половцев

¹³ См.: Е. И. Агеева. Памятники средневековья, стр. 202, рис. 62.

¹⁴ Е. И. Агеева отмечала, что керамика с желтой и зеленой поливой встречена еще в конце XII в. в соответствующих слоях Баба-аты (там же, стр. 201). Правда, ранняя дата достаточно не обоснована.

¹⁵ По крайней мере в период становления в Нижнем Поволжье (середина XIII в.) золотоордынских городских центров.

¹⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Раскопки Нового Сарая в 1959—1961 гг., стр. 269.

¹⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 204—212.

южно-русских степей. Что же касается собственно кыпчаков (восточных), то есть основания предполагать наличие у них более древних традиций оседлости.

Сведения письменных источников позволяют локализовать по крайней мере часть кыпчаков в бассейне Сыр-Дарьи с X—XI вв. В. В. Бартольд считал, что кимаки, жившие близ Саурана, упомянутые еще Макдиси, были, вероятно, кыпчаками. С начала XI в. они были соседями Хорезма. Уже во второй половине XII в. Сыгнак упоминается как политический центр кыпчаков на Сыр-Дарье¹⁸.

Возможно, что основная масса огузов долины Сыр-Дарьи и Приаралья была разгромлена кыпчаками, которые вынудили большую группировку огузов мигрировать в западное Приаралье и далее на запад¹⁹. Имеющийся археологический материал по кимако-кыпчакским племенам в Казахстане характеризует лишь быт и культуру их скотоводческой части²⁰. Но данные письменных источников («Худуд-ал-Алем», ал-Идриси, Марвази), в которых упоминаются города кимаков, а также землянки, в которых они живут в зимнее время²¹, позволяют предполагать наличие оседлых традиций в среде кимаков еще до их продвижения на запад. Элементы оседлости у части скотоводческих племен кимако-кыпчакского объединения должны были развиваться дальше в городах на Сыр-Дарье и склонах Каратау задолго до монгольской нашествия. Надо полагать, что в процессе длительной трансформации части кочевников в оседлое население и происходило сложение тех своеобразных черт материальной культуры, которые прослеживаются, в частности, при анализе поливной керамики городищ Южного Казахстана XIII—XIV вв.

На основе распространения типов южноказахстанской поливной керамики далеко на северо-запад от Сыр-Дарьи можно предположить, что именно часть кыпчакского оседлого населения, переселенного монголами из Южного Казахстана, является одним из участников создания золотоордынской городской культуры.

Конечно, характер намечаемых связей еще далеко не ясен. Материальная культура городов Южного Казахстана этого периода

¹⁸ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах. Соч., т. V. М., 1968, стр. 392—408; его же. Кыпчаки, там же, стр. 550—551.

¹⁹ С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 226—229.

²⁰ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968, стр. 110—111.

²¹ Б. Кумеков. Города кимаков. «Вестник АН КазССР», 1969, № 6, стр. 60.

представлена в золотоордынской культуре пока только поливной керамикой. Удельный вес и значимость этого компонента еще предстоит выяснить на основе анализа других предметов материальной культуры XIII—XIV вв., в частности неполивной керамики. Причем неполиваная керамика Нижнего Поволжья изучена лучше, чем Южного Казахстана. Можно полагать, что новые археологические исследования в районе среднего течения Сыр-Дарьи и на склонах Каратау помогут выяснить характер этнокультурных взаимосвязей Южного Казахстана и Нижнего Поволжья.

К. А. АКИШЕВ

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ОСЕДЛОСТИ И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У ДРЕВНИХ УСУНЕЙ СЕМИРЕЧЬЯ

До сих пор наше представление о хозяйстве, быте и культуре древних усуней за весь период археологического изучения Семиречья основывалось исключительно на данных китайских династийных хроник и материалах из подкурганых захоронений.

В Семиречье, на одной из основных территорий расселения этих племен, количество раскопанных древнеусуньских курганов достигает почти двух тысяч. Значение полученного археологического материала велико. Но вследствие строго определенного набора в могилах погребального инвентаря они могут служить лишь косвенными данными для изучения уровня развития экономической основы общества и форм хозяйства. Поэтому выводы, основанные только на них, неполны и не выходят за пределы гипотетических рассуждений.

Археологический материал в значительной степени дополняют сведения древних хроник. При параллельном привлечении этих двух источников в исследованиях может быть получено довольно полное представление об интересующих нас вопросах. В то же время сопоставление их дает возможность выявить противоречивость и неточность сведений письменных источников о хозяйстве и образе жизни усуней.

На основе этих сведений знатоки древней истории Востока Н. А. Аристов и В. В. Бартольд пришли к мнению, что «отыскивать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, каким были усунь, совершенно бесполезно»¹. Археологические работы доказали успешность такого вывода.

Впервые утверждения древних авторов о чисто кочевническом направлении хозяйства и быта усуней были поставлены под сомнение М. В. Воеводским и М. П. Грязновым на основе находок в захоро-

¹ В. В. Бартольд, Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 27.

нениях Северной Киргизии обугленных зерен, шелухи проса и каменной зернотерки². Но при всей правильности рассуждений они оставались лишь теоретическими предположениями, так как среди находок не было предметов, прямо свидетельствующих о занятии усуней земледельческим производством. Каменные зернотерки, зерна и шелуха лишь указывают на употребление в пищу продуктов земледелия, которые, кстати, могли быть получены от соседей путем торговли, но не могут быть доказательством развития земледельческого хозяйства у самих древних усуней. Зернотерки — это лишь орудия переработки готового продукта земледелия, а не орудия обработки земли или уборки посевов, как мотыга или серп. Лишь при находке мотыг и серпов или соломы злаковых (но не зерен) можно утверждать о развитии земледелия и возвращении посевов на месте.

Новые данные, указывающие, по мнению А. Н. Бернштама, на распространение земледелия и оседлости у древних усуней Семиречья были получены при раскопке поселения Луговое-холм, расположенного в долине р. Талас. Вывод А. Н. Бернштама о существовании оседлости и земледелия на территории Семиречья еще в первых веках нашей эры был основан также на обнаружении каменных зернотерок и остатков глинобитных стен строений в нижних слоях стратиграфического шурфа, заложенного на холме поселения³. Но опять-таки среди находок А. Н. Бернштама нет предметов, которые свидетельствовали бы о существовании земледелия у древних усуней. А. Н. Бернштам свой хотя и бездоказательный, но по существу верный вывод построил на таких же данных, которые в свое время он считал неприемлемыми догадками в утверждениях М. В. Воеводского и М. П. Грязнова⁴.

На новых, но аналогичных материалах, полученных при раскопке курганов, сделал свои выводы о хозяйстве усуней и Г. А. Кушаев. Он взял географическую среду, а также увеличение количества глиняных сосудов в одной могиле за основной критерий определения формы хозяйства и его эволюции⁵.

Новый археологический материал, полученный с территории Семиречья в последующие годы, позволил рассматривать хозяйство

² М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усунские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3—4, стр. 178.

³ См.: «Материалы и исследования по археологии СССР», т. 14, Чуйская долина. М., 1950, стр. 71.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 37.

⁵ Г. А. Кушаев. Культура усуней правобережья реки Или. В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 257 и сл.

усуней в динамике его почти тысячелетнего развития и дифференцировано для отдельных районов соответственно их природно-климатическим условиям.

В истории развития хозяйственной деятельности человека в Средней Азии и Казахстане древнее Семиречье занимает особое место. Его географическая среда обусловила своеобразный путь развития хозяйства саков и усуней. Своеобразие состояло в том, что в отличие от районов «классического» земледельческого или кочевового скотоводческого хозяйства здесь скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевничество — с полуседлостью. В Семиречье — горной стране не могло быть многодневных изнурительных переходов с зимних на летние пастбища, как это было в степных и полупустынных районах, например, в Западном и Центральном Казахстане. Комплексность хозяйства, полукочевой и полуседлый образ жизни у древних усуней доказываются появлением и распространением на территории Семиречья своеобразных типов памятников: в усуньское время — зимовок-поселений, а позднее — укрепленных поселений и городов — убежищ с крепостными стенами, огораживающими большие пространства, свободные или почти свободные от построек⁶.

Такая архитектуроника памятников возникла, как и в других, схожих с Семиречьем, районах Монголии, Тувы⁷, в результате приспособления строительного конструирования к хозяйству и быту, одинаково отвечающему специфике скотоводства и земледелия, чередованию подвижности и оседлости.

Одна из последних наших работ была посвящена итогам трехлетних раскопок зимовки-поселения Актас 2, расположенного в долине р. Кегень в восточном Семиречье⁸. Поэтому, не останавливаясь на самом памятнике, дадим характеристику находкам, относящимся к теме.

При раскопке зимовки-поселения Актас были получены первые и прямые свидетельства древнеусуньского земледелия. Это орудия обработки земли — каменные мотыги и уборки урожая — бронзовый серп (обломок). При обследовании окрестностей зимовок-поселений обнаружены дополнительные данные о древнеусуньском земледелии. По ним достоверно устанавливается сам факт существования орошае-

⁶ А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 90—91; К. М. Байпаков. Раннесредневековые города и поселения Семиречья. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1966, № 2, стр. 77.

⁷ Л. Р. Кызласов. Средневековые города Тувы. «Советская археология», 1959, № 3, стр. 66; его же. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 59—63.

⁸ К. А. Акишев. Зимовки-поселения и жилища древних усуней. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1969, № 1.

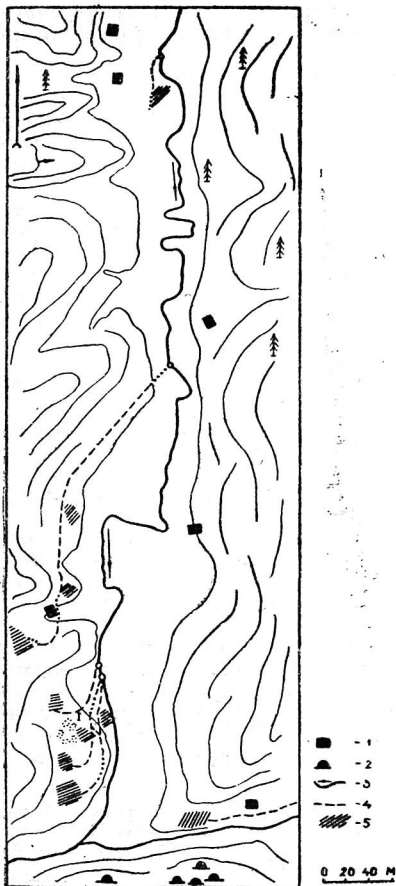

Схема расположения зимовок поселений Актас и земель древнего орошения в ущелье Курайлы: 1 — зимовка-поселение; 2 — могильник; 3 — р. Курайлы; 4 — оросительная система; 5 — орошаемые участки.

мого земледелия у древних усуней. Масштабы и степень развития его могут быть определены после находок остатков крупных ирригационных сооружений. Этими свидетельствами являются остатки оросительных арыков и небольших обработанных участков площадью 60—150 м², выявленные около некоторых из зимовок-поселений (Актас I, II, IV, V), находящихся в ущельях южного склона хребта Кетменьтау. Судя по единичным находкам черепков древнеусуньской керамики на этих участках или около них, они синхронны зимовкам-поселениям. По-видимому, такие небольшие участки были огородами, хотя нам и неизвестны выращиваемые виды огородно-бахчевых культур. По топографии памятников устанавливается, что обработанные участки размещались на местностях, во-первых, максимально обогреваемой солнцем и, во-вторых, куда можно было самотеком подвести воду. Русло оросительных арыков прокладывалось с учетом естественного склона местности, чтобы исток их находился выше орошаемого участка.

Долина р. Кегень — не единственный район, где обнаружены следы примитивной оросительной системы. Они встречаются на всей территории древне-го Семиречья: в ущельях и на склонах Джунгарского Алатау и Чулакских (Илийская долина) и Чу-Илийских гор (Чуйская долина, на северных склонах Киргизского Алатау (Таласская до-

лина). Это дает основание предполагать, что древние усунь всею Семиречья имели определенные знания в области земледелия и навыки земледельческого труда: умели выбрать удобные земли для орошения, знали о значении солнечной активности в период вегетации растений, трассировке русла арыков для самотечной подачи воды в горной местности.

Но огородничество у них было не единственной формой земледелия. Если каменные мотыги употреблялись для обработки огородов, то бронзовые серпы (найден обломок) применялись для сенокосения и уборки злаковых. Достоверность существования у усуней посевов колосовых культур, в частности проса и ячменя, подтверждается находкой шелухи этих культур на дне одного из сосудов из усуньской могилы в Северной Киргизии⁹.

Уже отмечалось, что остатков крупных ирригационных сооружений (каналы, плотины), которые свидетельствовали бы об использовании воды таких больших рек, как Талас, Или, Кегень, Чарын, долины которых являются основными районами расселения усуней, до сих пор не обнаружено. Вероятно, их и не было, так как в этом не было необходимости. Вода небольших горных речек, по берегам которых зафиксированы древнеусуньские зимовки-поселения, как уже говорилось, использовалась лишь для полива огородов. По-видимому, хлебные поля, располагавшиеся на плодородных равнинах и лессовых землях долин рек¹⁰, находящиеся в 4—5 км от зимовок-поселений, не орошались. При небольшом дебите воды горных речек и сильной фильтрации рыхлых отложений горной местности¹¹ вода не доходила бы до таких удаленных участков.

Вероятно, в тех горных районах, где обитали усунь, необходимости в орошаемом земледелии не было. По заключению специалистов, посевы зерновых на лессовых каштановых почвах современного Семиречья, пропитанных грунтовыми водами, не нуждаются в поливе, излишний полив даже вреден¹². Поэтому здесь в значительных масштабах развито неполивное земледелие.

Таким образом, развитию «сухого» земледелия способствовали климатические условия. В Семиречье в отличие от остальных райо-

---

⁹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники..., стр. 178.

¹⁰ А. И. Безсонов. Почвенный покров Джетысуйской области. Сб.: «Джетысу (Семиречье)». Естественно-историческое описание края. Ташкент, 1925, стр. 177—214.

¹¹ Е. И. Сергеева. Геологический очерк Джетысу. Там же, стр. 93—113.

¹² А. И. Безсонов. Почвенный покров Джетысуйской области. Там же, стр. 201.

нов Туркестана высок уровень выпадания атмосферных осадков. Максимум дождей приходится на весну и начало лета (апрель — июнь), минимум — на сентябрь¹³. Такие условия наиболее благоприятны для выращивания хлебов и уборки урожая.

Судя по сведениям письменных источников, природные и климатические условия древнего Семиречья ничем не отличались от современных. Так, китайский историк Бань Гу (I в. н. э.) пишет, что в стране Усунь земли травянистые, климат холодный и дождливый, а на горах много хвойного леса¹⁴.

Установив по археологическим данным сам факт существования у усуней земледелия, мы вправе допустить, что способ ведения земледельческого хозяйства, практиковавшийся в XIX—XX вв.¹⁵, был известен еще древним семиреченским племенам, как сложившийся в одинаковых природных условиях.

При таком своеобразии климата наиболее рациональной и даже возможной формой земледелия и в те далекие времена были посевы под богару. Так называемое богарное земледелие при высоком уровне выпадания осадков и естественной увлажненности почвы обеспечивает устойчивый урожай. По всей вероятности, у древних усуней было развито земледелие богарного типа. Можно предпологать, что посевами было занято значительно больше площади, чем огородами. Низкая производительность труда, обусловленная примитивностью земледельческого орудия (могыга), ограничивала возможности увеличения размеров обрабатываемых участков.

Тем не менее каждая усуньская семья была обеспечена продуктами земледелия, главным образом мукой и зерном, а растительная пища всегда входила в рацион питания. Последнее убедительно доказывается находками каменных зернотерок, причем как на поселениях, так и в захоронениях.

При раскопке зимовки-поселения Актас обнаружено 11 целых и 15 обломков зернотерок. Многие из них сильно изношены от долгого употребления, что говорит о применении их по назначению.

Довольно часты находки зернотерок и в усуньских погребениях

---

¹³ Л. К. Давыдов. Климат. Там же, стр. 39—40.

¹⁴ Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950, стр. 190.

¹⁵ Н. А. Абрамов. Алма-Ата, или укрепление Верное с его окрестностями. «Записки РГО по общей географии», т. I, СПб., 1867, стр. 261; Р. И. Аболин. Южная часть Алма-Атинского округа Казахской ССР в естественно-географическом отношении. Труды Института почвоведения и геоботаники САГУ. Казахская ССР, вып. 1. Ташкент, 1927, стр. 38—44.

Семиречья¹⁶. По представлению древних племен, умерший должен быть снабжен лишь теми предметами, которые употреблялись в быту и могли ему понадобиться для продолжения жизни в каком-то другом некончатом мире. Если зернотерки считались таким орудием (судя по находкам это так), то можно утверждать, что они являлись одним из основных орудий, необходимых в реальной жизни. Хотя каменные зернотерки, как отмечалось, — это лишь орудия переработки растительной продукции (зерно, съедобные корни), но частые находки как в жилищах, так и в погребениях говорят о широком использовании их в быту, а следовательно, распространении растительной пищи и существовании земледелия у древних усуней.

Однако, вернемся к древнеусуньским захоронениям Семиречья. Кроме находок каменных зернотерок, в них обнаружены и другие предметы, характеризующие бытовые и хозяйственные стороны жизни племен. Известно, что каждый народ вырабатывает соответствующие своему быту и образу жизни формы жилища, предметы домашнего обихода, одежду и пищу. Кочевые народы, например, изобрели и усовершенствовали разборное, легко транспортируемое жилище — юрту. Подвижный образ жизни привел к тому, что в быту они использовали в основном кожаную и деревянную посуду, очень удобную при частых переездах, а легко бьющуюся глиняную употребляли в минимальном количестве, преимущественно во время продолжительных стоянок. Причем судя по многочисленным археологическим материалам, глиняные сосуды, найденные при раскопке памятников кочевых племен, однотипны, своеобразной формы (узкогорлые, шаровидные и с выпуклым дном) и малой емкости. Напротив, оседлые племена изготавливали и употребляли глиняную посуду, разную по форме, размеру и назначению. Вскоре они наладили ремесленное производство керамической посуды и зачастую удовлетворяли в ней спрос кочевников.

Из этого отличия следует, что количество находок керамической посуды при раскопке того или иного памятника может быть качественным определителем принадлежности его к одной из двух культур древнего мира: земледельческой или кочевнической. Возрастание или уменьшение количественного показателя на каком-то хронологическом этапе, очевидно, означает не что иное, как изменение культуры. Так, например, если в определенный период исторического развития каких-то племен, допустим, усуней, их культура была кочевнической с минимальным производством керамики, а на следующем этапе

¹⁶ М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. Усуньские могильники..., стр. 176; К. А. Акишев. Отчет о работе Илийской экспедиции в 1954 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1955, стр. 13—14, 29; Г. А. Кушаев. Культура усуней правобережья р. Или, стр. 210—211, 264.

количество керамики среди находок стало резко возрастать, то мы вправе заключить, что прогресс древнеусуньской культуры имеет тенденцию к перерастанию в земледельческую. Несомненно, этим переменам предшествовали изменения: в хозяйстве увеличилась роль земледелия, образ жизни стал более оседлым.

В этой связи интересны результаты сравнения количества находок глиняных сосудов в древнеусуньских могилах, принадлежавших: а) разной социальной категории населения, б) относящихся к разным хронологическим этапам развития культуры.

Но прежде, как общее правило, отметим, что в большинстве раскопанных могил Семиречья было по 1—3 глиняных сосуда. Такое минимальное количество сосудов может быть свидетельством незначительных масштабов производства, объяснимых трудностями сохранения хрупкой посуды при подвижном образе жизни. На таком общем фоне резкое увеличение в могиле количества глиняной посуды приобретает принципиальное значение. Установлено, что такие находки бывают в могилах знати начиная с ранних этапов древнеусуньской культуры, а в могилах рядовых усуней лишь в поздний период.

Так, в Каракольском могильнике в четырех могилах было обнаружено всего 37 глиняных сосудов, причем во второй могиле кургана 1 находилось 17 мисок и горшков¹⁷. По ряду довольно убедительных доводов эти могилы отнесены исследователями к захоронениям родоплеменной знати III в. до н. э. — I в. н. э.¹⁸

Большое количество сосудов выявлено также при раскопке могильников Актас и Сарытогай. В одной могиле насчитывалось 6—8 сосудов. Могильники датируются III—V вв.¹⁹

Следовательно, увеличение количества глиняных сосудов устанавливается для всех категорий захоронений, но только с той лишь разницей, что если в могилах родоплеменной знати большое число сосудов встречается уже на первом этапе появления усуней на политической арене, то у рядовых усуней — лишь в предтюрокское время. Эти факты дают основание для вывода, что на раннем этапе усуньской истории оседлость была в большей степени присуща родовой и племенной знати и крупным владельцам. Позднее, в III—V вв., по-видимому, происходит оседание более широких слоев древнеусуньского общества. Данный вывод подтверждается и сведениями письменных источников.

¹⁷ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники..., стр. 174.

¹⁸ Там же, стр. 177—178.

¹⁹ Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 21—23; К. А. Акишев. Исследования в Казахстане. Сб.: «Археологические открытия в СССР в 1966 г.», М., 1967, стр. 294.

В археологической литературе более распространено мнение, что в кочевых обществах беднейшая часть населения раньше переходит к оседлости, чем крупные скотовладельцы и собственники. Оседлый джатак древнее кочевого бая (С. П. Толстов). По-видимому, этот тезис не может быть универсальной формулой для всех кочевых обществ на различных этапах его развития. Но он бесспорен для той стадии общественного развития, когда рост имущественного неравенства и социального расслоения привел к обнищанию масс. Эта стадия в истории усуней приходится на III—V вв.

Раннее оседание усуньской родовой и племенной знати, по-видимому, произошло под влиянием империи Хань. Древнеусуньская знать стремилась подражать в быту и образе жизни ханьской аристократии.

Прямые сведения о развитии оседлости и земледелия на территории Семиречья в древнеусуньское время имеются в письменных источниках.

Так, китайский историк Бань Гу сообщает, что придворная дама Фын, приставленная к китайской принцессе, выданной замуж за усуньского гуньми, раздавала подарки усуньским «оседлым владельцам»²⁰, жившим в самой столице Чигу или в ее окрестностях. По этому небольшому, но важному сообщению можно судить, что какая-то часть древнеусуньского общества была оседла. Хотя этот же источник в другой части повествования утверждает, что усунь не занимаются ни земледелием, ни садоводством, но, как известно, оседлость связана с земледелием. Другой вывод, к которому можно прийти, что эти оседлые земледельцы были, по-видимому, владельцами (собственниками) не только скота, но и земельных участков и жилых строений.

Китайский историк XIX в. Хэ Цю-тао, ссылаясь на древние источники, пишет, что хотя древние усунь не устраивают полей, но «сеют деревья»²¹. Комментатор «Ханьшу» Янь Ши-гу (историк VII в. н. э.) поясняет, что «сеют деревья» — значит «сажают деревья»²².

У нас нет никаких оснований не доверять этим сведениям. Ханьская империя, проводя традиционную великодержавную политику по отношению к соседним северным и западным племенам, была более склонна подчеркивать их кочевническую отсталость, чем припи-

²⁰ Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений, т. II, стр. 196. Буквально «Чэн—Го» — владелец укрепленного поселения. (См.: Н. В. Кюнер. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961, стр. 88).

²¹ В. В. Кюнер. Китайские известия..., стр. 74.

²² Там же.

сывать им не характерные для них деяния и образ жизни. По-видимому, оседлая часть усуней занималась и садоводством.

Мы располагаем и более конкретными сведениями по рассматриваемому вопросу. Это сообщение историка Суй Сун, утверждающего, что хотя усунь следовали за водой и травой (кочевали), все же имели города и предместья²³.

Приведенные факты, на наш взгляд, доказывают, что у древних усуней была развита оседлость и земледелие. Несомненно, что влияние на раннее развитие у древних усуней земледелия оказало соседство и общение с земледельческими оазисами Восточного Туркестана, Средней Азии и ханьским Китаем.

Таким образом, археологический материал и данные письменных источников свидетельствуют о том, что оседлость и земледелие развивались в среде древних усуней еще в первых веках до н. э., а более широко в III—V вв. н. э. Эти же данные показывают, что получило распространение огородничество, богарное земледелие и, возможно, садоводство.

Однако и в этот период в усуньском хозяйстве земледелие не стало играть равную со скотоводством роль. У древних усуней на всех этапах развития хозяйство было скотоводческо-земледельческим.

---

²³ Там же, стр. 78.

М. С. МЕРЩНЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ КЗЫЛ-КАЙНАР-ТОБЕ I—IV ВЕКОВ И ЗАХОРОНЕНИЕ НА НЕМ ВОИНА IV—V ВЕКА

В 1963—1968 гг. в районе среднего течения р. Талас и северных предгорьев Киргизского хребта, на участке от г. Джамбула до станции Акыр-тобе проводил работы один из отрядов Семиреченской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.

Основной его задачей было изучение здесь оседлых поселений, относящихся к первой половине I тысячелетия нашей эры. С этой целью в 1963 г. отряд осуществил археологическую разведку, во время которой выявлял и регистрировал поселения, изучал их топографию, производил сбор подъемного материала. С некоторых памятников были составлены схематические планы, а на Чингиль-тобе, Кзыл-Кайнар-тобе, Дуйсенбай-тобе и Чоль-тобе заложены стратиграфические шурфы.

Основным объектом стационарного исследования было избрано поселение Чоль-тобе. Раскопки на нем велись в течение четырех полевых сезонов (1964—1967 гг.), в результате чего оно вскрыто почти полностью.

Полная публикация материалов с этого поселения будет дана отдельно. Но для связи с темой статьи кратко остановимся на результатах его изучения.

Чоль-тобе находится в 45 км восточнее г. Джамбула вблизи станции Ак-Чулак. Расположено в излучине двух ныне сухих саев в предгорьях северного склона Киргизского хребта и отстоит от его подножья на север на 12—15 км (рис. 1). В первоначальном виде Чоль-тобе представляло собой пологий, округлый в плане бугор размером 80×100 м и высотой около 3 м. Состояло как бы из двух частей: центральной возвышенной площадки (центрального бугра) диаметром

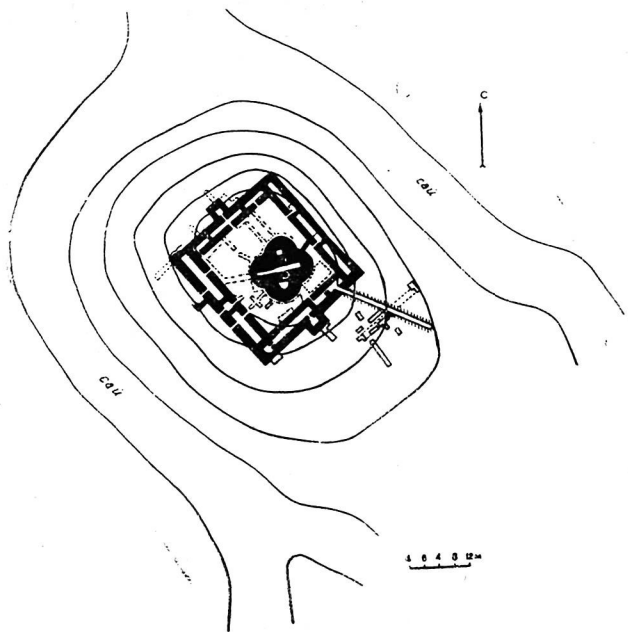

Рис. 1. Схематический план поселения Чоль-тобе и вскрытого на нем архитектурного комплекса.

около 80 м, высотой около 3 м и примыкающей к ней полукольцом с юга заниженной площадки размером 25×60 м и высотой до 1,5 м. В топографическом отношении Чоль-тобе относится к памятникам, которые условно принято называть «тобе с площадкой». Оно принадлежит к типам, характерным для ранних поселений.

Произведенными на нем раскопками было установлено, что возвышенная его часть является остатками архитектурного комплекса прямоугольного, близкого к квадрату плана, со сторонами в длину около 40 м (рис. 2). Вдоль всех сторон располагались длинные узкие помещения типа коридоров. Помещения имели сводчатые перекры-

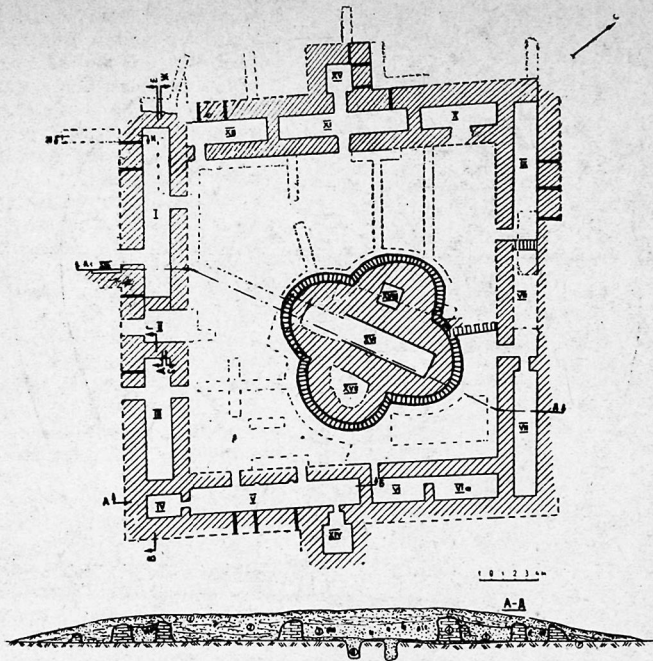

Рис. 2. Архитектурный комплекс поселения Чольтобе.

тия, возводившиеся из крупных трапециевидной формы сырцовых кирпичей.

Этими помещениями замыкался внутренний двор комплекса. В юго-восточной части двора находилось огромное сооружение, крестообразное в плане. В толще его кладки обнаружено три помещения. Одно из них длинное, узкое (рис. 2, XVI), подобное помещениям, расположенным по сторонам главного строения, два других небольшие, почти квадратные в плане (рис. 2, XVII, XVIII).

Оригинальность планировки архитектурного комплекса, особенно наличие несколько необычного, вероятно храмового назначения, кре-

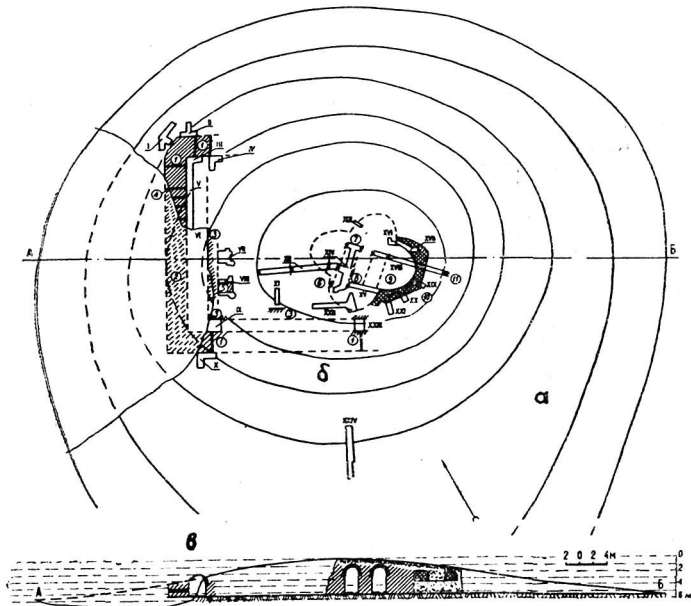

Рис. 3. а — схематический план поселения Кзыл-Кайнар-тобе, б — план открытой части, в — разрез по линии А—Б.

стобразного в плане сооружения, а также отсутствие прямых аналогов ему, усложняло решение ряда вопросов.

Возникла необходимость раскопок еще одного памятника. Требовалось изучить поселение, которое бы по внешним признакам и подъемному материалу повторило поселение Чоль-тобе. Именно поэтому приступили в 1968 г. к исследованию Кзыл-Кайнар-тобе, расположенного в 25 км восточнее г. Джембула и в 20 км западнее Чоль-тобе.

Поселение Кзыл-Кайнар-тобе находится на правом берегу небольшого сая Кзыл-Кайнар, проходящего вблизи современного с. Королевка. Оно представляет собой бугор высотой 5,5 м и диаметром около 100 м. Состоит из возвышенной части бугра и примыкающей

к ней с юга слабовыраженной заниженной части и, как поселение Чоль-тобе, относится к типу памятников «тобе с площадкой» (рис. 3, а). На его западном склоне имелся значительный срез, сделанный в 50-х гг. текущего столетия при сооружении вблизи небольшого пруда. Земля с холма бралась для возведения плотины, перекрывавшей сай.

После зачистки среза в нем прослеживались остатки глиняных стен и слои завалов, состоящие из кусков и целых сырцовых кирпичей, образовавшиеся в результате разрушения стен и сводов каких-то монументальных строений (рис. 4).

Раскопками на Кзыл-Кайнар-тобе установлено, что возвышенная часть бугра, как и на Чоль-тобе, является остатками монументального архитектурного комплекса. Он состоял из прямоугольного в плане, вероятно, близкого к квадрату сооружения со сторонами около или несколько больше 33 м (рис. 5)¹.

Вдоль сторон сооружения располагались длинные узкие помещения типа коридоров

¹ Полностью была определена длина лишь западной стены (33 м). Южная стена шурфами была прослежена до 25 м, но продолжалась в восточном направлении в толще слоев. Северная стена выявлена на 5—6 м, но она, как южная, уходит дальше на восток.

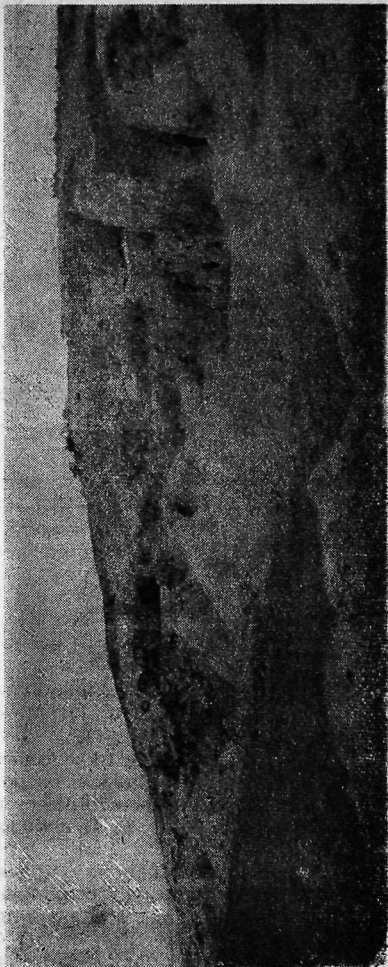

Рис. 4. Внешний вид среза западной стороны поселения Кзыл-Кайнар-тобе.

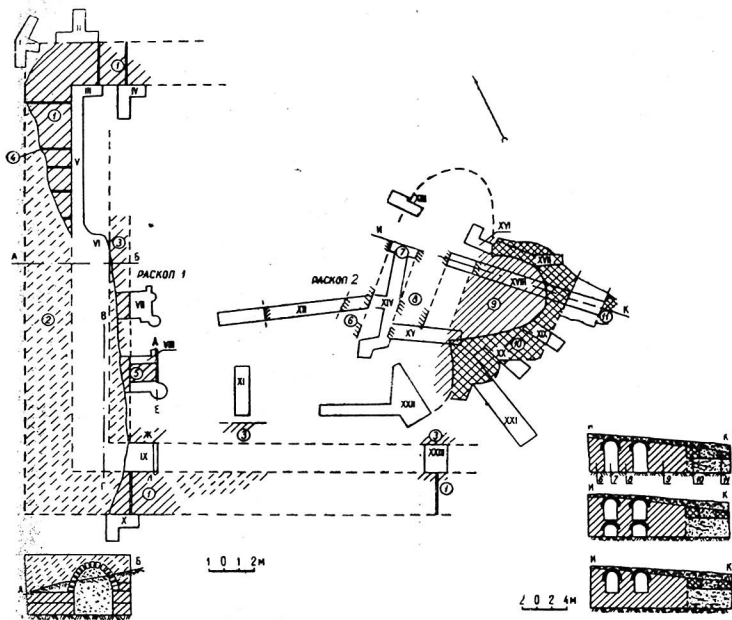

Рис. 5. Планировка выявленного участка поселения Кзыл-Кайнар-тобе.

шириной 2—2,5 м. Стены их сложены из пахсовых блоков. Блоки в нижней части стен — первый и второй (счет снизу) высотой 80 см, третий — 60 см. Толщина внешних стен 3,10—3,15 м, внутренних — 1,30—1,40 м (рис. 5, 1, 3). В некоторых местах они сохранились на высоту до 3 м и покрыты глиняной штукатуркой. В штукатурку добавлено много пшеничной или просяной соломы. Следует отметить, что солома обнаружена и в сырцовых кирпичах, из которых возведены своды помещений, а также в глиняной промазке, применявшейся для скрепления кирпичей в своде. Свод сложен наклонными отрезками из крупных сырцовых кирпичей трапециевидной формы, размером: длина 45 см, ширина узкой стороны 25 см, широкой — 35 см, толщина 8—9 см. Выкладка свода начиналась с высоты 1,6 м от уров-

ня пола, т. е. с конца второго пахового блока и производилась таким образом: два первых (нижних) блока строго вертикально поднимались вверх, а третий на длину кирпичей (45—50 см) был задвинут и образовывал уступ. Затем на этот уступ ребром клали первый кирпич свода, на него следующий и т. д.

Лишь в одном из помещений во дворе (рис. 5, XIV) сохранилась значительная часть свода, но уже деформированная, поэтому точно определить его очертание и высоту не удалось. Судя по оставшимся частям кладки, он имел эллиптическое очертание и был несколько выше, чем полуциркулярный свод пролета и приближался к стрельчатому. Высота его 1—1,5 м. Он возводился из 13—15 трапециевидных кирпичей.

Интересно, что в кладке свода не все кирпичи положены боковой стороной по ширине вверх. Почти в каждом ряду один или два кирпича клались вниз. Причем местоположение таких кирпичей в соседних рядах кладки не совпадало. В результате швы между кирпичами соседних рядов смещались. Этим достигалась дополнительная прочность кладки свода, в чем проявилась оригинальность строительного приема.

Во внешних стенах коридорообразных помещений прямоугольного в плане здания на расстоянии 1,2—2,4 м, как и на Чоль-тобе, имеются сквозные отверстия (рис. 5, 4). Они различного размера и колеблются в пределах 12—17×17—35 см. В северной и южной стенах они находятся на высоте 1 м от уровня пола и строго горизонтально проходят через всю толщу стены. В западной стене отверстия прослеживаются на высоте почти 2 м и понижаются от внутреннего контура стены к внешнему.

Одинакового размера отверстия обнаружены во всех 3-метровых стенах. Судя по их местонахождению и размерам, это, возможно, вентиляционные продухи, слуховые или световые отверстия, возможно те и другие, а также бойницы. С бойницами у них много общего: размер, местонахождение (во внешних мощных стенах) и даже то, что они расположены на одинаковом расстоянии друг от друга — 1,2—2,4 м. Только на одной (западной) стороне здания было около 20 отверстий. Такое же количество отверстий было, вероятно, и в других стенах.

Самым возвышенным местом на поселении Кзыл-Кайнар-тобе, как и на Чоль-тобе, была его юго-восточная часть (рис. 3). Раскопками выяснено, что здесь находилось одно из самых монументальных сооружений поселения. Оно, вероятно, крестообразное в плане, в виде четырехлепестковой розетки и напоминает храмовое сооружение Чоль-тобе. Полностью с внешней стороны оконтурен лишь один восточный

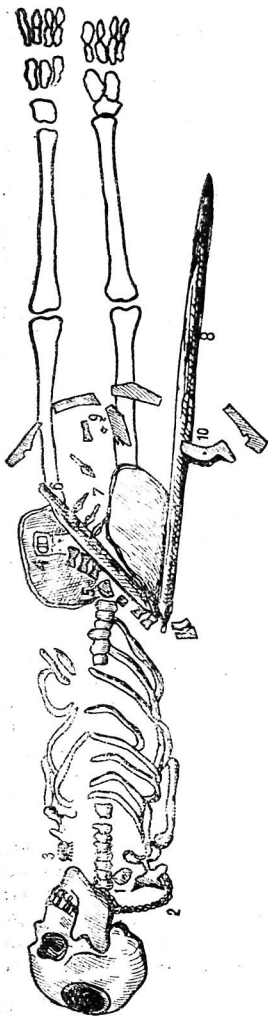

Рис. 6. Захоронение в сводчатом помещении.

лепесток (рис. 5, 9), два других, примыкающих к нему (северный и южный), вскрыты лишь частично. Расстояние между самыми удаленными точками на вершинах противоположных лепестков, вероятно, около 18 м. В Чоль-тобе оно равнялось 17 м. Лепестки представляют собой сплошную кладку, в верхней части из сырцовых кирпичей, а в нижней из пахсовых блоков.

В толще кладки этого сооружения имеется два параллельных помещения типа сводчатых коридоров, т. е. такие же, как и коридорообразные помещения по сторонам прямоугольного здания. В длину они вытянуты с юго-запада на северо-восток и, следовательно, ориентированы несколько иначе, чем помещения прямоугольного здания.

Помещения вскрыты частично, в них заложено по 2—3 небольших шурфа (рис. 5, XIV, XV). Как отмечалось, в западном помещении на значительном участке сохранился свод. Само оно заполнено рыхлыми надувными и намывными частицами, а в некоторых местах имеются слои завалов. Второе помещение, в котором раньше, чем в первом, начал обрушиваться свод, содержало более плотные слои.

В шурфе (рис. 5, 7), заложенном в северной части западного помещения (после того, как в западной части он прорезал слои оплывов и завалов, образовавшихся в результате обрушения свода, а в восточной части частично сохранившуюся кладку свода), на глубине 3 м от поверхности обнаружено захоронение. Условно оно названо «Захоронение воина» (рис. 6).

Углубление шурфа показало, что во времени погребения над полом помеще-

ния накопился почти 1,5 м слой. Он состоял из надувных и намывных частиц, а в некоторых местах и завалов, возникших вследствие обрушения свода в период запустения. Хотя ко времени погребения в помещении были полузасыпанные части в виде зияющих пустот, над некоторыми из них все еще сохранялся свод. В одной из таких пустот, внешне похожей на катакомбу, и было произведено захоронение.

Скелет лежал вдоль восточной стены. Над ним нависала кладка свода, шедшая от этой стены. Захоронение было как бы поддвинуто под свод, что придавало могильной яме вид катакомбы. Его подробное описание дадим несколько ниже.

Чтобы выяснить, нет ли на участке предполагаемого внутренне-го двора, кроме храмового сооружения, еще каких-либо построек или этот двор является свободной площадью, в его западной части были произведены небольшие раскопки (рис. 5, VIII). В результате выяснилось, что непосредственно за внутренней восточной стеной коридорообразного помещения, проходящего с западной стороны прямоугольного здания, имеется пахсовая стена, уходящая на восток, в направлении так называемого внутреннего двора (рис. 5, 5). Причем обе стороны этой стены, а также и внешняя сторона восточной стены коридорообразного помещения (рис. 5, 3) очень хорошо сохранились. По всей вероятности, это внутренние стороны стен.

Сказанное позволяет заключить, что с внутренней стороны коридорообразных помещений, если не вдоль всех сторон прямоугольного здания, то вдоль западной проходил второй ряд помещений.

Раскопки производились и на заниженной площадке, примыкавшей с юга к архитектурному комплексу (рис. 3, XXIV). Здесь в 25 м на юг от южной стены комплекса по оси юго-запад — северо-восток было заложено два шурфа размером 2,5×1 м. В процессе работ их соединили, и раскоп принял вид траншеи длиной около 8 м. Максимальная толщина культурного слоя в траншее была в ее северной части, т. е. ближе к архитектурному комплексу, и достигала 1,5 м. Слой состоял из зольников, в верхней части перекрывавшихся прослойками глины, которые образовались в результате разрушения и оплывов стен южных помещений комплекса.

В самой южной части траншеи над материком обнаружены остатки глиняной массы толщиной около 2 м и высотой 15—25 см, очень похожей на пахсу. Вероятно, это остатки стены, окружавшей площадку, примыкавшую с юга к архитектурному комплексу.

Судя по напластованию слоев в траншее, их структуре и составу, наличию остатков стены, а также по аналогии с заниженной площадкой на поселении Чоль-тобе, эта часть была хозяйственным двором.

Как отмечалось, захоронение в помещении крестообразного сооружения было произведено в могильной яме в виде катакомбы. Скелет лежал по продольной оси камеры, вытянуто, на спине, головой на северо-восток, руки располагались вдоль туловища.

По определению антрополога О. Исмагулова, захоронен мужчина в возрасте 50—55 лет. На черепе прослеживаются следы искусственной деформации. Погребенный принадлежал к смешанному расовому типу (европеоидной с монголоидной примесью)².

Особый интерес представляет наличие на черепе отверстия в виде среза округлой формы, диаметром около 11 см. Оно захватывает значительную часть теменной кости, участок лобной и височной костей. Выяснить причины появления отверстия не удалось³, выскажем лишь ряд предположений: 1) оно образовалось в результате сильного удара, нанесенного мечом или кинжалом (наличие вокруг его нижней части тонкой костной пластинки шириной около 1 см создает впечатление частичного заживания раны); 2) вследствие выреза амулета для родственников покойного; 3) результат хирургического вмешательства, вызванного повреждением черепа или головным заболеванием. На возможную операцию указывает форма отверстия, которое к середине по вертикальной оси имеет некоторый прогиб и, следовательно, могло образоваться только при срезе данной части черепа с двух противоположных сторон. Верхняя оболочка черепной коробки более круто срезана, чем нижняя, и верхняя грань среза буд-то специально сглажена, что придало ему округлость. Видимо, это было сделано для того, чтобы при возможном наложении на отверстие пластинки, она плотно прилежала.

С погребенным найдены различные предметы (рис. 6, 1—10; рис. 7, 1—10). На уровне плеча обнаружена округлой формы костяная пластинка размером 4,6×3,5 см и толщиной 1—3 мм. Верхняя сторона ее несколько выпуклая, нижняя вогнутая. Почти в середине пластинки есть отверстие диаметром около 1 см. С двух сторон от него, почти у самого края пластинки, имеется еще по одному отверстию диаметром 2 мм. На верхней стороне пластинки вокруг этих небольших отверстий прослеживаются едва заметные бороздки. Они образовались, вероятно, в результате трения краев шляпок гвоздиков, которыми пластинка к чему-то прикреплялась. Назначение пластинки выяснить не удалось, но можно предположить следующее: 1) судя по форме и размерам, а также наличию на верхней выпуклой стороне следов от гвоздиков, она служила накладкой на рукоять меча или кинжала; 2) учитывая залощенность поверхности с обеих сторон, а

² О. Исмагулову — старшему научному сотруднику ИИАЭ АН КазССР приношу свою благодарность.

³ Череп еще изучается.

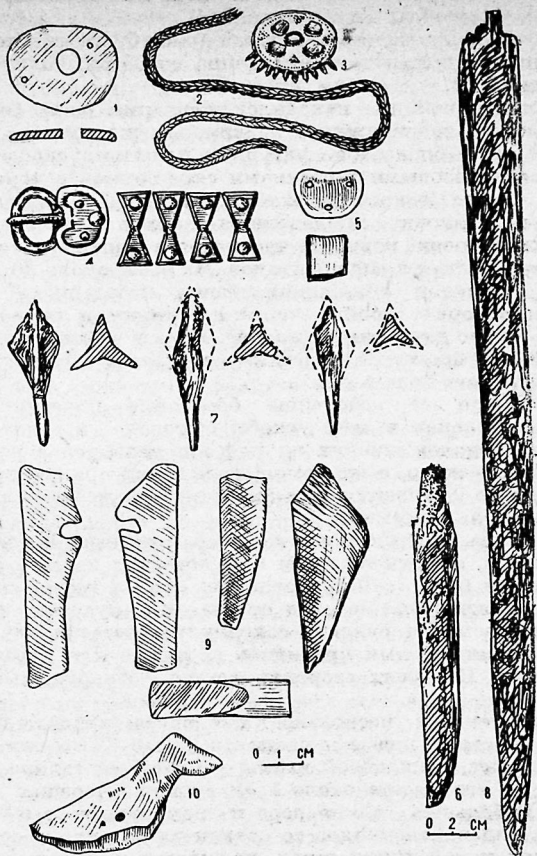

Рис. 7. Инвентарь из погребения в сводчатом помеще-
нии.

также нахождение пластинки вблизи плеча и шеи погребенного, вполне вероятно, что это был амулет (рис. 7, 1).

Шею украшала золотая цепочка (рис. 6, 2), сплетенная из нескольких тонких золотых нитей; длина ее 35 см, толщина (сечение) 4—5 мм (рис. 7, 2).

На талии покойника находился пояс (рис. 6, 4). Он состоял из бронзовой кольчатой пряжки с подвижным железным язычком длиной 2,5—3 см и бронзовой фигурной пластинки-скобы, кольцо которой тремя бронзовыми гвоздиками скреплялось с кожаной частью пояса (рис. 7, 4). По краю верхней части скобы проходила ажурная бронзовая пластиночка, придававшая пряжке еще больше изящества. Внешняя сторона кожаной части пояса украшена тонкими бронзовыми пластинками в виде бантиков. Их было около 30 или несколько больше. К поясу они прикреплены небольшими бронзовыми гвоздиками, которые, пройдя через пластинку и ремень, несколько выступали на его внутренней стороне. На эту часть гвоздика надевалась крошечная бронзовая пластиночка, а затем для ее удерживания край гвоздика расплющивался.

Имеется еще две небольшие бронзовые пластинки: одна из них — прямоугольная в виде скобы, вторая — в виде полукруга (рис. 7, 5). Расположение их на поясе и назначение определить не удалось. Скорее всего, с их помощью к поясу прикрепляли какие-то дополнительные украшения, возможно, металлические пластинки или кожаные фигурные тесемки.

Ниже пояса поперек туловища лежал железный однолезвийный кинжал (рис. 6, 6). Рукоятью он был повернут к левой руке. Длина кинжала 28 см (рис. 7, 6). На одной из сторон лезвия вблизи тупой части имелся желобок. Переход от лезвия к рукояти выражен небольшим уступом. На рукояти сохранились остатки двух железных штырьков, вероятно, ими крепились костяные или деревянные накладки ручки. На обеих сторонах лезвия обнаружены отпечатки дерева от ножен.

С левой стороны, несколько ниже пояса, найдены 8 железных наконечников стрел, целые и части их (рис. 6, 7). Все они, т. е. трехпёрые, черешковые, одинаковой длины — 6,5—7 см (длина пера 3,5 см, максимальная его высота около 1 см, длина черешка 3,5—4 см; рис. 7, 7). Небольшая длина пера и значительная высота лопасти придает им вид наконечников со сравнительно тупой боевой частью. Такой формы наконечники стрел, по-видимому, отражают переходный момент эволюции. Они относятся ко времени, когда наконечники стрел по форме изменились и как бы приблизились к наконечникам тюркского времени, но все еще оставались небольших размеров, что было характерно для предшествующего периода.

Ниже пояса параллельно правой ноге лежал железный меч (рис. 6, 8). Длина его без рукояти 74 см. Рукоять сохранилась в длину всего на 2 см (рис. 7, 8). Максимальная ширина лезвия вблизи рукояти 4,5 см. Переход от рукояти к лезвию под прямым углом. Из-за плохой сохранности установить не удалось, меч это или палаш, более вероятно, что меч.

На уровне бедер находились костяные пластинки — обкладки деревянной части лука (рис. 6, 9). Две из них концевые, а остатки от трех — центральные (рис. 7, 9).

На этом же уровне с правой стороны скелета найден предмет из золотой фольги (рис. 6, 10), похожий на переднюю часть фигурки лошади (рис. 7, 10). Судя по нескольким небольшим в нем отверстиям, он прикреплялся, вероятно, гвоздиками к остальной половине фигурки лошади, сделанной из другого материала. По-видимому, им было дерево, которое не сохранилось.

Наличие фигурки лошади в погребении воина связано с погребальным ритуалом (захоронение с конем), но относится ко времени, когда сообразно эволюции в религиозных представлениях конь был заменен его изображением.

Около головы и шеи обнаружено золотое украшение (рис. 6, 3). Оно овальной формы (размер 2,5×3,5 см) с меньшим диаметром по высоте (рис. 7, 3), с обеих сторон плоское с небольшими возвышающимися бортиками по краям. В нижней части диска к внешней стороне бортика припаяно 11 цилиндрических штырьков, заканчивающихся пирамидальной фигуркой из зерни. На лицевой стороне, несколько отступя от края, имеется валик из мелкой зерни. К нему основанием примыкают четыре симметрично расположенные треугольничка из такой же зерни. Между треугольничками и в центре диска припаяно пять круглых гнезд-ячеек, их бортики возвышаются на уровень бортика по краю диска. У основания с внешней стороны ячейки обрамлены зернью. В четырех гнездах, кроме центрального, сохранились вставки из стекла или самоцвета розовато-вишневого цвета.

Ближайшие аналогии наше погребение имеет с захоронением рубежа IV—V вв. н. э. в купольном помещении поселения Ак-тобе 2⁴. Наиболее полное сходство⁵, доходящее в некоторых предметах до тождества⁶, наблюдается в железных наконечниках стрел, кинжале и мече, костяных накладках лука, украшениях и других вещах. Это позволяет датировать описываемое захоронение IV—V вв. н. э. Важно отметить, что погребение было совершено тогда, когда поселение

⁴ А. Г. Максимова, М. С. Мерциев, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, стр. 71—79.

⁵ Там же, стр. 72—79.

⁶ Там же, стр. 75 и сл.

пришло в запустение и в значительной степени разрушилось. Если учесть, что для этого потребовалось одно или два столетия, то Кзыл-Кайнар-тобе следует отнести к I—IV вв. н. э.

Основные результаты раскопок поселения.

1. Оно аналогично и синхронно вскрытому поселению Чоль-тобе. Его следует отнести к оседлым поселениям, характерным для предгорьев северного склона Киргизского хребта (юг Казахстана) первой половины первого тысячелетия нашей эры.

2. Истоки культуры поселения берут начало в местных исторических достижениях общества предшествующих эпох.

3. Материальная и духовная культура его развивалась на базе комплексного хозяйства, включавшего земледелие и скотоводство.

4. Картина жизни поселения и прекращение ее вполне приемлемы и для других памятников этого района. Она отражает жизнь сельских поселений обширной территории, входившей в ареал культуры долины Таласа.

Н. П. ПОДУШКИН

К ВОПРОСУ О КЕРАМИКЕ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВЕРХОВИЙ РЕКИ АРЫСЬ (I—IV вв.).

До недавнего времени в литературе уделяли весьма мало внимания вопросам характеристики и классификации керамики раннеземледельческих поселений Южного Казахстана вследствие слабой изученности памятников такого рода. Первая предварительная классификация керамики этого района дана в статьях Е. И. Агеевой¹ и Т. Н. Сениговой².

По мере накопления материала в последующие годы публикуется еще ряд работ, из которых необходимо отметить статью Л. М. Левиной³ и сборник «Древности Чардары», посвященные различным вопросам истории древних памятников оседлой культуры бассейна средней Сыр-Дарьи⁴.

Большое значение имеют также археологические исследования, проведенные под руководством А. Н. Бернштама в соседних районах Таласской долины Киргизии и Южного Казахстана, а также исследования близких ко времени памятников оседлой и кочевой культуры Хорезма, Шаша, Ферганы.

¹ Е. И. Агеева. Керамика городов и поселений среднего течения Сыр-Дарьи и Каратау. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1950, № 2; е е же. Хронологическая классификация керамики. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, Археология, 1958, гл. IV.

² Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар (опыт хронологической периодизации). М., 1953 (автореферат канд. дисс.); е е же. Поселение Актобе. В кн.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962; е е же. К изучению технических особенностей керамики низовья Сыр-Дарьи. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Археология, 1959.

³ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры. В кн.: «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.

⁴ А. Г. Максимова, М. С. Мершиев и др. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

Вместе с тем решение многих вопросов, связанных с возникновением и этапами развития раннеземледельческой культуры на территории Казахстана, станет возможным только по мере дальнейшего накопления научных данных.

В основу настоящей статьи положены материалы археологических раскопок, проведенных в течение трех полевых сезонов (1964, 1966, 1967 гг.) на поселении Караул-тобе и в 1967 г. на поселении Жарты-тобе⁵, расположенных в восточной части Чимкентской области, в верховьях р. Арысь и входящих в зону древнего округа Исфиджаб.

В археологической коллекции керамики указанных объектов насчитывается около 400 фрагментов и целых сосудов, выявленных в культурном слое поселений.

Керамический комплекс поселений, отражая различные стороны хозяйственной и культурной жизни, позволяет с учетом стратиграфии памятников ставить некоторые вопросы о специфике и эволюции керамического производства данного района. Рассматривая керамику в тесной связи с особенностями остатков архитектурного комплекса и другими предметами материальной культуры, мы делим ее на две группы: керамику нижнего и верхнего слоя⁶.

Перейдем к рассмотрению основных форм керамических изделий поселения, исходя из их хозяйственно-бытового назначения.

Хозяйственная керамика

Хумы представлены фрагментами венчиков, боковин, донцев, по которым можно восстановить отдельные части сосудов, а также целыми формами (табл. 1, 16, 17, 19). Все они ручной работы, сероглиняные, реже красноангобные. Тесто содержит небольшой процент примесей, обжиг удовлетворительный. В основном они обнаружены в нижнем слое. По размерам близки к хумчам. Форма бочонкообразная со слегка выделенной шейкой, плавно переходящей в тулово, венчик валикообразный, слегка отогнутый наружу. В одном случае (табл. 1, 17) венчик профилирован по краю пальцевыми зажимами, сделанными под углом друг к другу и образующими замысловатый змеевидный рельефный рисунок. Донца слегка выпуклые со следами присыпки песка. В месте соединения их с туловом сохранились сле-

⁵ Общая характеристика поселения Караул-тобе и описание материалов его верхнего культурного слоя даны в статье «Новое поселение раннеземледельческой культуры на юге Казахстана». См.: «Известия АН КазССР, серия общественная», 1968, № 5.

⁶ На поселении Караул-тобе зафиксированы два слоя, на поселении Жарты-тобе — один, хронологически соответствующий верхнему слою Караул-тобе. Коллекция керамики хранится в музее педагогического института г. Чимкента.

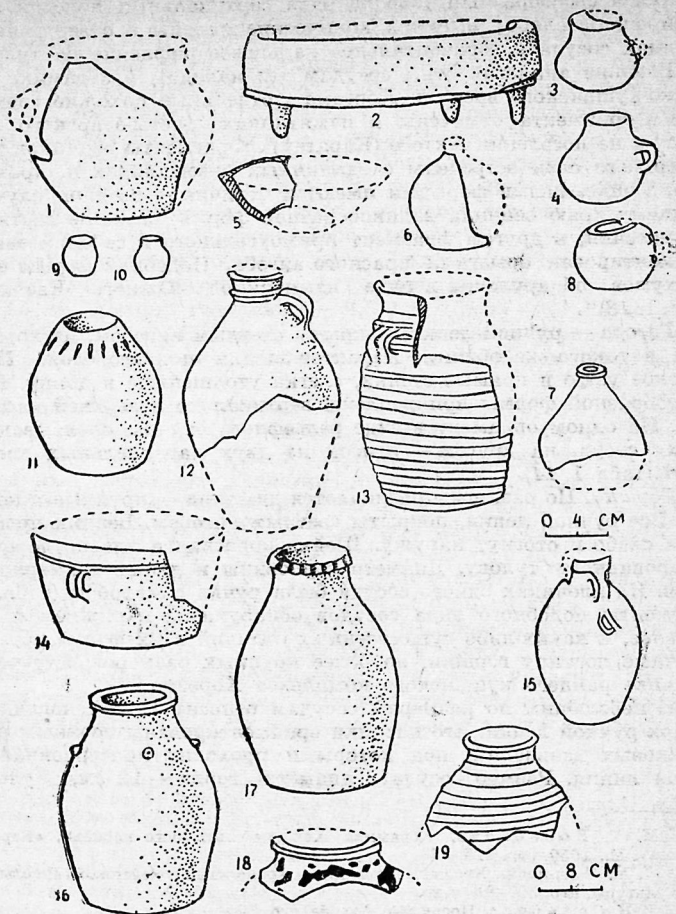

Таблица I. Хозяйственная и столовая керамика из нижнего слоя поселения Караул-тобе (I—II вв. н. э.).

ды сглаживания пальцами рук или лопаточкой, в последнем случае получался своеобразный узор из ряда вертикальных полосок. Орнаментированы слабо; имеются конические налпы с отверстиями на плечиках сосуда и горизонтальное пальцевое рифление на тулове.

Близкие аналогии этим сосудам мы находим в керамике кангуйско-кушанского времени Хорезма⁷, отдельные похожие элементы форм и орнамента отмечены в памятниках джеты-асарского комплекса⁸ и на поселении Актобе (Каратау)⁹. Фрагменты венчиков хумов из верхнего слоя встречены в единичных экземплярах и, кроме общего, с описанными формами имеют и отличия — в одном случае по внешнему краю венчика валикообразной формы сделаны вертикальные насечки, в другом фрагмент прямоугольного в сечении венчика орнаментирован брызгами красного ангоба. Подобные формы венчиков хумов обнаружены в ряде памятников Южного Казахстана (табл. 1, 18)¹⁰.

Тазора — ручной лепки, покрыты светлым ангобом, из хорошего теста и такого же обжига. Характерны для нижнего слоя. Имеют широкое устье и прямые стенки, слегка утолщенные к донцу. Ручки петлеобразной формы прикреплены вертикально в верхней части сосуда. На одном орнамент в виде рельефного валика, опоясывающего сверху сосуд, на другом — поясok из двух параллельных врезных линий (табл. 1, 14).

Горшки. По размерам различается два типа — крупные и небольшие. Все ручной лепки, покрыты светлым ангобом. Венчик профилирован слабо и отогнут наружу. Шейка короткая и плавно переходит к шаровидному тулову. Диаметр горловины и донца примерно одинаков. На плечиках одного сосуда была ручка с желобом (табл. 1, 1). Фрагменты подобного вида сосудов обнаружены в нижнем и верхнем слое, и каких-либо существенных отличий в их форме нет. Аналогичные по типу горшки, но более крупных размеров встречены в керамике раннего кушанского комплекса Хорезма¹¹.

К небольшим по размерам сосудам относится красноглиняный горшок ручной лепки. Его плечики орнаментированы тройным рядом кружковых вдавлений, под которыми проходит прочерченная волнистая линия. Размер сосуда: диаметр горла — 12 см, тулова —

⁷ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. «Керамика Хорезма». М., 1959, стр. 125, 148.

⁸ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джеты-Асарской культуры, стр. 80—81 и др.

⁹ Т. Н. Семенова. Поселение Актобе, стр. 75.

¹⁰ Е. И. Агеева. Хронологическая классификация керамики. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 164. Автор относит их к раннекангуйскому времени.

¹¹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма, стр. 96, рис. 11, 7; стр. 148 и др.

16 см, донца — 10 см, высота — 13 см¹². Сосуды подобной формы и орнамента отмечены в курганных могильниках Таласской долины¹³. Интересен фрагмент боковины горшка с пеглеобразной вертикальной ручкой и прямым венчиком, найденный в нижнем слое. Его верхняя внешняя сторона орнаментирована сплошной прорезной линией, имитирующей треугольники, внутреннее поле которых покрыто короткими вертикальными штрихами и точечными вдавлениями.

Фляги. Зафиксировано два типа фляг, характерных для верхнего слоя поселений. Один яйцевидной формы, другой — шаровидной. Одна из фляг первого типа с плоским боком, сероглиняная, ручной работы, имеет овальное утолщенное плоское донце и своеобразный налет в выступающей боковой части. Удлиненная горловина заканчивается слегка отогнутым наружу венчиком. Размер сосуда: высота — 12 см, диаметр горловины — 4,5 см, тулова — 14 см (наибольший), донца — 7,5×4,5 см. Два других фрагмента крупного размера фляг подобной формы, красноглиняные, имеют обозначенные в устье сливы.

Фляга шаровидной формы, сероглиняная, с короткой шейкой и слегка расширяющейся горловиной. Станковой работы. Размер сосуда: высота — 22 см, диаметр горловины — 8 см, тулова — 20 см. Эти формы фляг встречают аналогии в памятниках каунчинской¹⁴ и джеты-асарской¹⁵ культуры. Широко представлены подобные сосуды и в кочевнических погребениях Таласской долины, Шаба, Зеравшана, Ферганы, где они датируются в пределах II—V вв. н. э.¹⁶

Узкогорлые сосуды по форме близки к флягам, вполне возможно, что они были их прототипом. Отмечены в нижнем культурном слое. Имеют довольно широкое в диаметре донце, шаровидное в основании тулово, постепенно сужающееся к горлу, с валикообразным венчиком. Сосуды станковой работы, покрыты красным ангобом, средняя и верхняя части носят следы горизонтального рифления. Донце несколько тоньше стенок. Отдаленные аналогии таким формам

¹² В тексте даны размеры сосудов, не вошедших в иллюстрации.

¹³ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 42, рис. 8, I—3.

¹⁴ Г. В. Григорьев. Келеская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археологич.», 1948, вып. 2, стр. 77, табл. XVI, рис. 129.

¹⁵ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии, стр. 76, рис. 36, 37.

¹⁶ А. Н. Вернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940, табл. XVI; И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники..., стр. 42; О. В. Обельченко. Сазаганские курганы. «История материальной культуры Узбекистана». Ташкент, 1966, стр. 77—78 и др.

и орнаменту мы находим в керамике Тагискенского комплекса¹⁷ и ряда памятников Средней Азии (табл. 1, 6—7)¹⁸.

Столовая керамика

Кувшины. Распространенный вид керамических изделий. По форме и орнаменту различаются три типа. Первый и второй встречаются в нижнем слое. К первому отнесены узкогорлые кувшины ручной лепки, грушевидной формы, сероглиняные, с петлеобразными, овальными в сечении ручками, крепившимися верхним концом к горловине, нижним — к плечикам сосуда. От верхнего основания ручек идет лепной рельефный валик, опоясывающий горловину. Иногда под ручкой на тулове сосуда прочерчены знаки, а на внешней поверхности проведены редкие горизонтальные полосы (табл. 1, 12, 15). Второй тип кувшинов имеет широкое горло, примерно равное диаметру донца, тулово бочонкообразной формы со следами горизонтального рифления внешней поверхности, петлеобразные ручки с желобком и рельефным валиком, отходящим от их верхнего конца по горловине. Внешняя поверхность покрыта вишневого цвета ангобом (табл. 1, 13). Своеобразен сероглиняный кувшин шаровидной формы с прямым венчиком, орнаментированный по плечикам ногтевыми вдавлениями (табл. 1, 11).

Для верхнего слоя характерен третий тип кувшинов, имеющих на широком донце приземистое округлое тулово. Устье сосудов в диаметре несколько меньше донца. Средние размеры: диаметр горла — 8—12 см, тулова — 16—24 см, донца — 10—16 см, высота — 22—30 см. Ручки, крепившиеся верхним концом к горловине, а нижним — к плечикам сосудов, имеют характерный желобок, и от их верхнего конца по горлу идет рельефный лепной валик. Внешняя поверхность покрыта бледным, реже красноватого цвета ангобом. Довольно часто широкое горизонтальное рифление тулова. Нетрудно заметить, что кувшины третьего типа явились результатом эволюции форм первых двух типов.

Описанные кувшины своеобразны и не находят широких аналогий в керамике соседних районов. Нам известны единичные находки кувшинов близких форм из курганных погребений Таласской доли-

¹⁷ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. И. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. М., 1963, стр. 46.

¹⁸ О. В. Обельченко. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника. Труды САГУ, т. IV. Ташкент, 1957, стр. 123, 127.

ны¹⁹. Более отдаленные аналогии прослеживаются в керамике Хорезма, из материалов городища Кой-Крылган-Кала²⁰.

Кружки. Представлены несколькими типами, которые различаются между собой по величине, форме, орнаменту. Наиболее распространенными формами для нижнего слоя являются небольшие кружки с приземистым раздутым в основании туловом и низко посаженной петлеобразной ручкой. Внешняя поверхность иногда покрыта светлым ангобом. Венчик слегка отогнут наружу. Диаметр горла равен диаметру дна или немного меньше его. Отмечены сосуды ручной и станковой работы (табл. 1, 3—4). Подобные формы кружек бытовали длительное время в широком круге памятников Казахстана и Средней Азии начала и середины I тысячелетия н. э.²¹

Очень интересна кружка станковой работы с шаровидным туловом и петлеобразной ручкой, покрытая красным ангобом. Венчик не профилирован, в верхней части сосуда имеются следы горизонтального рифления (табл. 1, 8). Из других форм следует сказать о кружках средних размеров (высота — 10—12 см, диаметр горла — 5—6 см, донца — 5—6 см, тулова — 8—10 см), с прямым слегка расширенным в середине туловом и петлеобразной желобчатой или овальной в сечении ручкой, крепившейся к середине тулова, реже к венчику и плечикам. Часть ручек подобных сосудов выполнена в виде стилизованных изображений животных и имеет в верхней части конические наделы, что характерно для керамики каунчинской и джегтысарской культуры. В верхнем слое найдены также двойные ручки от кувшинов и кружек, присущие сармато-аланским памятникам первых веков нашей эры Северного Кавказа.

Блюда, миски. Собраны только фрагменты, но их вполне достаточно для восстановления первоначальных форм. Все ручной лепки, черепок в изломе красного или серого цвета. Иногда внешняя поверхность покрыта светлым или вишневого цвета ангобом. Характерны для нижнего слоя. Представляет интерес круглое блюдо — столик на трех ножках (табл. 1, 2). Это большое по размеру керамическое изде-

¹⁹ И. Кожомбердиев. Катакомбные памятники, стр. 44, рис. 10, 2; стр. 53, рис. 16, 4.

²⁰ Кой-Крылган-Кала — памятник культуры древнего Хорезма. См.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. V. М., 1967, стр. 98, рис. 45а, 9.

²¹ Подобные формы отмечены в памятниках первых веков нашей эры Ферганы. (См.: А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, вып. II. Л., 1940, табл. XIII; С. С. Сорокин. О происхождении керамики катакомбных могил Ферганы. «Советская археология», 1954, т. 20, стр. 136, рис. 4, 13, 14. Они бытуют и в более позднее время на земледельческих поселениях Ташкентского оазиса. См.: А. И. Тереножкин. Холм Ак-Тепе близ Ташкента. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. I. Ташкент, 1948, стр. 114—115, рис. 16—17.

лие состоит из двух взаимосвязанных частей: блюда со слегка загнутыми внутрь краями и плоского столика, на котором оно стоит. Мастер хотел подчеркнуть место деления и провел широкую врезную полосу у основания блюда. По своей форме оно родственно чашам сако-усуньского времени, широко распространенным в памятниках Казахстана²², Киргизии и Средней Азии²³.

Миски (чаши) покрыты темным ангобом, имеют плоское донце и отходящие от него под острым углом стенки с последующим перегибом тулова. Венчики круто загнуты внутрь (табл. 1, 5). Отдельные аналогии подобным усложненному профилю мискам мы находим в керамике Ферганы рубежа до и нашей эры²⁴. В одном случае фрагмент сероглиняной круглодонной миски был со слегка загнутыми внутрь стенками и валикообразным венчиком-площадкой с краями внутрь и наружу. Аналогичная форма сосудов известна по материалам Берккаринского могильника, датируемого рубежом до и нашей эры²⁵. Очень своеобразны миниатюрные сосуды горшкообразной формы (табл. 1, 9, 10).

Кухонная керамика

Она ручной лепки. Обнаружены фрагменты венчиков, боковин, ручек, по которым можно восстановить ее формы. Различается два основных типа: круглодонная котлообразная и плоскодонная горшкообразная. Обе формы бытуют как в нижнем, так и в верхнем слое. Они несколько различаются приемами орнаментации и формой ручек (табл. II, 10—13).

Круглодонные котлы из нижнего слоя имеют шаровидное тулово, прямой, образованный легким отгибом наружу стенок сосуда венчик, горизонтальные, крепившиеся немного выше середины тулова ручки. Они сероглиняные, со следами копти, тесто их с характерными для этой группы керамики примесями песка, кальцита. Средние размеры сосудов: высота — 18—20 см, диаметр горла — 18—20 см, наибольший диаметр тулова — 20—22 см. Подобные формы широко распространены в памятниках оседлой и кочевой культур Казахстана

²² К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, табл. IV, 2, 3, 5, 8 и др.

²³ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 53, 61, 63.

²⁴ С. С. Сорокин. О происхождении керамики катакомбных могил Ферганы. «Советская археология», 1954, т. 20, стр. 145—146.

²⁵ Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Археология, 1956, стр. 200, табл. VI, 10.

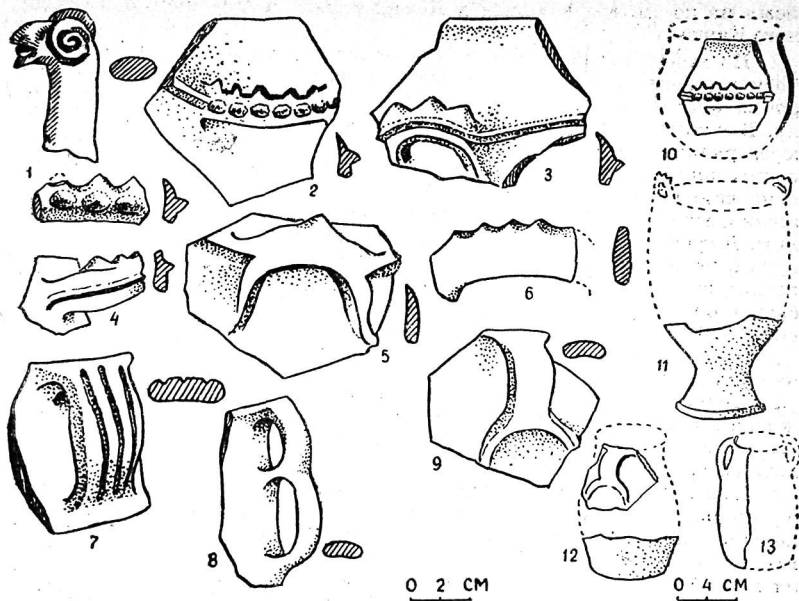

Таблица II. Фрагменты кухонной керамики (I—IV вв. н. э.).

на и Средней Азии и бытуют от сако-усуньского времени до позднего средневековья. Вместе с тем котлы нашей группы отличаются приемами орнаментации тулова и профилировкой ручек.

Заслуживает внимания ручка от крышки котла (сосуда?), сделанная из плотной хорошего замеса и обжига глины, в виде головы архара (табл. II, 1). Это редкое по красоте и глубоко реалистичное по изображению изваяние можно отнести к ряду памятников скифосакского «звериного стиля». Гордо поднятая голова, полуоткрытый рот, подчеркнутая округлость глаз в сочетании с крутыми витками рогов и мощной, слегка удлиненной шеей передают движение и силу животного. Ближайшие аналогии этому изображению, но выполнен-

ному из кости, мы находим в Келермесской группе курганов Северного Кавказа²⁶.

Не менее выразительна ручка от котла, сделанная в виде рога козули (олены?), аналогии ее нам неизвестны (табл. II, 2—3). Эта ручка буквально копирует рога животных, найденные на поселениях. Близкими к этой форме, но сделанными более схематично являются ручки от котлов верхнего культурного слоя с тремя, двумя и одним коническим выступом в верхней части (табл. II, 4—5). Здесь явно видна тенденция к упрощению формы и схематизации изображения, хотя сам замысел — передать образ животного остается прежним. Довольно реалистично в виде рога архара изготовлены и другие ручки, вероятно, от котлов на конусовидной ножке (табл. II, 6). Нетрудно заметить, что формы ручек керамической кухонной посуды сохраняют традиции и элементы орнаментации бронзовых котлов скифо-сакского типа²⁷.

Характерным элементом этой общности, кроме зооморфного изображения ручек, является лепной рельефный пояс, идущий параллельно венчику по ручке и тулову сосудов. Отметим, что изображение животных или их частей в значительно стилизованном виде бытует в кухонной керамике Средней Азии и Казахстана и в более позднее время²⁸.

Плоскодонные горшкообразные сосуды имеют слегка выпуклое цилиндрической формы тулово, отогнутый наружу венчик, вертикальные, крепившиеся верхним концом к венчику, а нижним — к плечикам сосуда овальные в сечении ручки (табл. II, 7—8, 10). Тесто их грубого замеса с большим процентом примесей. В основном они средних размеров: высота — 16—24 см, диаметр тулова — 12—18 см, горла — 8—16 см, донца — 8—16 см. Встречены и более крупные фрагменты. Аналогичные формы обнаружены в памятниках

²⁶ А. А. И е с с е н. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 114. Можно также указать на сходство с головкой барана от псаля из Старшей могилы Сумской области (см.: А. П. С м и р н о в. Скифы. М., 1966, стр. 169) и многочисленными схематическими изображениями архара на ручках сосудов каунчинского типа, датированных первыми веками нашей эры. См.: Г. В. Г р и г о р ь е в. Келесская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, № 46, стр. 69, 74 и др.

²⁷ С м. К. А. А к и ш е в, Г. А. К у ш а е в. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, стр. 109, 111; Т. Н. С е н и г о в а. К вопросу о генезисе культуры Семиречья VI в. до н. э. — XII в. н. э. «Вестник АН КазССР», 1967, № 4, стр. 69—72; Е. Ю. С п а с с к а я. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. «Ученые записки АГПИ», т. XI, 1956, стр. 155—169 и др.

²⁸ И. И. А х р а р о в. Кухонная керамика Ферганы IX—X вв. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 7. Ташкент, 1966, стр. 132—133.

каунчинской культуры²⁹ и курганных погребениях усуньского времени Тянь-Шаня³⁰.

Вместе с тем в наших поселениях сосуды такой формы отличает рельефный лепной валик, идущий от нижнего конца ручки по тулову в виде круга или двух полуокружностей вниз и в разные от основания ручки стороны³¹. Этот мотив весьма характерен для сосудов подобного типа и сближает их с описанным орнаментом круглодонной керамики.

Орнамент

В керамике поселений отмечено несколько орнаментов: прочерченный, рельефно-выпуклый и цветной. Остановимся на его характеристике. Это важно потому, что, несмотря на сравнительно небольшое число орнаментированных сосудов или их фрагментов, найденных на поселениях, они весьма существенно помогают в решении вопросов датировки всего комплекса.

Для керамики нижнего слоя характерен прочерченный и рельефно-выпуклый орнамент (рифление). Прочерченный обнаружен на фрагментах сосудов баночной и горшкообразной формы с прямым, слегка отогнутым венчиком. Рисунок напоминает треугольники, внутреннее поле которых, иногда и пространство между ними, покрыто точечными вдавлениями (табл. III, 19, 22, 23). Встречается и несколько видоизмененный рисунок: врезная линия, образующая «треугольники», приобретает плавный изгиб и превращается в волнистую, точечные вдавления также сохраняются (табл. III, 20—21). Орнаментация на наших сосудах в какой-то мере перекликается с орнаментацией керамики поздней бронзы. Еще более характерно для керамики этого слоя редкое горизонтальное рифление на сосудах различных форм и назначения, причем у крупных оно более широкое и редкое, у средних — частое и узкое (табл. III, 1—4). Рифление наносили преимущественно на верхнюю часть тулова и горловину, а иногда и на всю поверхность сосуда. Подобный орнаментальный мотив весьма архаичен, он широко представлен в керамике Тагискенского комплекса³²,

²⁹ Г. В. Григорьев. Келесская степь, стр. 70, табл. IX, рис. 68.

³⁰ А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане, 1953—1955 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II, М., стр. 120.

³¹ Нам известны единичные находки сосудов с подобным орнаментом. Сосуд датирован II—III вв. н. э. См.: С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, в 1958—1961 гг., стр. 52.

³² С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. И. Итина. Указ. работа, стр. 46.

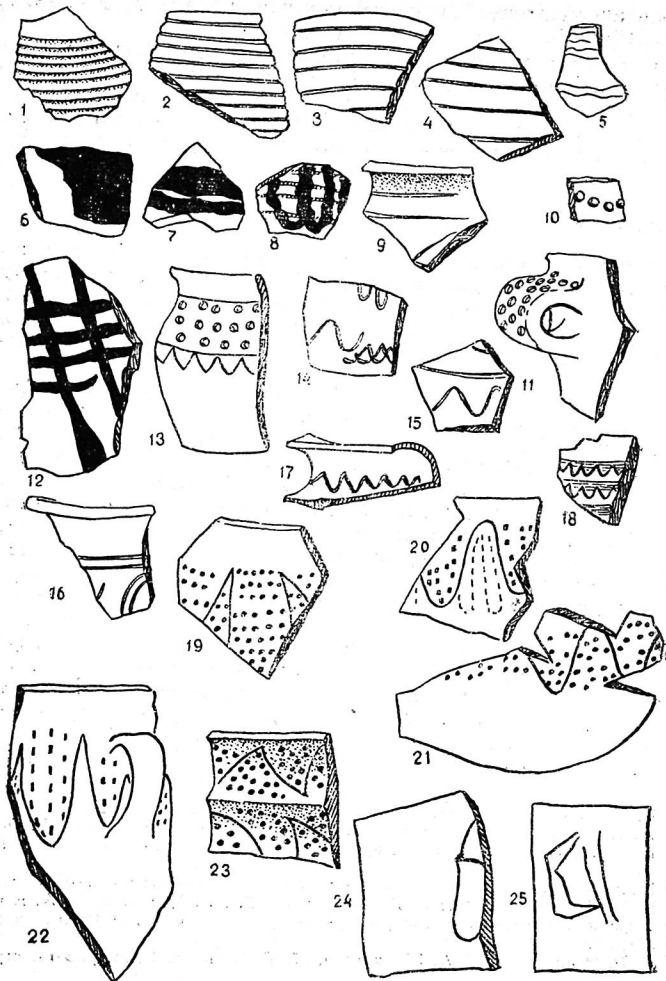

Таблица III. Основные типы орнамента на керамике поселения.

в материалах городища Хазараспе³³ и других памятниках античного Хорезма. Характерно, что формы некоторых сосудов поселений, имеющих рифленую поверхность, близки к формам сосудов, перечисленных памятников.

Не менее интересна орнаментация в виде налепов шишечкой. В нижнем слое она обнаружена на сосудах типа хумов и кувшинов. Налепы расположены на горловине (под ручкой) или плечиках. Подобный орнамент встречался еще в керамике эпохи бронзы³⁴ и бьтовал в широком кругу памятников раннего железа³⁵.

Несколько иной орнамент у керамики верхнего слоя поселения. Он в основном прорезной, рифленый и крашеный. Прежний сюжет прорезного рисунка меняется: вместо резких линий, близких по форме к треугольнику, появляется плавная волнообразная, точки заменяют небольшие кружковые вдавления (табл. III, 9—11, 13—18). Вполне вероятно, что в этом сказываются традиции орнаментации сосудов предшествующего периода.

Известно, что даже при крупных изменениях в экономической, общественной и культурной жизни, которые обуславливают также изменение форм, техники и орнамента керамики, всегда обнаруживаются элементы преемственности и связь с предшествующими этапами³⁶. В имеющейся археологической литературе появление волнообразного прорезного орнамента на плечиках сосудов относят к различному времени. Так, А. Н. Бернштам, отмечает, что подобный мотив был излюбленным в керамике гуннов, и связывает его появление с катакомбными памятниками ранних кочевников Таласской долины первых веков нашей эры³⁷. Подобный орнамент встречен и на сосу-

³³ М. Г. Воробьева, М. С. Лапиров-Скобло и Е. Е. Неразик. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. Полевые исследования Хорезмской экспедиции 1958—1961 гг., т. 1. М., 1963, стр. 175.

³⁴ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Суэжи. Труды ГИМ, т. XVII, М., 1948, стр. 15, 19; О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Там же, стр. 133, 138 и др.; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 225, 237, 253 и др.

³⁵ Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников Джетысарской культуры. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966, стр. 70—72. Автор приводит многочисленные данные о районах распространения и времени бытования подобного орнамента.

³⁶ В. А. Ильинская. Керамика скифских погребений Посулья. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 168.

³⁷ А. Н. Бернштам. Памятники ранних кочевников Таласской долины. Материалы и исследования по археологии Казахстана, т. 1, Таласская долина. Алма-Ата, 1949, стр. 25; его же. Кенкольский могильник. Л., 1940.

дах раннеземледельческого поселения Актобе (Каратау)³⁸. В районах Хорезма он был распространен в II—III вв. н. э.³⁹

Несколько иначе датирована керамика с таким орнаментом в других районах Средней Азии. В долине Зеравшана, в памятнике Талибарзу I и на городище в Китабе (долина Кашкадарьи) ее определяют II—I вв. до н. э.⁴⁰ Керамика с рифлением представлена несколькими фрагментами горловин и верхних частей тулова с частым и узким рифлением, весьма близким по технике и характеру исполнения к керамике ранних памятников Джеты-Асара⁴¹ и средней Сыр-Дарьи⁴². Она обнаружена и в кочевнических погребениях первых веков нашей эры в Семиречье⁴³.

Крашенный ангобный орнамент отмечен на нескольких фрагментах сосудов средней величины и на боковине крупного сосуда типа хума с квадратным в сечении венчиком. Рисунок выполнен в виде различных по величине пятен или потоков. В одном случае линии красок образуют рисунок из пересекающихся под прямым углом горизонтальных и вертикальных полос (табл. III, 6—8, 12). Подобный метод орнаментации встречен у широкого круга памятников Средней и Нижней Сыр-Дарьи и Каратау, начиная с первых веков нашей эры и кончая средневековьем. Очень распространенным орнаментальным мотивом остается горизонтальный рельефный валик, опоясывающий сосуды по плечу или горловине. Он отмечен у всех форм сосудов и наряду с желобчатым является одним из наиболее характерных признаков керамики поселений⁴⁴.

В результате анализа керамики мы пришли к таким выводам:

1. Керамика поселений Арысы на основе приведенных аналогий

³⁸ Т. Н. Сенигова. Поселение Актобе. См.: «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962, стр. 73.

³⁹ М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма античного периода. Труды Хорезмской экспедиции, т. IV, М., 1959, стр. 195 и др.

⁴⁰ С. К. Кабанов. Керамический комплекс из наслоенный древнего городища в Китабе. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 3. Ташкент, 1962, стр. 51—52. Автор отмечает, что волнообразный орнамент характерен для керамики памятников Узбекистана, Таджикистана, Афганистана II в. до н. э.—III в. н. э.

⁴¹ Л. М. Левина. Указ. работа, стр. 80—81 (рис. 18, 19, 29, 64, 65). Из материалов Кара-Асара, Доломок-Асара, Мейшекты-Асара и др.

⁴² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1956 Алма-Ата, стр. 34—35.

⁴³ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 224, табл. VI, 15.

⁴⁴ Орнаментация сосудов рельефными валиками характерна для керамики кангуйско-кушанского периода Хорезма. См.: М. Г. Воробьева. Керамика Хорезма, стр. 86, 91, 190, 195 и др.

датируется рубежом I—IV вв. н. э. Этому не противоречит и другой археологический материал — предметы вооружения, украшения, быта. Далее, учитывая особенности стратиграфии и существующие различия в формах и орнаментации керамики нижнего и верхнего слоя, мы делим ее на два генетически связанных хронологических периода: I—II вв. н. э. и II—IV вв. н. э.

2. Наличие в керамике поселений форм (кувшины, блюда, кружки, фляги, хумы), характерных для кочевнических и раннеземледельческих памятников I—IV вв. н. э. районов Таласа, Шаша, Ферганы и Хорезма, свидетельствует о существовании экономических и культурных связей их обитателей с населением окружающих областей.

3. Керамика поселений имеет локальные особенности, проявляющиеся в своеобразии отдельных ее форм и орнамента (кувшины, кружки, котлы, горшки). Форма ручек и орнаментация сосудов порой не имеют прямых аналогий в синхронной керамике окружающих районов и говорит не только о высоком уровне и своеобразии культуры племен, оставивших эти памятники, но и о ее генетических связях с культурой племен сако-усуньского времени.

В. НУРМУХАНБЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК БОРИЖАРСКОГО МОГИЛЬНИКА

Выполняя задачу развертывания работ по всестороннему изучению проблем древнего Отрара, один из археологических отрядов ведет раскопки Борижарского могильника. Мы продолжаем публикацию о нем материалов¹.

В курганах Борижары не всегда встречаются погребения с одинаковой обрядностью.

Курганы крупных размеров (от 1,5 и более метров), как правило, имеют наземные погребальные сооружения наподобие наусов. Их нетрудно отличить и по очертаниям насыпи.

Среди большинства более мелких курганов (при их полном внешнем сходстве) зафиксированы погребения либо внутри погребальных построек, либо на простых могильных площадках без каких-либо дополнительных устройств.

Отмеченные черты характера памятника требуют дифференцированного подхода к раскопкам отдельных курганов. Они говорят также о некоторых своеобразных свойствах Борижарского могильника, которые не укладываются в принятое понятие — курганный могильник.

---

¹ См. информацию о раскопках в сб.: «Археологические открытия 1967 г.» (М., 1968, стр. 322—324), затем нашу публикацию материалов с описанием могильника — «Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана». В кн.: «Древняя культура скотоводов и земледельцев Казахстана» (Алма-Ата, 1969). В работах отряда 1968 г. принимали участие сотрудники отдела археологии ИИАЭ АН КазССР: В. И. Садомсков, А. С. Загородний, Г. Б. Демченко, О. В. Медведев, В. А. Грошев. Пользуясь случаем, выражаю свою признательность всем участникам Борижарского отряда 1968 г.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД И ВЕЩИ

Труположение на могильных площадках без оградок

Курганы с подобного рода обрядом раскопаны в центральной части могильника в 300 м юго-восточнее известного городища Жуантобе². Вместе они составляют компактную группу. Она находится в низине, открытой лишь с одной обращенной к долине р. Арысь стороны (рис. 1). Здесь вскрыто около двух третей всех курганов группы. Дадим им характеристику выборочно.

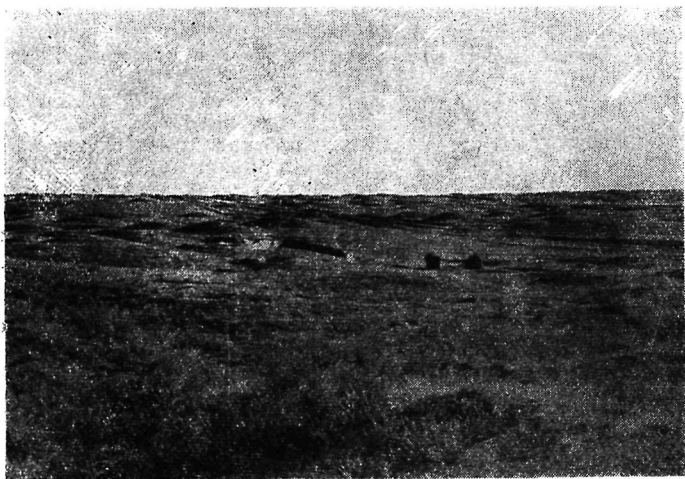

Рис. 1. Могильник Борижары. Вид на район раскопок.

Курган 19. Лёссовая насыпь полуяйцевидной формы. Вершина круглая, скаты пологие (оплывшие). Размер с севера на юг — 7,5 м, с запада на восток — 6 м, высота — 0,6 м.

Погребение совершено на площадке. Она овальной (3×2,2 м)

² Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 51—52.

формы. Поверхность ее в черте расположения скелета покрыта тонким слоем обожженной глины.

Скелет сохранился неполностью (рис. 2). Сами кости плохой сохранности. Ориентировка погребенного восточная. Вещей нет³.

Курган 22. Насыпь овального очертания (10,5×9 м)⁴. Высота 0,8 м. Обнаружены кости двух скелетов.

Захоронения совершены на площадке из битой глины с примесью речной гальки. Погребенные лежали вытянуто, на спине, под прямым углом друг к другу. Первый скелет ориентирован на восток, второй — на север.

У поясничных позвонков первого скелета найдены остатки железных удил, около левой локтевой кости — железный косовидный нож (табл. 11, 34). Нож плохой сохранности. Черенок плоский, заостренный. Следы древесины на нем свидетельствуют о том, что нож был с деревянной рукояткой.

Вещественных находок при втором погребенном нет.

Курган 2. В насыпи попадались обломки глиняных сосудов, фрагменты железных изделий и истлевшие кости человека.

Погребальная площадка открылась на глубине 1,15 м от вершины кургана. Она расположена несколько ниже уровня горизонта и захватывает южную половину основания насыпи.

На площадке вместе с костями скелета найдены: обломок железного ножа (?), деталь наборного пояса с фигурной Т-образной застежкой, прямоугольным щитком с двумя шпеньками для крепления (табл. 11, 18), три глиняных кувшинообразных сосуда разных размеров и сохранности.

Целый энохоевидный кувшин (табл. III, 8) имеет высоту 29 см. Тулово шаровидной, несколько сплюснутой формы. Горло почти цилиндрическое, довольно высокое

³ В процессе снятия насыпи и расчистки скелета попадались мелкие железные обломки.

⁴ Насыпи курганов довольно однородны, и во избежание повторений в дальнейшем мы опустим их описание.

(около двух третей общей высоты сосуда). Слегка уплощенная ручка прикреплена верхним шишковидным выступом-концом к краю горловины, а нижним изогнутым — к плечу.

Сосуды сформованы от руки и покрыты тонким слоем красного ангоба. Поверхность ангоба ровная и гладкая (возможно, лощение). На донцах имеются следы песочной подсыпки.

Курган 3. Могильная площадка устроена на уровне материка. От погребенного сохранились в анатомическом порядке лишь берцовые кости и запястье левой кисти. Судя по ним, умерший положен вытянуто, на спине (?), головой на северо-запад.

Единственная находка — плоскодонный энохоевидный кувшин (табл. III, 6). Он найден в 3 м от костей скелета. У него приземистое, несколько приплюснутое тулово, высокое (12 см при высоте кувшина 27 см) конусообразное горло, которое, расширяясь книзу, плавно переходит в покатые плечики сосуда. Ручка гладкая, округлая в сечении. Она прикреплена так же, как и у описанного сосуда. Поверхность кувшина хорошо ангобирована.

Курган 4. На могильной площадке сохранилось несколько разрозненных костей стопы.

Инвентарь: крупная (диаметр 3 см) каменная бусина (табл. II, 17) и неизвестный бронзовый предмет (табл. 11, 16).

В насыпи найден обломок керамической крышки.

Курган 5. На могильной площадке обнаружены разрозненные кости скелета и глиняный плоскодонный кувшин (табл. III, 3). По форме он отдаленно напоминает кумганы — современные сосуды, применяемые мусульманами при ритуальном омовении. Прямое (цилиндрическое) не очень высокое горло его кверху расширяется (диаметр горла — 10 см, раструба — 14 см). Петлеобразная ручка с уплощенными концами (средняя часть треугольная в сечении) прикреплена к основанию горла и плечу сосуда. На стороне, противоположной ручке, расположен поднятый кверху короткий носик. Его верхнее отверстие круглое с маловыраженным сливом. Кувшин сформован от руки, поверхность его покрыта тонким слоем темно-красного ангоба. Сам ангоб ровный и гладкий. На донце имеются следы песочной подсыпки.

Курган 7. По сохранившимся на могильной площадке костям скелета определить ориентировку погребения не удалось. От инвентаря остались: два гладких медных браслета (табл. 11, 1, 2), медный амулет (табл. 11, 4), обломок железного изделия (табл. 11, 3) и бусы (табл. II, 5—8)⁵.

⁵ Материал бус еще не определен.

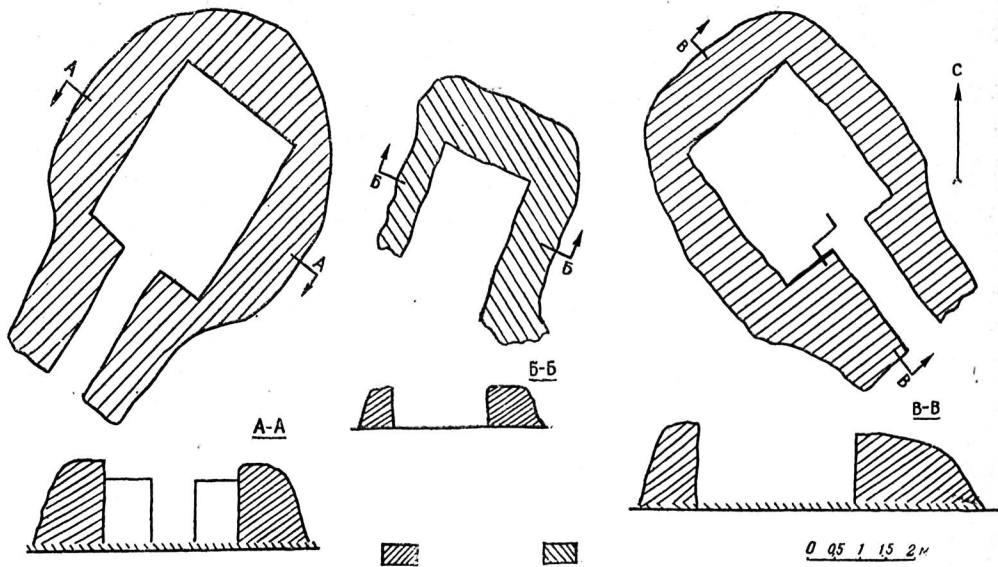

Таблица I. Планы и разрезы погребальных сооружений.

Браслеты круглые в сечении. Концы оформлены в виде головы змеи. На их внешней стороне имеются глубокие ямочки, на внутренней — параллельные насечки.

Курган 11. Округлая могильная площадка диаметром 4—5 м. Погребение потревожено. Судя по отдельным останкам, ориентировка — южная.

Инвентарь из кургана представлен одной бронзовой пряжкой с подвижным железным язычком, двумя глиняными и тремя металлическими (бронза) сосудами⁶.

Щиток пряжки подпрямоугольной формы (с тремя шпеньками для крепления к ремню) с заостренным фигурным концом. Рамка большая, овальная (табл. II, 19).

Из глины сделаны небольшой плоскодонный толстостенный кувшин и уникальный миниатюрный флакончик. Кувшин (табл. III, 5) с шаровидным туловом и конусообразной горловиной. Венчик отбит. Гладкая округлая ручка концами прикреплена к краю горла и телу сосуда. На донце имеются следы песочной подсыпки.

Высота флакончика 8 см (табл. III, 9). Высокое конусообразное горлышко в верхней части веретенообразно и расширено. Донце немного поддонообразно, т. е. приподнято.

Темно-красный ровный лощеный ангоб покрывает оба сосуда. Они сформованы от руки.

Курган 13. Кости скелета сложены кучкой в юго-западной части могильной площадки.

В центре и выше площадки на 15 см найден энохоевидный плоскодонный кувшин (табл. III, 13). Его узкое и конусообразное горло в верхней части загнута наружу. На противоположном сливу-носику конце венчика имеется небольшой плоский выступ. Гладкая ручка с округленными концами прикреплена к плечу и основанию венчика сосуда. Его внешняя поверхность желтоватая, ровная и отличается от коричневого в изломе черепка. Создается впечатление ангобной обмазки. Других находок нет.

Курган 14. Кости скелета перемешаны с землей насыпи. На могильной площадке сохранилась их незначительная часть.

На могильной площадке собраны фрагмент медной цепочки, бусы (табл. II, 21—23) и обломки небольшого плоскодонного кувшиновидного сосуда (табл. III, 11). На плечиках тулова расположены друг против друга четыре шишковидных выступа. Ангоб темно-красный, ровный и лощеный, он покрывает весь сосуд.

Курган 17. Кости скелета разбросаны по могильной площадке.

⁶ Из-за плохой сохранности взять не удалось. Размер и форма определены на месте.

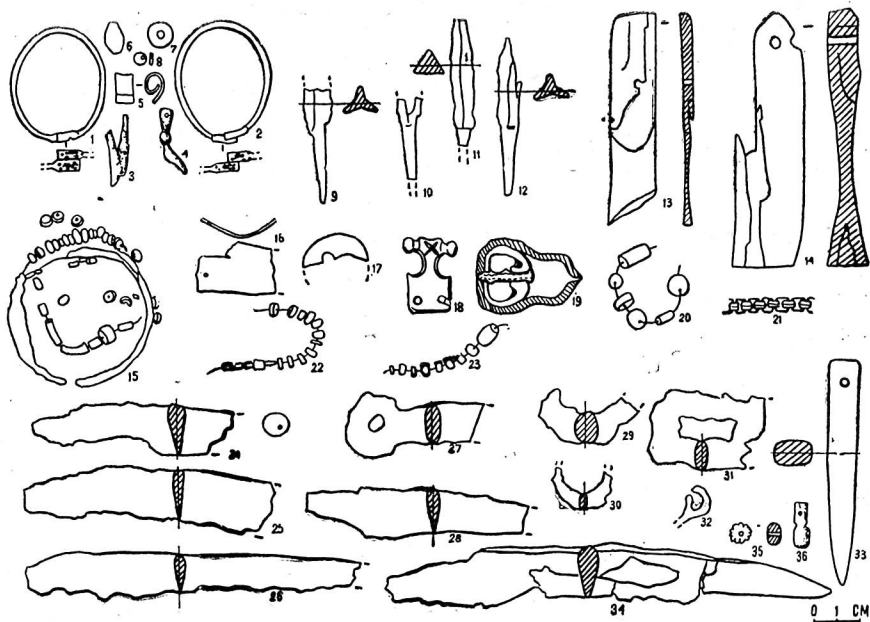

Таблица II. Инвентарь из курганов.

Найдены: гладкий бронзовый браслет с утолщенными концами, нанизанные на шерстяную ниточку бусы (табл. II, 15) и глиняный сосуд со следами напелной ручки на венчике и тулове (табл. III, 10). Поверхность сосуда не обработана.

Курган 20. На могильной площадке обнаружен подпрямоугольный в верхнем сечении с заостренным одним концом и сквозным отверстием на другом каменный клиновидный предмет — сурматас (табл. II, 33).

Труположение под курганной насыпью внутри наземных погребальных построек

Курганы с погребальными сооружениями в основном сосредоточены на возвышенностях. Они расположены довольно скученно, в нескольких шагах от описанной группы и окружают ее с трех сторон. Судя по очертаниям насыпей, могильник состоит преимущественно из курганов, содержащих наземные постройки. Пока они изучены меньше, чем курганы предшествующей группы.

Сами сооружения можно разделить на два взаимосвязанных типа: прямоугольную в плане оградку (курган 26) и овальную или подчетыреугольную в плане с внутренней прямоугольной камерой и входным коридором постройку (курганы 32—33).

Курган 26. Насыпь в плане овальная. Длинной осью вытянута с северо-востока на юго-запад. Размер $10,5 \times 9$ м, высота 1,2 м.

Оградка имеет прямоугольную форму (табл. I, 2). Стены ее сложены из пахсы. Основание их находится несколько ниже уровня материка, на площадке из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Поверхность стен изнутри ровная и отвесная, снаружи — шероховатая и с наклоном. У оградки нет юго-западной стены. Размер стенок: длина 3,5 м, толщина до 1 м, высота 0,5 м. Внутренняя площадь оградки около 4 м².

На полу камеры были разрозненные кости скелета, изделия из железа, бусы и бронзовая подвеска (табл. II, 20, 29, 30, 31, 32, 35, 36).

Курган 32. Насыпь овальная ($16,5 \times 14$ м), высота 2 м. Обнаружено наземное погребальное сооружение (табл. 1, 3; рис. 3), в плане грушевидной формы. Стены сложены из пахсы. Они поставлены на площадку из битой глины с примесью мелкой речной гальки. Площадка расположена на уровне горизонта. Строение состоит из прямоугольной погребальной камеры и ведущего к ней длинного (2,25 м) коридора. Он прорезает юго-восточную стену камеры на ширину 0,75 м. Площадь погребальной камеры 7,5 м². Внутри стены отвесные и ровные, снаружи шероховатые и имеют выпуклости с наклоном

Рис. 3. Погребальное сооружение (курган 32).

внутри. Северо-западные и северо-восточные стены частично разрушены, от них осталось лишь основание (на высоту 20 см от уровня пола камеры).

Задняя, северо-западная стена сооружения выше стен входного коридора, вследствие чего продольный профиль постройки имеет наклон к входу. Массивные стены (1 м у основания) кверху суживаются до 0,5 м. Стены сохранились до высоты 1,4 м. Постройка занимает значительную площадь (6,4×4,5 м). Вход обращен на юго-восток.

При расчистке сооружения встречены кости скелета. На полу камеры найдены разрозненные останки погребенного и бусы.

Курган 33. Насыпь в плане овальная (16,5×15 м), высота 1,8 м. Наземное погребальное сооружение аналогично описанному. Площадь погребальной камеры 3,15×2,5 м. Длина входного коридора 2,6 м, ширина 0,8 м. Толщина стен у основания от 0,8 до 1,5 м. Стены сохранились до высоты 1,4 м. Постройка обращена входом на юго-запад и занимает незначительную (7,3×5 м) по сравнению с курганной насыпью площадь.

На полу внутри погребальной камеры, вдоль ее северо-западной стены найдены разрозненные кости скелета, а также четыре железных наконечника стрел (табл. II, 9, 10, 11, 12), железные однолезвийные ножи (табл. II, 24, 28) и одна бусина.

Датировка — VIII—X вв., затем — VI—VII вв. и позднее — VI—VIII вв. как хронологические рамки могильника была установлена еще по материалам первых разведочных раскопок⁷. Позже В. И. Распопова, изучив поясной набор Согда с привлечением находок из Борижарского могильника, уточнила, что «бронзовые бляшки и пряжка из этого могильника находят аналогии в памятниках того же круга, что и самаркандские и таш-тюбинские, поэтому могильник следует датировать VI—VII вв.»⁸

Едва ли целесообразно возвращаться к вопросам датировки могильника, ибо еще много неясного. Нет еще хронологии вещественного комплекса. Нельзя также считать установленными верхнюю и нижнюю даты памятника. Оставим обе задачи и обратимся к некоторым аналогиям, касающимся погребального обряда нашего памятника. Вещи могильника имеют сходство с материалами могил кудыргинского типа на Алтае⁹. Находки, подобные Борижарским, известны и из памятников в Казахстане¹⁰.

Определены такие основные черты погребальной обрядности изучаемого могильника.

1. Памятник представляет собой курганный могильник, состоящий из внешне однородных насыпей.

2. Под курганной насыпью встречено труположение на уровне горизонта либо на специальных могильных площадках (курганы 2—5, 7, 11, 13—14, 17, 20, 22), либо внутри погребальных построек двух типов (курганы 26, 32, 33).

⁷ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г., стр. 55; и х же. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 6, 1958, стр. 176; «Археологическая карта Казахстана. (Реестр)». Алма-Ата, 1960, стр. 250, 251.

⁸ В. И. Распопова. Поясной набор Согда. СА, 1965, 4, стр. 88.

⁹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М. — Л., 1965, стр. 22—43.

¹⁰ Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 98—111; М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959, стр. 179—182, 184—186, 196, 199; рис. 15, 20, 25; К. А. Акишев. Отчет о работах Илийской археологической экспедиции 1954 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956, стр. 29; Г. А. Кушаев. Два типа курганных погребений правобережья реки Или, там же, стр. 216, табл. III; А. Г. Максимова. Погребения поздних кочевников. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8, 1960, стр. 180, табл. II; ее же. Средневековые погребения Семиречья. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 146—154, табл. II—III и др.

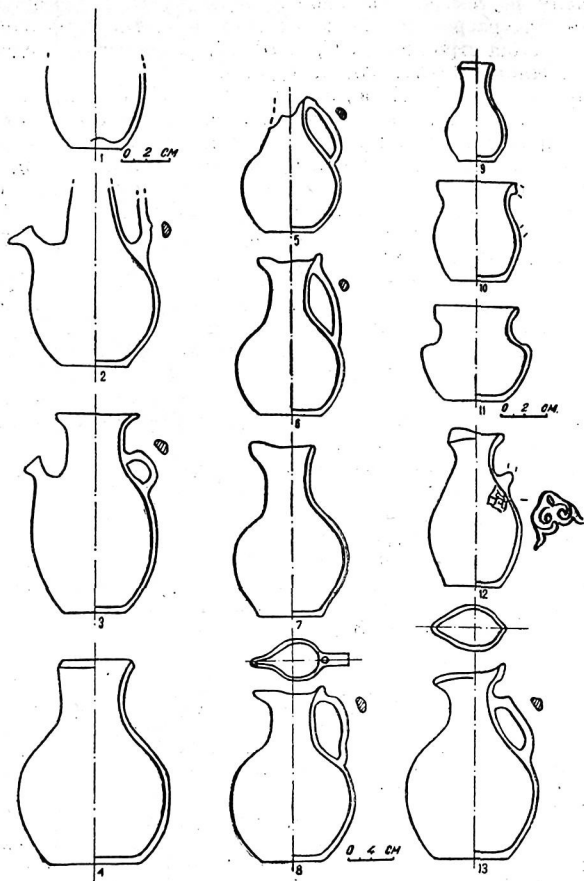

Таблица III. Глиняные сосуды из курганов.

3. В ориентировке и расположении погребенных и погребальных построек определенной системы не прослеживается¹¹.

Указанные особенности наряду с религиозными представлениями отражают форму хозяйства племен, оставивших могильник. Так, возведение курганных насыпей над погребениями в Борижарском могильнике — обычай, известный издревле и характерный для скотоводов-кочевников Казахстана.

Борижарский же обряд труположения под курганной насыпью без могилы бытует уже с усуньского времени, когда основным направлением в хозяйстве было также скотоводство.

Подобным образом хоронили умерших и племена позднего периода, сохранившие в своем хозяйстве элементы скотоводства. Поэтому можно предположить, что преемственные черты погребальной обрядности Борижарского могильника отражают некоторую хозяйственно-культурную традицию предшествующих эпох.

Что касается другой обрядности — труположения внутри наземных погребальных построек, то аналогий ему в землях кочевников-скотоводов нет. Встречается оно только в центрах оседлой земледельческой культуры, таких как Согд (некрополи древнего Пянджикента¹² и Пайкенда¹³), Шаш (Тюябугуз¹⁴, Пскент¹⁵) и Хорезм (некрополь древнего Дарсана)¹⁶.

Не задаваясь целью выделить наши данные из этой довольно многочисленной и в общем сходной среды, отметим лишь главную особенность борижарских погребальных построек. Так, все исследователи перечисленных памятников изученные ими сооружения называют наусами. Под этим термином понимаются погребальные сооружения, связанные с маздеизмом — местная, среднеазиатская транскрипция зороастризма. Во всех же борижарских погребальных

¹¹ Пока остаются загадкой курганы верхней террасы, в большинстве которых не обнаруживается никаких следов погребений. См.: Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Отчет о работах..., стр. 55.

¹² Б. А. Ставский, О. Г. Большаков, Е. А. Мончадская. Пянджикентский некрополь. МИА, № 37, т. II, М.—Л., 1953, стр. 64—98.

¹³ См.: «Хроника». Полевые работы Узбекской археологической экспедиции в 1954—1955 гг. История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ), I, Ташкент, 1959, стр. 218; Г. В. Шишкина. Замок Бад-Асия в окрестностях Пайкенда. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, стр. 87.

¹⁴ В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.). ИМКУ, 2, Ташкент, 1961, стр. 32; его же. Полевые работы Узбекской археологической экспедиции 1960 г. ИМКУ, 3, Ташкент, 1962, стр. 16; Г. Агзамходжаев. Тюябугузские наусы. Там же, стр. 71—79.

¹⁵ Ю. Ф. Буряков. Пскентские наусы. СА, 1968, 3, стр. 131—136.

¹⁶ А. В. Гудкова. Новые материалы по погребальному обряду VII—VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм). В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 214, 224.

постройках погребения совершены на полу камер. Ассуарных обломков в них не найдено. Следовательно, борижарские погребальные сооружения, имея много общего во внешнем строении с наусами, не являются ими по назначению. Сейчас трудно ответить на вопрос, с какими именно религиозными представлениями они связаны. По всей вероятности, они отражают синкретизм двух культур: оседло-земледельческой и кочевническо-скотоводческой.

Дальнейшие работы на могильнике позволят выяснить этот и многие другие неясные вопросы.

А. Г. МАКСИМОВА

ЦЕПОЧКА КУРГАНОВ ИЗ МОГИЛЬНИКА КАРАША I

Могильник Караша I расположен в предгорьях хребта Кыргызского Алатау на левом берегу безымянной речушки и состоит из 95 курганов. Мы дадим описание одной небольшой цепочки (направленные ССЗ-ЮЮВ), состоящей из 6 курганов. Пять из них было раскопано (рис. 1).

Курган 21 диаметром 5,3—6 м, высотой 0,22 м. Поверхность выложена камнем, по основанию проходит кольцо из крупных камней. При снятии насыпи в западной части найдены обломки от глиняных сосудов и обломки куранта от зернотерки. На глубине 0,42 м от вершины, к югу от центра, обнаружены каменные плиты и камни, лежащие в направлении З—В, положенные поперек могильной ямы и являющиеся ее перекрытием. Могильная яма грунтовая, ориентирована по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. В юго-западном углу ямы — ниша. На глубине 0,8 м находился неполный скелет человека, лежащий вытянута, на спине, головой на ЗСЗ. В анатомическом порядке сохранились кости ног и левая рука. Вещей нет. Длина ямы по дну 2,1 м, ширина 0,4 м (рис. 2, 1—3).

Курган 22 диаметром 7—7,4 м, вы-

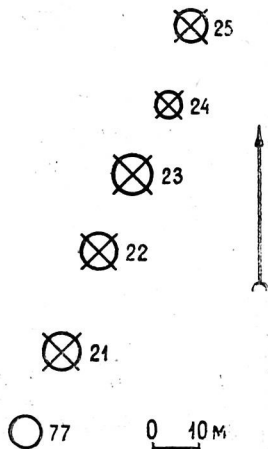

Рис. 1. План цепочки курганов.

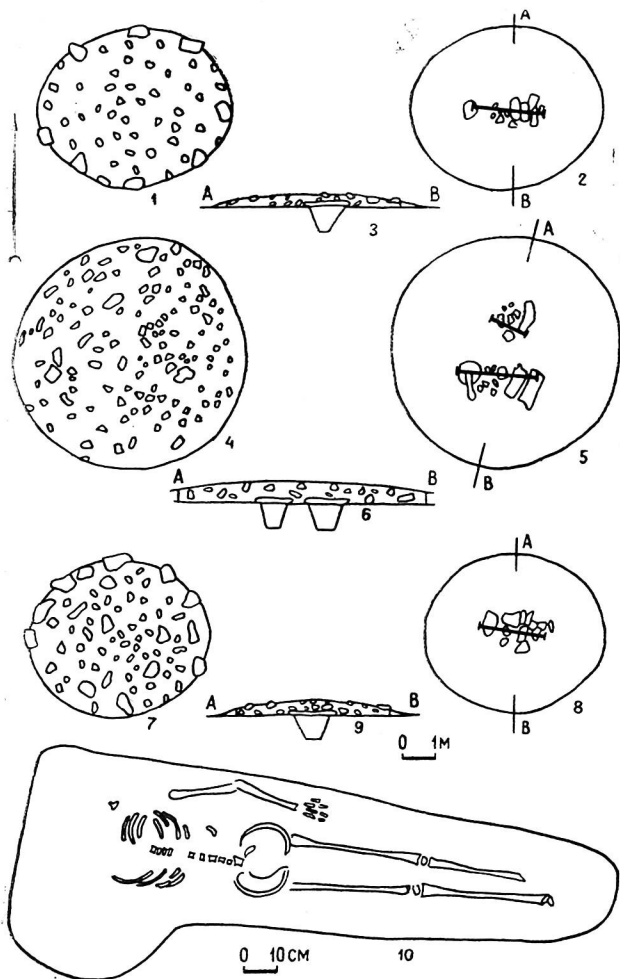

Рис. 2. Планы курганов; 1—3 — курган 21; 4—6 — курган 22; 7—10 — курган 24.

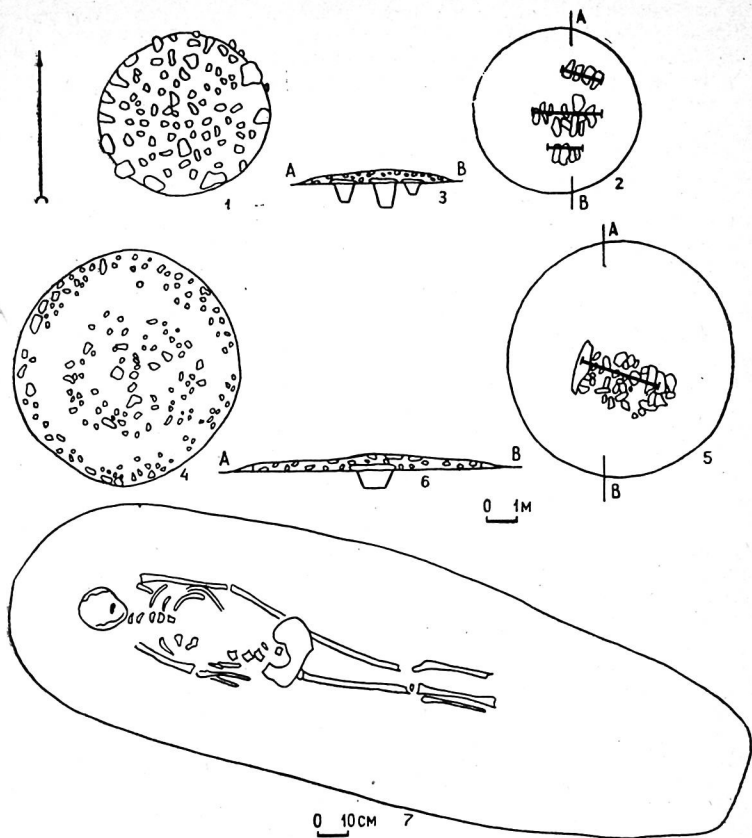

Рис. 3. Планы курганов: 1—3 — курган 25; 4—7 — курган 23.

сотой 0,26 м. Поверхность выложена камнем, по основанию — кольцо из камня. При снятии насыпи найдена зернотерка и курант (обломок). На глубине 0,46 м, почти в центре, оказалось два перекрытия из каменных плит и камней, положенных в направлении ЗСЗ—ВЮВ. Одно погребение детское, другое — взрослое (рис. 2, 4—6).

Яма 1 (детская). Могильная яма грунтовая, ориентирована по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. В юго-западном углу — ниша. На дне (глубина 0,8 м), кроме отдельных обломков костей человека, ничего не найдено. Длина ямы по дну 1,3 м, ширина 0,5 м.

Яма 2 (взрослого). Могильная яма грунтовая, ориентирована по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ. В юго-западном углу — ниша. При расчистке ямы встречены отдельные разрозненные кости человека. На дне (глубина 0,83 м) находился неполный скелет человека (кости рук и ног), судя по которым, погребенный лежал головой на ЗСЗ, на спине, вытянуто. Длина ямы по дну 2,4 м, ширина 0,6 м.

Курган 23 диаметром 7,4—7,8 м, высотой 0,32 м. Поверхность выложена камнем. По основанию кольцо из крупного камня. На глубине 0,57 м от вершины, почти в центре обнаружено перекрытие из камней и плит, лежащих в направлении З—В с небольшим отклонением западной стенки к северу. При снятии перекрытия (оно сильно потревожено грабителями) у южной стенки, почти в середине, найден череп человека. В верхней части ямы встречались обломки трубчатых костей человека. Могильная яма грунтовая, ориентирована по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ. На дне ямы, на глубине 0,6 м лежал скелет человека на спине, вытянуто, головой на ЗСЗ. Руки вытянуты вдоль туловища. При снятии тазовых костей найдена глиняная печатка в форме усеченного конуса с круглым отверстием для подвешивания. Длина ямы по дну 2,5 м, ширина 0,8 м (рис. 3, 4—7).

Курган 24 диаметром 4,8—5,6 м, высотой 0,24 м. Поверхность выложена камнем, по основанию обложен крупным камнем. На глубине 0,44 м от вершины выявлено перекрытие из каменных плит и камней, положенных в направлении З—В. Могильная яма грунтовая, ориентирована по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. В юго-западном углу — ниша. На дне ямы (глубина 0,75 м) лежал скелет человека на спине, вытянуто, головой на ЗСЗ. Левая рука вытянута вдоль туловища. Вещей не найдено. Длина ямы по дну 1,8 м, ширина 0,5 м (рис. 2, 7—10).

Курган 25 диаметром 5,4—5,5 м, высотой 0,22 м, по основанию обложен крупным камнем. При снятии насыпи в западной части найден курант от зернотерки. На глубине 0,42 м от вершины обнаружены три перекрытия из каменных плит (рис. 3, 1—3).

Яма 1 (детское, южное). Под каменными плитами оконтурилась грунтовая могильная яма, ориентированная по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. В юго-западном углу ямы — ниша. На дне ямы (глубина 0,36 м) находился скелет ребенка лет 5—7, в вытянутом положении, на спине, головой на ЗСЗ. Около черепа с правой стороны (у ниши) стоял глиняный кубок ручной лепки с округлым дном. Ручка обломана (рис. 4, 3). Около кубка собраны хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи. Длина ямы по дну 0,9 м, ширина 0,28 м.

Яма 2 (детское, северное). Под каменными плитами оконтурилась грунтовая могильная яма, ориентированная по длинной оси З—В, с небольшим отклонением западной стенки к северу. В центре южной стенки — ниша. На глубине 0,45 м от края ямы, у ниши стояла глиняная миска ручной лепки, с округлым дном, двумя подковообразными и двумя сосцевидными налепами, расположенными крест-накрест на стенках сосуда (рис. 4, 1). На дне ямы (глубина 0,6 м) у ниши оказалась небольшая плоская ручная лепка, плоскодонная (рис. 4, 2). Вблизи ее выявлен обломок трубчатой кости, возможно, ребенка. Длина ямы 0,85 м, ширина 0,32 м.

Яма 3 (взрослого). Под каменными плитами оконтурилась грунтовая могильная яма, ориентированная по длинной оси З—В, с незначительным отклонением западной стенки к северу. В юго-западном углу — ниша. На дне ямы (глубина 0,8 м) обнаружен скелет человека (неполный), на спине, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ. Кисть правой руки покоилась на тазовых костях. В западной части ямы найден обломок серебряной серьги из проволоки. В нише лежали хвостовые позвонки барана — остатки погребальной пищи. Длина ямы по дну 2 м, ширина — 0,45 м.

Все курганы цепочки по внешнему виду и погребальным сооружениям близки между собой, т. е. имеют насыпь, выложенную камнем, и грунтовую могильную яму, поперек перекрытую каменными плитами и камнями, ориентированную по длинной оси ЗСЗ—ВЮВ, с нишей под южную стенку и без нее. Погребенные, видимо, лежали головой на ЗСЗ, вытянуто, на спине.

Вследствие того, что в древности курганы были ограблены, материал, полученный в результате раскопок, очень беден, он представлен тремя глиняными сосудами, обломком серебряной серьги из проволоки и глиняной печатью.

Глиняные сосуды трех форм: миска, кубок и плоская, все они вылеплены от руки.

Миска (диаметр венчика 17 см, высота 7,5 см) с прямыми стенками, округлым дном и следами раскраски (красный ангоб) на внешних стенках. На них имеется два подковообразных с насечками по ним и два сосцевидных налепа, расположенные крест-накрест.

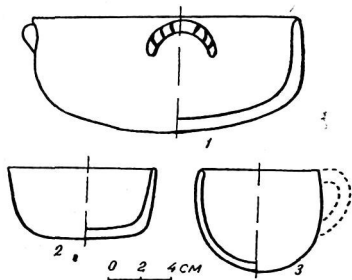

Рис. 4. Глиняные сосуды из кургана 25 (1—2 — яма 2; 3 — яма 1).

Кубок (диаметр венчика 7 см, высота 6,5 см) с прямыми стенками, округлым дном и петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец ее сливается с краем венчика.

Плошка (диаметр венчика 9 см, диаметр дна 7 см, высота 4,5 см) плоскодонная.

Глиняные сосуды находят аналоги среди значительного керамического материала могильников усуньского времени, начиная с III в. до н. э. по IV в. н. э. Подобный нашему кубок найден в могильнике Конур-сай, он относится к I в. до н. э.¹ Небольшие кубки с петлеобразной ручкой в верхней части тулова характерны для III—V вв. н. э.² Миски с сосцевидными и подковообразными налепами и насечками по ним обнаружены в усуньских памятниках первых веков до нашей эры³, довольно часто они встречаются и в могильниках I—III в. н. э.⁴, а в тюркское время получают широкое распространение⁵.

Большой интерес представляет находка глиняного штампа или печати (рис. 5) в области пояса погребенного. По всей вероятности, ее подвешивали на шнурке и носили на поясе. Она сделана из грубой плохо промешанной глины, в изломе черного цвета, темно-серая, имеет форму усеченного конуса с отверстием для подвешивания, на одну из сторон нанесен рисунок.

Подобные штампы-печати или, как их называют, «пинтандеры» довольно широко известны, но все они найдены в культурных слоях

¹ А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 26, табл. III, 10.

² Е. И. Агеева. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, Археология и этнография, 1961, стр. 35.

³ А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Указ. работа, стр. 22, табл. II, 3.

⁴ А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, Археология, 1962, стр. 112, рис. 13, 3, 4, 9.

⁵ Е. И. Агеева. Указ. работа, стр. 35.

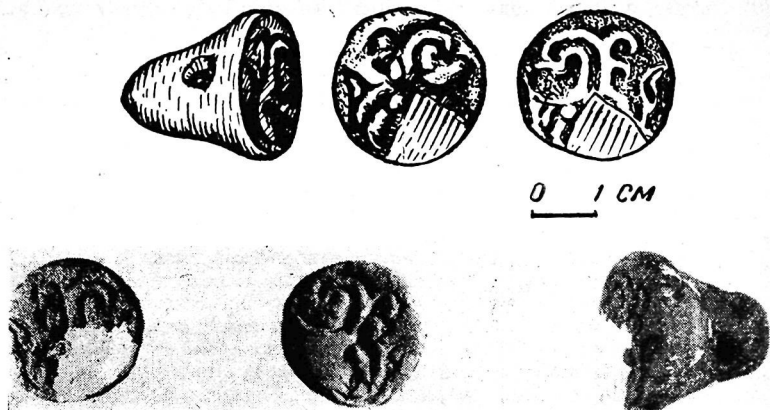

Рис. 5. Глиняная печать из кургана 23. а. Прорисовка, общий вид, рабочая поверхность, отпечаток; б. Фотография, рабочая поверхность, отпечаток, общий вид.

городищ и потому не считались предметами индивидуального пользования. По характеру нанесения узора на рабочую поверхность штампы разделяются на две группы. К первой относятся штампы, у которых рисунок выступает над рабочей стороной. Ее изготовляли для нанесения татуировки, для выполнения рисунка в краске на изделиях из кожи, декорировки тканей. Вторая группа штампов имеет вдавленный рисунок. Эти штампы использовались для получения рельефных отпечатков на какой-либо тестообразной массе: тесте, воске, сыре⁶.

Найденная нами печать-штамп по форме, технике изготовления ближе всего к печатям-штампам из Северного Причерноморья и Закавказья. По технике нанесения рисунка на рабочую поверхность ее следует отнести ко второй группе, т. е. штампам с вдавленным рисунком. К сожалению, рабочая поверхность штампа-печати частично разрушена, и полностью восстановить рисунок не представляется возможным. По рисунку она ближе всего к печати из Каунчи-тепе⁷. По

⁶ Е. И. Крупнов. Новые «пинтандеры» из с. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия). «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 192—195; Д. В. Шелов. Глиняные штампы из Танаиса. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 229—234; В. В. Виноградов. Глиняный штамп с городища Алхан-кала. Сб. «Древности Чечено-Ингушетии». М., 1963, стр. 212—216.

⁷ Г. В. Григорьев. Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 27, рис. 33.

всей вероятности, ею наносили рельефные отпечатки на какую-то тестообразную массу, поддающуюся формовке и способную сохранить узор.

Нахождение печати в погребении может свидетельствовать о том, что она была предметом индивидуального пользования. О наличии печатей у усуней упоминается и в восточных источниках. В них говорится: «... высшим чиновникам усуньским дать золотые печати с пурпурными шнурами, дабы придать важность и силу»⁸.

Рассмотрев и сопоставив полученный керамический материал, надмогильные и погребальные сооружения с усуньскими памятниками, известными на территории Семиречья, мы датируем описанную цепочку курганов I—III вв. н. э.

Наличие ниш в усуньских погребениях Таласской долины⁹ позволяет выделить какую-то локальную группу в большом племенном объединении усуней Семиречья. В отличие от памятников, открытых и изученных в верховьях Таласа, в которых нишу устраивали в основном под северной стенкой, в исследованных нами погребениях она находится под южной стенкой и, как правило, в юго-западном углу.

---

⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 197.

⁹ А. К. Атебеков, Ю. Д. Баруздин. Указ. работа, стр. 17—31.

А. М. ОРАЗБАЕВ

ПОСЕЛЕНИЕ ЧАГЛИНКА (ШАГАЛАЛЫ). НЕКОТОРЫЕ ФОРМЫ И ТИПЫ ЖИЛИЩ

Поселения Северного и Центрального Казахстана эпохи поздней бронзы достаточно изучены. Исследования последних лет позволяют говорить о типах и формах жилищ племен эпохи поздней бронзы¹.

При общности хозяйственного и экономического укладов — пастушеское скотоводство с наличием переходных форм к яйлажному — на обширной территории Северного и Центрального Казахстана закономерно сложились одинаковые по типу формы жилищ с небольшими различиями в зависимости от климатических, географических условий, имеющихся строительных материалов.

В основном это полуназемные сооружения с различной степенью углубления в материк: в северных районах Казахстана, где климат более суров, они приближаются почти к землянкам, в Центральном Казахстане — они полуназемные и наземные. Конструкция их в основном однокамерная, иногда с перегородкой внутри (Центральный Казахстан). В Северном Казахстане встречаются двухкамерные помещения восьмеркообразной формы (Чаглинка). Для всех поселений характерно устройство специальных загонov для скота. Можно предполагать, что какую-то часть скота, по всей вероятности, молочный скот, а также молодняк и слабые особи держали в хозяйственном помещении при жилище, а может быть и в самом жилище. Об этом свидетельствует наличие в культурном слое пятен рыхлой, более темной по сравнению с основной массой культурного слоя земли, остатков перегнившего навоза.

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды Государственного исторического музея, вып. XVII. М., 1948, стр. 57—164; е е же. Садчиковское поселение. МИА, № 26, М. 1951; А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 219—245; А. М. Оразбаев. Поселение и могильник Чаглинка. «Археологические открытия». М., 1966, стр. 291—292.

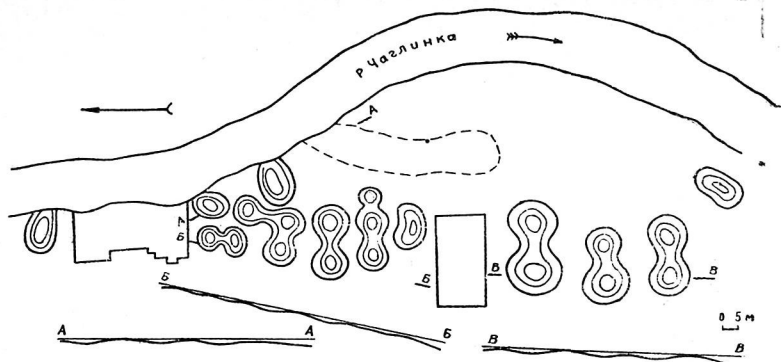

Рис. 1. Общий план поселения Чаглинка.

Для выяснения конструкции и форм жилищ племен эпохи поздней бронзы большой интерес представляют некоторые жилища поселения Чаглинка, раскопанные в полевых сезонах 1964—1967 гг.

Поселение расположено на правом высоком и покатом берегу старого русла р. Чаглинка, в 3 км на юг от с. Октябрьского Красноармейского района Кокчетавской области. Выше поселения, с северо-западной стороны, вдоль берега тянется невысокая гряда, как бы защищая его от холодных северо-западных ветров. Поселение вытянуто с севера на юг вдоль берега на 245 м, при ширине 55 м. Оно занимает площадь 13475 м². Здесь выявлены остатки 16 землянок — жилищ древних обитателей поселения.

От жилищ сохранились хорошо видимые на поверхности западины, вытянутые с запада на восток (рис. 1). Глубина их от 0,3 до 1,25 м. В центральной части поселения с восточной стороны находится западина, вытянутая с севера на юг, размером 67,5×12,5 м. Вероятно, это загон для скота. Размер и форма западин различные. Самые малые — 120 м², большие — 585 м². Из 16 западин 8 имеют восьмеркообразную форму, т. е. являются остатками двухкамерных жилищ. Судя по западинам, некоторые из них были даже трехкамерные, и отдельные помещения соединялись ходами в виде коридоров. Рядом с каждой западиной выявлены мощные слои зольников, вытянутых с запада на восток, в которых встречаются обломки керамики, кости. Большое скопление золы, обломков глиняной посу-

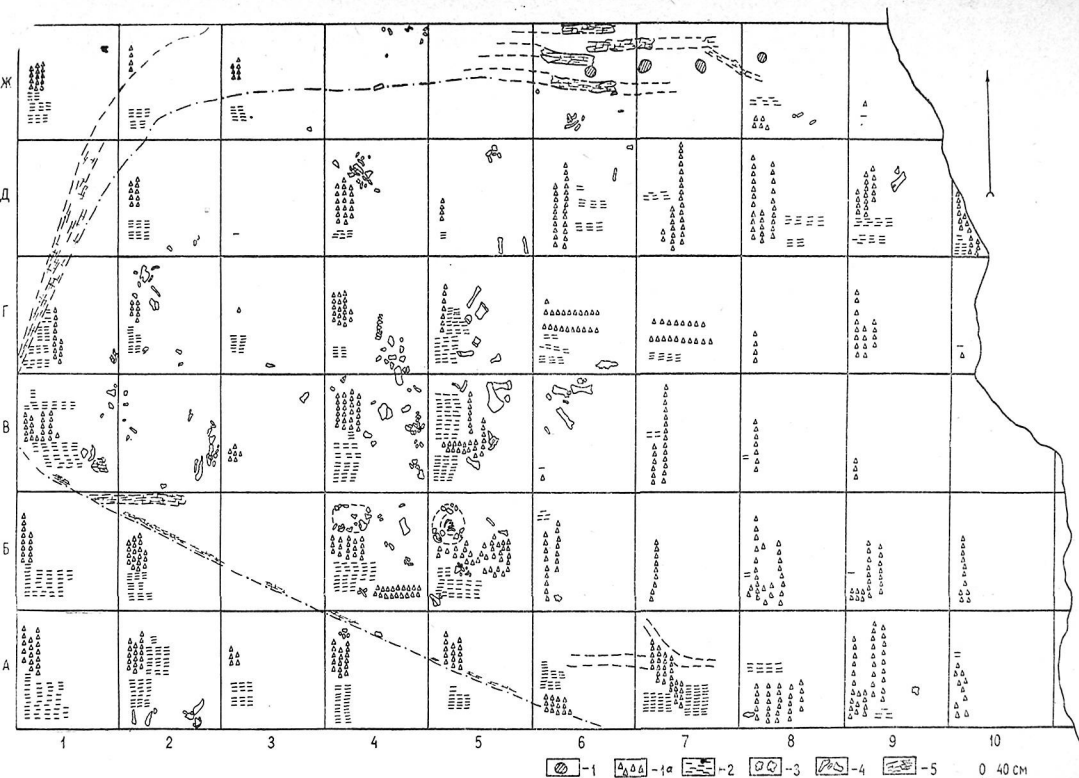

Рис. 2. Землянка № 3. Условные обозначения: 1 — ямы от столбов; 1а — черепки; 2 — мелкие кости; 3 — шлаки; 4 — крупные кости; 5 — дрябший шлак и следы дерева.

ды и костей указывает на то, что поселение было обитаемым в течение длительного времени.

Из шести раскопанных нами землянок дадим характеристику наиболее интересным в аспекте данной статьи.

Жилище № 3. Оно, как и все остальные землянки, расположено у правого берега речки Чаглинки (Шагалалы). Землянка находится в северной стороне поселения и по счету третья. Ориентирована с северо-запада на юго-восток. На поверхности четко видна западина подпрямоугольной формы с закругленными углами, шириной 12 м, длиной по северо-восточной стороне — 18 м, по юго-западной — 20 м, глубиной в центральной части — 30—35 см. Полуназемное сооружение имело неправильно прямоугольную форму (рис. 2).

Восточная часть жилища размыта. Со стороны обрыва в культурном слое видны обломки керамики, кости и зола. При раскопке землянки в нижней части первого пласта найдено значительное количество обломков керамики и костей животных. При дальнейшем раскопе жилища в культурном слое по всей глубине (40—50 см) встречались черепки глиняной посуды и кости домашних животных (коровы — 266 шт., лошади — 143 шт., мелкого рогатого скота — 159 шт.) и диких (сайги — 1 шт., лисы — 1 шт., хищника — 2 шт. и птицы — 1 шт.). Вдоль северо-восточной стены хорошо прослеживаются четыре ямы от столбов на расстоянии 1—1,2 м друг от друга. Диаметр ям 15—20 см (рис. 2).

С трех сторон (северо-восточной, северо-западной и юго-западной) хорошо видны остатки нескольких рядов сгнивших бревен сечением 20 см. Особенно заметен коричневатый тлен сгнившего дерева северо-западной и юго-западной стен. Судя по ним, жилище имело прямоугольную форму, ориентировалось длинной осью с северо-запада на юго-восток (рис. 3).

Вдоль столбов обнаружены следы дерева в виде полосы шириной 17—20 см, длиной 5,6 м и 11,6 м, которая тянулась на уровне пола с северо-западной и юго-западной сторон жилища. У северо-восточной стенки след дерева шел в три ряда, затем поворачивал в северо-западный угол, т. е. на юго-запад, здесь очень хорошо заметен коричневатый тлен нескольких сгнивших бревен сечением 20—25 см, которые составляли северо-западную стенку жилища. В юго-западном углу след теряется и вновь появляется на расстоянии 1,2 м от юго-западного угла и идет вдоль юго-западной стены. Следы дерева почти оконтуривают жилище, оно неправильно прямоугольной формы, длиной 14—16 м и шириной 8,4—10 м. Из этого следует, что стены жилища были сооружены из бревен диаметром 20—25 см, вкопанных вертикально в землю на глубину 30—35 см, на 1—1,2 м друг от друга.

В северо-восточном конце стены четко прослеживаются 4 ямы от опорных столбов, вдоль которых с наружной и внутренней сторон жилища имеются следы тлена от сгнившего дерева сечением 17—25 см (рис. 2). Таким образом, опорные столбы стен с обеих сторон обшивались плахами или небольшими бревнами. Никаких данных, указывающих на конструкцию и материал крыши жилища, при раскопке не получено. Вероятно, крыша была плоская с небольшими скатами на две стороны. Только такого типа крыша приемлема для жилища четырехугольной формы.

Судя по аналогии с постройками зимних жилищ казахов (кыстау), возможно, крыша строилась следующим образом: на центральные, более высокие столбы торцовых стен клалось бревно — матица. По сторонам крыши с упором на стены укладывались жерди, поверх которых набрасывалась трава, возможно, камыш, земля и зола, плотным слоем покрывающая крышу (рис. 4). Зола делала крышу водонепроницаемой, легкой и теплой.

Пол жилища почти ровный, из плотной желтовато-серой глины. В северо-восточной части жилища, на уровне пола оконтурилось пятно подпрямоугольной формы, размером 8,5×7 м, черной жирной рассыпчатой земли. Толщина слоя 20—25 см. Слой земли лежит на полу, который ниже на 20—25 см пола основного жилища. Вероятно, это помещение было отделено от основного жилища. Здесь содержался скот. Черная жирная рассыпчатая земля, возможно, является остатками навоза. Вход в жилище, видимо, был с его северо-восточного угла. Он шел по коридору, образуемому между стенами скотного двора и северо-восточной стеной основного жилища. Здесь можно увидеть аналогии с зимними жилищами казахов XIX—XX вв. Центрального и Северного Казахстана, где вход в жилые помещения был также через коридор, расположенный между хозяйственными постройками (шопала, клет и др.) и помещениями для скота (ат кора, кой кора, сибр кора и т. д.).

При зачистке пола жилища в его северо-западной и юго-восточной сторонах выявлены два пятна диаметром 2,5×2,4 м и 1,8×1,2 м. При расчистке юго-восточного пятна обнаружилась очажная яма округлой формы глубиной 1,6 м, заполненная культурным слоем (20 см), а ниже золой.

В очаге у восточной стены на глубине 65 см найдены крупные обломки двух горшков. Один из них шаровидной формы с короткой шейкой и слегка отогнутым наружу венчиком — «воротничком» и налепным валиком у основания шейки. По плечикам сосуд украшен косыми ямками, расположенными тремя горизонтальными рядами. Другой горшок, аналогичный по форме первому, имеет на шейке налепный валик, покрытый узором из косых крестиков или

нарезов. По плечикам проходит узор горизонтальной елочки. На черепке сохранились два высверленных отверстия для клепки горшка.

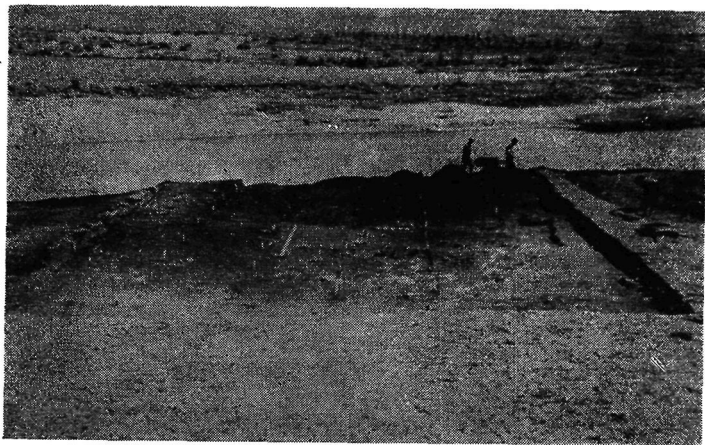

Рис. 3. Общий вид землянки № 3 с запада на восток.

После удаления из очага зольного слоя, под ним оказался еще культурный слой, в котором найдены черепки от горшков и кости. Такое заполнение шло до дна ямы (2,9 м). Диаметр ямы на дне с юга на север — 1,20 м, с запада на восток — 1,25 м. Данная яма, судя по глубине и нижнему диаметру, могла быть только колодцем. Это подтверждается наличием плетня, обнаруженного у дна колодца. Плетнем укреплялись стенки колодца, предохраняя их от разрушения и загрязнения воды землей.

Второе пятно, северо-западное, при расчистке оказалось очагом диаметром 2,4 м, глубиной 1,4 м. С северо-восточной стороны он имел пологий спуск для топки и выгребания золы. В очаге на глубине 10 см найдены обломки нескольких раздавленных горшков. Судя по ним, горшки были большие, грубой выделки, служили для приготовления пищи. В центральной части очага встречен еще кусочек бронзового шлака, в подходе к очагу — каменная стрела и бронзовый наконечник стрелы, двухлопастной со втулкой. Очаг, помимо хозяй-

ственного, имел и производственное назначение. Здесь готовили пищу и плавил металл.

Северо-западнее очага, на расстоянии 1—1,2 м, на полу жилища выявилось пятно размером 1,5×1,2 м, насыщенное окисью меди. В нем обнаружено большое количество кусочков бронзы и бронзовые стрелы. Вероятно, эта площадка была своеобразной мастерской, где древние мастера отливали предметы из бронзы.

На полу жилища находилось 8 раздавленных горшков. Два из них стояли у юго-восточного очага, два — у северо-восточной стены, один — у юго-западной стены, остальные — в южной части жилища. Между очагами, ближе к юго-западной стене, выявлено скопление костей и камней. Часть трубчатых костей разбита, по-видимому, для извлечения мозга.

В культурном слое землянки № 3 найдены: 1) предметы из бронзы — пробой, кончик лезвия ножа, стрела двухлопастная, втульчатая, пуговица, рукоятка долота, трубка, скобка для починки горшков и кусочки шлака; 2) предметы из кости — заготовки для проколов, проколка, недосверленная головка пряслица, ложила для заглаживания швов в меховой и кожаной одежде, полая фигурная поделка неизвестного назначения; челнок для плетения сетей, пуговица; 3) предметы из камня — пряслице и наконечники для стрел, рудодробилка, песты, мотыга; 4) предметы из глины — пряслице и бочковидная поделка неизвестного назначения. Наиболее интересной находкой мы считаем коньки, сделанные из метопидии лошади, трепало из челюсти коровы.

Жилище № 9. Расположено в северо-восточной части поселения. На поверхности земли четко видна западина овальной формы, ориентированная длинной осью с юго-запада на северо-восток. Ширина ее 12 м, длина 20 м. Глубина западины в центральной части 35—40 см. Восточная часть жилища размыта рекой. Со стороны обрыва четко виден корытообразный профиль жилища. В культурном слое профиля прослеживаются обломки керамики, кости. При раскопке землянки в нижней части первого пласта также встречаются кости и черепки. При дальнейшем раскопе жилища в культурном слое по всей его глубине попадались черепки глиняной посуды и кости домашних животных (коровы — 29 шт., мелкого рогатого скота — 28 шт., лошади — 16 шт., архара и северного оленя — по 1 шт.). В отличие от описанного, жилище № 9 небольшое, в плане неправильно округлой формы. С западной, юго-западной и северо-восточной его сторон сохранились ямки от столбиков, служивших остовом стен. Стены были деревянные, на что указывают остатки обгорелого дерева у южной и западной стен.

Пол жилища чашеобразный с понижением к центру. При его расчистке обнаружено три темных пятна. Первое из них, расположенное в западной части жилища, при расчистке оказалось ямой воронкообразной формы; диаметр ее по верхнему краю — 1,55 м. Она была заполнена золой, в которой встречались кости, угли и черепки. Яма служила очагом. Вторая яма, находившаяся в северо-восточной стороне, имела диаметр 1,4 м, глубину 1,6 м. В заполнении ее попадались кости и черепки, остатков золы и угля не найдено. Подобные ямы, известные нам по раскопкам других поселений эпохи бронзы (Алексеевское, Садчиковское, Трушниково и т. д.),

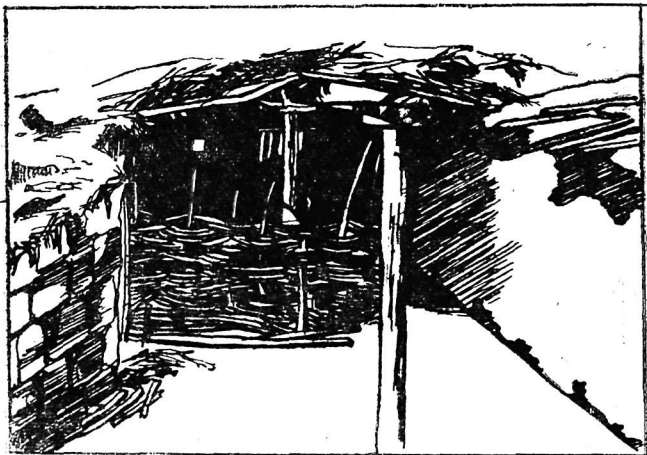

Рис. 4. Техника сооружения казахской зимовки.

служили зернохранилищами. Третья яма, расположенная в юго-восточной части жилища, диаметром по верху — 1,7 м, по дну — 40 см и глубиной — 1,8 м, служила колодцем. Пол жилища по всей его западной половине носил следы прокаленности, был покрыт слоем саж, золы и углей. Вероятно, жилище погбло от пожара. Обрушившееся перекрытие и стены образовали толстый слой угля и золы внутри помещения.

С северо-восточной стороны (т. е. со стороны речки) к жилищу примыкает массив черной, рыхлой, рассыпчатой земли, по-видимому,

это навоз животных. По всей вероятности, к жилищу примыкал скотный двор или загон для скота. Судить о конструкции этого помещения трудно, так как никаких следов стен не сохранилось.

При расчистке культурного слоя жилища найдены: 1) предметы из бронзы — четырехгранное орудие с плоским концом в виде стамески (2 шт.), предмет в виде скобы, четырехгранное шило и ряд подделок неизвестного назначения; 2) предметы из кости — наконечник стрелы, проколки, рог с заглаженной поверхностью и следами обработки, трепало-тупик; 3) предметы из глины — пряслице орнаментированное, целый небольшой орнаментированный горшок; 4) предметы из камня — наконечник стрелы из белого кварца, песты (2 шт.).

Рис. 5. Общий вид землянки № 13 с ямами от столбов по южной стороне жилища (на белом фоне).

Жилище № 13. Расположено в центре поселения. На поверхности четко видна западина восьмеркообразной формы, ориентированная с запада на восток. Ширина ее 10 м, длина 26 м. Глубина восточной западины — 20 см, западной — 50—60 см. При раскопке землянки в нижней части первого пласта найдено значительное количество керамики, костей животных, а вдоль южной границы западины большое скопление камней. При дальнейшем раскопе жи-

лица в культурном слое, по всей его глубине обнаружено большое количество черепков и костей животных.

В восточной половине четко оконтурилось жилище неправильной, овальной формы. Вдоль всех его стен хорошо прослеживается тлен от сгнившего дерева, из которого, по-видимому, были сооружены стены. Ширина полос тлена в среднем 20 см. Полосы идут вдоль стен в два ряда, на расстоянии 30—50 см друг от друга. Совершенно ясно, что стены обшивались плахами с наружной и внутренней стороны жилища. Описываемая землянка интересна тем, что хорошо видна конструкция входа в жилище, который был с восточной стороны в виде длинного узкого коридора из таких же, как стены основного жилища, деревянных плах, прикрепленных в два ряда. Чтобы препятствовать доступу холодного воздуха в жилище, у входа была сделана перегородка, образующая как бы тамбур.

Восточная половина жилища соединялась с западной, также округлой половиной, узким коридором. Длина его около 2 м, ширина 1—1,2 м. Следов тлена вдоль стен западной половины не сохранилось, однако по южной стороне жилища прослеживаются ямы от столбов в виде полукруга (рис. 5). Столбы расположены на расстоянии 0,8—1 м друг от друга. Ямы от столбов имеются также на северной стороне жилища. Внутри него выявлены ямы от столбов, подпиравших крышу.

Пол жилища в его восточной половине ровный, в западной — неровный, слегка углубляется к центру. Пол коридора, соединяющего обе половины жилища, выложен небольшими камнями.

В восточной половине, в ее юго-восточной части прямо за перегородкой обнаружена яма диаметром 95 см, глубиной 1,2 м, цилиндрической формы, в ней хранили зерно. Она заполнена сероватой рыхлой землей. При ее расчистке находок не найдено.

Другая яма диаметром 1,45 м, глубиной 2,10 м, цилиндрической формы расположена в юго-западном углу. По всей вероятности, она служила колодцем в продолжение всей обитаемости землянки.

Колодец, находящийся в этом помещении в северо-западном углу, по неизвестной причине был заброшен насельниками еще в период обитаемости землянки, о чем свидетельствуют обвалившиеся внутрь колодца стены, засыпанные доверху толстым культурным слоем. Вероятно, данное помещение, т. е. восточная половина жилища, имело сугубо хозяйственное значение, что подтверждает отсутствие очага в нем. Очаг был вынесен на улицу, где в летнее время готовили пищу, как принято в сельской местности. Зимой в помещении, может быть, содержали наиболее слабый скот, молодняк. Поили скот водой из колодцев, что было удобно в холодное время, так как мелководная речка Чаглинка вымерзала.

Следует сказать о сомнении, которое возникает у нас вследствие несоответствия формы жилища — сильно изогнутый неправильный овал — технике обшивки лежащими горизонтально бревнами. Из бревен наиболее рационально строить жилища прямоугольной формы, навыки сооружения которых выработали народы, жившие в лесистой местности. Возникает вопрос, не были ли стены этого подсобного помещения построены из вбитых вертикально в ряды кольев, на расстоянии 0,2—0,5 м один ряд от другого, оплетенных плетнем. Пространство между плетнями могло заполниться землей, травой, золой, сухим навозом и пр. Такие круглые плетеные хозяйственные постройки под названием «шошала» бытовали у казахов до последнего времени (рис. 6).

Рис. 6. Шошала, построенная из плетня и обмазанная глиной.

Западная половина полуземлянки была основным жилым помещением семьи. Оно почти круглой формы (ямки от столбов шли по кругу), вероятно, куртообразной, строилось из столбов, вбитых в землю вертикально, обшивалось плахами, в нижней части утеплялось землей. Покрытие могло быть из жердей, но обязательно конусообразной формы. Западная стена жилища почти полностью врезалась в материк.

В северо-восточной части жилища расположены две кучи камней — остатки большого очага, обогревавшего помещение. Вокруг очага большое скопление золы.

У стенки жилища, в западной ее части находился колодец диаметром 1,4 м, глубиной 2,75 м. Нижняя часть его шарообразной фор-

мы и выложена камнем, а верхняя (1,15 м) цилиндрической, без облицовки. Колодец заполнен культурным слоем, в котором попадались обломки керамики, кости животных, камни.

В культурном слое землянки № 13 найдены:

1) предметы из кости — трепала-тупики из челюстей коровы (3 шт.), конек из метоподии лошади с зашлифованной от употребления поверхностью, четырехгранный наконечник стрелы;

2) предметы из глины — грузило от рыболовной сети катушкообразной формы, большое количество обломков посуды;

3) наконечник стрелы из камня, обработанный ретушью.

Жилище № 14. Расположено на восточной окраине поселения, на восточном склоне гряды. На поверхности четко видна западина восьмеркообразной формы, ориентированная длинной осью с запада на восток. Ширина ее 12 м, длина 30 м. Глубина восточной западины — 25 см, западной — 80—90 см. При раскопке землянки в нижней части первого пласта найдено значительное количество керамики, костей животных.

При дальнейшем раскопе жилища в культурном слое по всей его глубине найдено большое количество черепков и костей животных (коровы — 101 шт., мелкого рогатого скота — 57 шт., лошади — 52 шт.).

При расчистке культурного слоя в материковом грунте оконтурилось жилище по конструкции совершенно аналогичное жилищу № 13 (рис. 7). Полуземлянка состояла из двух не соприкасающихся помещений — западного и восточного, соединенных между собой узким переходом шириной — 1,2 м, длиной — 1,5 м. Вход в жилище при раскопке не прослежен, но, вероятно, как и в жилище № 13, находился в восточном помещении против коридора. Нужно отметить, что если помещения в землянке № 13 почти круглой формы, то здесь — в виде неправильных квадратов со слегка закругленными углами.

Вдоль стен западного помещения местами прослеживаются следы тлена от лежавших деревянных бревен, из которых было построено жилище. Ям от опорных столбов стен не обнаружено, так как материковый грунт являлся ее полом, он был жестким из-за смеси с большим количеством мелкой гальки, щебня и камней.

По нашему мнению, жилище было построено по тому же принципу, что и № 13, т. е. оно состояло из двух помещений, одно из которых, восточное, имело подсобное хозяйственное назначение. Доказательством служит отсутствие в нем очага в начальный период его обитаемости, что исключает возможность жизни в помещении в условиях суровой северной зимы.

Для снабжения людей и скота водой в юго-восточном углу жилища был вырыт колодец диаметром 1,6 м, глубиной 2,8 м. В колодце

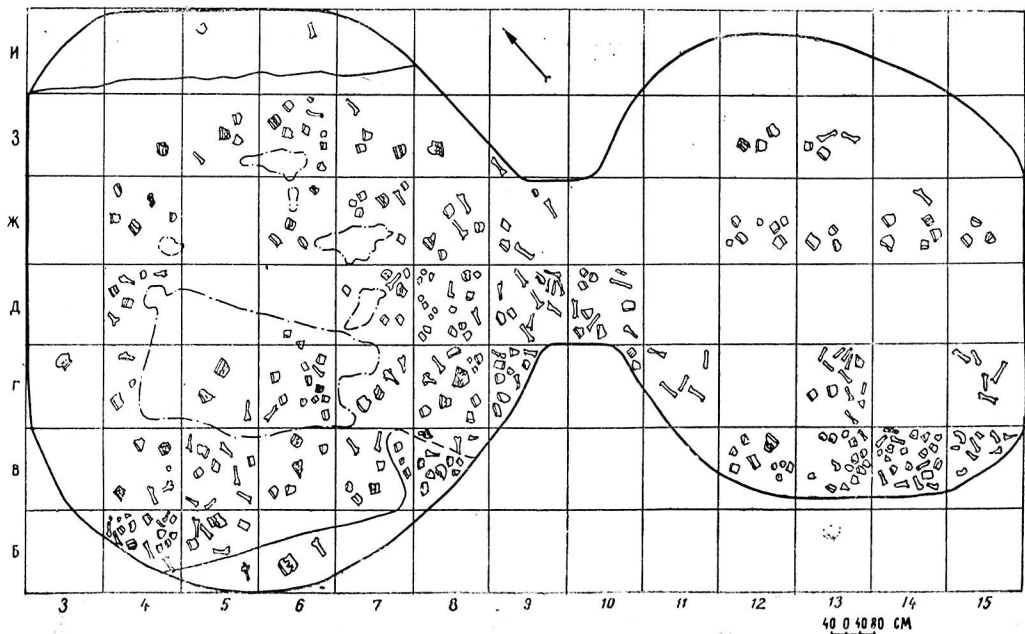

Рис. 7. План землянки № 14.

сделан деревянный сруб, одна из его толстых плах сохранилась на дне. Она была укреплена в грунте деревянными кольями толщиной 3—5 см, вбитыми с двух сторон на ее северном конце. На южном конце плахи колья не сохранились. Остатки древесного глена и мелкие кусочки сгнившего дерева прослеживаются у основания колодца и на его северной стороне.

Позднее, вероятно, через длительный промежуток времени в землянку либо пришли другие насельники, либо вследствие увеличения семьи возникла необходимость в дополнительном жилище, и восточное помещение из подсобного стало жилым. Колодец до глубины 1,2 м был засыпан культурным слоем, и образовавшаяся на уровне пола котлообразная яма превратилась в мощный очаг, на котором варилась пища и которое обогревало помещение. На восточной стене очага сохранились сланцевые плиты (выходы сланца находятся в 300—350 м юго-западнее древнего поселения), которыми он был облицован. Камни облицовки, стены ямы под камнями прокалены до розовато-красного цвета.

Кроме этого очага, вдоль южной стены, на расстоянии 1,5—1,8 м от нее, на ровной поверхности пола находились малые, подсобные очаги в виде небольших груд камней среднего размера. Пол вокруг очагов местами прокален, засыпан золой. Здесь найдены крупные фрагменты глиняной посуды и обломки костей. Недалеко от очага, ближе к центру землянки, хорошо обозначилось пятно неправильной, расплывчатой формы из серовато-голубой глины. Определить ее состав не удалось. Возможно, это остатки отходов какой-то руды.

Снаружи вокруг землянки прослеживаются пласты золы в смеси с песком. Может быть, это остатки смеси, которой утепляли стены жилища.

В культурном слое жилища № 14 по всей его глубине найдены бронзовый серп — коса, бронзовый обоюдоострый кинжал, обломок бронзовой поделки, костяная проколка и большое количество обломков глиняной посуды.

Подводя итоги исследования жилищ древних насельников поселений Северного Казахстана на основе материалов из Чаглинки, мы можем сказать, что это типичное поселение для эпохи бронзы, широко распространенное на территории Казахстана и подобное другим поселениям этой эпохи, раскопанным и изученным ранее (поселения Малая Красноярка, Трушниково в Восточном Казахстане², поселения

² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 18—21, 26—67, приложение № 2; А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Археология. 1959, стр. 86—161.

Алексеевское, Садчиковское³, Тасты-Бутак⁴, поселения Центрального Казахстана⁵).

В четырех описанных нами землянках (№ 3, 9, 13, 14) вдоль стен прослеживаются следы тлена дерева. Это дает основание считать, что древние насельники поселений Северного Казахстана соорудили свои жилища в основном из дерева. Стены жилищ строились из столбов, вбитых в землю вертикально (ямы от столбов вдоль стен). Изнутри столбы обшивали толстыми плахами. Ту часть стен, которая выступала из земли, закрывали плахами и снаружи. В некоторых землянках, например, № 14, зафиксированы стены, вырубленные в материке с уступом. На уступе северной стены видны следы древесного тлена шириной — 25—30 см. Очевидно, это остатки обшивки стен, лежавших на уступе. Таким образом, деревянная стена при наличии материкового уступа крепилась на нем, благодаря чему увеличивалась высота данной части жилища. Древний строитель, экономя длинные бревна, необходимые для каркаса стен, выступавших из земли, ставил более короткие в стены, находившиеся на уступе. Техника обшивки стен плахами известна в Казахстане по могильникам эпохи бронзы. Например, в могильнике Боровое, ограда № 3⁶ мы встречаем приемы и технику крепления горизонтальных бревен и плах столбами, вбитыми вертикально.

Снаружи для утепления стены засыпались смесью золы с землей, вероятно, этим объясняется большое количество золы вокруг землянок. В землянке № 14 остатки золы прослежены и вдоль стен на уступах. Такой же конструктивный прием сооружения стены на материковом уступе зафиксирован в юго-западной части западной половины жилища № 13.

Следует отметить, что в северных районах Казахстана, в частности в Кокчетавской области, до последних лет сохранились хозяйственные постройки под названием «шошала»⁷. Это юртообразное сооружение, возведенное из бревен восьмиугольным срубом. В центре помещения вкапываются четыре столба размером выше стен. Вверху столбы соединяются плахами и образуют четырехугольную раму. Коническая крыша делается из жердей, которые опираются

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 59—164; ее же. Садчиковское поселение, МИА, № 21, 1951.

⁴ В. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИА АН СССР, вып. 91, 1962, стр. 51—60.

⁵ А. Х. Маргулан и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Археология, 1958.

⁷ И. В. Захарова. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 6. Алма-Ата, 1959, стр. 7.

одним концом на стены, другими — на раму. Поверх кладут тальник или камыш, засыпают землей и золой, иногда обмазывают. Вероятно, по такому же принципу были сооружены и исследованные нами деревянные жилища поселения Чаглинка.

Строения очень округлой формы, главным образом помещения хозяйственного назначения, строили из плетня. Плетень ставился вдоль стен в два ряда. Пространство между рядами (30—40 см) засыпалось, по всей вероятности, смесью соломы с золой, сухим навозом и пр. Такая конструкция жилища была в землянке № 13 поселения Чаглинка. Применяли плетень и в строительстве хозяйственных сооружений, о чем говорит обшивка колодца в землянке № 3.

Неподвижные юрты, сложенные из плетня, наблюдал Паллас у кундровских татар. «Круглые оных стены состоят из плетня, из весьма тонких палочек составленного, а крыша оных не что иное есть, как плоскостный свод нагнутых палочек, кои одним концом к плетню, а другим прикреплены к обочине продушины, для дыму оставленной»⁸.

Древнейшей формой зимних жилищ у казахов Северного, Центрального Казахстана были юртообразные сооружения, так называемые «шошала» (рис. 8). Они возводились из дерна, камня, бревен, а местами из двойного плетня, засыпанного землей и навозом. Впоследствии такие сооружения бытовали у казахов в качестве хозяйственных построек⁹. Подобным сооружением, вероятно, была восточная половина землянки № 13.

Рис. 8. Шошала (тошала), сооруженная из камня.

Крыши полуземлянок в зависимости от формы жилища были различные. Покрытие жилищ подпрямоугольной формы было аналогично покрытию казахских зимников «кыстау», распространенных в Казахстане в середине XIX и начале XX в. Они почти плоские со слабыми скатами на две стороны, состояли из бревенчатого каркаса, положенного одним, нижним концом на стены жилища, другим, верхним — на матицу — центральную опорную балку крыши. Каркас

⁸ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. III, кн. 2, стр. 141.

⁹ Х. Аргынбаев. Историко-культурные связи русского и казахского народа и их влияние на материальную культуру казахов в середине XIX — начале XX века. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 6, 1959, стр. 57; И. В. Захарова. Об итогах этнографических экспедиций 1955 и 1956 годов, стр. 7.

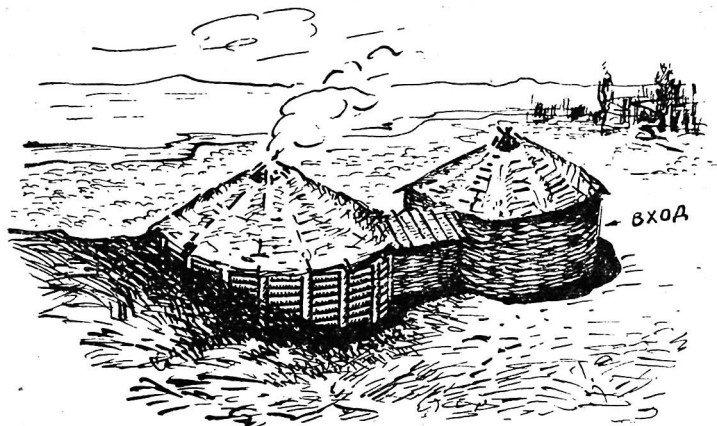

Рис. 9. Землянка № 13 (реконструкция).

обкладывали хворостом, камышом, сухой травой, засыпали землей и толстым слоем золы. Вероятно, большое количество золы внутри землянок Садчиковского и Алексеевского поселений, о чем писала О. А. Кривцова-Гракова¹⁰, являлось остатками обрушившегося перекрытия крыш.

Круглые юртообразные деревянные строения, такие, как западные половины жилища № 13, 14 и землянка № 9 поселения Чаглинка, имели перекрытие шатрового типа наподобие покрытий жилищ из стоянки Джанбас-Кала 4, реконструкция которых дана М. П. Грязновым¹¹.

По форме и конструкции сооружения жилища поселения Чаглинка можно разбить на три группы: 1) жилища неправильно прямоугольной формы с плоским перекрытием, аналогичные казахским зимникам «кыстау»; 2) юртообразные деревянные строения с шатровым перекрытием, по форме близкие казахскому летнему жилищу — юрте (кииз уй); 3) жилища, условно называемые землянками восьмеркообразной формы, которые представляют собой два обособленных помещения, соединенных узким коридором (рис. 9). Такой тип

¹⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение..., стр. 160.

¹¹ «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М. — Л., 1966, стр. 136, рис. 29.

объединения двух самостоятельных жилищ был широко распространен у казахов. На праздниках, где съезжалось много почетных лиц, рядом ставились две большие 8—10-канатные юрты, у обеих вынималось по пролету решетки «канат», и из них образовывался коридор, соединяющий две юрты. Сверху коридор покрывали также решеткой, а затем войлоком. Вход в обе юрты был такой же, как и в землянках № 13, 14, через первую юрту, причем он всегда располагался почти прямо против входа через коридор в другую юрту (рис. 10).

Отапливались жилища дровами, сухим навозом — кизяком и кийем.

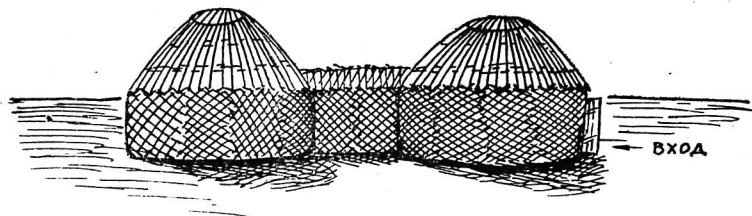

Рис. 10. Соединение двух юрт у казахов.

Очаги в жилых помещениях встречены трех типов:

1) в виде больших круглых ям, иногда, как в землянке № 14, выложенных каменными плитами. Чаще всего они находятся в центральной части жилых помещений и служат в основном для обогрева жилищ, но используются и для варки пищи, о чем свидетельствует наличие раздавленных горшков и раздробленных костей;

2) в виде скопления камней. Выяснить их форму не удалось, так как они в основном разрушены. Следов скрепления камней очага глиной или каким-либо другим раствором не обнаружено. Очаги в виде кучи камней со следами прокаленности, сажи обычны в жилищах, как и очаги первой группы. Они устраивались чаще около стен помещений и служили для варки пищи. Иногда на них плавил металл (землянка № 3, 4);

3) в виде кострищ, разводимых прямо на полу землянок. От таких очагов сохранились сажистые пятна с прокаленностью, зола.

Во всех жилищах дымоходами служили отверстия в центре кровель. С развитием производительных сил, в процессе перехода от пастушеского скотоводства к яйлажному появилась необходимость в

частом передвижении со скотом в поисках пастбищ. Обитателям поселений поздней бронзы приходилось оставлять свои постоянные жилища и постепенно приспосабливаться к подвижному образу жизни. Так, возникли подвижные жилища. О круглых кибитках, перевозимых на колесах, писали многие путешественники, в том числе Платон Карпини: «Иные (жилища) скоро разбираются и опять складываются и навьючиваются на скотину, других же разобрать нельзя, а ставят их на повозки. Куда бы они ни ходили, на войну или с места на место, всегда берут их с собою»¹².

Рубрук (XIII в.) отмечал, что круглые жилища, перевозимые на повозках, кочевники устраивали из плетня и закрывали сверху войлоком.

Таким образом, прототипом современной юрты и других видов жилых и хозяйственных построек казахов (зимники — кыстау, шопшала, тошала, кора и т. д.) в какой-то мере можно считать жилые строения племен поздней бронзы, обитавших на территории Северного и Центрального Казахстана в первых веках первого тысячелетия до нашей эры.

---

¹² См.: Сб. «Путешествия к татарам». СПб., 1825, стр. 81.

Г. В. ЗДАНОВИЧ

НОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ

В 1967—1968 гг. на территории Северо-Казахстанской области открыто 33 поселения эпохи бронзы. Они располагаются в основном на первой и второй террасах р. Ишим, по берегам стариц и пойменных озер. Разведочные сборы с поселений дают материалы алакульского или замараевского типов, которые довольно-таки своеобразны. Стационарные исследования были проведены на двух памятниках, одному из них посвящается данная публикация.

Поселение Ильинка I обнаружено в 100 км к юго-западу от г. Петропавловска. Оно находится на первой террасе правого берега Ишима у с. Ильинка Ленинского района. Рельеф местности мало выразителен. Терраса высотой около 8 м примыкает к реке, кое-где ее разрезают неглубокие овраги, по которым бегут ключевые ручьи. Площадка памятника почти ровная с незначительным понижением к реке. Небольшие впадины на поверхности не позволяют очертить возможные контуры жилищ. Большая часть поселения смыта водами Ишима, подъемный материал из разрушенного культурного слоя сосредоточен у обрыва и на песчаном плесе реки.

У южной границы местонахождения предметов заложен раскоп площадью 340 кв. м. Работа велась метрическими горизонтами по 10—20 см участками 2×2 м. Котлован жилища был заполнен черноземом культурного слоя, по краям его имелись мощные затеки зольника (рис. 1). Дно жилища выделяется темным золистым слоем с большим включением различных материальных остатков.

Помещение имело подпрямоугольную конструкцию размером 23×12 м, округлые углы. О первоначальной форме жилища можно судить только по хорошо сохранившемуся северо-восточному прямому углу. Помещение ориентировано по линии СЗ—ЮВ. С восточной стороны обнаружен выход — коридор шириной 2 м, длиной зафиксиро-

ванной части около 1,5 м. Северо-западная и юго-восточная стенки котлована короткие и пологие, другие — длинные и резко опускаются ко дну на глубину 80—90 см. На полу располагалось шесть очагов: три — в центре, два — в восточной части и один — в северо-западном углу помещения. Они имели неправильные овальные формы; в центральных сохранился значительный слой прокала (до 15 см), много древесного угля и обожженных костей животных. Около очагов сделаны круглые выкладки диаметром 40—60 см из плоских плиток камня и глиняных кирпичиков.

На площади раскопа обнаружено 280 ямок. Почти все они, судя по расположению и разрезам, предназначались для столбовых конструкций жилища. Диаметр ямок от 15 до 30 см, глубина 10—40 см. Наиболее глубокие из них располагаются по углам у входа и вдоль стен котлована. В северо-западной стороне помещения ямки ограничивают прямоугольную площадь длиной 5 м и шириной около 3 м. Интересна линия ямок, пересекающая квадраты Д—Е/6. Она перпендикулярна длинным сторонам помещения и как бы отделяет его юго-восточную часть. В расположении других ямок выявить какую-нибудь закономерность не удалось. Но все же следует отметить, что основное их количество находилось на периферийных участках жилища. Кроме столбовых конструкций и мелких хозяйственных ям, на полу обнаружены длинные канавки шириной 15—40 см и глубиной до 20 см. По остаткам можно предположить, что они были вырыты вдоль жилища на расстоянии 2,5—3,5 м от его стен.

Описанное сооружение типично для поселений эпохи бронзы на территории распространения андроновской культуры. Здесь зафиксировано обильное количество остатков столбовых конструкций, хотя, по всей вероятности, жилище функционировало недолго. Назначение большинства ямок не выяснено, но четко выделяются две группы, делающие помещение на отсеки. Остается неясным и назначение канавок. Подобные конструкции встречены в памятниках срубной культуры¹, на поселении Тасты-Бутак в Западном Казахстане², а участок длинной канавки зафиксирован в землянке № 4 на Алексеевском поселении³. Хотя расположение канавок внутри жилищ поселений Ильинка I и Тасты-Бутак почти идентично, но размеры их разные (на Тасты-Бутаке глубина 0,4—0,5 м, ширина около 0,8 м). Для нашего случая точка зрения С. С. Сорокина, что канавки — это про-

¹ М. П. Грязнов. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичево на Дону. КСИИМК, вып. 50, 1953.

² С. С. Сорокин. Жилища поселения Тасты-Бутак. КСИА, вып. 91, 1962.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII, 1948.

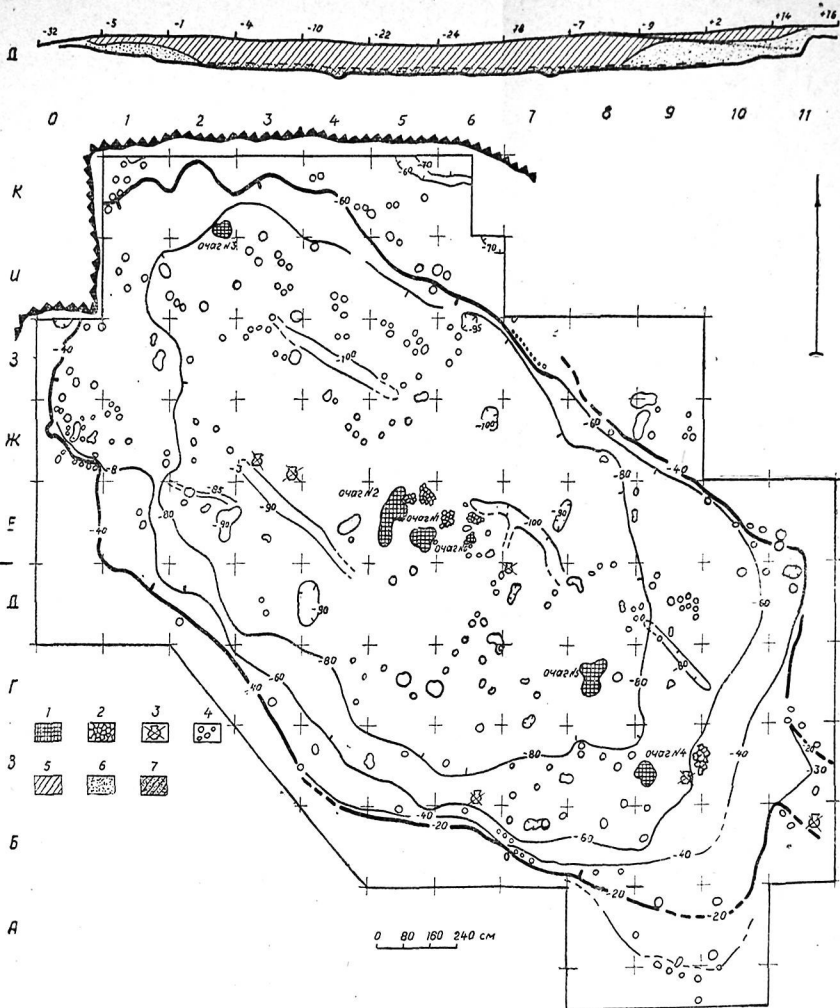

Рис. 1. План и разрез жилища: 1 — очаг, 2 — каменная выкладка, 3 — скопление керамики, 4 — ямы, 5 — чернозём культурного слоя, 6 — зольник, 7 — темный золистый слой.

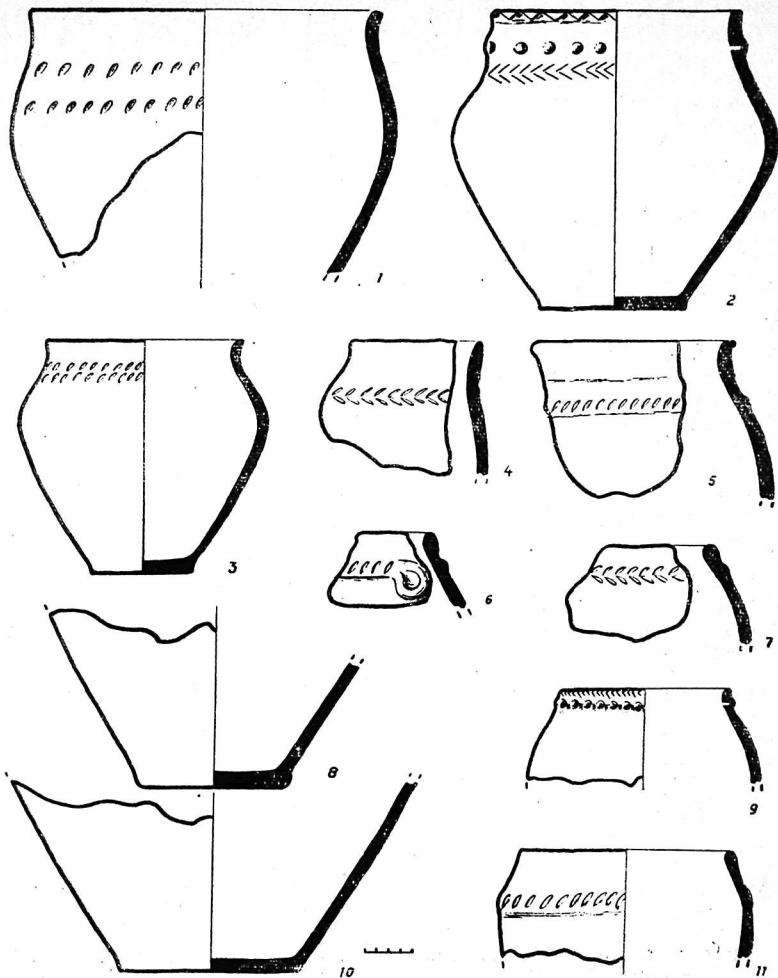

Рис. 2. Керамика первой группы.

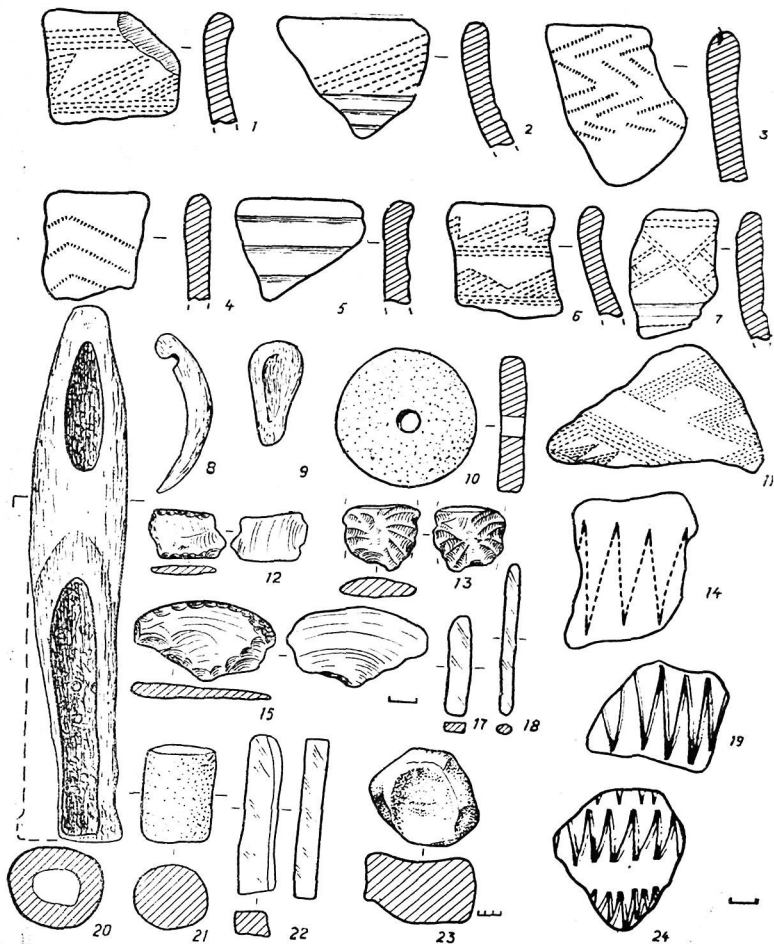

Рис. 3. Керамика второй группы и вещевой материал. 1—7, 10, 11, 14, 19, 21, 24 — глина; 8, 9, 20 — кость; 12, 13, 15, 22, 23 — камень; 17, 18 — бронза.

ходы, отделяющие нары от рабочей части помещения⁴, не приемлема.

Вещевой материал крайне беден. Он представлен двумя обломками плоских бронзовых поделок (рис. 3, 17, 18), каменной терочкой (рис. 3, 23), скреблом (рис. 3, 15) и обломком копыя (рис. 3, 13). Из костяных предметов найдено два «трепала», клык животного с просверленным отверстием (рис. 3, 8) и плоская поделка каплевидной формы (рис. 3, 9). Особо отметим костяное долотовидное орудие, сделанное из трубчатой, тщательно отполированной кости длиной 18,5 см (рис. 3, 20). Этот предмет напоминает по форме бронзовые клиновидные втульчатые долота с узким лезвием. Последние встречаются в Восточном Казахстане⁵ и широко распространены в Южной Сибири, где большинство их относится к замараевскому и тагарскому времени⁶.

В заполнении жилища найдено 2,5 тысячи фрагментов керамики. Коллекция, бесспорно, содержит различные по времени и культурной принадлежности комплексы. Всего выделено 169 сосудов, которые по орнаментации и технологии изготовления разбиты на две группы.

В первую, основную группу (рис. 2), вошли довольно грубые сосуды из рыхлого крупнозернистого теста. Обязательными примесями его являются дресва и крупный песок. Внешняя поверхность стенок черная, реже светло-коричневая. Для группы характерны сосуды горшковидной формы с небольшим раздутым в верхней части туловом. Шейки прямые, вертикальные или слегка отогнутые, с плавной профилировкой. Днища в 2 раза меньше диаметра горловин. Значительное количество сосудов (38%) не украшено*. Около половины сосудов (44%) имеют невысокие валики, обычно расположенные в нижней части горловин. Орнаментация бедная — пояски из наклонных линий (21%), иногда образующих «елочку» (20%), ромбическая сетка (17%), реже треугольные вдавления (8%) и «жемчужины» (5%). Орнамент украшает валики или верхнюю часть шейки. Он выполнен резной техникой. Из 105 сосудов основной группы только 7 отделаны крупным гребенчатым штампом.

Вторую группу (рис. 3, 1—7, 11, 14, 19, 24) составили тонкостенные сосуды хорошего обжига. В качестве примеси использован шамот, реже — песок и, как исключение, — тальк. Фрагментарность керамики затрудняет определение внешней формы посуды. Однако профилировка шеек позволяет говорить о ее многообразии. Из эле-

⁴ С. С. Сорокин. Указ. работа, стр. 54.

⁵ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 256, табл. LXIII, рис. 1, 2.

⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 228.

* Подсчет произведен по шейкам.

Исследование поселения Ильинка I показало, что жилище функционировало в период распространения основной, первой группы керамики. Об этом говорят условия залегания предметов и их размер. Несмотря на рыхлость теста, первый комплекс посуды в массе представлен крупными фрагментами стенок и дниц. Причем основные находки обнаружены в нижней части заполнения котлована. Более десяти сосудов можно реконструировать полностью или частично, кроме них еще имеются крупные фрагменты стенок и дниц. Около 80% неорнаментированной керамики из жилища по составу теста и характеру обжига принадлежит сосудам первой группы. Андроновская керамика, как уже указывалось, сильно измельчена, поэтому реконструировать ее формы невозможно.

Сопоставление керамики из заполнения котлована с подъемным материалом, который собран в обнажении в нескольких метрах севернее раскопа, представляет доказательства хронологического разрыва между выделенными типами посуды. Здесь найдено 33 шейки, из них только 3 относятся к сосудам первой группы.

Керамику основной группы некоторые исследователи характеризуют как «кухонную посуду»¹¹. Однако ее количество в раскопанном жилище говорит о самостоятельности комплекса. Это подтверждается и составом коллекции. В ней имеются различные сосуды — и крупные хозяйственные с диаметром горловин до 32—34 см, и мелкие бытовые горшки и чаши, размеры которых по шейкам не превышают 10 см.

Основной материал с поселения Ильинки I, по всей вероятности, относится к финальной бронзе. Трудность выделения позднего комплекса обусловлена кратковременностью этапа¹². Керамика финальной бронзы при широком территориальном распространении на андроновских поселениях встречается в незначительном количестве. Однако, судя по публикациям, она представлена крупными фрагментами, иногда и целыми сосудами. Последнее обстоятельство доказывает, что так называемая «валиковая керамика» относится к последнему этапу заселения невысоких площадок в широких поймах рек. Эти традиционные места, связанные с тысячелетним развитием андроновских племен, уже не устраивали обитателей раннего железного века вследствие изменившихся форм хозяйства и общественной организации.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. работа, стр. 138, 139.

¹² С. С. Черников. Указ. работа, стр. 103.

С. Я. ЗДАНОВИЧ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ БУРЛУК I

В 1967—1968 гг. археологической экспедицией Северо-Казахстанского областного музея и Петропавловского педагогического института были произведены частичные раскопки могильника эпохи бронзы Бурлук I. Памятник расположен на юге области на правом берегу р. Иман-Бурлук при впадении его в Ишим. Могильник находится в зоне, которая будет затоплена при сооружении Сергеевского водохранилища. Несколько выше низовьев р. Иман-Бурлук проходит северная граница Кокчетавского мелкосопочника, поэтому ландшафт в районе могильника холмистый, прорезан многочисленными выходами скальных пород и существенно отличается от северной лесостепной зоны. Берега Иман-Бурлука и Ишима отвесные и весьма неудобны для поселений. В настоящее время, несмотря на проведенные разведывательные работы, нам неизвестно в этом районе ни одного поселения эпохи бронзы.

Могильник занимает относительно ровную узкую площадку длиной около 1 км, возвышаясь на 20—25 м над поймами рек. Около 40 конструкций памятника разбросано вдоль берега без видимой закономерности, иногда они сосредоточены небольшими группами. Надмогильные сооружения нескольких типов — это прежде всего курганы с каменным кольцом, земляные курганы, каменные выкладки и оградки, едва заметные на поверхности. Для удобства описания и сохранения общей нумерации, а также с учетом преобладающей в могильнике конструкции все сооружения будут названы оградами (за исключением земляных курганов).

За 2 года работ исследовано 15 сооружений. Большинство конструкций (1—7, 9—12) вскрыто в южной части могильника, три (8, 13, 14) — в центральной и земляной курган 15 — в северной.

Ограда 1. В виде кольца диаметром 4 м с беспорядочным запол-

нением внутренней площадки. На поверхности имеется небольшое всхолмление (15 см) и скопление камней, из них выложена Г-образная кладка в центре, возвышающаяся на 20 см. Конструкция сооружена на древней поверхности из крупных, плашмя уложенных камней. В центре по линии С—Ю на расстоянии 1,60 м друг от друга найдено два сосуда, один на глубине 5 см (рис. 2, 6)*, другой — 15 см (рис. 3, 4). Оба сосуда раздавлены. Могильной ямы или других следов погребения не обнаружено.

Ограда 2. Каменное кольцо диаметром около 4 м перекрыто оплывшей насыпью высотой 20 см. Ограда сооружена на древней поверхности из одного или двух рядов камней, наиболее крупных в восточной части кольца. В центре могильная яма овальной формы 1,8×1,4 м, глубиной 90 см, ориентированная длинной осью по линии ЗЮЗ—ВСВ. Яма постепенно суживается, ее размер на дне 1,3×0,65 м. В заполнении на глубине 50—60 см у северо-восточной стенки были камни, попавшие сюда, по-видимому, в результате грабительского лаза. Под ними на дне обнаружены кальцинированные кости, неорнаментированный фрагмент керамики, кость животного и 11 астрагалов барана, положенных цепочкой.

Ограда 3. Кольцо диаметром 3,8 м, сооружено на выкиде из могильной ямы. В центре яма — 1,6×1,1 м, глубиной 0,5 м, ориентированная длинной осью по линии СЗ—ЮВ. На пятне могильной ямы лежало два крупных камня. В верхней части заполнения обнаружены фрагменты шеек сосудов (рис. 3, 6, 10), кость животного, а на дне — потревоженный скелет взрослого человека. Сохранившиеся *in situ* кости ног свидетельствуют о том, что погребенный лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-запад. В области предполагаемой головы найден фрагмент сосуда (рис. 3, 2).

Ограда 4. Кольцо диаметром 6,2 м, при ширине кладки до 1 м. Внутреннее заполнение на 15 см выше современной дневной поверхности. Ограда сооружена из плашмя уложенных камней различной величины, под ними — выкид слоем 10—13 см. На урвне древней поверхности внутри кольца имеются камни, образующие скопления (СВ и СЗ секторы) и прямоугольную оградку 1,6×1,2 м, ориентированную длинной осью по линии С—Ю. Они вписываются в расплывчатые очертания грабительского лаза, потревожившего скелет человека. Предполагаемые размеры могильной ямы 2,3×1,3 м, глубина 0,2 м, она ориентирована длинной осью по линии СВ—ЮЗ. Судя по непогребенным костям ног, погребенный лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на юго-запад. Вещей нет. Под ним вы-

* За «0» здесь и далее принят уровень современной дневной поверхности.

явлено еще одно погребение в могильной яме глубиной 1 м, размером в верхней части — 2,2×1,1 м, на дне — 1,6×1,1 м. Ориентировка нижней ямы, вероятно, совпадает с вводным погребением. Короткие стенки ямы имеют уступы. В заполнении обнаружены камни, мелкие угольки. На дне, у южного угла, рядом с углублением (40×40 см) находилась кучка кальцинированных костей. Вещей нет.

Ограда 5. Вымостка прямоугольной формы (2,9×2 м) из небольших погрузившихся в грунт камней. Могильной ямы нет.

Ограда 6 (рис. 1). Округлой формы, диаметром около 4 м, шириной кладки до 80 см. В южном секторе кладка уже или совсем отсутствует. В центре расположена могильная яма, очертания не зафиксированы, глубина 25 см. Полный скелет лежал на левом боку с подогнутыми ногами, кисти рук находились у лица. Вплотную к черепу придвинут сосуд (рис. 2, 3), в области груди найдены 3 мелких фрагмента разрушенной бронзовой поделки (украшения).

Ограда 7. В виде неполной окружности диаметром 2,5 м из небольших камней. В нее вписывается могильная яма 1,5×1,4 м, глубиной 0,2 м, ориентированная длинной осью по линии ЗСЗ—БЮВ. На середине высоты длинных стен имеются уступы; размер ямы на дне — 1,35×1,1 м. Погребение, очевидно, не потревожено, содержит костяк ребенка очень плохой сохранности. По отдельным костям можно судить, что он лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на ЗСЗ, кисти рук покоились у лица, у головы на боку находился сосуд (рис. 2, 4), прикрученный плоской каменной плиткой.

Ограда 8. Неправильной округлой формы диаметром 4,5 м с нерегулярным внешним контуром, внутри, по-видимому, было еще одно кольцо. Конструкция сооружена на уровне материка и согласуется с его неровной поверхностью. Могильная яма находится в юго-западном секторе, подпрямоугольных очертаний, размер 1,7×1,45 м, глубина 0,65 м. Юго-западная стенка могилы имеет уступчик шириной 10 см. В восточном углу на уровне материка обнаружены фрагменты сосуда, кальцинированные кости, куски прокаленной почвы, угли, остатки сожженного бревна толщиной 15 см.

Ограда 9. Неправильных очертаний из крупных камней, диаметр конструкции СЮ — 6 м, ЗВ — 5 м. Ограда перекрывается плоской насыпью высотой 25 см. Диаметр кургана около 6 м. В северной части кольца под камнями в ямке, контуры которой не установлены, зафиксирован развал сосуда (рис. 2, 7) с пережженными костями. В центре расположена могильная яма (2,3×1,7 м), ориентированная длинной осью по линии З—В, глубиной 0,75 м. В 20 см от дна длинные стенки могилы имеют уступы. Дно неровное, размер 1,6×1,1 м. Вдоль северной стенки найдены сложенные в кучку крупные трубчатые кости человека, рядом — фрагменты черепа. В южной полови-

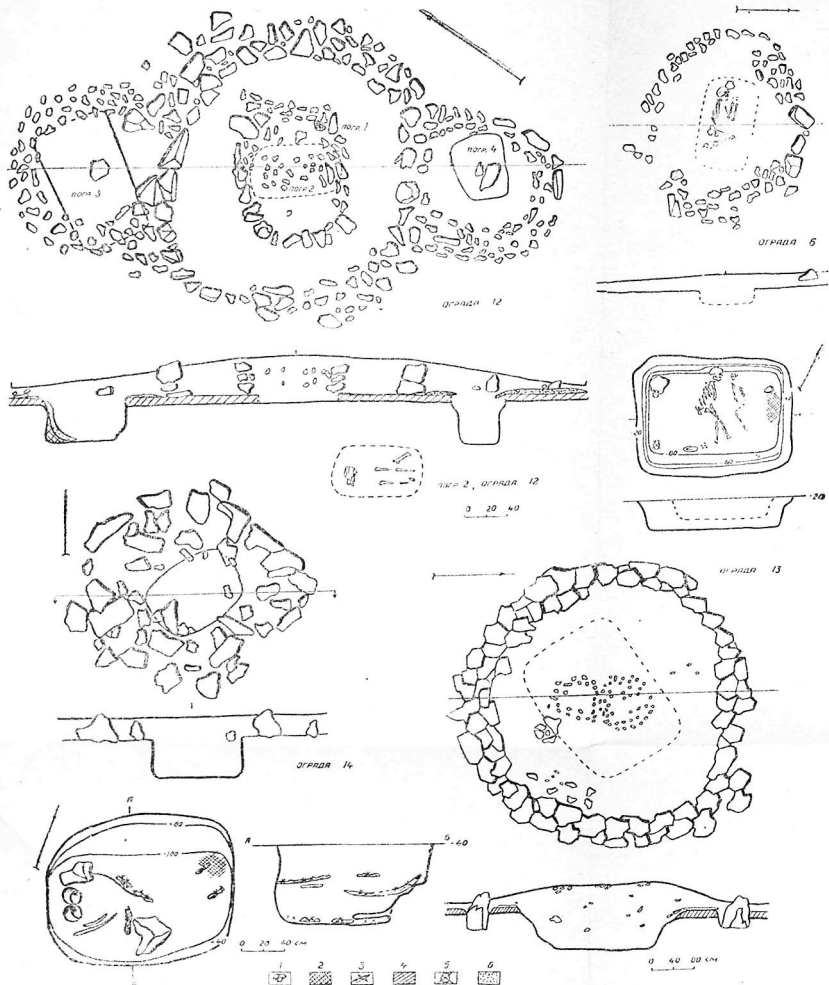

Рис. 1. Могильник Бурлук I. 1 — камни; 2 — кальцинированные кости, угли; 3 — обожженное дерево; 4 — погребенная почва; 5 — развал сосуда; 6 — выкид из могильной ямы.

не, возможно, *in situ*, обнаружены кости конечностей плохой сохранности, обломки черепа, 2 сосуда (рис. 2, 8; 3, 9). Вполне вероятно, что это разновременное парное захоронение.

Ограда 10. Окружность из мелких камней диаметром 4 м. Ширина кольца 20—40 см. Внутреннее заполнение оградки на 20 см выше дневной поверхности. Ограда сооружена на выкиде из могильной ямы, расположенной в центре, ее размер 1,3×1,2 м, глубина 0,8 м, она ориентирована по линии З—В. Южная стенка имеет уступ. Размер ямы на дне 1,25×0,9 м. В заполнении обнаружены крупные камни. Яма пустая.

Курган 11. Земляная насыпь диаметром 6 м, высотой 0,2 м. В насыпи встречены камни. В центре расположена могильная яма овальной формы (1,6×1 м, глубиной 0,9 м), ориентирована длинной осью по линии ЮЗ—СВ. Юго-восточная стенка могилы имеет уступ. Размер ямы на дне 1,5×0,8 м. В заполнении ямы найдены кальцинированные кости и фрагменты сосуда (рис. 2, 5).

Ограда 12. Округлой формы, диаметр СЮ — 6,4 м, ЗВ — 6 м. Ограда сложена из очень крупных камней, уложенных плоской стороной в один или два ряда (рис. 1). Внутри оградка подквадратной формы, размер 2,8×2,1 м, ориентирована длинной осью по линии ЮЗ—СВ. С северо-восточной и юго-западной сторон к кольцу примыкают две оградки продолговатой формы (2,8×2,2 м). В центре приставки зафиксированы крупные камни. Вся конструкция перекрыта насыпью диаметром 11 м, высотой 0,6 м. В насыпи имелись фрагменты сосуда (рис. 3, 7).

Погребение 1. В углу прямоугольной оградки под камнями выявлены кости трупосожжения.

Погребение 2. Под прямоугольной оградкой на материке лежал потревоженный скелет человека, головой на северо-запад. Найдена кость животного.

Погребение 3. Находилась в северо-западной кольцевой пристройке. Могильная яма 2,4×1,4 м, глубиной 0,85 м, ориентирована длинной осью по линии СВ—ЮЗ. На очертаниях ямы видны сильные пятна прокала. В заполнении могилы, перекопанной грабителями, обнаружены камни, фрагменты сосуда (рис. 3, 3), обломок черепа человека, кость крупного животного.

Погребение 4. Расположено в юго-восточной кольцевой пристройке. Могильная яма 1,3×0,95 м, глубиной 0,6 м, ориентирована продольной осью по линии СВ—ЮЗ. Длинные стенки имеют уступы. Могила разграблена, в заполнении имелись мелкие кальцинированные кости, на дне встречены фрагменты сосуда (рис. 3, 8).

Ограда 13 (рис. 1). Кольцевой формы, диаметр около 6 м, состоит из крупных вертикально врытых в землю камней. Ограда перекрыта

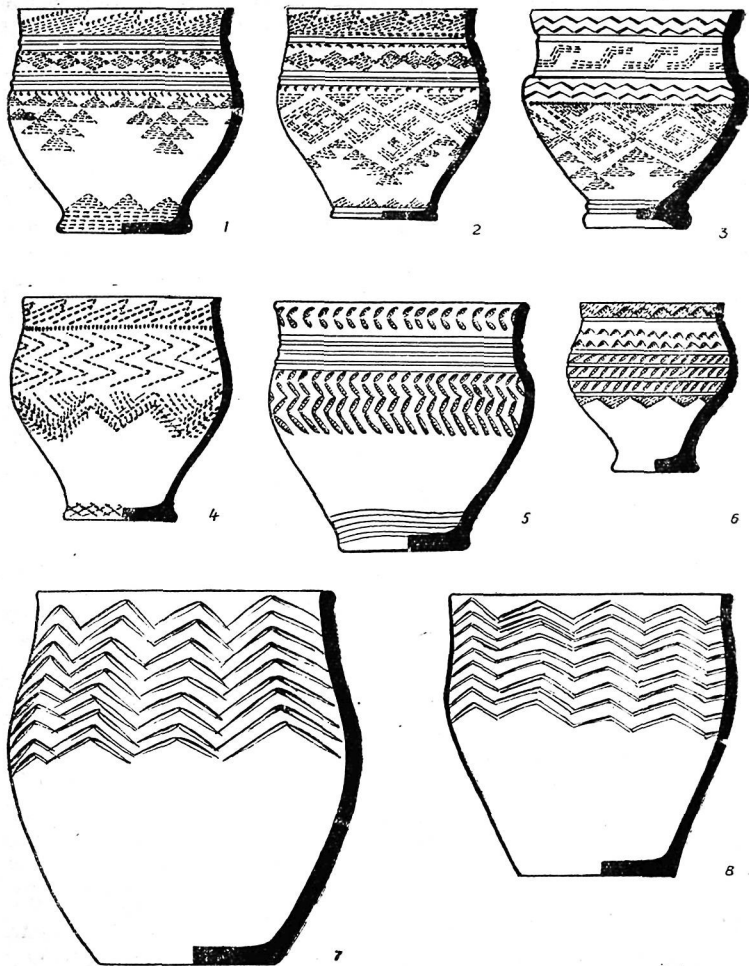

Рис. 2. Сосуды из могильника Бурлук I. 1, 2 — ограда 14; 3 — ограда 6; 4 — ограда 7; 5 — курган 11; 6 — ограда 1; 7, 8 — ограда 9.

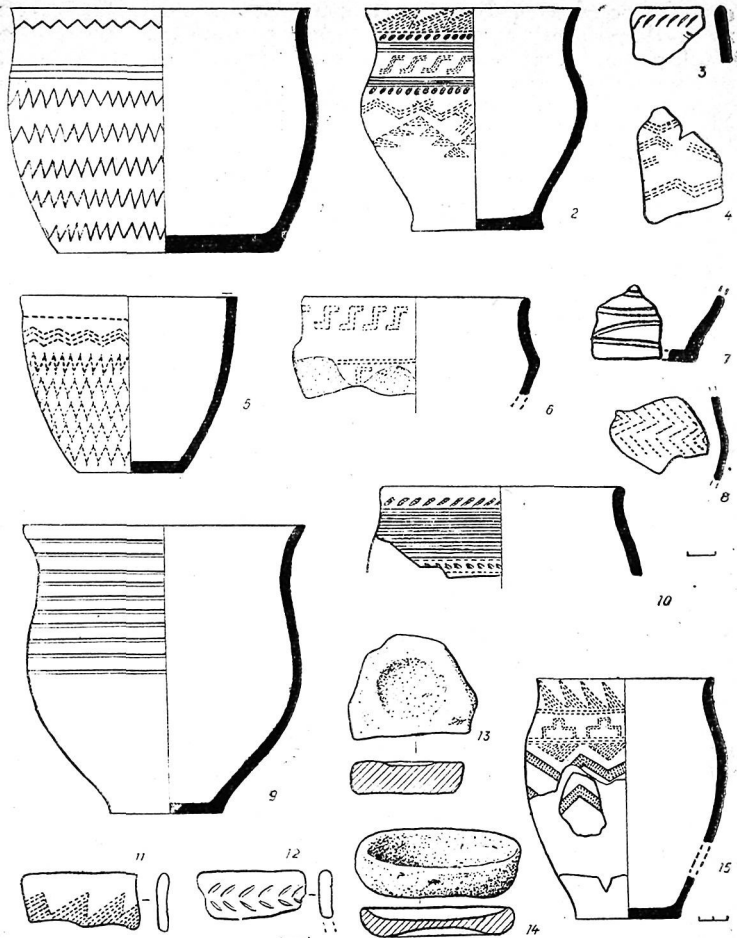

Рис. 3. Сосуды и изделия из камня могильника Бурлук I. 1, 5 — курган 15; 2, 6, 10 — ограда 3; 3 — ограда 12, погр. 3; 4 — ограда 1; 7 — ограда 12, насыпь; 8 — ограда 12, погр. 4; 9 — ограда 9; 11—15 — ограда 13.

та насыпью высотой 45 см, на ее поверхности в центре зафиксирована восьмеркообразная выкладка, ориентированная по линии С—Ю. В центре могильная яма 3×2,3 м, ориентированная продольной осью по линии ЗЮЗ—ВСВ. На глубине 60 см оказалось вводное парное погребение. Костяки лежат скорченно, один — на правом боку, второй — на левом по линии ССЗ—ЮЮВ, головой на ССЗ. В ногах погребенных обнаружены пастовые бусы (утрачены) и каменный жертвенник (рис. 3, 14). На дне основной могилы найдены фрагменты трех сосудов (рис. 3, 11, 12, 15), терочка (рис. 3, 13), у северо-восточной стенки — непо потревоженный слой кальцинированных костей и пепла.

Ограда 14. Каменная выкладка подпрямоугольной формы со сторонами 4 м. Крупные камни уложены на площадку, вырытую до материкового грунта (рис. 1). Над могильной ямой они погрузились ниже уровня грунта. Могильная яма расположена в центре, она овальной формы, размером 1,8×1,5 м, глубиной 1,2 м, ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ—ВСВ. Северная стенка ее на глубине 80 см имеет уступчик с сохранившимся на нем двуслойным деревянным перекрытием. На дне в северо-восточном углу было скопление углей и прокал (кости могли не сохраниться), в юго-западном углу — два сосуда (рис. 2, 1, 2), а рядом — два ребра крупного животного.

Курган 15. Земляная насыпь овальной формы, диаметром 12,5 м, высотой 0,35 м. Над заполнением могильной ямы расположен жертвенный комплекс из четырех прослоек камней и трубчатых распиленных костей мощностью 55 см. В основании жертвенника лежали два черепа крупных животных черепными крышками вниз, мордами на юго-восток. На древней поверхности в 0,9 м к северу от ямы найден сосуд (рис. 3, 5). Могила в центре прямоугольной формы, размером 2,7×2,1 м, глубиной 80 см, ориентирована длинной осью по линии ЗСЗ—ВЮВ. На глубине 0,5 м от древней поверхности яма имеет уступы, ниже уступов зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Яма разграблена. Не потревожены берцовая кость и кости стопы человека. Костяк лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на ВЮВ. На дне у северо-восточной стенки обнаружено скопление фрагментов сосуда (рис. 3, 1).

Таковы общие результаты раскопок. Остановимся отдельно на характеристике надмогильных сооружений, погребального обряда и инвентаря. Из 15 исследованных надмогильных сооружений Бурлука I два являются земляными курганами (11, 15), два — подпрямоугольными вымостками (5, 14), остальные 11 — каменными кольцами. Каменные вымостки и кольца сооружались на древней поверхности, на уровне материка, на выкиде из могильной ямы. Оградки выложены из больших, плащмя уложенных камней или нескольких рядов и

слоев мелких камней («щебенки»), а ограда 13 состоит из крупных, вертикально врытых камней. Материалом для надмогильных сооружений Бурлука I служил зеленоватый хлоритовый сланец, из которого сложены берега р. Иман-Бурлук.

Около половины каменных конструкций перекрыто плоскими оплывшими насыпями, когда-то ограниченными каменной кладкой. Обычно это невысокие (15—20 см) возвышения, кроме ограды 12, высота которой 60 см, и ограды 14—45 см.

Описанные сооружения характерны для погребальных памятников ареала андроновской культуры. Отличительной чертой погребального обряда исследованных захоронений является наличие как трупосожжений, так и трупоположений. Зафиксировано 8 трупосожжений и 9 трупоположений, две конструкции (огр. 5, 10) не содержали никаких остатков погребения. В ограде 1 ямы не было, но найдено 2 сосуда. Раскопками выявлено 16 могильных ям, две из них — вводные погребения, 14 связаны с определенными конструкциями. В трех случаях могильных ям не обнаружено, данные взяты приближенно. Ямы с трупоположением содержат по одному погребенному, за исключением ограды 13, возможно, и 10. Размер могил различный. Длина ям с трупоположением 1,5×2,7 м, ширина от 1 до 1,4 м. Размер единственного явного детского погребения 1,5×1,4 м (огр. 7). Среди могильных ям с трупосожжением выделяется яма ограды 13, ее размер 3×2,3 м, длина остальных — 1,3—2,2 м, ширина 0,9—1,5 м, глубина 0,2—1,2 м. Причем наименьшую глубину имеет вводное и детское погребения и трупоположение в ограде 6. Наиболее распространена глубина 0,6—0,8 м.

Все могильные ямы грунтовые, в плане овальные или подпрямоугольные, ко дну они сужаются. Свообразие их состоит в устройстве уступов с одной или двух длинных сторон, в одном случае — торцовых, зафиксированных в 10 ямах из 16. Уступчики предполагают наличие деревянного перекрытия, что подтверждает фиксация углей в заполнении ям, а также перекрытия в оградах 14 и 15. Ориентировка могильных ям продольной осью разнообразная (см. табл. 1).

Среди исследованных трупоположений одно явно парное (огр. 13) и одно предполагаемое (огр. 9). Все остальные ямы содержат по одному костяку. Погребенные лежат скорченно, на левом боку, в парном погребении один из костяков был на правом боку, в ограде 7 — с кис-

Таблица 1

Ориентировка	Трупоположение	Трупосожжение
ЗВ	3	—
ЗСЗ—ВЮВ	2	—
ЗЮЗ—ВСВ	—	3
ЮЗ—СВ	2	5
СЗ—ЮВ	2	—
ССЗ—ЮЮЗ	1	—

тами рук у лица. Ориентировка погребенных различная: по два костяка на З, СЗ и ССЗ, по одному — на ЮЗ, ЗСЗ, ВЮВ.

Умершего сопровождал один или два сосуда. Там, где удалось зафиксировать, они стояли у головы погребенного (огр. 6, 7, 9). В кургане 15 сосуд (рис. 3, 5) находился под насыпью кургана на древней поверхности, а в ограде 9 — под камнями ограды в ямке и содержал жженные кости. В погребении ограды 6 обнаружены остатки бронзового предмета, в ограде 13 в ввводном погребении найдены пастовые бусы и жертвенник, а в основном — терочка. В пяти ямах обнаружены кости животных (ребра) и кости ног мелкого и крупного скота.

Интересная черта погребального обряда отмечена в кургане 15; неоднократная подсыпка насыпи сопровождалась жертвоприношениями.

Вследствие неудовлетворительного состояния почв и ограбления погребений керамика могильника Бурлук I плохо сохранилась. Полностью удалось реставрировать 9 сосудов, реконструировать 4, остальные 8 представлены в обломках. По формам можно выделить четыре типа сосудов: а) горшки «классической» формы со слегка плавно отогнутым верхним краем и умеренно раздутым туловом; б) горшки с плавно отогнутым верхним краем и уступчиком при переходе к раздутому в верхней части тулову; в) большие горшки с широкой горловиной и нечетко выраженной шейкой, плавно переходящей в слабо раздутое тулово; г) банки со слегка расширяющейся горловиной.

Предложенная типология не отражает всего многообразия форм. Так, внутри групп есть сосуды с различным соотношением ширины дна и горловины, несколько отличной профилировкой шеек. Некоторые сосуды имеют поддон. Богато орнаментированы сосуды первого и второго типов. Широко использованы такие элементы отделки, как косугольные треугольники, меандры, каннелюры, флажки. Встречаются ломаные и горизонтальные полосы с поперечной заштриховкой, зтообразные фигуры, пояски наклонных линий, горизонтальный зигзаг. Банки украшены «шагающим» штампом. Орнамент выполнен преимущественно гребенчатой техникой.

Не определяя хронологических рамок могильника, укажем только, что основная масса керамики находит себе близкие аналогии в нуринских памятниках Центрального Казахстана¹, федоровских материалах Северного Казахстана² и Южного Зауралья³.

¹ К. А. Акишев. Вопросы периодизации культур эпохи бронзы. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966, стр. 62, табл. 1.

² А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5, 1958, стр. 283—284, табл. I—II.

³ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 304—305, рис. 46.

После широко известного в литературе Петропавловского могильника могильник на р. Бурлук является вторым погребальным памятником андроновской культуры, исследованным на территории Северо-Казахстанской области. Несмотря на скудность вещевого материала, он дает дополнительные сведения об эпохе бронзы этого района. Полученные данные особенно интересны в свете современных проблем, стоящих перед исследователями андроновской культуры, решение которых невозможно без привлечения новых археологических материалов.

А. Х. МАРГУЛАН

КОМПЛЕКСЫ БЫЛКЫЛДАК

Комплексы Былкылдак расположены в верховьях р. Талды-Нура, в урочище Былкылдак, в 7 км на юго-восток от центральной усадьбы Кзылтауского подхоза Балхашского медеплавильного комбината. Урочище представляет собой межгорную впадину, окруженную со всех сторон небольшими горами. Она имеет общий скат к западу и северо-западу. Ее пронизывает луговая долина, по которой медленно течет р. Талды-Нура. В урочище Былкылдак, по обеим берегам реки, на высокой прибрежной террасе (50—100 м) находятся три обширные группы памятников андроновской культуры, причем на очень близком расстоянии друг от друга. Самая большая из них Былкылдак (Б.) I расположена на левой аккумулятивной террасе, почти у самого подножия гор Кара-Шоки (рис. 1).

Группы Б. II и Б. III находятся на правом каменистом берегу р. Талды, в 0,5 км друг от друга. Все три группы исследованы в 1951 и 1955 гг. В первой группе числится свыше 70 оград, представляющих собой погребения членов патриархального рода, объединенные в одно родовое кладбище площадью 180×160 м. Немного меньше вторая группа, в ней имеется 60 оград, а в третьей, самой древнейшей — лишь около 10 оград. Недалеко от погребальных полей к западу и юго-западу располагаются жертвенные места с менгирами. Всего в трех группах, включая и жертвенные места, насчитывается не менее 200 отдельных сооружений. Кроме того, в группе Б. I встречаются каменные курганы кочевых скотоводов, один из них с усами.

Такое огромное скопление в одном месте памятников разных эпох свидетельствует об обжитости речных долин Центрального Казахстана в течение ряда столетий и густоте его населения в далеком прошлом (рис. 2).

Об этом говорит еще и то обстоятельство, что вся долина р. Тал-

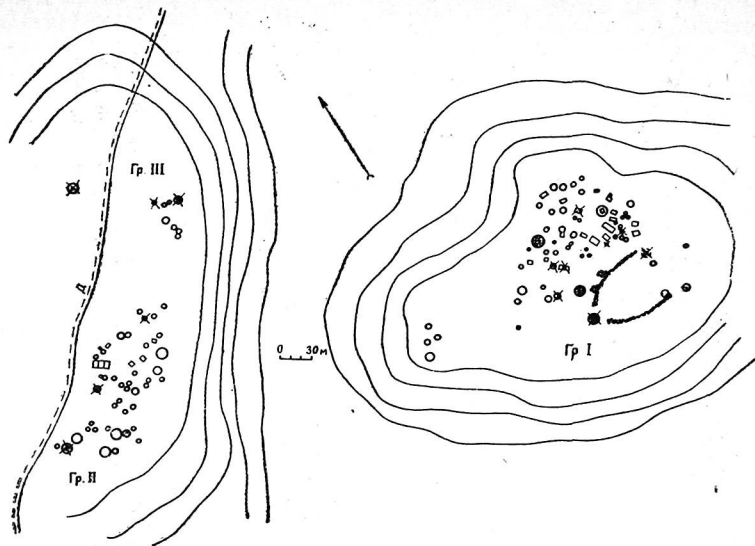

Рис. 1. План комплексов Былкылдак I, II, III.

ды-Нура от ее истоков, берущих начало в горах Кара-Жал и Балапан (водораздел рек Токраун и Нура), до слияния с р. Шерубай-Нура, т. е. на протяжении 120 км, занята другими, иногда еще более обширными комплексами памятников эпохи бронзы. Они встречаются по всей луговой долине в интервале от 10 до 15 км. В этой долине нами зафиксировано до 20 крупных комплексов. Из них самый обширный — Сенкебай, он тянется на 15 км в широкой пойме среднего течения р. Талды-Нура и занимает площадь 75 км². Не менее обширны и интересны комплексы Акбаур, Байбала, Жана-Журт, Шортанды-Булак.

Наши исследования показывают, что местам андроновских погребений соответствуют места их поселений, расположенных, как правило, на расстоянии 10—15 км друг от друга. В этой долине нами выявлено шесть поселений, относящихся к эпохе бронзы. Это Акбаур (I, II), Байбала, Шортанды-Булак, Сенкебай и Кошкарбай. Все

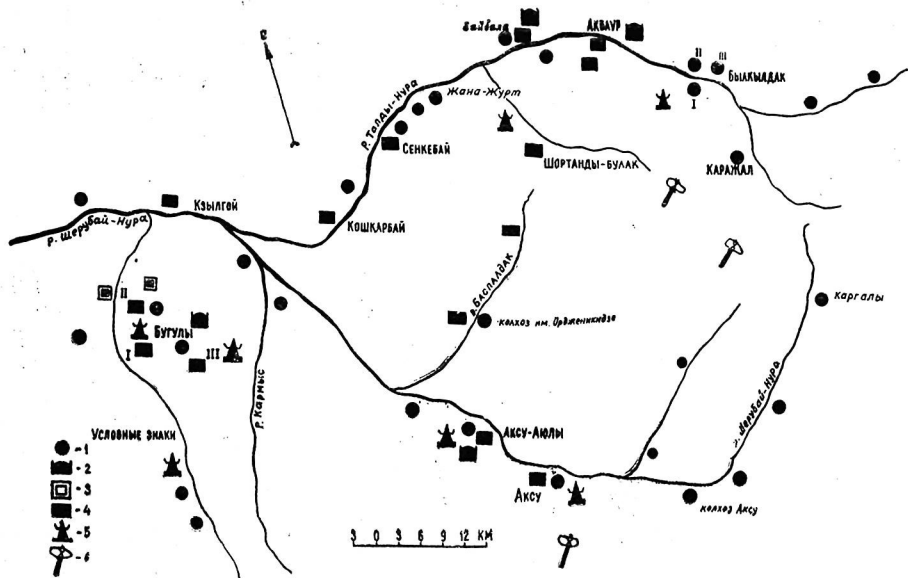

Рис. 2. Карта распространения памятников культуры бронзы в долинах верхьев р. Талды-Нура и Шерубай-Нура Шетского района, Карагандинской области: 1—андоновские оградки без насыпи; 2—курганы с кольцевыми оградками переходного этапа к культуре Бегазы; 3—памятники Бегазы-Дандыбаевского времени; 4—поселение эпохи бронзы; 5—менгиры; 6—места древних выработок руд.

они представляют громадный научный интерес по типу сооружений, планировке и культуре. Жилых строений в поселении Акбаур I было около 30, а в поселении Шортанды-Булак — свыше 40. Здесь жили древнейшие скотоводы и рудокопы Центрального Казахстана. Недалеко от них находятся древние выработки Каражал и Алабуга. Их следует исследовать, так как в ближайшее время они могут исчезнуть с лица земли.

В трех группах Былкылдак нам удалось обследовать¹ около 20 андроновских оград, позволивших выяснить форму погребальных сооружений, определить облик культуры, которая несколько отличается от родственной ей культуры на Енисее и в лесостепной части Западной Сибири и Южного Урала.

Очень разнообразны прежде всего формы погребальных сооружений, которые, несомненно, отражают быт, обычаи и верования патриархально-родового общества.

По своему внешнему очертанию это круглые, квадратные, прямоугольные или овальные ограды из гранитных плит, врытых на ребро. Плиты выступают над уровнем древней почвы на 15—25 см, иногда до 60—80 см. Часто встречается сложная сеть смежных оград, скомбинированных тех же кругов, квадратов или прямоугольников (рис. 3, 4).

Смежные ограды с различными пристройками, содержащими большое число погребений в виде каменных ящиков, являются погребениями большой патриархальной семьи. Нередко в них бывает от 4 до 10 и больше каменных ящиков (рис. 5). Кроме групповых, имеются одиночные ограды, в которые заключены парные погребения. К ним относятся каменные круги, квадраты или прямоугольные ограды с двумя каменными ящиками в центре. Для этих оград характерно отсутствие насыпи.

В комплексах Былкылдак прослежены как древние архаические, так и более новые формы погребения (огр. 3 и 7). Очень контрастен керамический материал. Весьма архаичный тип гончарных сосудов вполне уживается с прекрасными металлическими украшениями — медальонами. Это говорит о том, что отдельные погребальные сооружения групп Былкылдак относятся к истории нескольких поколений.

Исследованиями установлено, что погребальный обычай талдинцев весьма устойчив. Это связано с многовековой традицией, основанной на патриархальных обычаях.

Ограды обычно содержат каменные ящики прямоугольной или трапециевидной формы, находящиеся в земляной камере, которая служила погребальной урной андроновцам Центрального Казахста-

¹ В раскопках принимали участие научные сотрудники отдела археологии К. А. Акишев, Г. И. Пацевич, Т. Н. Сенигова.

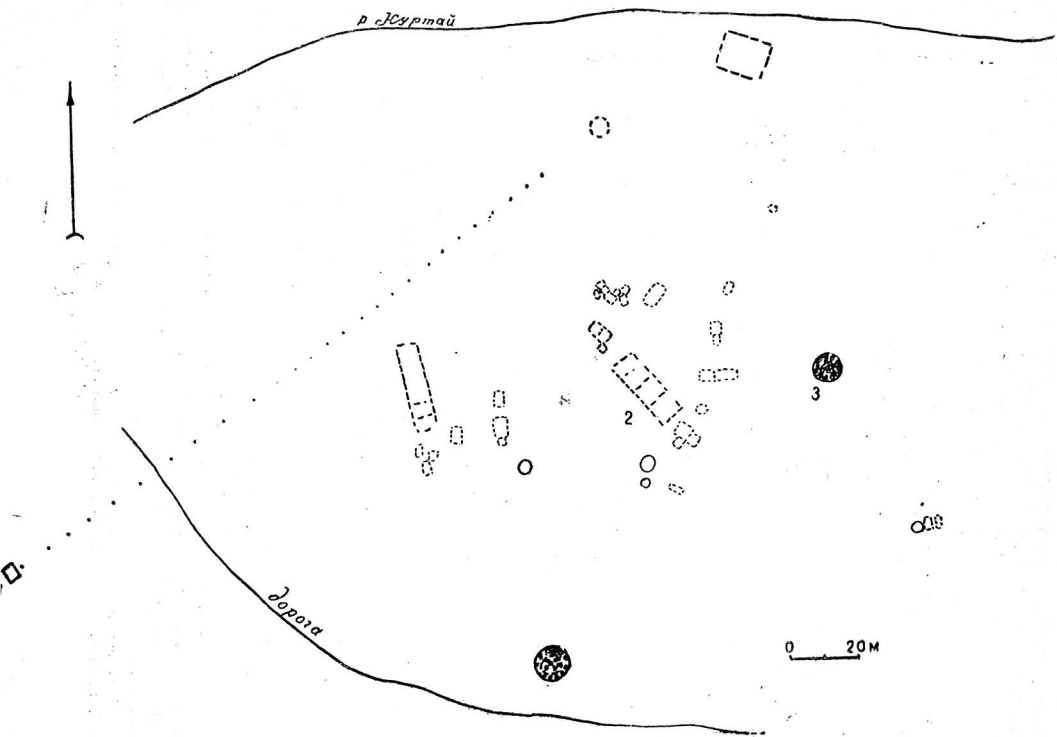

Рис. 3. Комплекс Кызыл-Шоки (верховье р. Нуртай) с густой сетью смежных оград: 1 — тюркская ограда с вереницей балбалов; 2 — ограды эпохи бронзы; 3 — каменные курганы кочевников,

на. Длина ящиков иногда достигает 2,5 м, ширина 0,9—1 м, глубина 0,60—1 м. Ящики ориентированы продольной осью с запада на восток, с отклонением с ЮЗ на СВ. В них лежали в большинстве случаев на левом боку скорченные человеческие костяки, обращенные головой на запад или юго-запад. Против головы в северо-западном углу ящика стоял один горшок, нередко четыре. Как показали раскопки, большая часть погребений разграблена еще в древности. К тому же из-за сырости почвы большинство костей скелетов истлело.

Как правило, в каждом погребальном ящике имелось от 2 до 4 и более глиняных горшков, причем расстановка их весьма устойчива. Она вытекает из укоренившихся традиций родового коллектива. В большинстве случаев горшки стояли в северо-западном углу каменного ящика, у изголовья, против лица человека.

Ограда 3 расположена в 2 м от ограды 7 и вместе с ней составляет несколько обособленную группу на восточном краю большого андроновского комплекса (рис. 6)². Она представляет собой круг, диаметр которого с запада на восток — 4 м, с юга на север — 3,7 м. В центре находится прямоугольный каменный ящик, ориентированный продольной осью с запада на восток. Ящик составлен из отесанных плит гранита, плотно пригнанных друг к другу. Край ящика выступает наружу на 8—10 см. Он перекрыт большими гранитными плитами, концы которых несколько нависают. Его длина 1,8 м, ширина 1,2 м, глубина 0,8 м. При расчистке ящика на глубине 0,4 м в северо-западном углу обнаружен целый горшок, лежавший на боку, обращенный венчиком к северной стене ящика. Здесь же в куче лежали кости барана. Далее в центре ящика около грудной части человеческого костяка найден раздавленный сосуд, видимо, сдвинутый с места грызунами. В юго-западном углу ящика встречены третий, совершенно целый горшок круглой формы и фрагмент четвертого сосуда. Горшки ограды 3 отличаются от андроновских сосудов формами и особенно орнаментацией. Дадим их описание.

Горшок (1) целый, плоскодонный, его венчик сильно отогнут наружу, изгиб шейки значительный, плечо выступает, шаровидное тулово круто сужается ко дну. Высота 12 см, диаметр венчика 14 см, дна 7,5 см. Верхняя половина сосуда покрыта орнаментом из рядов насечек и елочек (рис. 7, 1).

Горшок сделан из глины с примесью песка, обжиг слабый, в изломе красновато-серого цвета. Лепка ручная, грубая, дно шероховатое и приплюснутое. Толщина стенок 8 мм, дна 1 см.

² В данной статье дается описание оград, которые не вошли в книгу: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

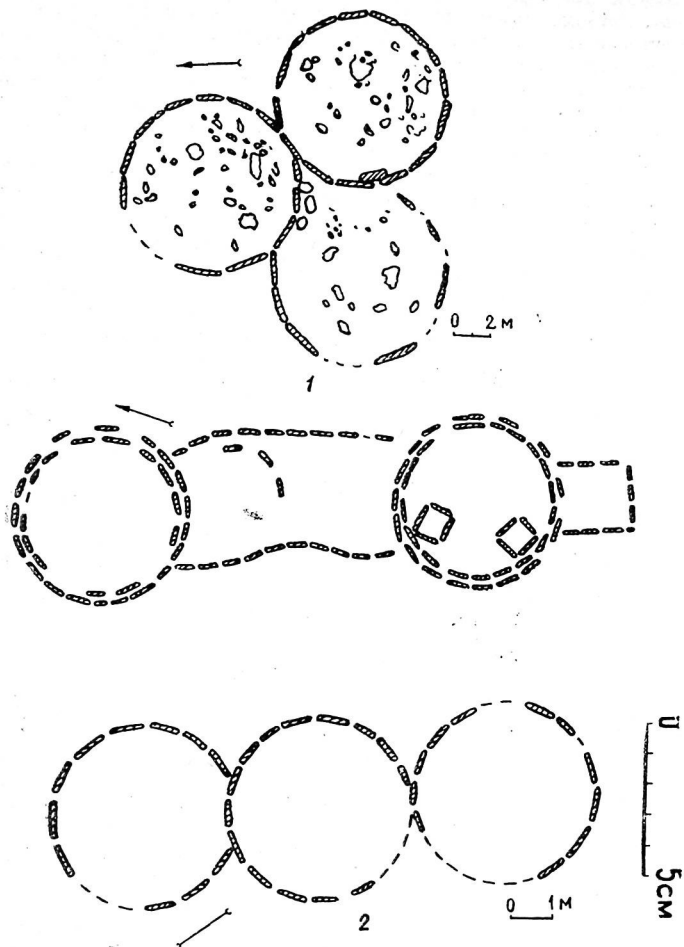

Рис. 4. Планы смежных андроновских оград Центрального Казахстана. 1—группы Жапалак I и II; 2—группа Шлым I.

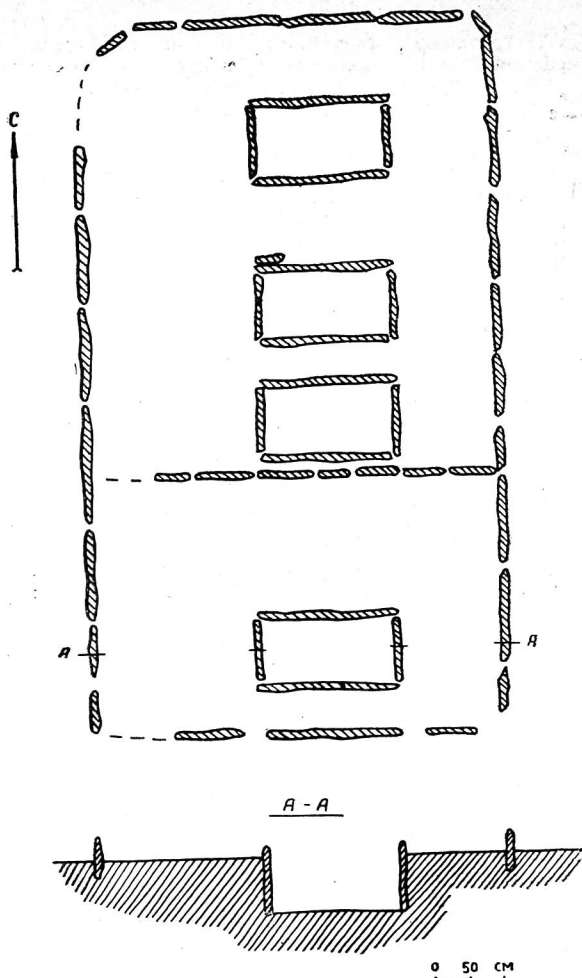

Рис. 5. План многокамерной ограды из группы Айдархан в горах Эдрей Кууского района Карагандинской области.

Сосуд (2) раздавлен плитой. Он полный, плоскодонный, вылеплен из красной глины с примесью песка, обжиг сравнительно хороший, в изломе красного цвета, лепка грубая с шероховатостью по всей поверхности. Венчик отогнут наружу, шейка имеет значительный изгиб. Тулово шаровидное, круто переходит ко дну. Высота 18 см, диаметр венчика 22 см, дна 11 см. Сосуд без орнамента. Внутренняя и внешняя поверхность покрыта слоем белого порошка, образовавшегося от долгого нахождения в грунте.

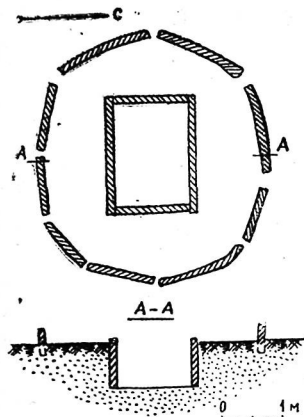

Рис. 6. Планы оград 3 из В. I.

Сосуд (3) плоскодонный, край венчика слегка отогнут наружу, шейка выгнута, плечо остро выступает, изготовлен из красной глины, примесь песка небольшая, обжиг черный. Высота 8,5 см, диаметр венчика 12 см, дна 9 см. По плечикам идет елочный орнамент, выполенный гребенчатым штампом. На одной стороне елочки 8 штампов, они вдавлены в виде квадратных точек. В нижней части тулова имеются крестообразные тамги +, нередко встречаемые в

керамике эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Внутренняя поверхность сосуда покрыта ангобовидным слоем сероватого цвета (рис. 7, 2).

Сосуд (4) целый и совершенно круглодонный, обнаружен в юго-западном углу каменного ящика на глубине 0,4 м. Изготовлен ручной лепкой из красной глины со значительной примесью песка. Обжиг посредственный, в изломе пепельно-серого, местами розовато-красного цвета. Особенностью сосуда являются венчик, отогнутый наружу, сильный изгиб шейки, остро выступающее плечо. Тулово сосуда ко дну принимает круглую форму, характерную для керамики более позднего времени. Высота 11 см, диаметр венчика 12 см, тулова 12,5 см, толщина стенок 0,8 см. Как и в предыдущих сосудах, внутренняя поверхность покрыта сероватым слоем наподобие ангоба. Орнамент нанесен на верхнюю половину сосуда гребенчатым штампом в виде отвесных и горизонтальных насечек, (рис. 7, 3).

Приведенные данные говорят о том, что керамика ограды 3 совершенно отличается от посуды андроновских памятников Центрального Казахстана. Круглая форма сосуда и техника орнаментации

приближают ее к бегазы-дандыбаевскому кругу памятников. Судя по всему, ограды 3 и 7 представляют последний этап культуры бегазы Центрального Казахстана. Не исключена возможность, что они свидетельствуют о начале формирования новой культуры, связанной с переходом к кочевому скотоводству.

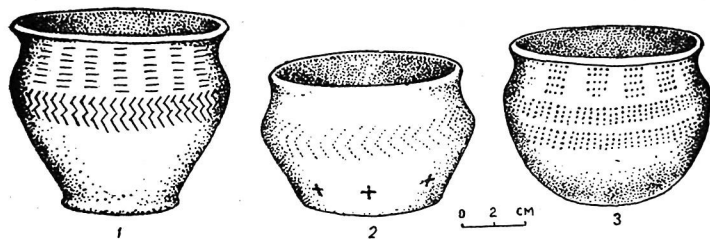

Рис. 7. Керамика из ограды 3 из Былкылдака I.

Ограда 4 находится в центре комплекса, в плане овальной формы, состоит из 16 крупных плит гранита, врытых на ребро. Верхние концы плит возвышаются над уровнем современной почвы на 25—35 см. Диаметр овала с запада на восток — 3,7 м, с юга на север — 3,0 м. В центре ограды имеется земляная камера, обложенная деревянной рамой; она ориентирована продольной осью по линии запад — восток. Длина камеры 1,85 м, ширина 0,95 м, глубина 1,2 м (рис. 8).

Камера потревожена, кости лежали в беспорядке на разной глубине (минимальной — 0,66 м, максимальной — 0,98 м), представить обряд погребения трудно. Тем не менее здесь найден целый набор керамических сосудов, своеобразных по форме и интересных по орнаментации (рис. 9).

Сосуд (1) неполный, нет венчика и большей части шейки. Обнаружен в юго-западном углу на глубине 0,5 м. Он плоскодонный с розоватой поверхностью и следами сглаживания, прямой

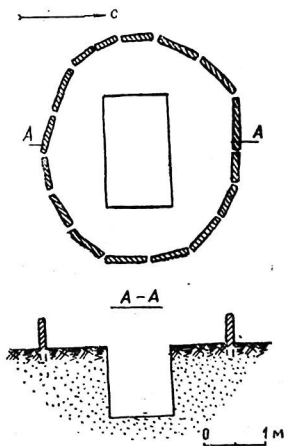

Рис. 8. План ограды 4 из Б. I.

вытянутой формы, изготовлен из отощенной хорошей глины с примесью кварцевого песка. Сохранившаяся высота 12 см, диаметр дна 6 см. Обжиг сравнительно хороший, в изломе розоватый. Почти вся поверхность сосуда от шейки до дна покрыта геометрическим узором, выполненным крупным зубчатым штампом. Основу сюжета составляют заштрихованные зигзаги и треугольники, которые отделены друг от друга прямой лентой. Пояском красивых линий окаймлено и дно горшка (рис. 9, 1). По технике производства и орнаментации сосуд представляет более совершенную форму керамического искусства, достигнутую на высшем этапе андроновской культуры в Центральном Казахстане. По характеру применения крупного зубчатого штампа он более близок к кругу посуды бегазинского времени.

Глиняный сосуд (2) целый, имеет вытянутую баночную форму, прямой венчик и с легким изгибом шейки. Встречен там же, в юго-западном углу камеры, на глубине 0,7 м. Высота его 18 см, диаметр венчика 18 см, дна 9 см. Формован из жирной глины с небольшой примесью мелкого кварцевого песка. Обжиг пепельно-серый. Орнамент выполнен мелким гребенчатым штампом, дающим оттиски прямоугольных отрезков линий. Узоры в виде поясков из треугольников и зигзагов, промежутки которых прорезаны линией, покрывают только верхнюю половину сосуда. На дне его имеется загадочный знак, напоминающий тамгу или особый вид иероглифического письма (рис. 9, 2).

Сосуд (3) раздавлен, обнаружен в северо-западном углу камеры на глубине 0,83 м. Он лежал на боку, венчиком к югу. Сосуд плоскодонный, имеет форму изящной вазы, изгиб шейки выразительный, плечо острое с уступом, венчик сильно отогнут наружу. Высота 25 см, диаметр венчика 24 см, дна 14 см. Формован хорошей техникой из стмученной глины с небольшой примесью очень мелкозернистого песка. Обжиг неплохой, в изломе фрагмент пепельно-серого цвета.

Орнамент выполнен гладким штампом, дающим короткие линейные оттиски прямоугольного очертания; им занята вся поверхность сосуда. По венчику проходит цепочка ромбических мотивов, по шейке — поясок меандра, далее тулово опоясывают зигзаги. Грани поясков отмечены особым штампом, оставляющим оттиски в виде миниатюрных треугольников вершинами вверх. На фоне крупных очертаний ромбических мотивов, меандров и зигзагов эти оттиски очень рельефны и придают выразительность всей композиции геометрических узоров. Часть рисунка выполнена в виде неглубоких каннелур, проведенных между ромбической цепочкой и пояском миниатюрных треугольников (рис. 9, 3).

По своему характеру керамика из ограды 4, исключая горшок (2), очень своеобразна. Она отличается от обычной андроновской ке-

Рис. 9. Керамика из ограды 4 из Былкылдака I.

рамики многим, прежде всего более массивна, имеет уступ при переходе плеч к шейке, отделана с применением нового типа гребенчатых и зубчатых штампов, дающих крупные и более рельефные оттиски.

Керамические сосуды, орнаментированные крупным зубчатым и гребенчатым штампом, обнаружены в ограде 2 и 4 из группы Темир-Астау (рис. 22, 2). Своего расцвета рисунки ромбической трактовки достигли в керамике бегазинского времени. Большим своеобразием отличаются и горшки с уступом. В комплексе В. I они встречены в ограде 5 — два (рис. 9, 4; рис. 14, 2), в ограде 4 — один (рис. 9, 3), в ограде 8 — один (рис. 22, 1).

Приведенное описание показывает, что в группе Былкыдак I были памятники как более ранних, так и более поздних периодов, в общей сложности отражающие последовательность развития культуры бронзы Центрального Казахстана на протяжении многих столетий.

Ограда 6 представляет собой неправильный круг, составленный из семи гранитных плит, выступающих на поверхности от 26 до 35 см. Диаметр круга 3,6 м. В центре ограды находилась погребальная камера, ориентированная с запада на восток. Она облицована деревянной рамой, следы которой сохранились в виде истлевших плах. Длина камеры 2,5 м, ширина 0,8 м. В центре камеры на глубине 0,64—0,84 м обнаружен полный сильно скорченный скелет человека, лежавший на правом боку, головой на юго-запад, лицом к югу, юго-востоку. Левая рука была согнута в локте и касалась области подбородка (рис. 10). У ступни найдена небольшая бронзовая бляшка овально-удлиненной формы размером 2,5×0,5 см, с дырочкой на одном конце. Две такие же бляшки встречены на дне камеры после разбора (рис. 11, 8).

На дне камеры обнаружены крупные фрагменты от двух раздавленных сосудов и два целых горшка.

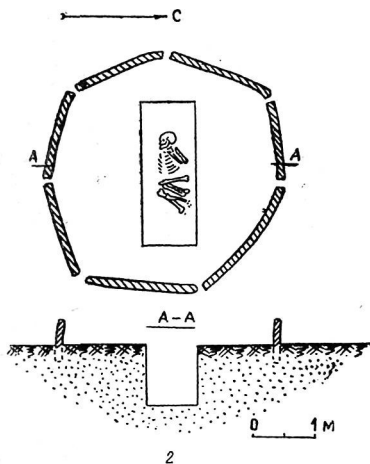

Рис. 10. План ограды 6 из В. I.

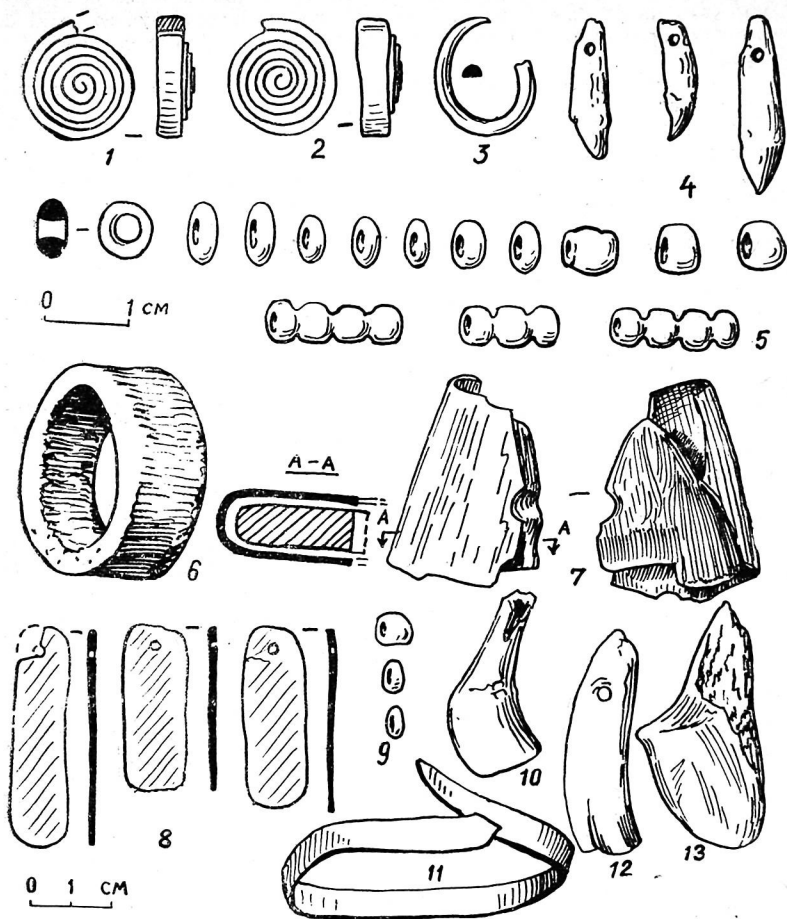

Рис. 11. Находки из оград комплексов Былкылдак I, II, III.

Фрагмент большого глиняного сосуда находился в северо-западном углу на глубине 0,64 м. Сосуд сделан из очень грубого теста с большой примесью крупного кварцевого песка, обжиг слабый, черный.

В юго-западном углу погребальной ямы на глубине 0,6 м выявлен целый сосуд изящной баночной формы с кольцевым поддоном, прямым чуть отогнутым наружу венчиком, с округлым туловом, несколько суживающимся ко дну. Изгиб шейки достаточно выразителен, плечо выступает, сосуд без орнамента. Он лежал боком, несколько вверх дном. На поверхности заметны следы копоти, свидетельствующие о нахождении его на огне. Высота горшка 12,8 см, диаметр венчика 14,5 см, дна 8,5 см, глубина поддона 11,5 см. Горшок сделан из теста со значительной примесью песка, обжиг черный или серовато-черный. Здесь же найдены фрагменты другого более крупного сосуда, также без орнамента. Венчик второго сосуда прямой, шейка слабо изогнута.

Ограда 7 отличается от андроновских памятников большим размером, двойной концентрической формой оград и обрядом погребения. Внешняя ограда составлена из крупных плит гранита, положенных плашмя в виде неправильного круга или овала (рис. 12). Размер его с запада на восток — 5,8 м, с севера на юг — 4,7 м. Внутренняя ограда сделана из крупных плит серого гранита, установленных на ребро. Верхние края ограды выступают из земли на 15—20 см. Размер внутренней ограды с запада на восток — 3,8 м, с севера на юг — 3,2 м. В центре двойной ограды расположен большой каменный ящик, ориентированный по линии запад — восток. Ящик (2,4×1,0 м) перекрыт крупными плитами гранита квадратной формы размером 1,2×1,2×0,14 м.

В его южной половине на глубине 0,4 м обнаружен полный скелет человека, вытянутый вдоль южной стены, на спине, головой на запад, лицом к жертвенной пище, лежавшей у северной стены ящика. Правая рука согнута в локте и протянута к жертвенной пище, левая вытянута вдоль туловища. Положение ног разное, правая нога вытянута вдоль ящика, левая слегка согнута в колене. Связано ли такое положение ног с древним обрядом погребения, нам не известно.

В северо-западной половине ящика, ближе к центру, против туловища человека найден полный костяк барана, положенного в качестве пищи покойника в загробной жизни. Убитый баран повернут задними ногами на восток. Голова отделена от туловища и находится около задних ног, лбом она обращена к покойнику. У тазовой кости человека поперек его левого бедра обнаружена баранья лопатка, повернутая широкими концами к бараньей голове. Она имела обрядовое значение. Как известно, баранья лопатка была атрибутом гада-

ния у древних шаманов. Может быть, в исследованной нами огаде погребен древний шаман со своей «гадательной лопаткой». Лопатка очень ветхая, вероятно, долго была в употреблении, пропитана розовато-бурой краской — имитация огня, сглажена местами до блеска. По внешнему виду она сильно отличается от бараньих костей, лежавших здесь же.

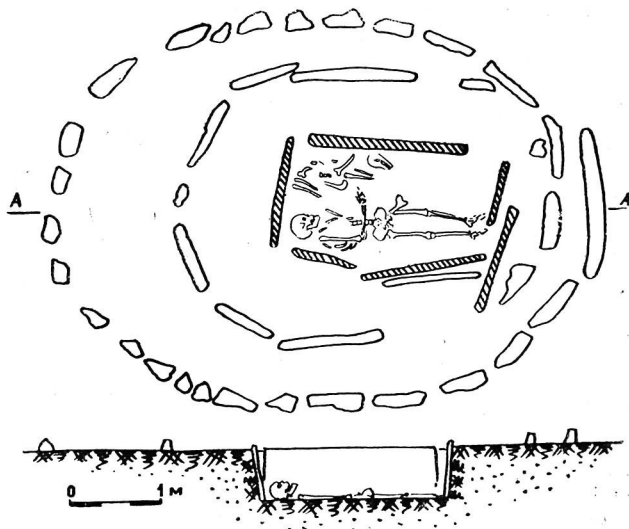

Рис. 12. План огады 7 из Былкылдак I.

Из других находок привлекают внимание фрагменты толстостенного сосуда с плоским дном, прямым венчиком, слегка оттянутым наружу. Сосуд без орнамента, сделан из грубого теста с примесью крупной дресвы, обжиг у него слабый, цвет черный.

В центре ящика на глубине 0,4 м у изголовья человека, между костяками человека и барана встречены две каменные терки. Одна малая из кальцита, имеет округлую форму диаметром 4,5 см, от многократной работы пестиком ее донная часть ровно сглажена. Вторая — из мелкозернистого песчаника с закругленными краями, диа-

метром 9 см. От долгого употребления ее дно стало тоньше, чем бока. На дне терки сохранились в виде мелких ямочек следы от какого-то заостренного инструмента. Других находок нет.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ограда 7 по всей культуре, погребальным обычаям и обрядам относится к памятникам другой эпохи и никакого отношения к андроновской культуре комплекса Былкылдак I не имеет. Вместе с тем, взяв основу из древнеандоновской культуры и развив ее в новых условиях, памятники ограды 3 и 7 как бы образуют новый этап культуры Центрального Казахстана, распространившийся в период Бегазы — Дандыбая и при переходе от них к культуре раннего кочевого скотоводства. Для выяснения истоков формирования ранних этапов кочевой культуры в евразийских степях материалы из оград 3 и 7 представляют огромный интерес и должны помочь решить большой исторический вопрос.

Ограда 9 расположена в самом центре комплекса, представляет собой сдвоенные круги, один пристроен к другому. Диаметр большего круга по линии запад — восток — 3,9 м, север — юг — 3,65 м. В центре круга большая прямоугольная яма, ориентированная длинными сторонами с запада на восток. Размер камеры с запада на восток — 2,15 м, с севера на юг — 1,5 м, глубина — 1,05 м. Остатки истлевшего дерева говорят, что грунтовая камера первоначально имела облицовку из деревянной рамы.

Малый круг примыкает к большому с южной стороны. Диаметр его по линии запад — восток — 3,1 м, север — юг — 2,8 м. В центре малого круга расположен сравнительно небольшой каменный ящик, ориентированный с запада на восток. Размер каменного ящика с запада на восток — 1,7 м, с севера на юг — 0,8 м, глубина — 1,0 м. Камни большой ограды выступают из земли на 55—60 см, малой ограды — на 35—40 см (рис. 13).

На дне земляной камеры (у большего круга) обнаружен полный костяк человеческого скелета в скорченном виде, на левом боку, но кости так истлели, что при малейшем прикосновении рассыпались. Из-за сырости и ограбления разрушен костяк и в каменном ящике малого круга. Отдельные кости лежали в беспорядке, керамические сосуды раскрошены, их обломки выброшены в разные стороны. Так, при расчистке площади малой ограды вне ящика в гумусном слое был обнаружен фрагмент изыщного сосуда, сделанного из хорошего теста с небольшой примесью мелкозернистого песка, серовато-черного в изломе цвета, хорошего обжига. Поверхность фрагмента розоватая со следами сглаживания. Орнамент выполнен линейным штампом (рис. 14, 7).

В северной половине малого круга вне каменного ящика встречены фрагменты двух сосудов. Один из них без орнамента, в форме

чаши, плоскодонный, с прямым венчиком, шейка без изгиба. Формовка грубая, из глины с дресвой, обжиг черный (рис. 14, 4). Высота 9,7 см, диаметр венчика 17 см, дна 10 см. Тесто рыхлое, рассыпается. Другой почти полный сосуд баночной формы с отогнутым наружу венчиком, плоским дном, изготовлен из грубого теста с большой примесью дресвы. Обжиг пепельно-черный. Высота 15 см, диаметр венчика 14 см, дно не найдено. Орнамент нанесен гладким штампом в виде поясков по венчику и шейке (рис. 14, 5).

В северо-западном углу каменного ящика на глубине 0,7 м встречен целый сосуд. Он вытянутой формы с венчиком (рис. 14, 3), слегка отогнутым наружу, изгиб шейки мало заметен, тулово почти прямое, постепенно и плавно переходит в дно. Формован из хорошего теста с примесью мелкозернистого песка, полевого шпата. Обжиг сравнительно хороший, цвет в изломе пепельно-розоватый. Высота 28 см, диаметр венчика 22 см, дна 15 см. Орнамент в виде каннелюр с гофрировкой занимает только шейку. По форме сосуд не находит себе аналогии в кругу андроновской керамики других районов, встречается только в керамике позднего андрона Центрального Казахстана.

На дне западной половины каменного ящика на глубине 0,9 м поднят целый набор белых пастовых и бронзовых бус, совершенно аналогичных бусам из оград 8 и 14 (рис. 11, 5, 9), обломки бронзовой нашивной бляшки с отверстиями по середине. находка женских украшений в каменном ящике (южная пристройка) позволяет установить, что в нем погребена женщина, очевидно, жена человека, похороненного рядом в грунтовой камере северной большой ограды.

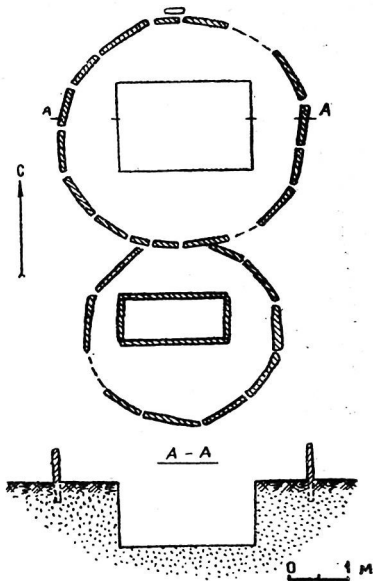

Рис. 13. План ограды 9 из Б. I.

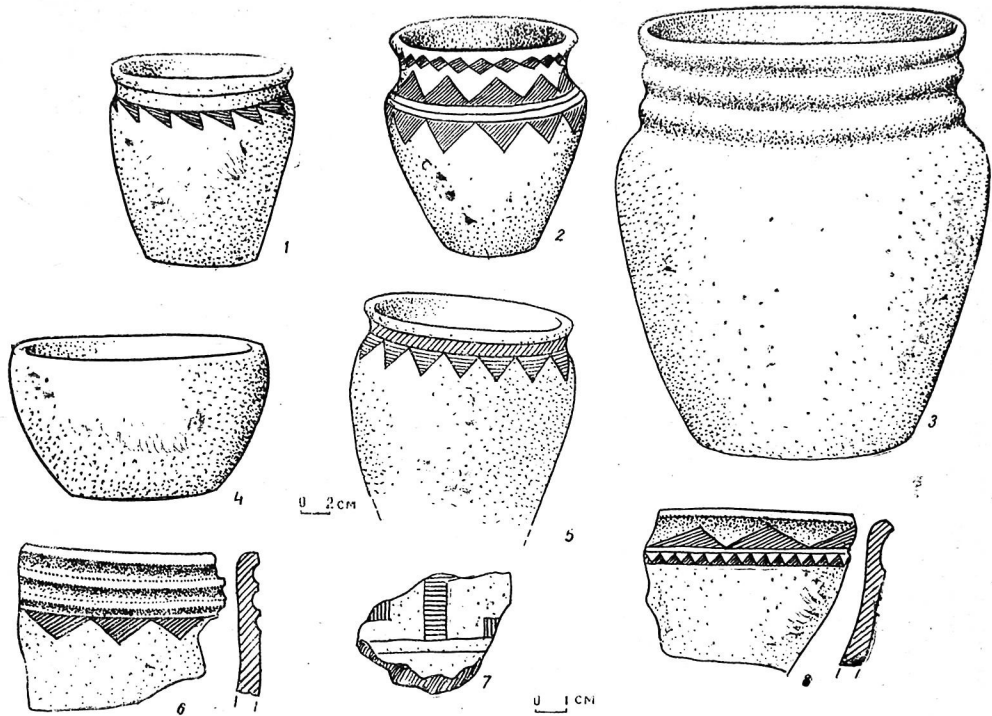

Рис. 14. Керамика из ограды 9 Былыкыдак I.

При раскопке большой ограды выявлены фрагменты пяти сосудов, лежавших в разных местах. Вне грунтовой камеры, у северной стены каменного круга в гумусном слое встречен раздавленный сосуд баночной формы с плоским дном и венчиком, отогнутым наружу, тулово вытянуто и плавно идет ко дну. Высота 12,5 см, диаметр венчика 12 см, дна 7,8 см. Изготовлен из грубого теста с большой примесью крупнозернистого песка. Обжиг посредственный, черный. Орнамент выполнен гладким штампом в виде косых треугольников, идущих по шейке (рис. 14, 1).

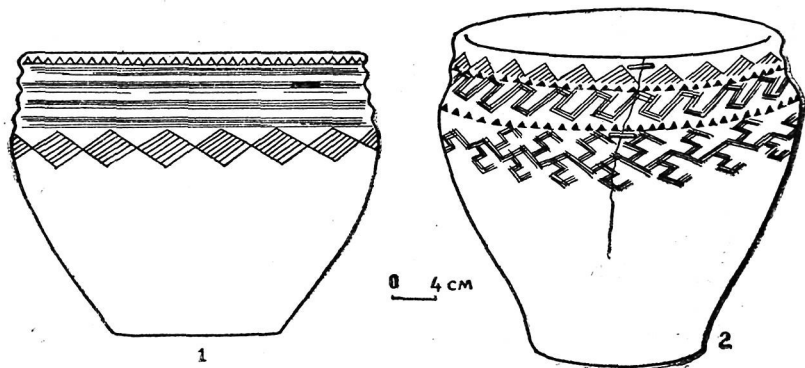

Рис. 15. Керамика из большой грунтовой камеры ограды 9 Былкыдак I.

В юго-западном углу грунтовой камеры большого круга на глубине 0,8 м найден глиняный сосуд большого размера, формой напоминающий скифские бронзовые котлы (рис. 15, 2). Особенностью сосуда является выступающие бока, круто переходящие в высокий конический поддон. Венчик имеет красивый изгиб наружу. Высота сосуда 28,5 см, диаметр венчика 35,5 см, дна 16 см. Вылеплен ленточной техникой из отощенной глины с примесью кварцевого песка. Обжиг слабый, в изломе черного цвета. Сосуд отличается не только формой и величиной, но и богатым ковровым орнаментом. Его верхняя половина покрыта геометрическими и меандровыми узорами, выполненными гладким (линейным) штампом. Орнамент размещен зонально тремя поясками.

Верхний поясок украшает венчик и состоит из заштрихованных равнобедренных треугольников, ниже располагается поясок меандра,

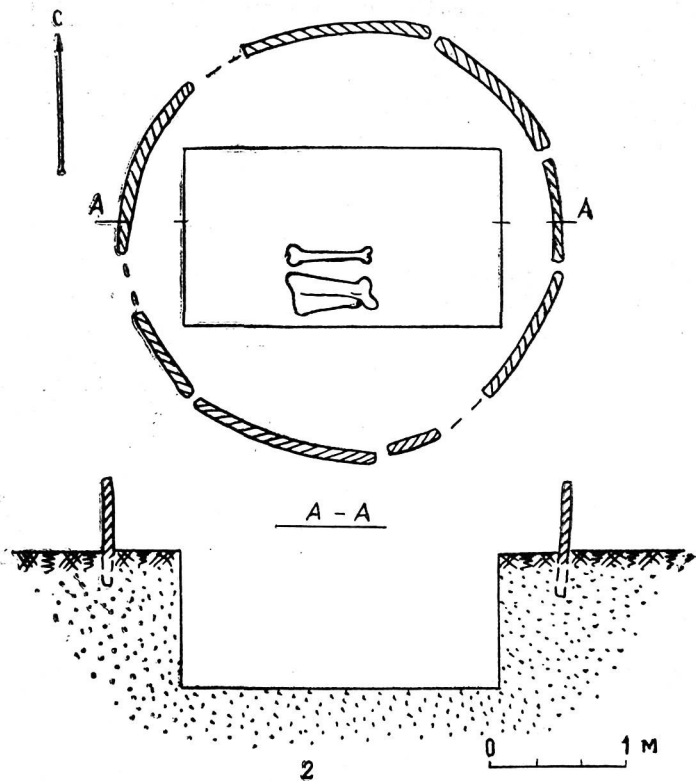

Рис. 16. План ограды 11 из Былкылдак I.

затем зигзагов с фестонами из ломаных меандровидных мотивов. Грани поясков выделены оттисками треугольных штампов миниатюрной формы. Силуэты этих оттисков на фоне крупных треугольных и меандровых фигур создают игру светотени. Этот художественный горшок был ценным предметом в доме, его берегли. Поэтому трещины в верхней части сосуда в двух местах скреплены медными скобами.

Для котлообразных сосудов характерно, что их использовали для приготовления пищи на огне, о чем свидетельствует наличие копоти на поверхности. Вообще сосуды с высоким коническим поддоном и значительной емкостью употребляли именно для такой цели. Впоследствии эта форма древнейшего гончарного сосуда повторяется в форме скифских медных котлов. Еще позднее, во времена гуннов и усуней, высокий поддон был отделен от круглого корпуса котла и на его месте стали делать высокую подставку — треножку (очак), более удобную для кострового огня.

В юго-западном углу рядом с описанным горшком встречены крупные фрагменты другого сосуда с отогнутым наружу венчиком, без изгиба шейки. Сосуд изготовлен обычной для описанной керамики техникой. Высота 28 см, диаметр венчика 30 см, дна 16 см. Имеется трещина, скрепленная в верхней части бронзовой скобой. Орнамент выполнен резной техникой. По венчику идут оттиски штампа миниатюрных треугольников, ниже — поясok рельефных каннелюр, затем поясok крупных ромбов, сделанных гладким линейным штампом (рис. 15, 1). Здесь же обнаружены фрагменты четвертого и пятого сосудов. Венчик четвертого сосуда прямой, без изгиба шейки. Орнамент состоит из двух поясков. По венчику проходит поясok каннелюр, по шейке — равнобедренные треугольники вершинами вниз, нанесенные гладким штампом (рис. 14, 6). Фрагмент от пятого сосуда баночной формы, венчик отогнут наружу, изгиб шейки не выразителен. Орнамент двух поясков: по венчику — линия равнобедренных треугольников, сделанных гладким штампом, ниже — поясok из оттисков миниатюрного штампа, грань между поясками подчеркнута линией (рис. 14, 8).

Интересно отметить, что под глиняными сосудами прослежены остатки ислетвшей кошмы, на которую первоначально была положена жертвенная пища в гончарных сосудах. У западной стены грунтовой камеры на глубине 0,95 м встречен круглый природный камешек со следами медного окисления. К сожалению, сам бронзовый предмет не сохранился, из-за сырости грунта он спекся с землей и превратился в бесформенную массу.

Ограда 11 — в плане правильный круг, выступающий на 0,3—0,35 м. Диаметр круга с запада на восток — 3,3 м, с севера на юг — 3 м. В центре круга расположена земляная камера, ориентированная по линии запад — восток. Камера имела облицовку из деревянной рамы, следы которой сохранились в виде ислетвших кусков дерева. Длина земляной камеры — 2,45 м, ширина — 1,3 м, глубина — 1,2 м (рис. 16).

Ограда разграблена еще в древности. Ислетвшие человеческие кости лежали скученно в северо-западном углу камеры, на глубине

0,9 м. В камере прослежены остатки погребения коня, сопровождавшего покойника. На глубине 0,7 м обнаружена лопатка лошади, а под ней на глубине 0,9 м — основные кости: большая бедренная кость, часть позвонков, фрагменты ребра и тазовой кости. Из-за сырости грунта лошадиные и человеческие кости превратились в труху. Фрагменты керамики стали попадаться сразу после первых штыков. В гумусном слое вне камеры найден фрагмент крупного сосуда, сделанного из теста с дрсевой, черного в изломе цвета. Венчик прямой, слегка отогнутый наружу. Орнамент выполнен гребенчатым штампом и расположен поясками. По венчику идут косые треугольники, ниже — поясok из равнобедренных треугольников, их грани очерчены пунктирной линией. Других находок не было.

Заканчивая описание первого комплекса, можно заключить, что Б. I — один из ярких и обширных групп памятников, относящихся к андроновской культуре Центрального Казахстана. Исследование его оказалось весьма плодотворным, ибо вместе с другими, еще более обширными комплексами, как Бегазы, Бугулы, Аксу-Аюлы, Айшрак, Беласар, Кулболды, Бесоба и т. д., они обогатили науку новыми и интересными данными о культуре племен Центрального Казахстана, развивавшейся во втором тысячелетии до нашей эры, т. е. в эпоху высшего расцвета культуры бронзы в этом районе.

Исследование комплексов Б. I, II, III открыло новые научные горизонты, дало ценный и богатый материал, позволивший не только уточнить археологическую периодизацию памятников эпохи раннего металла, но и получить более ясное представление о последовательном развитии культуры племен Центрального Казахстана этого периода.

Главнейшие результаты исследований заключаются в выявлении многообразных и часто редких форм древних сооружений, в открытии уникальных памятников древнего ремесленного труда, орудий и украшений из бронзы, золота, кости, цветного камня и смальты (рис. 17, 18, 19, 20). Богатые находки разнообразных бытовых предметов и орудий труда дают представление об уровне развития андроновских племен Центрального Казахстана, их производственных навыках.

О характере ремесленного труда говорит богатая художественная и бытовая керамика, доведенная до мастерства. В изготовлении гончарных сосудов чувствуется большая тщательность и накопленный годами опыт работы. Сосуды обычно разнообразны по форме и покрыты богатым ковровым орнаментом (рис. 9, 15, 21, 22).

Гончарные сосуды лепились без круга, изготавливались ленточной техникой из местной каштановой глины с примесью измельченного кварцевого песка. Они обжигались на костре, поэтому часто

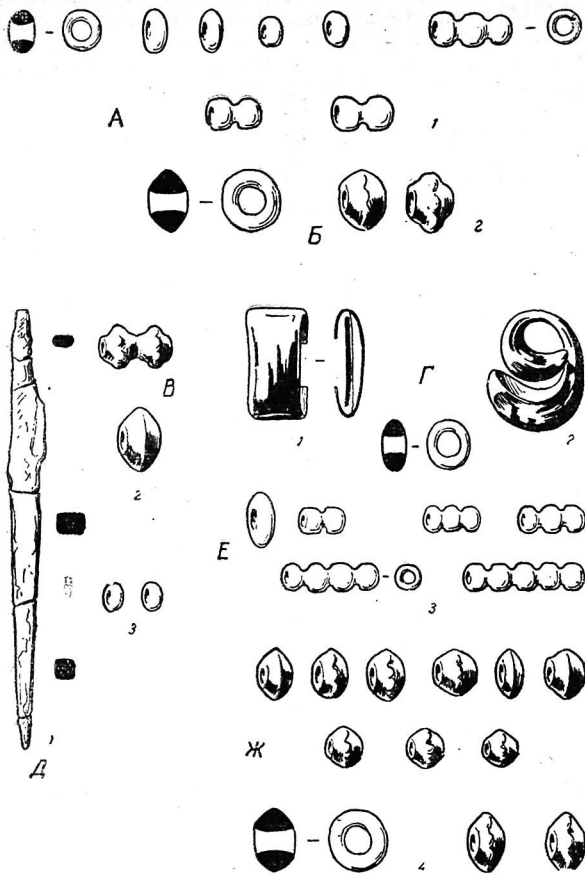

Рис 17. Предметы украшения из ограды 8: А, Е — бусы из смальты; Б, В, Ж — бронзовые бусы; Г — украшения из золота; Д — бронза.

обжиг слабый, сравнительно хороший обжиг — черновато-серый встречается лишь в керамике поздней бронзы (Бугулы II, Бегазы).

Как правило, все сосуды после формовки сглаживались волосяной кистью или пучком травы, наружные стенки их часто полировались лощилом. Следы от сглаживания в виде горизонтальных и косых штрихов сохранились на внутренней, изредка и на внешней поверхности.

Обширная серия андроновских сосудов, добытых нами в группах Былкылдак, по типу неоднородна. Она представлена сосудами разной формы, величины и отделки. При анализе этой керамики установлено, что в ее составе имеются как архаические формы баночных сосудов, так и более новые типы горшков, аналогичных посуде из комплексов Айшрак (на р. Атасу), Карасай, Бегазы, Беласар, Аксу-Аюлы и т. д.

К архаической форме относятся большие и малые сосуды баночного типа очень простой лепки. Обычно они имеют несложный орнамент, нанесенный плоским штампом елочкой, насечкой или ямочками. Причем он покрывает только верхнюю часть (шейку) сосуда, часто посуда совсем не орнаментирована. Керамика подобной примитивной техники восходит к эпохе ранней бронзы и типична для памятников Центрального Казахстана раннеандроновского времени (Ожиркай на р. Шидерты, верховье р. Шопа в горах Бугулы, Алкамерген Баян-Аульского района, дер. Усть-Буконь в Восточном Казахстане).

На развитом этапе бронзы андроновская керамика Центрального Казахстана усложняется по форме и достигает совершенства. Керамические сосуды становятся многообразными по типу и величине, привлекательными по технике орнаментации. Все это говорит о постепенном сдвиге, о росте производственных навыков, возникновении потребности в изготовлении красивых предметов различного бытового назначения. Производство посуды в это время строго дифференцировано по ее функциональному значению. Появляется посуда кухонного типа, которая отличается более простой формой изготовления, небрежностью в отделке и орнаментации. Однако среди кухонных сосудов имеются очень изящные, покрытые ковровым узором. Это преимущественно большие чугунообразные горшки с широким сферическим туловом, на высоком коническом поддоне (Б. I, огр. 9). В основном большие сосуды были предназначены для варки пищи и хранения жидкости. Они всегда закопчены, имеют следы неоднократного ремонта, сделанного при помощи медных скрепов. На дне некоторых горшков остались следы от нагара пищи вроде каши.

Другую обширную серию керамических сосудов представляют столовые сервизы — горшки, баночки, покрытые богатым ковровым

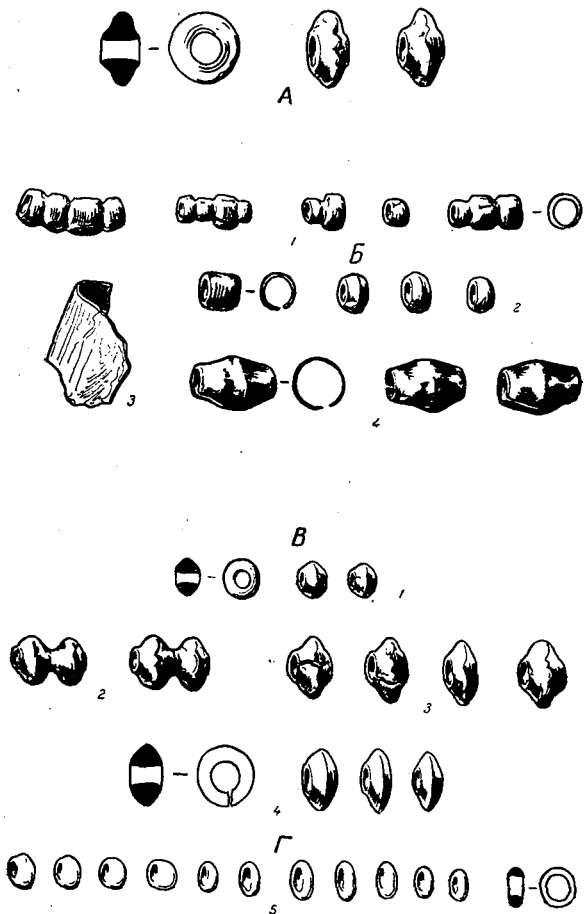

Рис. 18. Украшения из Былкылдак Б. I: А — ограда 10;
 Б — ограда 12; В—Г — ограда 13 (А—В, 2—4, В — бронза,
 Б 1—Г — бисер из смальты).

орнаментом. Они отличаются строгостью пропорций и моделировки, а также прекрасной художественной отделкой (рис. 9, 19).

Наиболее многочисленную группу этой серии составляют сосуды горшковидной формы, различных размеров и пропорций. Самые большие имеют высоту 28—30 см, диаметр венчика — 31—33 см, дна — 15—17 см, у самых маленьких высота — 12,5 см, диаметр венчика — 13 см, дна — 7 см. Характерной чертой этих сосудов являются сильно округленные бока, образующие при переходе к венчику изогнутую шейку.

К эпохе позднего андрона или переходному этапу от андрона к бегазы относится серия горшковидных сосудов с уступом, отделяющим шейку от плечиков. Это остросребрые сосуды с резко выступающими плечиками и сильно изогнутой шейкой (рис. 9, 3, 4; 14, 2; 22, 1). Они строгих пропорций, поверхность их тщательно отделана при помощи лощения. Этот тип сосудов мало распространен, он характерен для андроновской керамики Центрального Казахстана, верховьев р. Тобола и Южного Приуралья, но его нет в андроновской культуре Енисея и Западной Сибири. С. В. Киселев пишет, что «уступы в андроновской керамике Среднего Енисея вообще отсутствуют. Не знает их и большинство древнеандроновских сосудов Западной Сибири, Приуралья и Северного Казахстана»³. По его наблюдениям, «уступы являются лишь характерной особенностью карасукской керамики»⁴. Однако, по нашим исследованиям, уступы не составляют характерную особенность керамики поздней бронзы Центрального Казахстана (т. е. культуры Бегазы). В этом, очевидно, заключается различие между культурой Бегазы и Карасука. Уступы в керамике Центрального Казахстана появляются в позднем андроне и более широко представлены в керамике переходного этапа.

Значительную группу гончарных изделий составляют сосуды с оригинальным кольцевым поддоном, которые до сих пор не зафиксированы в районах распространения андроновской культуры, кроме Центрального Казахстана (Былкылдак I, Бугулы I, Аксу-Аюлы II).

Большинство керамики описанных серий снаружи покрыто геометрическим и меандровым узорами, выполненными при помощи гладкого штампа, для более изящных и сложных рисунков применялся зубчатый или гребенчатый штамп. Узоры расположены зонально по венчику, плечикам, тулову, часто в нижней части, у дна. В основе зонального распределения лежит композиционно-декоративное осмысление плоскости сосудов. Орнаментальные мотивы состоят

³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 133.

⁴ Там же.

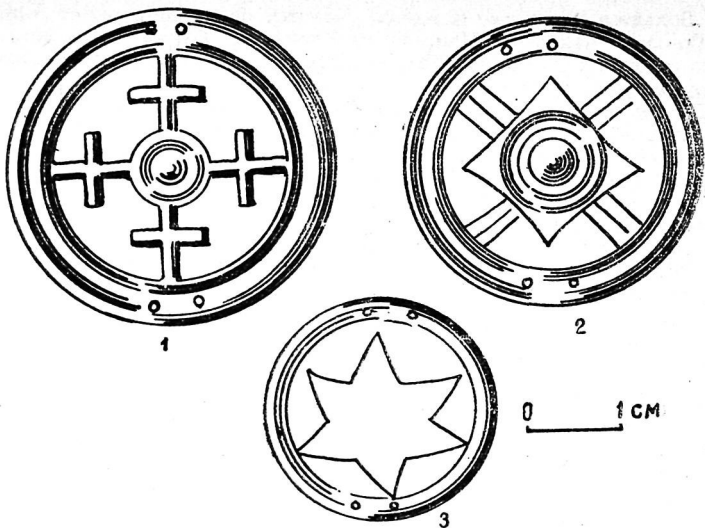

Рис. 19. Бронзовые медальоны из Былкылдак I: 1—2 — ограда, 3 — кольцевая ограда 1.

из ритмически повторяющихся рядов линий, зигзагов, каннелюр, ко-
 сых и прямых треугольников, фестонов, меандров и их сочетаний. На
 некоторых сосудах (группы Айшрак, Карасай, Бугулы I) форма узо-
 ров весьма сложна и композиционно распределена очень тщательно,
 что свидетельствует о большой любви древних мастеров к своему ре-
 меслу и значительном сдвиге в гончарном деле, происшедшем на
 развитом этапе бронзы.

Кроме гончарных изделий, при раскопке групп Былкылдак и
 других андроновских могильников Центрального Казахстана обнару-
 жено большое количество чеканных и литых украшений из металла,
 в первую очередь меди, бронзы, затем смальты. Это бронзовые и стек-
 ловидные бусы, пронизки, бронзовые бляхи и подвески, бронзовые
 спиральные браслеты, кольца и пр. Все они служили украшениями
 женщин. Ими обшивались подол и края рукавов верхней одежды,
 шаровары, украшались сапоги и женская обувь.

Большая часть бус найдена в местах погребения около нижних конечностей человека. Нашивные бронзовые бляхи, привески, пронизки находились около плеч, в области груди, бисер из смальты — вокруг шеи.

По технике изготовления все бронзовые украшения были кованые, литые и тесненные. Эти приемы ювелирной техники весьма распространены в бронзовой культуре Центрального Казахстана, Южного Приуралья, Алтая и Енисея.

Для формовки бронзовых украшений (пластин) применялась матрица — наковальня, на верхней плоскости которой имелись вырезанные рельефы, углубленные ячейки (формы), предназначенные для чеканки узоров. На эту матрицу накладывалась тонкая пластинка, которая вдавливалась в углубленные формы путем тиснения (чеканки).

Огромное количество чеканных украшений в виде бронзовых бус, пронизок, подвесок, бисера из смальты встречено в комплексе Б. I, в оградах 1, 2, 6, 8, 9, 10, 12, 13, 14, в комплексах Б. II и Б. III, в оградах 1, 2 (рис. 15, 16). Из женских уборов очень привлекательны ребристые пронизки, бронзовые браслеты с характерным коническим выступом, ромбические и четырехугольные бляхи с загнутыми и закругленными концами.

Большого внимания заслуживают круглые бронзовые бляхи (медальоны) с изображением шестиконечной звезды, лучеобразных и крестообразных знаков, выполненных техникой холоднойковки и тиснения (Былыкдак I, II). Такие же бляхи обнаружены в группе Айшрак. Они свидетельствуют о том, что у андроновцев Центрального Казахстана существовали космогонические представления (рис. 19, 1—3).

Особенно интересны находки андроновских золотых украшений. К ним относятся большие бронзовые серьги, бронзовые ободки, бронзовые булавы и бронзовые спиральные кольца, обтянутые золотым листом (рис. 11, 3; рис. 17, Г).

Кроме украшений из металла и смальты андроновцы охотно пользовались своеобразным видом украшений из раковин (*Carbicula fluminalis*) (рис. 20, 1), клыков хищных животных (лисиц, волков, собак), резцов и фигурных костей грызунов, птиц, резцов лошадей (рис. 11, 12). Весь материал подвергался искусственной обработке. Ракушки и клыки животных окрашены красной охрой и имеют розоватый цвет. На одном из концов их каким-то острым сверлящим инструментом сделаны очень тонкие отверстия для нашивки или подвешивания (рис. 11, 4; рис. 20, 2).

Из орудий труда заслуживают внимания первые бронзовые иглы, кованое бронзовое четырехгранное шило.

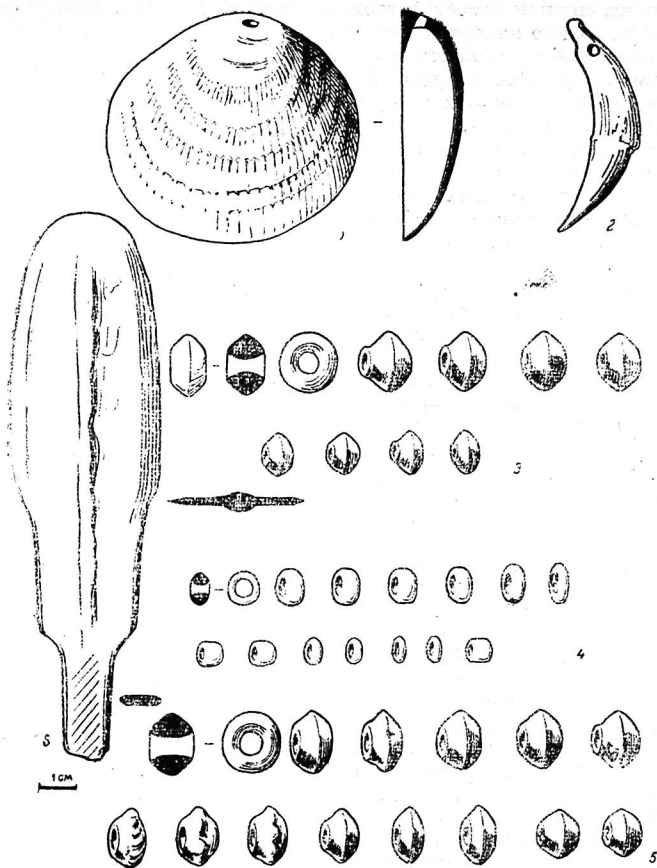

Рис. 20. Находки из ограды 14 Былкылдак I.

Совершенно целым найден уникальный бронзовый нож с характерными выемками у основания черенка и валиком вдоль оси. Нож довольно массивный, имеет листовидную форму языка. Лезвие обоюдоострое, выковано из литой бронзовой пластины. Черенок приспособлен для скрепления с рукояткой (рис. 20, б).

Большой интерес представляет серия бронзовых наконечников стрел, впервые найденных в группе Айшпак (ограда 4), причем превосходно сохранившихся. Все они по форме лавролистные, втулчатые, с остатками во втулке древка и черенковые. До сих пор они не встречались в андроновской культуре Южной Сибири и юго-восточного Зауралья. Их находка в комплексе памятников Центрального Казахстана должна пролить свет на решение вопросов об истоках и главных центрах бронзовой культуры в период ее возникновения и развития.

Другую интересную группу составляют костяные наконечники, обнаруженные в комплексе Темир-Астау (Карасай). Они довольно крупны и оригинальны по форме, в разрезе имеют четырехгранные и многогранные формы, с длинными черешками для насадки на дерево. Граненая и тщательно отполированная наружная сторона говорит о высоком уровне техники обработки и шлифовки кости в ту эпоху. Об искусстве обработки кости свидетельствует кольцевой цилиндр, четко вырезанный из трубчатой кости крупного животного (рис. 11, б).

В период ранней бронзы стрел с бронзовыми наконечниками еще не было. Но в поздний этап казахстанского палеометалла они уже бытовали. Их появление в этот период обусловлено возникновением социальных противоречий в патриархально-родовом обществе.

При раскопках андроновских оград Центрального Казахстана было обнаружено значительное количество остеологического материала, указывающего не только на важную и ведущую роль скотоводства, но и дающего представление о составе стада в пастушеском хозяйстве андроновцев. Основная масса костей находилась внутри погребальных ящиков или в ограде. Очевидно, в ящики клали туши животных, как жертвенную пищу. Преимущественно попадались кости овец. Вне ящиков найдены кости коров, но больше лошадей. Встречались также остатки диких зверей (волка, лисицы, хорька) и грызунов. Последние являются свидетельством того, что андроновцы Центрального Казахстана занимались промыслом, но в то время он имел лишь подсобное значение. Диких зверей и грызунов, вероятно, убивали из-за меха для изготовления теплой одежды.

Судя по остеологическим материалам, состав андроновского стада весьма устойчив. В хозяйстве ведущими были три вида скота: овца, лошадь и корова. Причем костей овец и лошадей, как правило, больше (Былкылдак, Вугулы I, поселение Атасу). Этот факт имеет

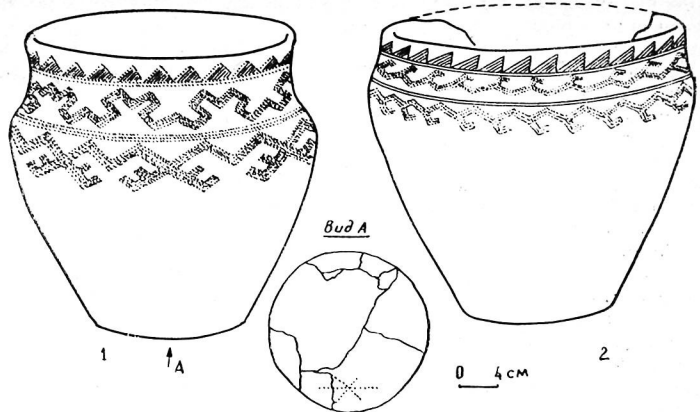

Рис. 21. Керамика Карасайского комплекса: 1 — кольцевая ограда 1; 2 — кольцевая ограда 2.

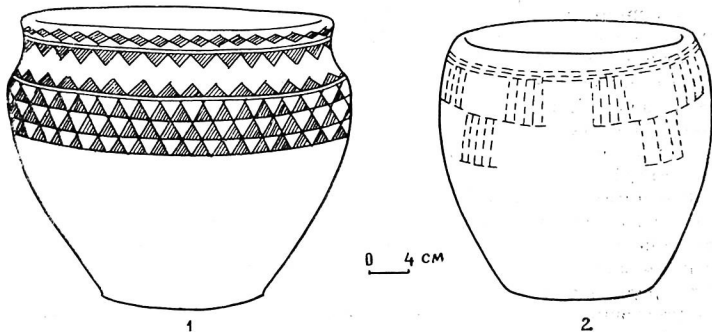

Рис. 22. Керамика переходного этапа от андрона к бегазам 1 — ограда 8 Б. I; 2 — из комплекса Темир-Астау.

громадное научное значение для выяснения вопроса о начальном периоде скотоводства, начиная с приручения диких животных до возникновения первых домашних стад.

Остеологический материал из андроновских погребений дает основание заключить, что в первоначальном приручении и сложении доандроновского и раннеандроновского скотоводства большую роль играли животные местной фауны (кулан, лошадь Пржевальского, джегетай и горный баран). В результате приручения и использования этих животных для хозяйственной цели создается новое средство существования — пастушеское скотоводство, ставшее основой благосостояния населения Центрального Казахстана в период первого крупного общественного разделения труда.

Крупный рогатый скот (корова) приобрел большое значение в хозяйстве только с развитого этапа бронзы (вторая половина второго тысячелетия), но по-прежнему овца и лошадь занимали ведущее место в стаде. Вместе с тем соотношение костей этих животных в могильниках отдельных районов разное: в группе Айшрак кости коровы составили 55%, барана — 45%, костей лошади было очень мало, в группе Аксу-Аюлы выявлены исключительно кости барана и мелкого рогатого скота, а в комплексе Былкылдак I — преимущественно кости лошади.

Погребения эпохи поздней бронзы (бегазы — дандыбаевский этап) дают кости преимущественно лошади и барана, что, несомненно, отражает основную форму хозяйства, связанного уже с пастбищно-яйлажным скотоводством.

В период развитой бронзы (XIV—XII вв. до н. э.) среди костей домашних животных преобладают кости овец.

Уже на развитом этапе бронзы появляется обычай погребения вместе с человеком конского костяка — конского черепа и его конечностей, обычай, широко распространенный в более позднее время в быту кочевых скотоводов. Конские черепа и отдельные кости обнаружены в комплексах Былкылдак (I, II, III) и Бугулы I, очень много их в Атасуйском поселении⁵.

Сравнительно лучше сохранился конский череп в ограде 2 (Б. II). Конская голова положена поперек западной стенки ящика, снаружи, у изголовья, нижней челюстью вверх, лбом вниз, мордой на юг. Рядом с конским черепом находились козелки (бабки) и трубчатые кости от передних ног лошади.

Истлевший конский череп с зубами обнаружен и в ограде 10, а обломки конского черепа и зубы — в ограде 2 (рис. 11, 10).

⁵ См.: «Древняя культура Центрального Казахстана», стр. 218, табл. XXVII, 1.

Следы конского погребения имеются и в ограде 11 (Б. I), где, помимо истлевшего конского черепа, найдена целая бедренная кость, лопатка и истлевшие остатки позвонков и передних ног. Кости лежали ближе к южной стенке земляной камеры на глубине 1,3 м (рис. 16).

Следует заметить, что конские черепа встречены в андроновских погребениях на р. Ишим и в предгорьях Кокчетая⁶. Все это говорит о значении лошади в жизни андроновцев Центрального и Северного Казахстана; лошадь для них была не только мясо-молочным животным, но и средством передвижения. Однако следов упряжки и седла не найдено. Встречены лишь первые костяные псалии от узды при раскопке жилища № 4 в Атасуйском поселении. По всей вероятности, андроновцы пользовались конем еще без седла.

Несомненно, что кроме скотоводства в хозяйстве местных племен Центрального Казахстана важное место занимало и земледелие. Следы растительной пищи сохранились на стенках бытовых сосудов в виде нагара, остатков каши и жженого зерна, очевидно, твердой пшеницы или проса. К сожалению, еще не сделан анализ этих остатков и пока трудно говорить, какие культуры они сеяли. О наличии земледелия говорят и некоторые черты быта андроновцев, например, оседлость, большое количество керамических изделий, характерных для такого образа жизни.

Различные по типу и культуре памятники Центрального Казахстана свидетельствуют о том, что культура бронзы развивалась здесь постепенно, в течение многих сотен лет и в процессе развития претерпела ряд изменений, пережив закономерный переход от одного качества к другому, от простой формы к более усложненной. Взяв свои истоки в энеолите (III тысячелетие до н. э.), эта культура прошла ряд исторических этапов и достигла полного развития в конце II и начале I тысячелетия до н. э. Хронологическая последовательность ее развития в Центральном Казахстане подтверждается разновременными памятниками, отличающимися друг от друга по типу сооружений и культуре. Наиболее ярко эта последовательность выразилась в памятниках самой андроновской культуры, например, памятниках раннего и позднего андрона, встречаемых почти на всей территории Центрального и Северо-Восточного Казахстана. С андроновской культурой генетически связаны памятники переходного этапа (Аксу-Аюлы II, группа Ортау, Беласар, Егизек, Бала-Кулболды II) и поздней бронзы (Бегазы, Дандыбай, Сангру, Бугулы II, III, Беласар II, Егизек II и т. д.).

---

⁶ М. Н. Лентовский. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа КазССР. Кокчетав, 1930, стр. 9.

Следует отметить, что культура бронзы Центрального и Северо-Восточного Казахстана развивалась в тесной взаимосвязи с родственными ей культурами Южного Приуралья, Алтая, Енисея и Западной Сибири. Уже давно установлено общее сходство бытовых предметов и орудий труда в культуре указанных областей, отделенных друг от друга огромными степными пространствами, и это сходство говорит о тесной культурной и экономической связи и обмене, существовавших между различными племенами той эпохи. В обмене важную роль играл казахстанский палеометалл (медь, олово, бронза, золото), который был важным посредником в культурном общении древних племен⁷.

Но общее никак не исключает своеобразия памятников бронзовой культуры Центрального и Северо-Восточного Казахстана, отличающего ее от родственных ей культур, например, культуры Енисея. При сравнении обеих культур видно, что бронзовая культура Центрального Казахстана развивалась постепенно без того скачка, который отмечен в культуре бронзы на Енисее при переходе от андроновского этапа к карасукскому⁸.

Последовательный и преемственный переход от одной ступени к другой, от простой примитивной формы производства к более сложной, в частности, керамических и бронзовых изделий, составляет главную особенность бронзовой культуры Центрального Казахстана.

По типу керамики и сходству бронзовых изделий она более близка к андроновской культуре Южного и Юго-Восточного Зауралья и вместе с ней составляет единый культурно-творческий процесс. Но по сравнению с южно-уральскими местные типы сооружений другие, они отличаются от них грандиозностью и более четкой архитектурно-планировочной основой. Большое многообразие, яркость и оригинальность каменных сооружений, керамического искусства, бронзовых и золотых изделий, которые редко встречаются в других областях распространения бронзовой культуры, позволяют думать, что этот древний металлургический центр, очевидно, был важным очагом распространения бронзовой культуры.

Таким образом, выявление и изучение большой массы памятников эпохи бронзы в Центральном Казахстане помогло ликвидировать белое пятно на археологической карте одной из важных в экономическом отношении областей Казахстана, неисчерпаемые богатства которой стали достоянием трудового народа только в нашу, социалистическую эпоху.

⁷ «Россия». Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII, СПб., 1902, стр. 138.

⁸ С. В. Киселев. Указ. работа, стр. 147.

Дальнейшие исследования памятников бронзовой культуры Центрального Казахстана должны еще больше обогатить наши знания в изучении далекого прошлого советской Родины.

Важное значение имеют поиски и исследования поселений и древних рудников, которые позволят нам полнее осветить социально-экономическую историю общества Центрального Казахстана в эпоху бронзы.

А. Г. МЕДОЕВ

АРЕАЛЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР САРЫ-АРКА

В плейстоцене на территории Сары-Арка были распространены ашельская, леваллуа-ашельская¹, мустьерские и позднепалеолитические культуры. Для голоцена характерна главным образом культура микролитов эпохи неолита, представленная рядом фаций.

Палеолитические культуры Сары-Арка обнаруживают единство и постоянство технических и типологических традиций. Это присуще соответствующим слагаемым синхронных и асинхронных комплексов каменных индустрий.

Производство сколов-заготовок в древнем палеолите характеризуется длительным существованием техники леваллуа, отчасти сохранившей значение и в позднем палеолите. Она получила развитие в пределах обширного ареала: Юго-Западное Прибалхашье, междуречье Мойнты — Аягуз, восточная часть Главного водораздела Сары-Арка, хребет Чингиз и междуречье Шидерты — Иртыш (рис. 1).

В Северном Прибалхашье техника леваллуа (рис. 2, 2; 3) трансформируется в обычную позднепалеолитическую технику, которая сосуществует с пережитками клетонской и дисковидной системами производства сколов-заготовок. Нуклеусы и сколы сопровождаются здесь бифасами и некоторыми другими, унаследованными формами, например, «гигантскими» скреблами (лекала). Оставаясь типологически неизменными, они совершенствуются, изменяются в размерах (чаще уменьшаются) и дополняются изобретениями новых орудий. Такое положение и соотношение вещей позволяет говорить о постапу-

---

¹ Характерна для северного ската Сары-Арка и Левобережного Прииртышья (а также Мангышлака). Представлена двумя этапами — леваллуа-ашель I и II. Первый «замещает» ашельскую, второй — мустьерские культуры.

Рисунки образцов каменной индустрии сделаны художником А. Е. Горбатывым.

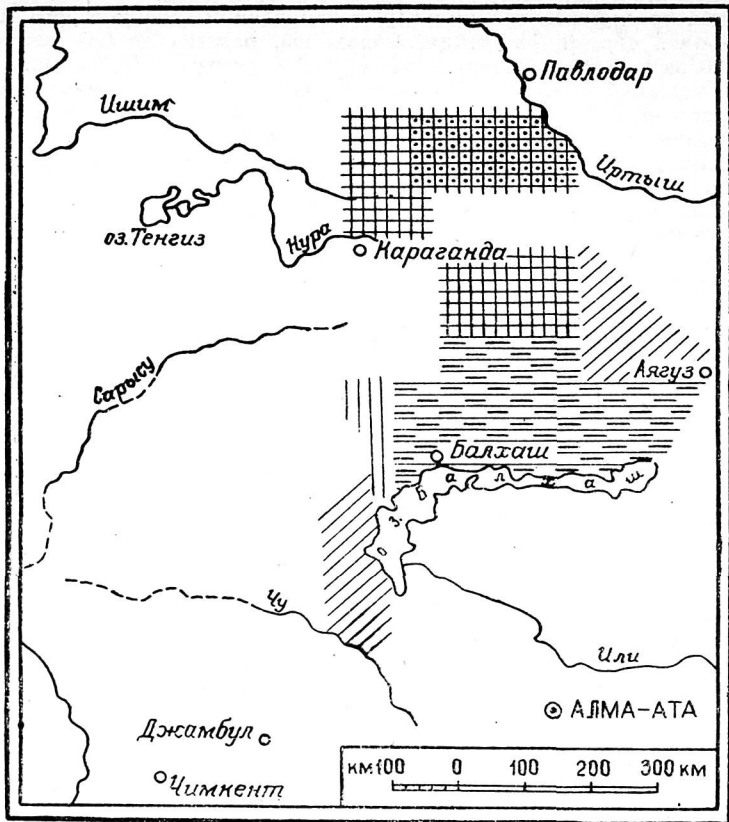

Рис. 1. Региональная схема ареалов палеолитических культур Сары-Арка (по данным исследований 1960—1969 гг.).
 Условные обозначения: 1 — ашель и мустье с ашельской традицией фаций леваллуа; 2 — мустье с ашельской традицией фаций леваллуа; 3 — леваллуа-ашель I и II; 4 — поздний палеолит; 5 — эпипалеолит.

тельной трансформации культур, т. е. явлении, для которого можно применить термин эволюция. Сказанное, разумеется, не исключает другие варианты — инерция, застойность, регресс или, наконец, «неудачные попытки». Явления такого рода не более чем вкрапления в доисторическом фоне Сары-Арка, но их роль не ограничена областью установления фактов. Представление о прогрессе палеолита этой страны контролируется и корректируется спорадическими отклонениями от «нормы» (реликтовые культуры и т. д.).

Географическое и топографическое изучение каменного века Сары-Арка показало строгую закономерность размещения местонахождений различного типа, обусловленную геологическим строением, устройством поверхности и палеоклиматическими факторами. Наиболее ясно это наблюдается в Северном Прибалхашье². Здесь не совпадают геоморфологические позиции палеолитических и неолитических местонахождений. Палеолитические стоянки связаны с мертвыми долинами, а стоянки культуры микролитов приурочены к родникам. Эти два, столь неравных в геохронологическом объеме, этапа составляют основу начальной периодизации каменного века Сары-Арка.

Поскольку палеолитические стоянки располагались в долинах, для которых время частичной деградации — ресс-вюрмское межледниковье, а полное прекращение деятельности постоянного водотока — конец плейстоцена или начало голоцена³, то верхняя геохронологическая граница позднего палеолита Северного Прибалхашья с уверенностью должна быть определена этим же временем. Главной особенностью топографии палеолитических стоянок является стабильность. На одной и той же террасе залегают ашельские, мустьерские (рис. 2, 3) и позднепалеолитические образцы каменных индустрий. Между ними не прослеживаются хронологические разрывы, как, например, в палеолите Левобережного Прииртышья⁴. Такая картина наблюдается в долинах Туранга и Кызыл-Кайнар, где площадки вторых надпойменных террас служили стационарными позициями стоянок древнего и позднего палеолита. Каменный инвентарь залегает в неприкрытом и непереотложенном состоянии сплошным покровом и составляет своего рода стратиграфический горизонт. В качестве сырья почти повсеместно использовались кремнистые алевролиты девона черного

---

² А. Г. Медоев. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. «Вестник АН КазССР», 1965, № 5, стр. 85—88.

³ Н. Г. К а с с и н. Материалы по палеогеографии Казахстана. Алма-Ата, 1947, стр. 240—247.

⁴ А. Г. Медоев. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь. В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 128—134.

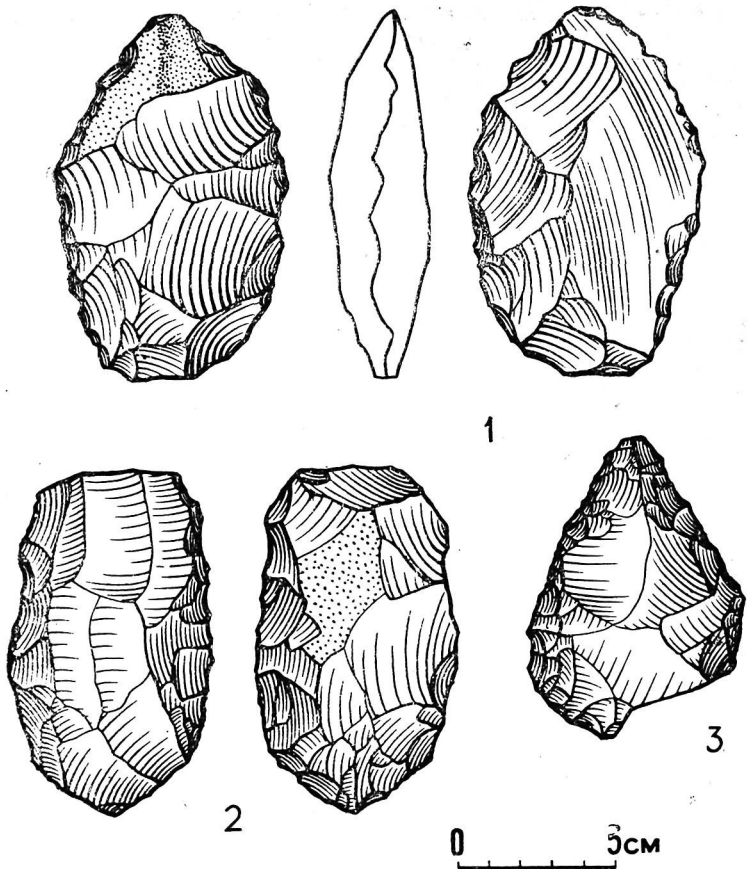

Рис. 2. Типичные образцы древнепалеолитической каменной индустрии Северного Прибалтия: 1 — бифас (limande) из ашельского комплекса (горы Семизбугу); 2 — двуплощадочный односторонний нуклеус техники леваллуа; 3 — остроконечник из отщепя не-леваллуа (мустье, бассейн р. Туранги).

и серо-зеленого цветов⁵. Они добывались из местных толщ складчатого фундамента. Для ашельских и мустьерских вещей характерна густая и глубокая патина охристых оттенков, а также люстраж, заглаженность ребер и граней. На образцах, сделанных из алевролитов черного цвета, патина иногда бывает яркой, почти оранжевого цвета. Вещи рудиментарного и обычного позднепалеолитического типов (рис. 5, 6) имеют идентичную фактуру и резко отличаются от архаичных образцов более «свежим» видом⁶, что сообщает дополнительную уверенность в правильности разграничения современных материалов одной позиции на три группы: ашельская, мустьерская, позднепалеолитическая.

Вопрос о наличии так называемого шелльско-ашельского, более древнего, чем развитый ашель, этапа с «повестки дня» следует снять⁷. Крупные и грубые клетонские нуклеусы и отщепы, бифасы и формы, эквивалентные орудиям «культуры галек» (рис. 4), которые казалось бы составляют его инвентарь, происходят с открытых местонахождений, представляющих собой каменоломни и стоянки-мастерские. Кажущаяся глубокая архаичность отражает здесь промежуточные стадии одного производственного цикла. Так называемые шелльско-ашельские вещи являются органичным компонентом обычных ашельских комплексов (рис. 2, 1). На стоянках-мастерских в горах Семизбугу (Северное Прибалхашье)⁸ можно «составить» тысячные серии таких «шелльских» вещей.

Стремление искать в заведомо единых ашельских материалах более древний инвентарь компрометирует достоверные факты и их объективный анализ. «Шелльско-ашельский» этап в эволюции палеолитических культур Сары-Арка является фикцией*. Чем скорее это досадное недоразумение будет ликвидировано, тем лучше. Что же касается условий формирования субстрата начального этапа палеолита Сары-Арка, то выводы, относящиеся к ошибочно выделенному

⁵ Характерный разрез девонских отложений Северного Прибалхашья описан В. Я. Кошкиным в районе рудника Саяк (см.: М. А. Сенкевич. Палеофлористическое обоснование стратиграфии девона Центрального Казахстана. Автореферат канд. дисс., 1957, стр. 5, 6).

⁶ Это особенно наглядно видно на позднепалеолитических нуклеусах и орудиях, сделанных из архаичных отщепов. Патинизированные участки ярко выделяются на фоне свежих негативов и фасеток черного цвета.

⁷ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1964, № 6, стр. 90—98; его же. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1965, № 4, стр. 77—81.

⁸ А. Г. Медоев. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз. «Вестник АН КазССР», 1962, № 3, стр. 86—87; его же. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка, стр. 78—79.

* Впрочем, как и сам термин вообще.

шелльско-ашельскому этапу, с полным основанием следует отнести к ашельской культуре.

Характер каменной индустрии всегда и в значительной степени обусловлен геологическим строением и устройством поверхности того региона, в пределах которого происходило ее становление или дальнейшая эволюция⁹.

Стоянки в долинах Туранга и Кызыл-Кайнар, основанные в ашельское время, располагались, разумеется, на уже готовых площадках вторых надпойменных террас. Ашельские стоянки-мастерские на шлейфах конусов выноса (пролювий-делювий) гор Семизбугу находились в аналогичных условиях. Их местонахождения, связанные с источниками сырья (кремнистые алевролиты девона), содержат в отличие от стоянок в долинах колоссальное количество образцов¹⁰. В обоих случаях их древнейший каменный инвентарь фиксирует прекращение осадконакопления на этих участках, начиная со среднего антропогена, поскольку нет оснований опускать в Сары-Арка геологический возраст развитого ашеля ниже этой границы. Аллювиально-пролювиальные отложения вторых надпойменных террас долин Туранга и Кызыл-Кайнар и пролювиально-делювиальные отложения шлейфов конусов выноса гор Семизбугу геологически одновозрастны, или во всяком случае, довольно близки по времени осадконакопления.

Поскольку «реки очень чувствительны к климатическим изменениям»¹¹, то можно считать, что на протяжении среднего и позднего антропогена климат Северного Прибалхашья не испытывал резких колебаний, так как доисторические коллективы не покидали своих стоянок, расположенных в их долинах. В Египте площадь распространения и типы стоянок леваллуа или леваллуа-мустье в общих чертах те же, что и в древнем палеолите¹². Следовательно, условия жизни, определявшиеся климатом, были приблизительно одинаковыми до конца эпохи леваллуа¹³. В Северном Прибалхашье аналогичная ситуация имела место с ашеля развитого до позднего палеолита включительно, дальнейшая эволюция которого была здесь прервана

⁹ А. Г. Медоев. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка..., стр. 80, 81; И. И. Коробков. Нуклеусы Яштуха. МИА, № 131, 1965, стр. 80; В. А. Ранов. Несколько замечаний по статье С. П. Гупты «Обзор современного состояния первобытной археологии Индии в свете новых открытий в Средней Азии». «Советская этнография», 1968, № 4, стр. 114.

¹⁰ По приблизительным подсчетам 1961—1962 гг., в пределах 100 000 экз. контрольные сборы составили около 20 000 экз. (коллекции находятся в ИГН им. К. И. Сатпаева АН КазССР).

¹¹ В. Subbargo. The Personality of India. Baroda, 1958, p. 51.

¹² А. Алимхан. Доисторическая Африка. М., 1960, стр. 116.

¹³ Там же.

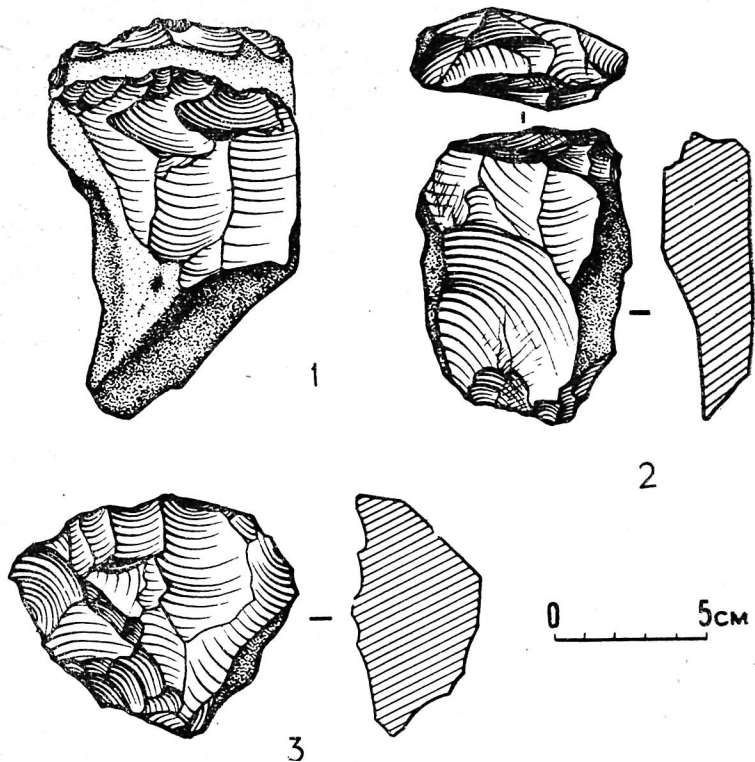

Рис. 3. Нуклеусы техники леваллуа: 1 — одноплощадочный обычный; 2 — одноплощадочный, формы «полуоткрытого веера»; 3 — двухплощадочный односторонний (мустье, долина р. Туранги).

наступившим ксеротермическим климатом. Эта аридизация, естественно, не носила характера катастрофы, но принесла постепенный и неотвратимый конец.

«Современные наземные животные, несомненно, очень чувствительны к изменениям температуры и приспособились к той среде,

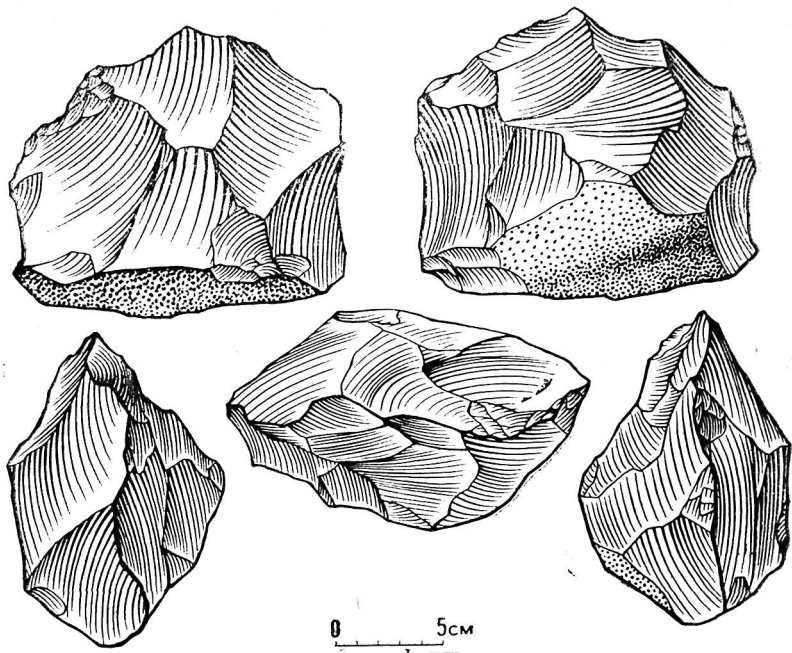

Рис. 4. Орудие типа chopping-tool из обломка (элювий) порфирита, леваллуашель II — вариант со спорадическими эквивалентами орудий «культуры галек». Северный склон Главного водораздела (местонахождение № 66).

в которой они обитают. Хорошо зная это, мы принимаем как аксиому, что северный олень едва ли будет жить в долине Нила, точно так же, как гиппопотам или крокодил недолго проживут в Северной Скандинавии. Однако в относительно недалеком геологическом прошлом северный олень действительно жил на юге Европы, а бегемоты чувствовали себя в Англии совсем не плохо»¹⁴.

¹⁴ Э. Г. Кольберт. Климатическая зональность и наземные фауны. В сб.: «Проблемы палеоклиматологии». М., 1968, стр. 402, 403.

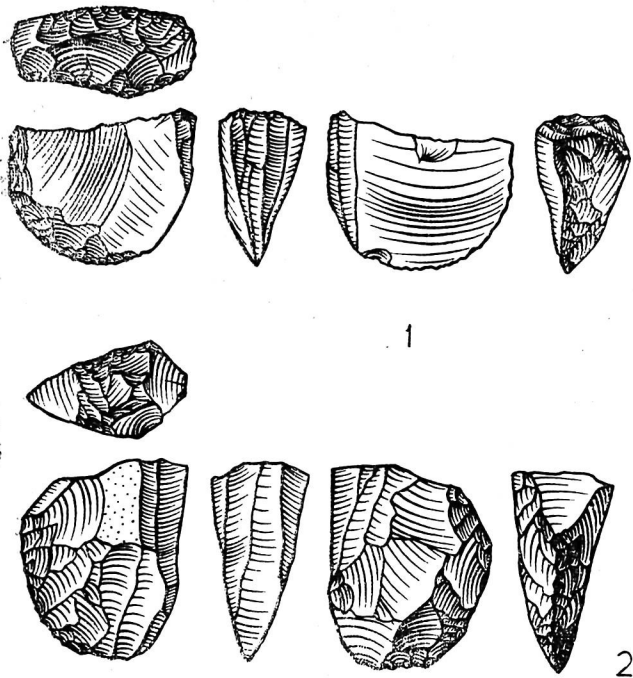

Рис. 5. Типичные образцы позднепалеолитической каменной индустрии Северного Прибалхашья: 1 — нуклеус-скребок; 2 — нуклеус клиновидной формы (горы Семизбугу).

Представители мамонтового или верхнепалеолитического фаунистического комплекса, например, бык-тур и бизон короткорогий, образы которых запечатлены первобытными художниками на скалах Прибалхашья, являлись обитателями преимущественно степных, но достаточно увлажненных ландшафтов, в частности прибрежных лугов¹⁵. При общей, наступившей с начала голоцена аридизации, когда

¹⁵ В. С. Бажанов, Н. Н. Костенко. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962, стр. 45—57.

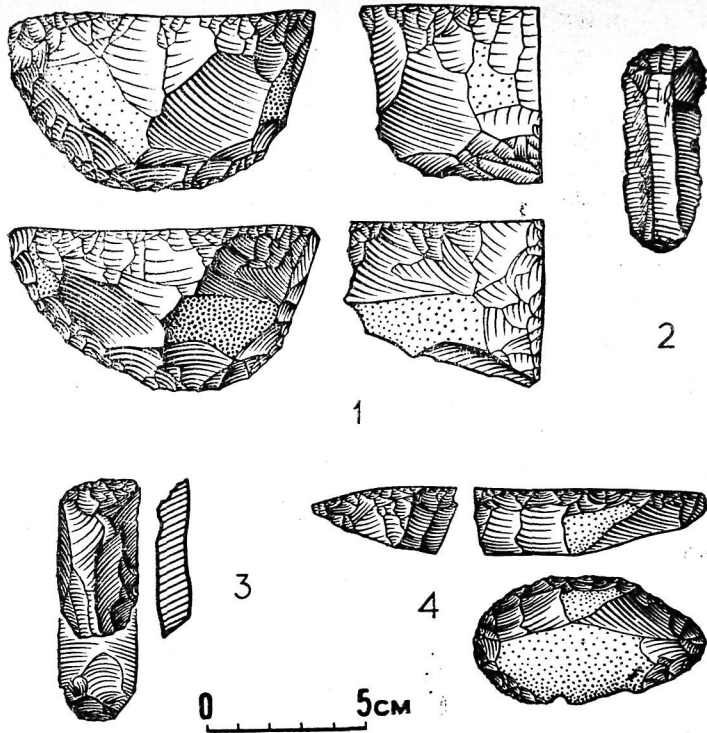

Рис. 6. Типичные образцы позднепалеолитической каменной индустрии Северного Прибалхашья: 1 — двойное лекало; 2—3 — скребки из ножевидных пластин концевоего типа; 4 — скребок из массивного отщепя (горы Семизбугу и Тюлькиули, долина р. Туранги).

долины стали мертвыми и изменился растительный покров, некоторые виды зверей вымерли, а другие должны были мигрировать вслед за переместившимися к северу адекватными их экологии ландшафтами. За неуклонной миграцией фауны следовала передислокация позднепалеолитических племен — охотников за крупными млекопи-

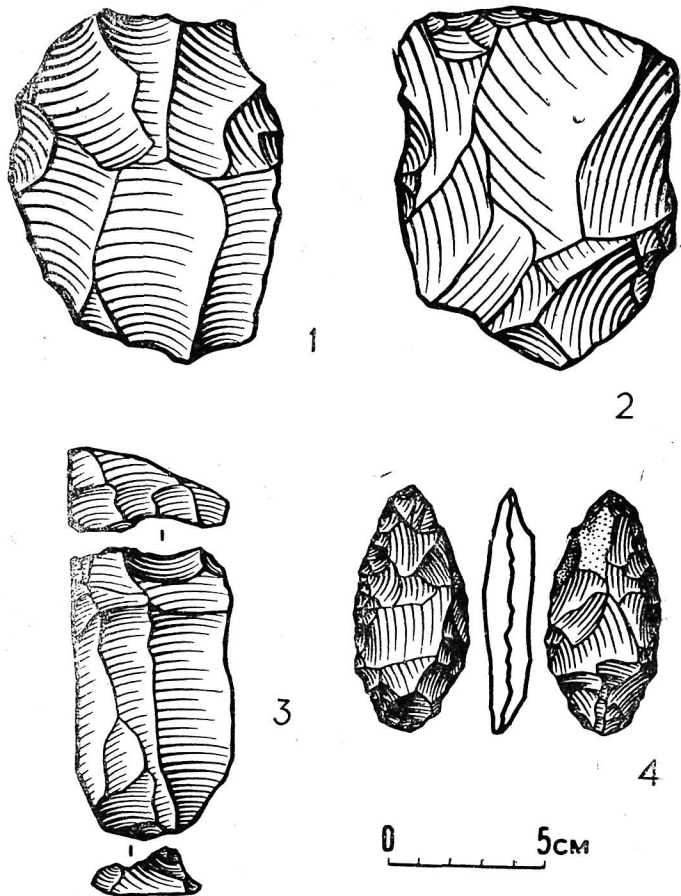

Рис. 7. Стоянка-мастерская культуры мустье с ашельской традицией фации леваллуа. Нуклеусы техники леваллуа: 1, 3 — двуплощадочные односторонние; 2 — одноплощадочный обычный; 4 — бифас (limande). Горы Хантау (местонахождение № 23).

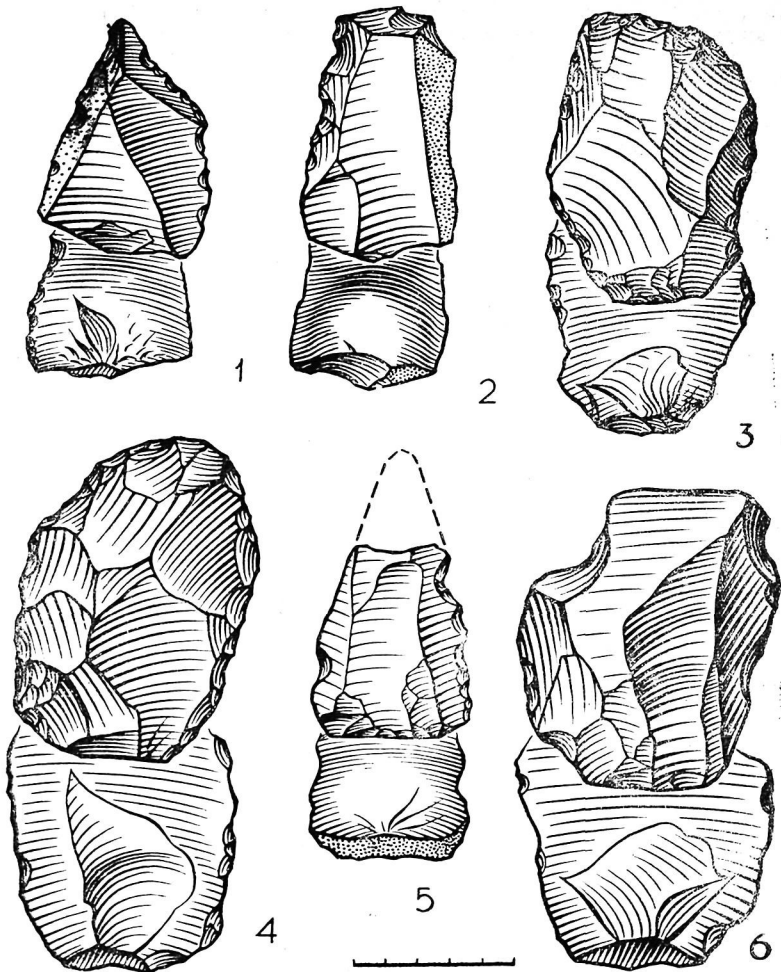

Рис. 8. Сколы леваллуа и не-леваллуа, преобразованные в орудия: 1 — остроконечник с противоположащей ретушью; 2 — атипичный пластинчатый скол леваллуа с зубчатым краем; 3 — скребло со скошенным поперечным рабочим краем; 4 — скребло двойное, двояковыпуклое; 5 — остроконечник леваллуа, ретушированный по одному краю; 6 — атипичный отщеп леваллуа. Горы Хантау (местонахождение № 23)

тающими, существование которых, надо полагать, было тесно связано с ее ареалами. Эти события не были частным эпизодом, а явились одной из составляющих всего рода «великого переселения» племен. Аналогичные события произошли, например, и в Северном Китае (Ордос) и Монголии¹⁶. Именно этой массивной миграцией позднепалеолитических племен из области современных пустынь и полупустынь Азии, имевшей в основном меридиональное направление (с юга на север) и отвечавшей общей передислокации общегеографической зональности в послеледниковое время, обусловлена резкая разница между ранней (плейстоценовой) и поздней (голоценовой) группами палеолита Сибири¹⁷. Разница настолько явная и глубокая, что, по образному определению А. П. Окладникова, ее действительно можно принять «за настоящую пропасть». Позднепалеолитические каменные индустрии Сары-Арка, Северного Китая¹⁸ и Монголии¹⁹ являются фациями одной культуры. Они восходят к соответствующим фациям единого в своей основе древнепалеолитического субстрата. С его ареалом связаны исходные позиции позднепалеолитических племен, которые появились на территории Северной Азии в голоцене и широко освоили ее просторы²⁰. В свете этих фактов понятна геологическая асинхронность фациально сходных позднепалеолитических культур Северного Прибалхашья и, например, Монголии с культурами «второй группы» палеолитических поселений Сибири. На крайнем северо-востоке Сары-Арка, в Левобережном Прииртышье, где аридизация наступила позже и дыхание ее сказалось значительно слабее (что чувствуется и до сих пор) по сравнению с тем же Северным Прибалхашьем, за поздним палеолитом последовала эпипалеолитическая фаза²¹. Знаменательно, что на Мангышлаке общий ход развития па-

¹⁶ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка..., стр. 96—98.

¹⁷ А. П. Окладников. Освоение палеолитическим человеком Сибири. «Материалы по четвертичному периоду СССР», вып. 2. М. — Л., 1950, стр. 150—158; его же. 300 лет сибирской археологии. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Материалы пленарного заседания и секций истории досоветского периода, археологии и этнографии. Новосибирск, 1961, стр. 15—22; его же. Древние связи культур Сибири и Средней Азии. «Бахрушинские чтения 1966 г.», вып. 1. Новосибирск, 1968, стр. 146—154.

¹⁸ Мнению А. Брейля, что «палеолитическая культура стоянки Шуйдунгоу стоит на полпути от развитого мустье к зарождающемуся ориньяку» («Vertebrata Pal. Asiatica», 1964, v. 8, № 1, p. 81), не следует придавать хронологического значения. Подобное впечатление производят и развитые позднепалеолитические комплексы Сары-Арка. В обоих случаях сказываются «родимые пятна» субстрата, а не хронологический аспект.

¹⁹ А. П. Окладников, С. Л. Троицкий. К изучению четвертичных отложений и палеолита Монголии. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 33, 1967, стр. 3—30.

²⁰ См.: «История Сибири», т. 1. Л., 1968, стр. 59—72.

²¹ А. Г. Медоев. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь, стр. 128.

леолитических культур, за некоторыми исключениями, напоминает обстановку в Сары-Арка, но позднепалеолитическая культура, подобно Прииртышской, успела трансформироваться в финальную эпилеолитическую фазу²². Позднее на Мангышлаке и в Сары-Арка (не включая Левобережное Прииртышье) события развиваются по единому «плану». После хиатуса, в котором пока не обнаружено ни одного намека на присутствие человека, появляются племена культуры микролитов. Они застали уже мертвую или местами деградировавшую гидросеть и, естественно, расселились у родников, действующих в большинстве своем и в настоящее время.

Непрерывность трансформации и традиционализм каменных индустрий в палеолите Сары-Арка напоминает удивительное единство эволюции африканской предыстории, в которой «новые виды техники пополнили предыдущие, не упраздняя их»²³. Однако эта картина, как показали исследования 1965—1969 гг., наблюдается в Сары-Арка не повсеместно и ее выражение далеко не однозначно.

В Северо-Западном Прибалхашье вдоль южных склонов гор Бале на шлейфах конусов выноса залегают многочисленные образцы леваллуа-ашельской индустрии из местных порфиритов. Они отличаются идентичностью и техническими, и типологическими слагаемыми, одним производственным «почерком», одинаковым состоянием поверхности нуклеусов, сколов и орудий, т. е. являются комплексом, который явно относится к одному «моменту». Его техника и бифас треугольной формы²⁴ соответствуют позднему или финальному ашелю.

В Юго-Западном Прибалхашье палеолитические местонахождения распространены густо и широко²⁵. Это древнепалеолитические стоянки-мастерские и стоянки открытого (наземного) типа, за исключением одной позднепалеолитической каменоломни-мастерской. Как и в Северном Прибалхашье, они приурочены к шлейфам конусов вы-

²² Исследования автора. Палеолитический отряд Мангышлакской комплексной экспедиции (1966—1968 гг.) и Тюбкараганская палеолитическая экспедиция (1969 г.), начальники отрядов — Н. В. Власова, А. Е. Горбатов, Б. Г. Имаггазин) ИГН им. К. И. Сатпаева АН КазССР.

²³ А. А. Лиман. Указ. работа, стр. 468; А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка..., стр. 96—98.

²⁴ По классификации Ф. Борда (*Typologie du paléolithique ancien et moyen. Mémoire, № 1, Bordeaux, 1961*, pp. 58, 59).

²⁵ Исследования автора 1965 г. Палеолитический отряд Чу-Илийской геолого-геоморфологической экспедиции ИГН им. К. И. Сатпаева АН КазССР (нач. эмс. А. С. Сарсеков). Район работ: Юго-Западное и Северо-Западное Прибалхашье (горы Хантау и Джамбул, Бале и др.). В поисках и изучении палеолитических стоянок по стояновому участии принимали Н. В. Власова, Т. В. Смогоржевская и художник А. Е. Горбатов, по геолого-геоморфологическим вопросам консультировали А. С. Сарсеков и Э. И. Нурмамбетов. Коллекции находятся в ИГН.

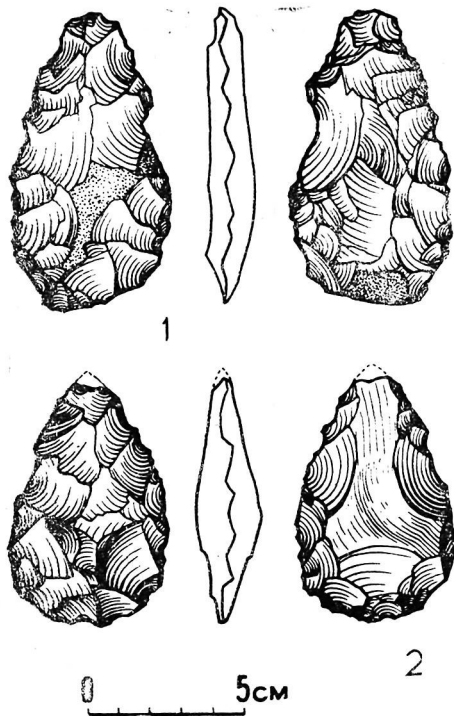

Рис. 9. Бифасы cordiformes allongés, леваллуа-ашель II. Северный склон Сары-Арка (местонахождения № 14, 53).

носа и вторым надпойменным террасам. Наиболее значительная стоянка-мастерская расположена у юго-западных склонов гор Хантау. Частичные сборы дали свыше 10 000 образцов каменной индустрии. Они характеризуются единством техники и однотипным составом орудий (рис. 7, 8). Эта стоянка-мастерская принесла крупнейший в Казахстане комплекс мустье с ашельской традицией фации ле-

валлуа. Значительная часть сколов имеет следы более позднего (вторичного) использования. У них очень светлая по сравнению с первичной (латинизированной) поверхностью ретушь. Типологический облик, напротив, архаичный, восходящий, очевидно, до инерции, к местным мустьерским прототипам.

В горах Джамбул (северо-западнее гор Хантау) аналогичная. в принципе ситуация осложнена наличием «чисто» леваллуаской коллекции (стоянка-мастерская) и единичного бифаса типа микок²⁶.

На территории хребта Чингиз обнаружены разрозненные позднепалеолитические образцы. Массовый материал получен по древнему палеолиту со стоянки открытого (наземного) типа на шлейфе²⁷. Это своеобразный мустьерский комплекс без ядрищ. Доминирует леваллуаская техника, но почти все сколы превращены в орудия (скребла, остроконечники, зубчатые и выемчатые инструменты и т. д.). Имеется несколько исключительно типичных двусторонних наконечников копий²⁸.

На восточном участке северного склона Балхаш-Иртышского водораздела стационарные леваллуа-ашельские (рис. 9) и позднепалеолитические стоянки-мастерские перемежаются эпизодическими местонахождениями небольших несмешанных комплексов леваллуа-ашельского или позднепалеолитического инвентаря²⁹.

В Левобережном Прииртышье (у озер Карасор и Кудайколь), а также далее к западу до бассейна реки Шидерты включительно распространены многочисленные стоянки и стоянки-мастерские леваллуа-ашельской культуры (рис. 10), с которыми иногда совмещены (как и в Северном Прибалхашье) позднепалеолитические местонахождения. Каменная индустрия последних обязана происхождением леваллуа-ашельскому субстрату, но между ними значительные хронологические интервалы³⁰.

Территории, простирающиеся к западу от бассейнов рек Мойнты и Шидерты, на карте палеолитических культур Сары-Арка пока остаются «белыми пятнами», которые, однако, не следует стремиться за-

²⁶ По классификации Ф. Борда (*Typologie du paléolithique...*, p. 57).

²⁷ А. Г. Медоев. Новые материалы по каменному веку Северного Прибалхашья и хребта Чингиз, стр. 86—87.

²⁸ По классификации В. П. Любина (К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий. МИА, № 131, 1965, стр. 63—73).

²⁹ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка..., рис. 1.

³⁰ По материалам комплексных исследований антропогенных отложений в зоне канала Иртыш — Караганда, проведенных геологом В. Ж. Аубекеровым (ИГН, 1964—1969 гг.). Автор принимал участие в исследованиях зоны канала (1967 г.) и имел возможность при содействии В. Ж. Аубекерова ознакомиться с основными палеолитическими местонахождениями данного района. См. также: А. Г. Медоев. Стоянка-мастерская у озера Кудайколь, стр. 133.

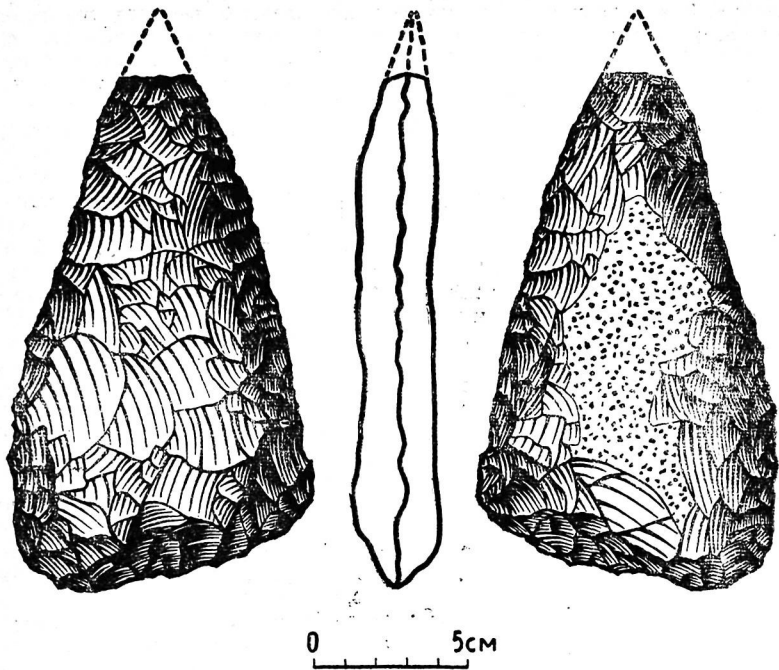

Рис. 10. Треугольный бифас (subtriangulaire), леваллуа-ашель I, стоянка-мастерская у озера Карасор (Левобережное Прииртышье).

полнить «гипотетическим» путем. Реальные исследования могут принести любые неожиданности и аномалии. Например, кабинетные прогнозы относительно «средиземноморского» характера позднего палеолита Западного Казахстана³¹, оказались далекими от действительности. Позднепалеолитические комплексы каменной индустрии, обнаруженные на полуострове Мангышлак, имеют своеобразный технический и типологический облик и сопоставимы с соответствующими материалами Сары-Арка и Северной Азии в целом.

³¹ А. А. Формозов. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», № 19, 1953, стр. 90—92.

М. Н. КЛАПЧУК

ГАЛЕЧНЫЕ ОРУДИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МУЗБЕЛЬ 1—2 В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

На правобережье р. Сырасу, в среднем ее течении, к востоку от сухого лога Талдысай, простирается в меридиональном направлении плосковершинный останец Музбель (рис. 1). Он сложен палеогеновыми отложениями. С южной стороны к нему прислонены отложения павлодарской свиты верхнемиоценового-среднеплиоценового возраста, образуя здесь скульптурную II надпойменную террасу. Эти отложения перекрыты толщей галечника верхнеплиоценового возраста¹. Заслуживает внимания спектр образца из крошки галечника. Он содержит 22% пыльцы древесных пород, говорящих о том, что во время аккумуляции этой толщи господствовали условия плювиала и здесь, в ныне пустынной зоне Центрального Казахстана, преобладала степь с островными лесами. Лесообразующими породами были сосна, ель и в незначительном количестве береза.

В отложения павлодарской свиты вложены осадки аккумулятивной I надпойменной террасы, сформировавшейся в верхнем плейстоцене². В нескольких километрах к юго-западу от останца Музбель в отложениях этой террасы Б. Ш. Клиnger были найдены кости ископаемых животных, принадлежащие, по определению Э. А. Вангенгейм, дикому верблюду, сайге, дикой лошади, быку и барану.

Особенностью местности является весьма незначительная ширина долины р. Сарысу. Если выше по течению она имеет ширину 17, а ниже 4 км, то южнее останца Музбель лишь 1,7 км. На противопо-

¹ К. В. Никифорова. Кайнозой Голодной степи Центрального Казахстана. М., 1960; В. Ю. Малиновский. Кайнозой центральной части Казахского цита. Сб.: «Материалы по геологии Центрального Казахстана», т. 7. М., 1967, стр. 177—249.

² К. В. Никифорова. Кайнозой...; Н. Н. Костенко. Краткий очерк антропогена Казахстана. Сб. «Основные идеи Н. Г. Кассина в геологии Казахстана». Алма-Ата, 1960; Н. Н. Костенко. Основы стратиграфии антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1963.

ложном, южном берегу реки, высоко над долиной поднимается островная возвышенность Быруйнак, являющаяся результатом интенсивного диапирового процесса плейстоценового времени.

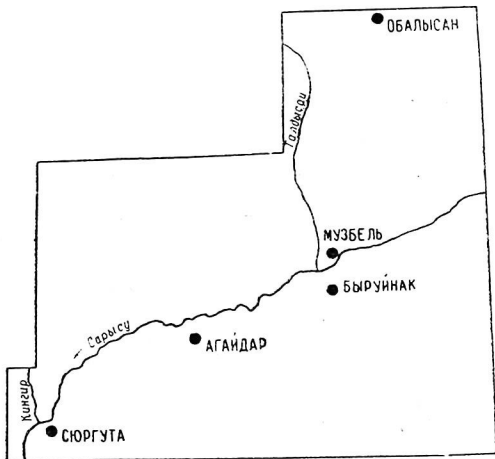

Рис. 1. Схема палеолитических памятников в районе среднего течения р. Сарысу.

Именно в самом узком месте долины русло Сарысу проходит у правобережной скульптурной террасы, обнажая отложения павлодарской свиты и перекрывающего их галечника общей мощностью до 10—12 м. На поверхности галечника в двух местах обнаружены предметы, в основном галечные орудия. Эти находки были изучены нами в 1967—1968 гг.³

Полевые работы начаты с выявления данных орудий в галечнике. Заданный шурф позволил вынуть из толщи 1540 галек. В процессе просмотра оказалось, что 73% галек целые, 25% покололось аген-

³ В полевых работах, кроме автора, принимали участие студенты Карагандинского педагогического института В. Каминский, И. Калужный и В. Волошин. Местонахождение Музбель 1 упоминается в заметках автора. См.: «Страницы седой старины». «Педагог», 1967, 20 февраля.; «Новые археологические находки в бассейнах рек Нура и Сарысу». Сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 321—322. Находки памятника хранятся в археологических фондах Карагандинского областного краеведческого музея, № 259.

тами выветривания и 1% имел фасетки случайных, естественным путем образовавшихся сколов. Орудий труда первобытного человека среди них не обнаружено.

Искусственно изготовленные поделки зафиксированы на поверхности краевой части галечника. Музбель 2, расположенное в месте перехода современной полевой дороги с I надпойменной террасы на поверхность галечника, дало весьма немного находок. Это скребочки на отщепах, отщепы и фрагменты ножевидных пластинок из кремня и кремнистого туфа, а также мотыга из порфирита. Они относятся к неолиту. Здесь же найдены 19 плоских галек со сравнительно свежими следами двухстороннего снятия коротких сколов, идущих от краев к центру. Аналогичные предметы единично встречены также на неолитическом памятнике Быруйнак I, расположенном не более 3 км к югу от Музбель 2⁴. Все поделки напоминают постпалеолитический инвентарь из бассейна Соана⁵, а также мезолитический хаобиньской культуры Вьетнама⁶.

Музбель 1 расположено в 50—80 шагах к западу от Музбель 2. Неолитических орудий здесь не обнаружено, лишь найдены галечные орудия с несколько сглаженными острыми краями. Поделочным материалом служил микрокварцит зубчатой структуры и кварцевый песчаник, переходящий в кварцит бластосаммитовой структуры.

На Музбель 1 собрано 114 поделок. Наибольшее число галек (36) были со следами снятия единичных сколов. Сколы сделаны небрежно, бессистемными ударами примерно в 80% случаев со всех сторон окружности, как правило, с круглых плоских галек и в 20% с одного конца (преимущественно) с удлинённых галек. В зависимости от зернистости породы фасетки имели либо неровную и шероховатую, либо более или менее гладкую поверхность с целой гаммой переходов между ними. Галька этой группы находок не напоминает нуклеусы, скорее всего она была объектом опробования первобытного человека. Поскольку качество подавляющего большинства таких галек не отвечало нужным требованиям, человек бросал их. Но некоторые гальки заслуживали внимания. С них были сняты сколы, причем планомерно и целеустремленно, в результате чего галька превращалась в определенной формы нуклеусы или готовые орудия.

⁴ Местонахождение Быруйнак 1 открыто в 1967 г. и в настоящее время изучается. Каменный инвентарь находится в Карагандинском областном краеведческом музее, № 261. Впервые упоминается в заметке автора: «Новые археологические находки», стр. 322.

⁵ P. Graziosi. Prehistoric research in North—Westen Punjab. Italian expeditions to the Karakorum and Hindukush. Scientific reports. Leiden, 1964, V, 1, pl. 86.

⁶ П. И. Борисковский. Первобытное прошлое Вьетнама. М. — Л., 1966, рис. 18, 6; рис. 19, 1; рис. 21, 2, 3, 5; рис. 22, 1—2; рис. 23, 4.

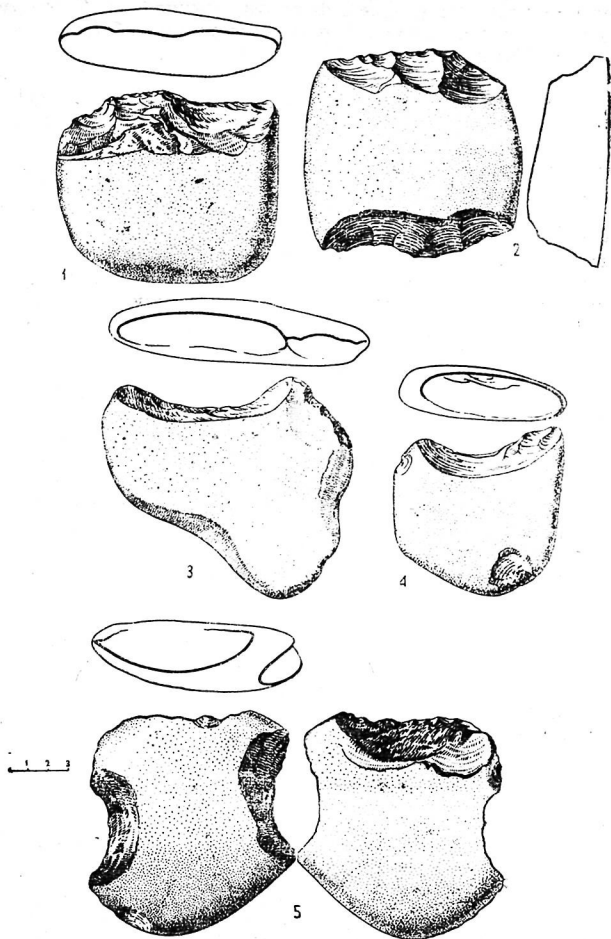

Рис. 2. Галечные орудия: 1—2 — чопперы; 3—5 — скребле-
видные орудия (гальки с выемками).

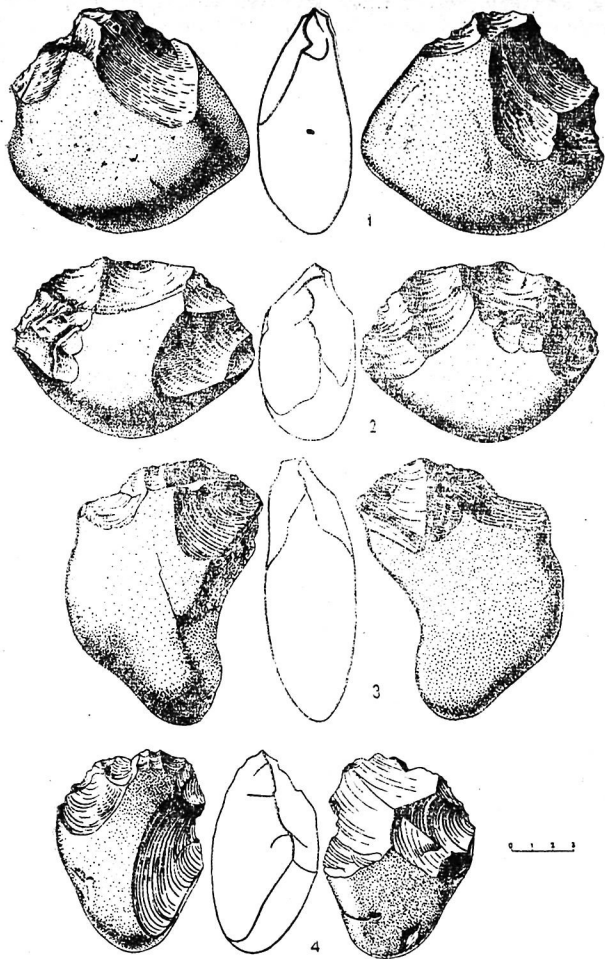

Рис. 3. Чоппинги.

Надо подчеркнуть, что вопреки тенденции некоторых исследователей видеть в галечных комплексах только рубящие и скребущие орудия, на самом деле их состав намного разнообразнее. Так, П. Грациози из инвентаря соанских памятников относит к чоппингам предметы⁷, которые по общим очертаниям и технике скалывания следует считать одноплощадочными односторонними нуклеусами. Такая практика обедняет комплексы галечных орудий и содействует искусственному изолированию их от культурных комплексов смежных регионов. Между тем соанский мир не был изолирован. Наличие среди галечных орудий полярных нуклеусов свидетельствует о знакомстве древнейших обитателей Пакистана и Индии с леваллуаской техникой расщепления камня. Это подтверждают также находки Кара-Буры⁸. Не меньше доказательств тому и на местонахождении Музбель 1. Здесь встречены дисковидные одно- и двухсторонние нуклеусы, а также одно- и двухплощадочные, одно- и двухсторонние нуклеусы.

Собрано 10 дисковидных нуклеусов, из них 6 односторонних. Дисковидные одноплощадочные нуклеусы, как правило, выполнены из несколько уплощенных галек, имеющих в результате снятия 3—6 массивных сколов ударами с плоской стороны галек одну почти плоскую и другую выпуклую стороны. Фасетки на таких нуклеусах глубокие, между ними всегда есть высокие ребра, несколько сглаженные выветриванием. Ударные площадки округлые или несколько угловатого очертания.

Двухсторонних дисковидных нуклеусов всего 4. Они меньше, чем односторонние. Их размер: $118 \times 101 \times 45$, $105 \times 102 \times 26$ и $76 \times 100 \times 26$ мм. Они сделаны из плоских галек в результате снятия с одного края, занимающего не более 30% периметра гальки, посредством чередующихся ударов трех-четырёх сколов. Местами между фасетками сколов прослеживаются значительные угловатые выступы. Не исключена возможность, что эти нуклеусы употреблялись в качестве рубяще-колющих орудий.

Найдено 4 одноплощадочных односторонних нуклеуса из крупных массивных галек. Диаметр их в 1,5 и толщина в 2 раза больше галек, из которых сделаны дисковидные нуклеусы. Один из одноплощадочных нуклеусов размером $150 \times 175 \times 70$, второй — $145 \times 100 \times 85$ и третий — $140 \times 121 \times 60$ мм. Если коэффициент массивности, выражающийся соотношением толщины и ширины гальки, у дисковидных нуклеусов равен 0,24—0,46, то у галек, из которых выполнены одно-

⁷ P. Graziosi, pl. 2a, 3a.

⁸ В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, т. 1. Душанбе, 1965, стр. 50—80, табл. X—XXI.

площадочные нуклеусы, — 0,40—0,85. Их оформляли следующим образом. Сильным ударом с плоской стороны гальки в точку, расположенную от одного конца гальки на третью-четвертую часть ее длины, снимался массивный скол. В результате этой операции на гальке образовывалась почти плоская, как правило, без фасетки ударного бугорка площадка, наклоненная под острым углом к той стороне гальки, с которой был произведен удар. Иногда эта площадка подправлялась дополнительно двумя-тремя небольшими сколами. С помощью ударов по этой площадке у вершины острого угла снимались отщепы и пластины. На найденных экземплярах одноплощадочных односторонних нуклеусов имеются фасетки снятия двух-трех сколов различной длины и массивности. Чем толще сколы, тем они шире и короче; фасетки у них глубокие с негативами больших ударных бугорков.

В единственном экземпляре обнаружен двухплощадочный двухсторонний нуклеус для снятия сколов в противоположных направлениях. Одна из ударных площадок нуклеуса оформлена снятием двух сколов, вторую образует плоский участок естественного происхождения. Обе площадки параллельны, они расположены косо к длинной оси гальки и образуют два попеременных острых угла. У острых углов и происходило снятие пластин и отщепов. Длина фасеток сколов короче длины нуклеуса, так как в процессе скалывания они ломались.

Среди находок большую группу составляют плоские гальки с выемками (рис. 2, 3—5). Выемки образовались вследствие одного-двух сильных ударов по плоской поверхности и последующей подправки. Размер галек: 80—155, ширина 70—105 и толщина 18—38 мм. Индекс толщины варьирует от 0,30 до 0,35. Двадцать одна галька имеет по одной выемке. В 43% случаев выемки расположены на широком и в 57% случаев — на коротком крае. Как правило, гальки с выемками на широком крае больше предыдущих в 1,5—2 раза. На трех экземплярах есть по две и на одном — три выемки, отделенные друг от друга необработанными участками.

Тринадцать обработанных галек — это типичные чопперы (рис. 2, 1—2). Восемь из них с одинарными рабочими краями, в том числе 6 с продольными и 2 с поперечными. Два чоппера имеют по два рабочих края, расположенных под углом 90°. Один чоппер двойной, т. е. его рабочие края оформлены на двух противоположных концах несколько удлиненной гальки. Чоппер с одинарным поперечным лезвием меньше, чем чоппер с продольным.

Пять галек являются чоппингами (рис. 3, 1—4). Три из них сделаны из овальных плоских и два из удлиненно-треугольных галек. Рабочий край первых расположен по длинной оси. Он образован в ре-

зультате попеременных ударов с двух сторон. Лезвия чоппингов зигзагообразные, у двух с угловатым выступом, у третьего слегка овальных очертаний. Эти артефакты длиной 105—115, шириной 90—108 и толщиной 42—48 мм.

Чоппинги из удлинненно-треугольных галек размером 132×90×45 и 103×75×47 мм. Благодаря лезвию, сделанному путем попеременных ударов по коротким краям гальки, его удобно держать в руке.

Заслуживает внимания орудие из крупного плоского отщепы яйцевидных очертаний (рис. 4), размером 128×80×19 мм. Широкий конец его обработан попеременными сколами, а прилегающие к нему длинные края притуплены крутой ретушью. Лезвием оно напоминает обирахматские струги, которые предназначались для строгания и резания дерева⁹.

Единично на местонахождении встречены отщепы (10). Все они без малейших следов вторичной обработки.

В целом инвентарь Музбель 1 представляет собой четко выраженный комплекс, в котором значителен удельный вес готовых орудий (42%). Они составляют богатый набор серийных, типологически выдержанных форм (чопперы, чоппинги, скоблевидные гальки с выемками), изготовленных единичными техническими приемами обработки сырья, хорошо усвоенными первобытными насельниками этого района. Большое количество отборных орудий труда позволяет отнести изучаемый памятник к типу охотничьих лагерей. Здесь древние охотники изготавливали деревянное оружие и охотились на диких лошадей и сайгаков, собиравшихся у водооя.

Уместно сказать о характере охоты, ибо, по нашему мнению, он очень специфичен. Начнем с констатации факта: среди готовых орудий преобладают гальки с выемками. Они составляют 56% общего количества орудий труда, вследствие этого наш памятник попадает в исключительное положение, так как в Средней и Юго-Восточной Азии гальки с выемками встречаются лишь единицами¹⁰.

Наличие таких орудий в инвентаре Музбель 1 можно объяснить, с одной стороны, бытующими в Средней Азии и Казахстане традициями выемчатой техники (Обирахмат, Куль-Булак, Айдарлы 2, Агайдар 1), а с другой — обилием в долине Сарысу зарослей ивы, из древесины и коры которой первобытные насельники изготавливали оружие, используя для этого гальки с выемками. Частично их могли употреблять для боласов.

⁹ Р. Х. Сулейманов. Кремневые орудия из грота Обирахмат. «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 6, стр. 65—68, рис. 5—7.

¹⁰ P. G r a z i o s i, pl. 67a.

Как известно, наиболее распространенным здесь животным являются сайгаки. Они способны развивать скорость до 72 км в час. Это очень осторожные и хитрые животные, от опасности они бегут не прямо, а в сторону, чтобы не попасть в ловушку. Охота на таких животных требует знания их повадок, а также ловкости, умения дей-

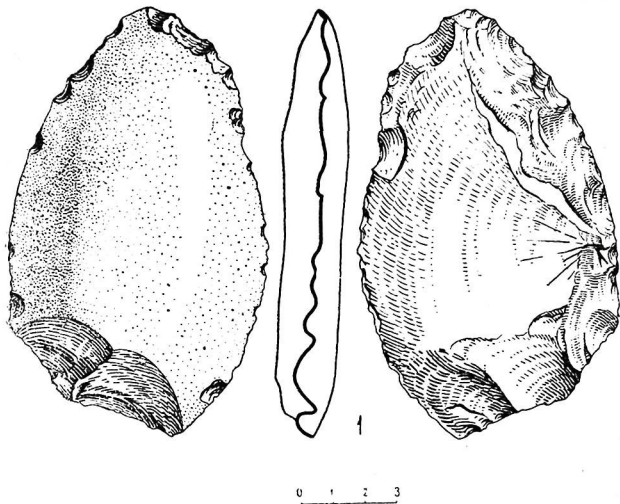

Рис. 4. Орудие типа струга.

ствовать из укрытий. Самыми удобными местами для охоты первобытного человека были высокие берега с небольшими кустиками боялыча вблизи водопоя. Музбель 1 расположено именно в таком месте, к тому же здесь было много гальки, которую без дополнительной обработки можно употреблять для метания.

По-видимому, кроме ошкуривания прутьев ивы и прикрепления к их концам галек с выемками, здесь других работ не производили. Во избежание шума и стука обработка камня и в первую очередь заготовка галек с выемками осуществлялась где-то вне лагеря. Этим и можно объяснить тот факт, что при наличии на местонахождении десятков галек с выемками и нуклеусов, с которых было снято свыше 100 сколов, отщепов и пластин найдено лишь 10 экземпляров.

Обычно первобытные насельники укрывались в кустиках и старались соблюдать тишину. При приближении к лагерю стада сайгаков они забрасывали их из укрытия боласами, которые мешали движению животных, затем ловили и убивали чоппингами или необработанными гальками.

Чопперов и чоппингов на Музбель 1 собрано несколько меньше, чем галек с выемками. Они интересны тем, что имеют сходство с многочисленными аналогичными орудиями ряда памятников мустьерско-соанского типа Средней Азии¹¹, а также верхнесоанского типа Пакистана¹². Мустье-соанскую культуру В. А. Ранов сопоставляет с развитым или поздним мустье Европы и Ближнего Востока, а геологически датирует средним плейстоценом¹³. Но радиоуглеродные даты ряда мустьерских памятников показали, что развитие мустьерской культуры в основном совпадает с началом верхнего плейстоцена¹⁴. Учитывая это, А. П. Окладников датирует инвентарь наиболее типичного памятника мустьерско-соанского типа — Кара-Буры — ранней порой вюрма.

Поскольку комплекс находок на Музбель 1, и прежде всего такие руководящие формы орудия, как чопперы и чоппинги, имеют несомненные аналогии среди находок Кара-Буры, то его следует отнести к началу верхнего плейстоцена.

¹¹ В. А. Ранов: Каменный век..., табл. XVIII—XXI.

¹² T. T. Paterson H. J. H. Drummond. Soan. The palaeolithic of Pakistan, 1962, fig. 29c, 34a, 36a; P. Graziosi, Op. cit., pl. 47, 48a, 53a, 57, 61, 63, 64, 69, 70.

¹³ В. А. Ранов. Каменный век..., стр. 103.

¹⁴ А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии. Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, стр. 45—46.

Х. АЛПЫСБАЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В КАЗАХСТАНЕ.

Изучение памятников каменного века на территории Казахстана имеет небольшую историю. Первые сведения о находках отдельных каменных орудий в Казахстане относятся к 50 гг. XIX в., когда при случайных земляных работах летом 1850 г. был разрыт местными жителями (казахами) курган. В нем было обнаружено четыре яшмовидных наконечника стрел, превращенных впоследствии в амулеты¹.

В 1862 г. в форте Александровском (ныне г. Шевченко Гурьевской области) найдены ножевидные пластины².

В 1883 г. в Семипалатинске по инициативе секретаря статистического комитета Е. П. Михаэлиса — друга Абая, был организован краеведческий музей, где при археологическом отделении создана коллекция каменных орудий, состоявшая из восьмидесяти наконечников стрел, копья, скребков, ножевидных пластин, каменных топоров³.

В 1843 г. А. И. Симонов, осматривая курган Шок-Тюбе в 100 верстах от Джусалы (укрепление Кармакши), зафиксировал близ него большое скопление «окаменелых» черного цвета костей животных. Они носили следы воздействия огня, а трубчатые кости были разбиты. Далее он отмечает, что перед нами, вероятно, кухонные остатки

---

¹ А. (И.) Симонов. Еще о каменных орудиях. «Туркестанские ведомости», 1906, 1 декабря; А. А. Спицын. Древности Средней Азии. Рукопись, 1930, стр. 31. Архив ЛОИА АН СССР, д. 41. Переписка А. И. Симонова с А. А. Спицыным.

² См.: «Записки Императорской Академии наук», вып. VIII. СПб., 1865.

³ С. Рычков. Систематический каталог коллекции музея. «Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отдела РГО», кн. 8. Семипалатинск, 1914.

каменного века⁴. Сообщение краеведа заслуживает особого внимания, поэтому следует проверить указанное скопление.

В дальнейшем отдельные находки каменных изделий продолжают поступать со всех концов края. Казахами острова Николай на Аральском море был обнаружен наконечник стрелы⁵.

Вблизи г. Семипалатинска в 1903 г. в песках членом Семипалатинского подотдела РГО Ф. Педашенко было открыто и раскопано погребение эпохи неолита⁶.

Еще в 1902 г. И. Т. Пославский выдвигал программу исследования памятников каменного века⁷.

Как мы видим, дореволюционные краеведы, ориенталисты и любители археологии интересовались древнейшим прошлым Казахстана, и вопрос об отдельных находках каменного века постоянно находился в центре их внимания.

Так, например, 11 декабря 1906 г. на заседании Туркестанского кружка любителей археологии И. Т. Пославский сделал доклад о найденных топографом М. А. Кирхгофом двух наконечниках стрел, на скальных рисунках и пещер в районе р. Бесарык в горах Каратау⁸.

И. Т. Пославский, отнеся находку к неолиту, одновременно описал условия ее нахождения и дал характеристику местности р. Бесарык. Далее он перечислил уже известные находки каменных изделий: наконечника копья капитаном Тумботиным в горах Каратау, наконечника стрелы на городище Джеты-Асар. Он напомнил о возможной связи находок с пещерами и наскальными изображениями гор Боролдай. Обращаясь к фактам общего характера, И. Т. Пославский заметил, что находка М. А. Кирхгофа «может иметь связь с теми исследованиями доисторической эпохи, которые произведены учеными силами Европы. У нас в Средней Азии этот вопрос остается еще совершенно нетронутым. Может быть, мы имеем в руках конец

⁴ А. И. Симонов. Археологические сообщения из письма Н. П. Остроумову, «Туркестанские ведомости», 1893, № 60; е го же. Еще о каменных орудиях. «Турк. вед.», 1906, 1 декабря; Н. С. Лыкошин. Очерки археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии, ПТКЛА, 1. Ташкент, 1896, стр. 51—52.

⁵ И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи. Труды Оренбургской архивной комиссии, вып. XXII. Оренбург, 1910.

⁶ Ф. И. Педашенко. Об археологических находках в окрестности Семипалатинска. «Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отдела РГО», 1912, кн. 6, стр. 52—53.

⁷ И. Т. Пославский. По поводу заметки Н. Г. Хлудова. ПТКЛА, VII. Ташкент, 1903, стр. 46—47.

⁸ И. Т. Пославский. О находке орудий каменного века. ПТКЛА, XI. Ташкент, 1907, стр. 57—58; «Туркестанские ведомости», 1906, № 1, 174, 176, 180; 1907, № 7.

нити, по которой дойдем до чего-нибудь важного в научном отношении». В протоколе заседания указывалось, что «ввиду находки каменных орудий в горах Каратау собрание признало полезным обследовать эту местность»⁹.

Далее П. С. Назаров дополнил доклад И. Т. Пославского о каменных орудиях, обнаруженных в пределах Туркестанского края, Оренбургской и Тургайской областей¹⁰. Он сообщил, что в его коллекции имеется кремневый наконечник стрелы с острова Николая на Аральском море, кроме того им обнаружены в песчаных дюнах вблизи оз. Эблея Бестюбинской волости Тургайской области стоянки и становище каменного века, давшие множество осколков кремня, кремневых скребков и пр. Им же открыта и другая стоянка к северо-востоку от г. Орска близ дер. Идельбаева на р. Губарле. Здесь, кроме кремневых орудий, было собрано множество костей двух видов вымерших быков, лошади, волка, собаки, лося и северного оленя. В коллекции И. С. Назарова имелся «топор неолитического периода, превосходно сделанный из диорита», найденный на берегу р. Байтун близ ст. Кваркиной Орского уезда.

Занятый топографической съемкой и нивелировкой Тургая, Г. Н. Кириллин¹¹, увлекся изучением далекого прошлого Северо-Западного Казахстана. Он пытался заинтересовать и научную общественность. С этой целью на объединенном заседании Оренбургской ученой архивной комиссии и Оренбургского отдела Русского географического общества 24 января 1911 г. он сделал доклад «Следы каменного века в Киргизской степи». Доклад сопровождался демонстрацией большого количества изделий каменного века, обнаруженных им самим в Тургайском уезде. В 1916 г., на северном берегу оз. Чалкар В. Андрусовым были собраны нуклеусы, скребки, ножевидные пластины. В 1947—1948 гг. здесь же геолог Л. И. Боровиков зафиксировал более 20 местонахождений орудий каменного века. На полуострове Мангышлак в 1916 г. Андрусовым были обнаружены нуклеусы и скребки. В 1950—1958 гг. Е. Н. Басова, геологи Н. Дьяков, А. И. Лазаров, С. А. Беляков и географ Б. А. Федорович там же встретили большое количество стоянок и местонахождений каменных орудий¹².

Благодаря энергичным усилиям любителей археологии в досоветский период была накоплена значительная коллекция каменных

⁹ См.: ПТКЛА, XI, Ташкент, 1907, стр. 56; XII, 1906, стр. 56.

¹⁰ П. С. Назаров. Дополнение к сообщениям И. Т. Пославского о находках каменных орудий. ПТКЛА, XI, 1906, стр. 54, 78, 80.

¹¹ См.: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXXI, 1913. Протокол № 2.

¹² См.: Архив геологического фонда Ин-та археологии АН СССР.

орудий. Однако тогда и долгое время спустя проблемой номер один оставалось выяснение возраста находок каменных орудий.

Второй период истории изучения памятников каменного века начался с победы Октябрьской социалистической революции, когда после окончания гражданской войны начались экспедиционные работы советских ученых и геологов. Повысился интерес и к древнейшему прошлому Казахстана. Первый этап второго периода, который можно ограничить концом 40-х и началом 50-х гг., характеризуется постепенным увеличением сборов подъемного материала геологами, гидрогеологами, зоологами и другими специалистами. Особенностью первого этапа второго периода был не просто сбор случайных находок каменных изделий, а открытие целых стоянок и местонахождений.

Так, например, в 1921 г. С. И. Руденко, руководя антропологической экспедицией АН СССР, открыл энеолитическую стоянку близ оз. Кайран-Куль в Кустанайской области. Им были найдены скребки, резцы, пластинки, трапеции и многие другие каменные изделия.

Это была первая стоянка энеолита в Казахстане, открытая специалистом археологом и антропологом, много лет участвовавшим в раскопках палеолитических стоянок в России и на Украине.

В 1928 г. в песках Кзылкумы (Кзыл-Ординская обл.) узбекским археологом Турды Миргиязовым были собраны многочисленные каменные изделия. М. В. Воеводский, который видел эту коллекцию, пишет: «Им (Т. Миргиязовым) было открыто в песках Кзылкумы шесть стоянок с микролитической индустрией и остатками керамики с ямочным орнаментом».¹³

Количество выявленных донных неолитических стоянок в Казахстане все время росло.

При сооружении Туркестано-Сибирской ж. д. в 1928 г. в 3 км южнее урочища Алтын-Кулат на глубине 2 м в слое глины был обнаружен огромный черный ядрище — нуклеус. Это был первый сигнал о наличии позднего палеолита в Казахстане.

В 1929 г. на берегах озер Жасыбай и Сабындыколь геологом-пографом Дравертом¹⁴ было собрано несколько каменных изделий. Спустя год в районе ст. Саксаулы археолог А. А. Марущенко нашел энеолитические каменные орудия. В том же году геолог А. Ф. Со-

¹³ Архив ЛОИА АН СССР. Рукопись М. В. Воеводского. Об этих находках писали в США.

¹⁴ П. Драверт. К минералогии кайнозойских отложений Обь-Иртышского бассейна. «Известия Зап.-Сиб. отд. РГО», т. 5. Омск, 1926; его же. Грот с писаницами на озере Джасыбай в окрестностях Баян-аула. «Известия Зап.-Сиб. отд. РГО», т. 7. Омск, 1930, стр. 231—234.

седко¹⁵ обнаружил в дюнных стоянках Чимкентской области скребки, наконечники стрел, карандашевидные нуклеусы, отщепы и фрагменты сосудов.

В 1932 г. М. П. Грязнов¹⁶ открыл в районе с. Долинка Карагандинской области стоянку. В те же годы и позже археологом И. В. Сидниным в Западном Казахстане были зарегистрированы многочисленные стоянки эпохи неолита-энеолита.

В начале 30-х гг. в Бетпак-Дале проводила исследования биологическая экспедиция Средне-Азиатского государственного университета под руководством профессора В. А. Селевина¹⁷. Участники этой экспедиции в дюнах Жетыкыныра, Самена, у родника Кендырлык, в долине р. Вокты-Карын собрали каменные орудия эпохи энеолита.

Позже в 1946—1948 гг. в этих местах побывала Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция Института истории АН КазССР, руководимая А. Х. Маргуланом¹⁸. Она открыла ряд стоянок в центральной части Бетпак-Далы: в урочище Кокен, оазисах Жетыкынура, местности Борыбас, на берегу р. Жидели. Большой заслугой А. Х. Маргулана является обнаружение на левом берегу рек Сарысу и Жидели «кремневых мастерских» с многочисленными заготовками каменных изделий энеолитической эпохи. А. Х. Маргулан установил, что эти районы в эпоху энеолита и ранней бронзы были главной базой для охотничьего хозяйства. Этот вывод согласуется с высказыванием классиков марксизма о том, что насельники данных стоянок «... были знакомы с обработкой металлов, поэтому ...они все же не могли обходиться без оружия и орудий из камня»¹⁹.

В конце 50-х гг. А. Х. Маргулан писал: «Наличие пещер и ряд других данных говорят о возможности находок палеолита на территории Казахстана»²⁰.

Это подтвердилось последующими открытиями советских археологов в Казахстане.

Много ценных материалов в начале и середине 50-х гг. было выявлено и специалистами других областей знаний. Следует назвать

¹⁵ А. Ф. Соседко. Находки неолита в Центральных Кызылумах в Средней Азии. «Природа», 1931, № 1.

¹⁶ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). В кн.: «Археологические работы Академии на новостройках», т. 2. М. — Л., 1935.

¹⁷ В. А. Селевин. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Далы. Труды САГУ, вып. 12. Ташкент, 1935.

¹⁸ А. Х. Маргулан. Отчет о работах ЦКАЭ в 1947 г. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 2.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 21, стр. 31.

²⁰ А. Х. Маргулан. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 8.

коллекции М. Ф. Никитина, С. М. Бандалетова, С. М. Мухамеджанова, Н. М. Владимирова²¹, Н. Дьяконова, Б. А. Федоровича, Маркова, А. А. Слудского, А. А. Лопатина²² и ряда других. Особенно значительно открытие в долине Сыр-Дарьи Кызыл-Ординской области неолитических, неолитических стоянок Хорезмской археолого-этнографической экспедицией под руководством члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова.

Многочисленные материалы неолит-энеолитического времени получены краеведами В. А. Белослюдовым²³ близ Семипалатинска и Н. В. Валукинским²⁴ около Джезказгана.

В Караганде и Карагандинской области во время Великой Отечественной войны сбором каменных изделий эпохи палеолита занимался археолог К. М. Поликарпович. Зарисовки и фотографии этих изделий автор статьи видел в 1956 г., будучи в Минске. Позже в этих местах краевед Н. Ф. Клапчук открыл новые неолитические стоянки — Зеленая балка и Караганда и палеолитическое местонахождение Кенжебай.

В конце 40—50-х гг. геологами А. Л. Яншиным, Г. Е. Черняковским, И. С. Загородновым, зоологом А. Н. Формозовым и другими на берегах рек Ирғиз и Тобол, озер Жарколь, Челкар-Тенгиз и в Приаралье были обнаружены стоянки неолита — энеолита. Собрано большое количество кремневых изделий. Все коллекции обработаны и достаточно подробно описаны в ценных работах А. А. Формозова²⁵.

В 1938 г. близ Семипалатинска найдено палеолитическое скребло. Оно опубликовано Г. П. Сосновским, который обратил внимание исследователей на залегание остатков мамонтовой фауны, вымывае-

²¹ К. А. Акишев, Н. М. Владимиров, С. М. Мухамеджанов. Находки орудий труда древнего человека в Северном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1955, № 5, стр. 61—65.

²² С. В. Лопатин. Археологические памятники в Центральном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 265—266.

²³ В. А. Белослюдов и А. Г. Максимова. Древние поселения у курорта «Аул». «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1951, вып. 3, стр. 125—129.

²⁴ Архив Н. В. Валукинского в МАЭ, № 410.

²⁵ А. А. Формозов. Древности Усть-Урта. «Вестник АН КазССР», 1947, № 7, стр. 59—61; его же. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник КазФАН СССР», 1946, № 5, стр. 24—25; его же. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. «Вестник КазФАН СССР», 1945, № 2, стр. 6—8; его же. Памятники древности Наурузмского заповедника. «Вестник КазФАН СССР», 1946, № 4, стр. 50—52; его же. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, 1949, вып. 25, стр. 49—58; его же. Энеолитические стоянки в Кустанайской обл. и их связь с ландшафтом. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1950, № 15; его же. Из новейшей литературы по палеолиту Казахстана и Средней Азии. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода, 1958, № 19, стр. 90—91.

мых р. Бухтармой²⁶. В свое время это отмечал и И. Д. Черский²⁷. Г. П. Сосновский на основании изучения позднепалеолитических стоянок Алтая и Сибири говорил о необходимости обследования развеечных песков р. Проиртыша.

Второй этап советского периода начался с конца 40-х и начала 50-х годов. В Прииртышье развернула работу Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция под руководством С. С. Черникова²⁸. В 1950 г. экспедицией были открыты палеолитические местонахождения сибирского типа, такие, как Канай, Свинчатка, Пещеры, Новониколаевское, и неолитические стоянки: Усть-Нарым, Малокрасноярка. Среди участников ВКАЭ следует выделить Э. Р. Рыгдылона, сыгравшего большую роль в поисках следов каменного века в Восточном Казахстане. Наличие мустьерских форм орудий наряду с позднепалеолитическими миниатюрными формами долго оспаривалось учеными СССР. По-видимому, правы те исследователи, которые отстаивают позднепалеолитический сибирский возраст палеолита Восточного Казахстана.

Комплексные геологические работы, проводимые по инициативе академика К. И. Сатпаева²⁹ в районе хребта Каратау геологами из МГНИ, Каратауской экспедиции ЮКГУ МГ и ОН Казахской ССР Г. И. Раскатовым и А. А. Рыжовой³⁰ и другими, привели к открытию кремневых изделий палеолитического и неолитического облика в нескольких местах Большого Каратау. По сути это была первая находка палеолита в этих местах. Несколько позже в 1956 г. Н. В. Седовым и Г. А. Ярмаком³¹ в северо-восточной части Каратау близ некоторых пунктов были обнаружены каменные изделия различных стадий палеолита.

В сентябре 1957 г. Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР организовал Каратауский отряд по изучению памятников каменного века в районе хребта Малого и Большого Каратау на территории Джамбулской и Южно-Казахстанской областей. Отрядом руководил автор статьи.

---

²⁶ Г. П. Сосновский. О поисках палеолита в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1.

²⁷ И. Д. Черский. Описание коллекции послетретичных млекопитающих животных. СПб., 1891.

²⁸ С. С. Черников. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1951, № 12, стр. 64.

²⁹ К. И. Сатпаев. К проблеме фосфоритов Каратау. Сб.: «Фосфориты Каратау». М., 1948, стр. I—III.

³⁰ Рукописи геологического фонда ЮКГУ.

³¹ Г. А. Ярмак. Первые находки палеолитических орудий в Южном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1957, № 7, стр. 104—108.

Свою первую рекогносцировочную разведку отряд проводил в горных и предгорных районах восточного и юго-восточного склонов хребта Каратау, входящего в Джамбулскую и Южно-Казахстанскую области.

Наиболее богатые кремневые материалы получены со стоянки, находящейся в местности Токалы, в 5 км к востоку от р. Коктал или родника Токалы-булак. Восточнее последнего расположены низкие мелкосопочки, высота которых от 5—20 до 60—80 м и выше. На их плоской поверхности было собрано значительное количество рубящих орудий, ядриц и крупных отщепов. Все находки обнаружены у края низины, рядом с коренными выходами пород, недалеко друг от друга, орудия группируются концентрированными пятнами.

В 1957 г. на местонахождениях Токалы I, II, III собрана коллекция из 300 орудий и отщепов. Материалом для их изготовления служили черные и серовато-черные мелкозернистые кремни (228 экз.), кремнисто-песчаниковые и другие породы (68 экз.). Большинство этих архаических изделий сделано из кремня, кремневых глыб и галек, которые в виде отдельных выходов коренных пород встречаются к северо-западу и северо-востоку от хребта Малый Каратау, на реках Арыстанды и Чаян. Следовательно, у древних обитателей хребта Каратау легко доступный сырьевой материал в виде крупного желвака или мелкой гальки для изготовления орудий находился недалеко от их поселений³².

Большое количество кремневых орудий, отщепов с архаическими чертами (крупный размер, массивность, наличие в них больших ударных площадок и выпуклых ударных бугорков) и примитивные особенности техники обработки кремния в Токалы I, II III позволяют сблизить кремневые изделия этих стоянок с позднеашельскими комплексами Яштуха (Абхазия), Сатанидара, Палестины и Северной Осетии. Поэтому кремневые материалы из Токалы можно датировать ашельско-мустьерским этапом поздней поры нижнего палеолита.

Работы, проведенные в 1958 г., впервые в Казахстане выявили по хребту Малый Каратау типичные шельско-ашельские местонахождения с многочисленными орудиями, характерными для ранней поры

³² Х. А. Алпысбаев. Находки нижнего палеолита в Южном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 232—241; его же. Нижнепалеолитические местонахождения в Малом Каратау. «Вестник АН КазССР», 1959, вып. 2, стр. 64—70; Н. Н. Костенко и Х. А. Алпысбаев. Палеолит в районе Турланского перевала хребта Каратау. «Вестник АН КазССР», 1966, № 8, стр. 66—69; Х. А. Алпысбаев. Открытие нижнего палеолита в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1960, вып. 5, стр. 59—61.

палеолита; были обнаружены также мустьерские памятники. Из выявленных пунктов особый интерес представляют шельско-ашельские стоянки Борыказган и Танирказган, расположенные на плоской вершине Кемер, сложенной песчаниками, известняками, мергелями и другими породами. Они находятся на том же уровне, что и останки верхней террасы рек Каратау, где нами собраны многочисленные орудия. Все местонахождения расположены на юго-восток от колхоза имени Ленина Таласского района Джамбулской области.

Обследования в районе стоянок Борыказган и Танирказган дали многочисленный кремневый материал. Однако распространение обработанного кремня четко ограничено, строго локализовано. За пределами пятна культурных остатков обработанные кремни встречаются единичными экземплярами или совсем не попадаются.

Из древнепалеолитических изделий Борыказгана и Танирказгана можно выделить четыре группы: 1) двусторонние и односторонние рубящие орудия; 2) рубила; 3) архаические массивные отщепы; 4) крупные аморфные желваки-нуклеусы. Первая группа преобладает. Рубящие орудия существенно не отличаются от грубого каменного инвентаря из древнепалеолитических шельско-ашельских местонахождений юго-восточной Азии и Африки, наоборот, они очень близки обработанным с одного конца орудиям ранней соанской культуры (Индия), ранней «культуры галек» (Африка) и орудиям типа чоппера Бирмы. Они всегда имеют четко выраженную валунообразную форму, один конец обработанный, уплощенный, острый, а другой — нетронутый или слегка подправленный с пяткой, вероятно, раннего происхождения³³.

Датировка Бориказганской и Танирказганской стоянок шельско-ашельским периодом нижнего палеолита подтверждается геологической перемещенностью, наличием особо характерных типов орудий и присутствием в кремневом инвентаре каменных орудий и отщепов. К этому же периоду палеолита относится местонахождение Шабакты I, открытое в 1958 г. и расположенное в 20 км к юго-западу от пос. Байкадам Сары-Суйского района Джамбулской области.

В 1958 г. следы мустьерской культуры обнаружены автором в 121 км к северо-западу от г. Чимкента у южной окраины с. Шакпак в котловине Шакпак, на правом берегу р. Арыстанды. Обработанные кремни были найдены на поверхности бечёвника правого берега, на

³³ Х. А. Алпысбаев. Открытие нижнего палеолита в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1960, № 5, стр. 59—61; его же. Открытие памятников древнего и позднего палеолита в Южном Казахстане. «Советская археология», 1961, № 1, стр. 154—164; его же. Находки памятников каменного века в хр. Каратау. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14, 1962, стр. 12—37.

высоте 2,5—3 м над современным (августовским) уровнем р. Арыстанды, у подножия высокого обрыва третьей надпойменной террасы (9—20 м), сложенной в основании конгломератами, а в верхней части желтоватыми суглинками.

Шакпакский кремневый комплекс включает 5 нуклеусов, 10 отщепов нуклеовидных форм, 8 правильных пластин и несколько десятков сколов. Материалом для изготовления шакпакских орудий служил серовато-белый полупрозрачный местный кремень.

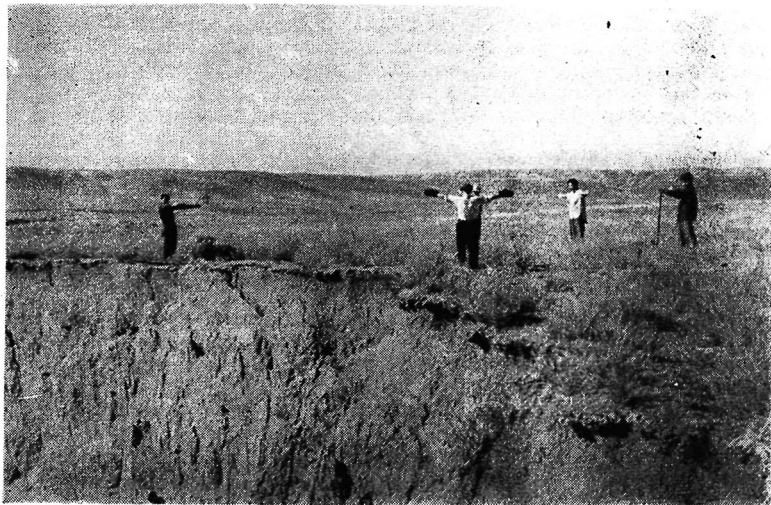

Рис. 1. Рабочие на поверхности третьей надпойменной террасы р. Арыстанды.

Шакпакские нуклеусы имеют довольно массивную правильную дисковидную форму с широкими сколами с двух сторон. Диаметр их 70—130 мм, толщина — 30—60 мм.

Отщепы из Шакпакского местонахождения — типичные мустьерские, от более поздних они отличаются большей массивностью и неправильной формой, меньшей шириной (30—70 мм) и толщиной (5—10 мм).

Наличие дисковидных нуклеусов и характер типичных мустьерских отщепов и пластинок, форма и техника их изготовления поз-

воляют датировать кремневый инвентарь Шакпакского местонахождения мустьерским временем³⁴.

В урочище Ушбулак (в 36 км к северо-западу от г. Чулактау) автором зафиксировано 6 местонахождений каменного века, приуроченных к родникам. Они датированы мустьерским временем.

В 22 км к юго-востоку от пос. Байкадам, в 5 км к северу от ущелья Шабакты — Инталы, на плато, возвышающемся на 200—250 м над р. Шабакты, найдено более 200 кремневых изделий, изготовленных из кремнистой меловой гальки, покрытой пустой желтосерой патиной.

В коллекции из этой стоянки, названной автором Шабакты II, преобладают подтреугольные пластинки, сколотые с кремнистой гальки, со следами вторичной обработки. Законченных орудий найдено мало. Из них большой интерес представляет скребло, сделанное из подтреугольной гальки. Его верхняя выпуклая поверхность отесана несколькими сколами с последующей подправкой рабочего лезвия крупной ретушью, а плоская нижняя оформлена только тремя широкими плоскими сколами. Противоположный рабочему лезвию округленный край не обработан и имеет естественную гладкую поверхность.

Из других стоянок, открытых автором в 1958 г., можно назвать Беркуты I, II, III в 4 км к востоку от ст. Беркуты и Узын-булак I, II в 35 км к северу от г. Каратау.

В 1958 г. обнаружена и палеолитическая стоянка имени Чокана Валиханова, расположенная на правом берегу р. Арыстанды, в 43 км к северу от г. Чимкента, в 2 км к северо-западу от населенного пункта Карасу³⁵.

Открытие нижнего палеолита в Южном Казахстане вызвало большой резонанс в печати³⁶.

³⁴ Х. А. Алпысбаев. Были ли орудия у австралопитеков? «Известия АН КазССР, серия общ. наук», 1966, № 4, стр. 91—92; его же. Палеолитические изделия как маркирующий индикатор антропогенных отложений Казахстана. «Известия АН КазССР, серия общ. наук», 1968, № 4, стр. 84; его же и Н. Н. Костенко. Значение палеолита для расчленения антропогенных отложений. Сб.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969; его же. Новые палеолитические местонахождения бассейна рек Арыстанды—Бурлытай (Боролдай) в Южном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12, 1961, стр. 3—20.

³⁵ Х. А. Алпысбаев. Первая многослойная палеолитическая стоянка в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1960, № 11, стр. 103.

³⁶ К. А. Акишев. Некоторые итоги археологических работ в 1957 г. на территории Казахстана. «Известия АН КазССР, серия истории и археологии», 1958, вып. 3; его же. Археологическая наука в Казахстане. В кн.: «Наука в Казахстане». Алма-Ата, 1960; его же. Основные научные итоги археологических исследований в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1963, № 4; В. С. Бажанов. Относительные

границы между линиями и средним антропоеном в Казахстане. «Известия АН КазССР, серия биологич.», 1964, вып. 3; его же. История фауны млекопитающих Казахстана. Доклад при соискании ученой степени доктора биологических наук. Алма-Ата, 1962; его же и Н. Н. Костенко. Принципы стратиграфии антропогена Восточного Казахстана. «Известия АН КазССР, серия геологич.», 1959, № 1; его же и Н. Н. Костенко. Атлас руководящих форм млекопитающих антропогена Казахстана. Алма-Ата, 1962; О. Н. Вадер. Палеолит Урала и его место в древнейшей истории Евразии. Сб.: «Четвертичный период и его история». М., 1965; его же. Когда человек заселил северную Евразию. «Наука и жизнь», 1969, 11; П. И. Борисовский. Проблемы становления человеческого общества и археологические открытия последних десяти лет. В кн.: «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970; С. К. Дикши и т. Введение в археологию. Перевод с англ. М., 1960; М. Р. Касымов. Кремнеобработывающие мастерские каменного века в Средней Азии. М., 1962. Ш. А. Кадыров. Четвертичные отложения Ала-Баганарынской и Тогузтороузской впадин. Фрунзе, 1960, стр. 121—135; его же. Четвертичные отложения Ала-Баганарынской и Тогузтороузской впадин. Автореферат канд. диссертации. Ташкент, 1968; С. В. Киселев. Некоторые вопросы истории первобытного общества. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 3; В. С. Кожамкулова. Обзор антропогенных ископаемых териофауны Казахстана. Автореферат канд. диссертации, Алма-Ата, 1964; ее же. Остатки ископаемых антропогенных позвоночных. Путеводитель по геологическим маршрутам Южного Казахстана. Алма-Ата, 1961; ее же. Паркокоптные как показатели ландшафтной обстановки прошлых эпох антропогена. Сб. «I конференция по проблемам истории фауны и среды их обитания». Киев, 1961; ее же. Антропогенное ископаемое териофауны Казахстана. Алма-Ата, 1969; Н. Н. Костенко. Основы стратиграфии Казахстана. Алма-Ата, 1963; его же. Схема стратиграфии антропогена Казахстана. В кн.: «Геология, методика и техника разведки, обмен опытом». М., 1959; «История таджикского народа», т. I, М., 1963; «История Узбекской ССР». Ташкент 1967; «История СССР», т. I, М., 1968; И. Г. Лазуков, К. К. Марков и др. Палеолитическое месторождение, стратиграфическое и палеогеографическое значение. В кн.: «Четвертичный (антропогенный) период», т. 2, М., 1965, стр. 386—406. А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы. Сб.: «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии». М.—Л., 1959; его же. Средняя Азия в четвертичный период. Нижнепалеолитические памятники. Сб. «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М.—Л., 1966, гл. I—II; его же. Новые данные по стратиграфии Тянь-Шаня. Душанбе, 1965; его же. Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965; его же. Главные вопросы изучения палеолита Средней Азии. Сб. «Основные проблемы изучения четвертичного периода». М., 1965; его же. О сопоставлении археологических данных со стратиграфией четвертичных отложений Таджикистана. «Известия отделения общ. наук АН ТаджССР», 1961, вып. I; его же. Археологические исследования на возвышенности Карабура в 1959 г. Труды ИИА ТаджССР, т. 31, 1961; «Рассказы по истории Казахской ССР». Алма-Ата, 1968; «Решение второго республиканского межведомственного совещания». «Известия АН КазССР, серия геолог.», 1962, вып. 5; А. Н. Рогачев, Н. Н. Гурина, Л. П. Хлобыстин, В. П. Любин и др. Достижения археологической науки в РСФСР. «Советская археология», 1967, № 3, стр. 10; А. А. Рыжова. Геоморфологическое районирование. Основные черты новейшей тектоники и истории развития хребта Большого Каратау (Южный Казахстан). «Известия высших учебных заведений. Геология и разведка». 1960, № 2; С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968; Л. И. Турбин. К альпийской тектонике Тянь-Шаня. Сб. «Стратиграфия кайнозоя и некоторые вопросы новейшей тектоники Северной Киргизии». Фрунзе, 1966, стр. 3—18; его же, Ш. Ш. Сабдушев, А. А. Черепанов, Ю. Л. Янушевич. Антропоген Кир-

В 1959 г. геолог Н. Олексенко во время геологической съемки в районе горы Чингиз около г. Семипалатинска собрал каменные орудия каменного века. В том же году начальник Кайнозойской геологической партии ЮГУ МГи ОН Казахской ССР Н. Н. Костенко передал автору этих строк массивный отщеп из кремнистой породы серого цвета, найденной им на высоких террасах низовья р. Чу близ совхоза Тасты Южно-Казахстанской области.

Во время посещения прилегающих районов этой местности нам удалось дополнить коллекцию и обнаружить другие пункты с аналогичными изделиями. Спустя год в северном и южном Прибалхашье геолог Козловский, затем А. В. Тимуш собрали и передали в отдел археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР многочисленные изделия из камня, относящиеся к концу неолита и эпохе поздней бронзы. Среди них были архаические отщепы из какой-то кремнистой породы сибирского облика. Они очень массивны и имеют палеолитический тип. В том же году коллекция каменных орудий отдела археологии Казахстана пополнилась сборами геологов Н. В. Седова, Е. Серикбаева из районов р. Сарысу Карагандинской области. Сборы поступали с огромной территории Казахстана от многих геологов, работавших от Южно-Казахстанского геологического управления МГ и ОН КазССР.

Рис. 2. Расположение халцедоновых изделий на стоянке Валиханова.

гизского Тянь-Шаня, там же, стр. 69—96; «Хрестоматия по истории Казахской ССР». Алма-Ата, 1962, стр. 9—11; Ш. Ч. Чоккин. Итоги научной деятельности АН КазССР за 1958 г. «Вестник АН КазССР», 1959, № 4; А. Н. Чупина. Палеологический комплекс мустьерской стоянки Карасу (Валиханова) с реки Арыстанды Западный Тянь-Шань. Материалы по истории фауны и флоры Казахстана, т. IV, 1963, стр. 165—175.

Несколько позже, в 1961 г., во время разведки восточнее Танирказгана нами были выделены аналогичные нижнепалеолитические местонахождения, такие, как Ак-Куль, Кемер I, II, III и Кзылрысбек. Последние три более позднего возраста, чем две первые.

В том же году А. Г. Медоевым в Северном Прибалхашье, Чингизских горах были найдены каменные орудия сибирского палеолита³⁷. В последующие годы поступления каменных орудий продолжали расти как за счет сборов геологов, так и сборов зоологов противочумной станции Гурьевской области.

В 1962 г. автор обнаружил нижнепалеолитическое местонахождение Казангап³⁸, расположенное на правом берегу низовья р. Чу.

В заключение мы можем отметить, что отдельные находки, целые коллекции и сборы представляют огромный научный интерес, особенно материал, накопленный в результате исследований последних лет, когда было открыто и зафиксировано немало памятников каменного века Казахстана. Еще многое будет обнаружено, и памятники этого далекого прошлого Казахстана и Средней Азии ждут своего исследователя. Изучение их лишь начинается, и, возможно, оно принесет много неожиданного и интересного в вопросе установления возраста палеолита и увязки его с отложениями антропогена Казахстана.

---

³⁷ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. «Известия АН КазССР, серия общ. наук», 1964, вып. 6, стр. 90—98; его же. Об истоках древнего палеолита Сары-Арка. «Известия АН КазССР, серия общ. наук», 1965, вып. 4, стр. 69—81.

³⁸ Х. Алпысбаев, Н. Н. Костенко. Значение палеолита для расчленения антропогеновых отложений. Сб. «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1969.

Л. А. ЧАЛАЯ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА КАЗАХСТАНА

Первые научные данные о неолите Казахстана были получены уже в первом десятилетии нашего века. Как известно, в дореволуционное время археологические памятники Казахстана, тем более каменного века, исследовались очень слабо. Здесь следует отметить работы Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества и любителей-краеведов г. Семипалатинска. Этим отделом были организованы специальные поездки для сборов сведений о древностях и описания памятников. Большими энтузиастами были А. Белослюдов и Ф. Н. Педашенко. В 1903 г. Ф. Н. Педашенко собрал интересную коллекцию вещей в окрестностях города, в том числе 72 предмета из камня¹. Среди членов известной Оренбургской архивной комиссии необходимо указать на деятельность И. А. Кастанье, который в своей работе дает и обзор памятников каменного века, обнаруженных в Северном Приарале². Интересны также случайные сборы каменных орудий неолита в районе форта Шевченко на мысе Долгом (Мангышлак) и т. д.

Систематическое исследование этой территории началось лишь в годы Советской власти. Однако в то время, как археология Казахстана достигла крупных успехов в изучении палеолита, бронзового века и последующих культур³, эпоха неолита изучалась недостаточно. Очень характерно, что большинство данных о неолите получены попутно в ходе других исследований.

¹ Ф. Н. Педашенко. Об археологических находках в окрестностях города Семипалатинска. «Записки Семипалатинского подотдела ЗСО РГО», 1912, кн. 6, стр. 52—53.

² И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. «Труды Оренбургской архивной комиссии», 1910, вып. 22, стр. 172.

³ К. А. Акишев. Основные научные итоги археологических исследований в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1963, № 4, стр. 90—96.

Так, в 1926 г. М. П. Грязнов и М. Н. Комарова обнаружили в Северо-Западном Казахстане наряду с андроновскими памятниками (ими они занимались специально) стоянки эпохи неолита. П. Драверт описал грот с писаницами на озере Жасыбай и собрал на его восточном берегу коллекцию нуклеусов, ножевидных пластинок, наконечников стрел, скребков⁴. В 1932—1933 гг. экспедицией ГАИМКа было положено начало исследований древностей Центрального Казахстана; ее сотрудники собрали каменные орудия в районе совхоза «Гигант» Карагандинской области⁵. Одновременно ГАИМК организовал экспедицию в район строительства южноуральских ГЭС; в процессе работ были выявлены энеолитические стоянки⁶. Ряд стоянок каменного века открыл в пустыне Бетпак-Дала ее известный исследователь В. А. Селевин⁷. Большую коллекцию каменных орудий собрал около Джезказгана Н. В. Валукинский⁸. С 1947 г. под руководством С. С. Черникова работает Восточно-Казахстанская археологическая экспедиция. В результате были выявлены неолитические стоянки у с. Мало-Красноярка и Усть-Нарым. Последняя является одним из наиболее изученных памятников этого периода на территории Казахстана⁹. С 1948 г. проводятся исследования в районе Нижнего Поволжья и прилегающих к нему районов Западного Казахстана, организованные Саратовским университетом, в ходе которых, наряду с материалами эпохи бронзы, выявлены местонахождения неолитического времени¹⁰. В 1944 г. геолог Г. А. Яншин обнаружил крупную энеолитическую стоянку в Северном Приаралье; сборы на ней производились и в последующее время. Несколько статей об этих и других (сборы Б. А. Федоровича) материалах Западного Казахстана (Северное Приаралье) опубликовал А. А. Формозов. Определенный

---

⁴ П. Драверт. Грот с писаницами на озере Джасыбай в окрестностях Баян-Аула. «Известия ЗСО РГО», 1930, т. 7, стр. 233.

⁵ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). «Известия ГАИМК», вып. 110, 1935, стр. 41—42.

⁶ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. «Известия ГАИМК», вып. 110, 1935, стр. 91, 95, 109, 111.

⁷ В. А. Селевин. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Далы. Труды САГУ, Серия XII а. География, вып. 12, Ташкент, 1935, стр. 3—8.

⁸ Н. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. «Известия АН КазССР, серия археологическая», 1948, вып. 1, стр. 33—34.

⁹ Г. Ф. Коробкова. Результаты изучения производственных функций каменных орудий из Усть-Нарыма. В сб.: «Новые методы в археологических исследованиях». М. — Л., 1963, стр. 215—233; е же ж. К вопросу о технике расщепления камня и изготовления орудий (по материалам Усть-Нарыма). МИА, № 131, 1965, стр. 297—307.

¹⁰ И. В. Силицын. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 87—140.

вклад в изучение неолита Казахстана внесли и работы казахстанских археологов ¹¹.

Однако в этой статье не ставится целью представить полную картину истории накопления материалов по неолиту, обнаруженных в разных частях Казахстана. Это уже выполнили составители «Археологической карты Казахстана», сопроводив ее обширной и достаточно полной библиографией ¹². Речь здесь идет об истории развития некоторых научных взглядов о неолите Казахстана, а также теоретических и методических вопросах, связанных с изучением микролитической культурной зоны.

Долгое время не предпринималось никаких попыток в определении своеобразия каменной индустрии неолита Казахстана. Значительный сдвиг произошел с открытием памятников кельтеминарской культуры в Северном Приаралье, которые А. А. Формозов относит к ее позднему этапу ¹³.

В 1948 г. С. С. Черников попытался выделить в Казахстане неолитическую культуру с характерной микролитовидной индустрией и предложил назвать ее «тургайской» ¹⁴. Большую полемику вызвали публикации А. А. Формозова (1945—1961 гг.). Он вполне обоснованно высказался против термина «тургайская» культура, считая, что под ним искусственно объединяются различные памятники, но вместе с тем сам выделил три «региональные» группы поздненеолитических стоянок — семипалатинскую, южноуральскую, приаральскую ¹⁵.

По мнению А. А. Формозова, для семипалатинской группы стоянок в типологическом отношении характерны прежде всего наконецники стрел с двусторонней обработкой. Они имеют очертание равно-

¹¹ А. Х. Маргулан, Е. И. Агеева. Археологические работы и находки на территории КазССР (с 1926 по 1946 г.). «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1948, вып. 1, стр. 125—135; А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР, серия археолог.», 1951, вып. 3, стр. 17—22; К. А. Акишев, Н. М. Владимиров, С. М. Мухамеджанов. Находки орудий труда древнего человека в Северном Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1955, № 5, стр. 61—65; К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 3—31; Т. Н. Сенигова. Отчет о работе Зап.-Каз. археологической экспедиции в 1953 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1, 1956, стр. 140—159; Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959, стр. 32—58.

¹² «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960.

¹³ Интерес к неолиту Казахстана возрос в связи с успехами в изучении андроновской культуры. Перед ее исследователями встали вопросы генезиса этой и других культур эпохи бронзы данного ареала.

¹⁴ С. И. Капошина. Пленум ЛОИМК по археологии Средней Азии. ВДИ, 1948, № 4, стр. 168.

¹⁵ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, 1951, стр. 3—18.

бедренного треугольника и легкую выемку в основании. Наиболее характерной формой наконечника, не встречающейся, по его утверждению, ни на севере, ни на западе Казахстана, является листовидная короткая с очень широким основанием и выемкой. Преобладают вкладыши на пластинках. Скрепки в основном на отщепах и скребла с крутым рабочим краем. Подобные скребла не обнаружены на западе Казахстана. Керамика чаще всего имеет орнамент в виде желобков с углублениями внутри, нанесенный путем прочерчивания палочкой с нажимом через определенные промежутки. Эта группа памятников тяготеет к «сибирскому кругу культур».

Останавливаясь на южноуральской группе, А. А. Формозов подчеркивает, что на ее стоянках основным полуфабрикатом для орудий служили не пластины, а отщепы, т. е. он берет за основу уже не типологический, а технический признак. Из пластин изготовляли подтреугольные наконечники стрел с пильчатой краевой ретушью. Большая часть скребков — из отщепов. На Кустанайских стоянках орудия сделаны как из пластин, так и из отщепов: из первых — подтреугольные наконечники с пильчатой ретушью, вкладыши с притупленной спинкой и концевые скрепки; из вторых — скрепки и остроконечники. Наконечники стрел с выемкой в основании и двусторонней ретушью, отличающиеся от кельтеминарских бóльшей вытянутостью.

Инвентарь стоянок Северного Приаралья характеризуется пластинами с притупленной спинкой, концевыми скребками, режущими остриями и проколами на пластинах, резами на углах сломанных пластинок, трапециями, коническими нуклеусами. Наконечники стрел листовидные с выемкой в основании и обработанные двусторонней ретушью. Имеются и наконечники асимметричные с боковой выемкой. Керамические сосуды полуяйцевидной формы, украшены гребенчатым нарезным штампом, отгисками качалки или прямыми и волнистыми линиями, располагающимися под самым венчиком. Керамика со стоянки Саксаульская имеет более поздние признаки. На этом этапе здесь появляется скотоводство¹⁶.

Помимо материалов, что опубликованы по Северному Приаралю, а также плато Устюрт, Кустанайской области и т. д.¹⁷, им была проведена работа по интерпретации в культурно-историческом и этническо-хозяйственном планах и других доступных ему материалов.

¹⁶ Там же, стр. 5—7.

¹⁷ А. А. Формозов. Памятники древности Наурзумского заповедника. «Вестник КазФАН СССР», 1946, № 4, стр. 30—32; его же. Энеолитические стоянки в Кустанайской области и их связь с ландшафтом. «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1950, № 15, стр. 64—75; его же. Древности с Усть-Урта. «Вестник АН КазССР», 1947, № 7, стр. 59—61.

Локализация А. А. Формозовым этих трех «региональных» групп поздненеолитических стоянок вызвала возражения многих археологов. В частности, В. Н. Чернецов считает данное выделение неправильным из-за одновременности сравниваемых материалов. Вместе с тем, он говорит, что на широких лесостепных и степных пространствах Казахстана, Зауралья, Приуралья в течение неолита и энеолита, т. е. в конце IV—III и начале II тыс. до н. э. существовали очень близкие между собой культуры, которые были генетически родственными локальными вариантами единой культурно-этнической общности. Для ранних же этапов на севере эти культуры характеризуются микролитической техникой ножевидных пластинок, наконечники стрел в основном с односторонней обработкой. Типичной формой наконечника являются «асимметричные с боковой выемкой, которые позже как будто полностью исчезают». В степных и лесостепных памятниках микролитоидность кремневой техники сохраняется относительно дольше¹⁸.

С мнением В. Н. Чернецова о существовании на территории Казахстана единой культурно-этнической общности, сложившейся в конце IV тыс. до н. э., соглашается С. С. Черников, который утверждает, что на всей этой территории совершенно не прослеживаются такие резкие границы между неолитическими культурами, как, например, между культурами расписной керамики и таежным неолитом. Но в то же время считает возможным выделить среди этой культурно-этнической общности локальные варианты¹⁹. В связи же с открытием Усть-Нарыма С. С. Черников говорит о существовании новой неолитической культуры неизвестного до сих пор облика²⁰.

Дальнейшее исследование пустынных и полупустынных зон Казахстана и накопление значительного материала микролитического характера позволило археологам выделить на данной территории культуры микролитов.

Еще П. П. Ефименко указывал на распространение в Нижнем Поволжье и далее в Киргизской (Казахской.— Л. Ч.) степи на песчаных побережьях рек и озер или у родников стоянок каменного века с кремневыми орудиями «весьма малых размеров»²¹.

¹⁸ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953, стр. 59.

¹⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, № 88, 1960, стр. 108.

²⁰ С. С. Черников. Работы Восточно-Казахстанской экспедиции в 1956 г. КСИИМК, вып. 73, 1959, стр. 100.

²¹ П. П. Ефименко. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках ранне-неолитического возраста. «Русский антропологический журнал», т. 13, вып. 3—4, 1924, стр. 211—227.

Позднее А. П. Окладников определил, что восточноуральская культура неолита и ранней бронзы в Казахстане незаметно переходит в микролитическую степную культуру, уходящую в Заволжье, а еще южнее обнаруживает близкую связь с кельтеминарской культурой в низовьях реки Аму-Дарьи²².

В «Истории Казахской ССР» говорится о небольших размерах каменных орудий в Казахстане как об одной из характерных особенностей эпохи неолита и что подобные орудия распространены на обширных пространствах Средней Азии, Монголии и юге Восточной Европы²³.

Специальная работа по вопросу о «единой микролитической зоне Азии» опубликована А. А. Формозовым²⁴. Однако в статье дается лишь ее общая характеристика, а из казахстанских материалов рассматривается главным образом североприуральский.

Первым опытом анализа культуры микролитов Казахстана являются работы А. Г. Медоева²⁵. Согласно его данным, культура микролитов не имеет источника в позднем палеолите Центрального Казахстана и между ними существует своего рода «хиатус». На основе геологического, геоморфологического и палеогеографического изучения стоянок ледниковой и послеледниковой эпох Сары-Арка (казахское название Центрального Казахстана) он объясняет, почему здесь не совпадает топография позднепалеолитических и неолитических стоянок (первые сосредоточены на террасах сухих долин, вторые — на шлейфах конусов выноса и родников), а также причины открытых и ископаемых условий залегания каменного инвентаря на стоянках. Им специально рассмотрен вопрос о сырьевых ресурсах палеолитических и микролитических каменных индустрий этого района и установлены причины перемены источников и видов каменного сырья в неолите (культура микролитов) в сравнении с палеолитическими культурами²⁶.

Таковы некоторые итоги истории развития и формирования научных взглядов о неолите Казахстана. Имеются еще публикации,

---

²² А. П. Окладников. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири (тезисы). Доклады научных конференций Молотовского государственного университета, вып. 1—4, 1948, стр. 19—20.

²³ «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 16—20.

²⁴ А. А. Формозов. Микролитические памятники азиатской части СССР, стр. 49—57.

²⁵ А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка в свете новейших исследований. «Известия АН КазССР, серия общественных наук», 1964, вып. 6, стр. 90—98; его же. Топография стоянок каменного века в Северном Прибалхашье. «Вестник АН КазССР», 1965, № 5, стр. 85—86.

²⁶ А. Г. Медоев. Топография стоянок каменного века..., стр. 88.

которые отражают очередные сборы, но не затрагивают теоретических вопросов²⁷.

О существовании трех групп стоянок — семипалатинская, южноуральская, приаральская, выделенных А. А. Формозовым, не может быть и речи, так как их анализ проведен на произвольной, а главное, неоднородной основе, в которой нет четкого разграничения технических и типологических составляющих комплексов каменной индустрии.

Вопрос о единой культурно-этнической общности неолита Казахстана остается открытым. С. С. Черников, в общем не отрицая вероятности ее существования, говорит, что неолитическая культура Казахстана с самого начала не была единой по происхождению, формам хозяйства и материальной культуре; однако развитие в сходных природных условиях в течение длительного времени привело к тому, что различия между отдельными племенами сглаживались и создавались предпосылки для культурной и этнической общности, столь ярко выявившейся в андроновских памятниках²⁸. Безусловно, такие возможности возникли в конце неолита и энеолите. Вполне вероятно, что в неолите существовала культурно-хозяйственная общность. Для сложения этнической общности, как это принято считать в этнографии, требуется группа родственных племен, живущих на смежных территориях и обладающих многими общими особенностями культуры²⁹. А. А. Формозов, утверждая, что культура микролитов — «особое явление в каменном веке Азии», в то же время считает, что она не выражает этнического единства и связана лишь особенностью природного окружения или своеобразия хозяйства населения³⁰.

Материалы этой культуры с территории Казахстана, изученные автором, свидетельствуют, что она не представляет собой единства, вследствие чего возникает необходимость выделения в ней трех, а возможно и более вариантов. Л. Я. Крижевская правильно считает, что «на территории Казахстана, так же как и в республиках Средней Азии, все более определенно вырисовываются микролитические культуры с их яркой и своеобразной индустрией. И в то же время становится ясно, что сама пластинчатая индустрия, распространенная на

²⁷ Например: В. Ф. Петручье. Неолитические находки в районе Байконура и реки Тамды. Труды ИИАЭ, т. 1. Археология, 1956, стр. 172—182; М. И. К л а п ч у к. Археологические находки в Карагандинской области в 1962 г. СА, 1965, № 2, стр. 212—217.

²⁸ С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 108.

²⁹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 3—17.

³⁰ А. А. Формозов. Микролитические памятники..., стр. 52; его же. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком. СА, 1957, № 4, стр. 74; его же. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке. М., 1959, стр. 14.

большой территории, далеко не однородна и можно выделить ее локальные варианты»³¹. При этом надо учесть трудность изучения неолитических материалов с территории Казахстана, обусловленную отсутствием в большинстве случаев керамики. Племена культуры микролитов; населявшие зону сухих степей и пустынь Казахстана, имея в основе своего хозяйства охоту, вели подвижный образ жизни. Они оставили у родников, а в некоторых случаях на террасах долин, следы многочисленных временных стоянок. Этот образ жизни является ключом к объяснению многих явлений. Например, отсутствие в материале большинства стоянок остатков посуды из обожженной глины. «Орудия и керамика, свойственные одному веку (или периоду) или какой-то одной местности, могут не найти признания или остаться неизвестными в другом веке или в другой местности»³².

Прежде чем перейти к рассмотрению вариантов культуры микролитов, необходимо остановиться на самом термине «культура микролитов». Различное его толкование затрудняет исследование неолитических материалов Казахстана.

Существует довольно устойчивая тенденция относить к культуре микролитов те комплексы каменных индустрий, в составе которых имеются образцы изделий строгих геометрических очертаний, игнорируя то обстоятельство, что собственно геометрические микролиты нередко встречаются в комплексах с крупными орудиями и совершенно отсутствуют там, где нет ни малейшего намека на наличие крупных заготовок и орудий и, что еще важнее, нуклеусов сколь угодно значительных размеров (5—6 см — максимальная высота!).

Определенную роль в уяснении этого термина сыграла точка зрения А. А. Формозова. Он считает, что для стоянок степной и пустынной зоны Азии характерным являются не мелкие орудия (маленькие срудия можно найти везде), а высокосовершенная специализированная техника их выделки, при которой почти все орудия изготовлялись из ножевидных пластинок, а не из отщепов. Причем двусторонняя обработка применялась редко. Наиболее распространены пластинки длиной 7—10 см и шириной 0,5 см³³.

Подобной точки зрения придерживается и А. В. Виноградов. За основу микролитической техники он принимает совершенную пластинчатую индустрию, при которой большинство орудий изготовлялось из ножевидных пластин. Другим, не менее важным признаком для него является техника расщепления пластины на части и использо-

³¹ Л. Я. Крижевская. Неолит Южного Урала. Л., 1968, стр. 112.^к

³² С. К. Дикшиг. Введение в археологию. М., 1960, стр. 246.

³³ А. А. Формозов. Микролитические памятники азиатской части СССР, стр. 50.

вание сечений с дополнительной обработкой или без обработки. В таком понимании микролитическая техника предполагает высокий уровень развития вкладышевой техники; форма и степень совершенства последней могут быть различными и зависят от многих причин (местной технической традиции, уровня обработки камня и др.)³⁴.

В связи с этим, возможно ли, например, отнесение к культуре микролитов карабагского комплекса, для которого характерны заготовки в виде крупных призматических пластин удлинённых пропорций и в меньшей степени микропластинок с притупленной спинкой и скошенным концом³⁵. Нельзя не согласиться с А. А. Формозовым и А. В. Виноградовым в том, что данной культуре действительно присуща «высокосовершенная и высокоспециализированная техника», но в то же время нельзя не учитывать виды сколов-заготовок и размеры орудий, сделанных из них. Необходимо обратить внимание на соотношение размеров в конечном итоге между первоначальной заготовкой и орудием или деталями орудий в различных комплексах культуры микролитов. «Путем уменьшения размеров самих изделий (микролитизации) человек получил способы, позволяющие эксплуатировать всякий, даже случайный материал в виде мелких речных галек разных пород и минералов, встречавшихся на пути передвижения и заселения новых территорий»³⁶. Но это не было «самоцелью» микролитизации. Безусловно, маленькие орудия можно найти везде, но их размеры должны учитываться в сочетании с размерами их сколов-заготовок, а главное самих нуклеусов, с которых последние были сняты. Говоря о микролитических компонентах в африканских культурах, А. Алиман имеет в виду прежде всего орудия мелких размеров, а не «высокосовершенную и высокоспециализированную технику»³⁷.

Наличие в коллекциях изделий из отщепов и двустороннеобработанных орудий нельзя считать «универсальными» элементами позднего времени³⁸, ибо подобные вещи встречаются еще в позднем палеолите и отражают определенные традиции каменных индустрий.

³⁴ А. В. Виноградов. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968, стр. 161.

³⁵ Г. Ф. Коробкова. Культура Средней Азии эпохи мезолита и неолита. Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии (1—7 апреля 1968 г.) Л., 1968, стр. 17.

Возможно, уместнее здесь говорить о некоторых элементах микролитического характера?

³⁶ С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968, стр. 84.

³⁷ А. Алиман. Доисторическая Африка. М., 1960, стр. 186—187 и др.

³⁸ А. В. Виноградов. Неолит Устюрта. В сб.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 70.

стрий³⁹. Не говоря уже о том, что в определенных комплексах они отсутствуют вне зависимости от возраста.

На большинстве неолитических стоянок Казахстана представлены срединные и концевые части пластин отдельно. Срединные части, иногда с ретушью, чаще без нее, с острыми продольными краями. Они изготовлялись техникой сечения, когда у пластин, изогнутых в профиль, удалялись концевые части, а срединные фрагменты, как более качественные, имеющие прямой профиль, служили вкладышами. Но, несмотря на существование значительного количества пластинок, орудия (скребки различных типов, резцы, проколки и т. д.) в подавляющем большинстве изготовлялись из специальных мелких отщепов⁴⁰.

О собственно микролитической культуре можно говорить, основываясь на миниатюрных размерах технических слагаемых: заготовки нуклеусов и сами нуклеусы, сколы-заготовки — пластины, пластинки и отщепы, и типологических слагаемых: орудия и детали составных орудий из сколов-заготовок определенного комплекса каменной индустрии, при полном отсутствии макролитических форм. При наличии в комплексе последних его следует считать микро-макролитическим⁴¹.

Оперируя данными анализа технических и типологических элементов, можно выделить среди различных микролитических комплексов Казахстана варианты с пластинчатой индустрией (Северное Приаралье), отщеповой⁴² и сочетанием первой и второй, где доминируют орудия из отщепов⁴³.

Сказанное не исключает возможности выделения и других вариантов, которые могут быть выявлены в процессе дальнейших исследований памятников неолита в Казахстане.

³⁹ А. П. Черныш. О номенклатуре позднепалеолитических орудий. КСИМК, вып. 111, 1967, стр. 9, рис. 3, 70, 71.

⁴⁰ А. Г. Медоев. Новые материалы по каменному веку Северного Приаралья и хребта Чингиз. «Вестник АН КазССР», 1962, № 3, стр. 87; его же. Каменный век Сары-Арка..., стр. 95, 96.

⁴¹ К какой эпохе он будет относиться, это уже другой вопрос (мезолит, неолит, энеолит). См.: А. П. Окладников. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия). МИА, № 126, 1965, стр. 212—223; его же. Древние связи культур Сибири и Средней Азии. В сб.: «Вахрушинские чтения 1966 г.», вып. 1. Новосибирск, 1968, стр. 154—156.

⁴² А. Г. Медоев. Каменный век Сары-Арка..., стр. 95—96.

⁴³ Л. А. Чалай. К вопросу о культуре микролитов эпохи неолита в бассейне реки Каратургай. В сб.: «Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана». Алма-Ата, 1965, стр. 192—195.

ЧЕРЕПА ИЗ КУРГАНОВ С КАМЕННЫМИ ВЫКЛАДКАМИ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КАЗАХСТАН)

На территории Казахстана среди памятников сако-усуньского времени встречаются своеобразные погребальные сооружения, которые условно принято называть курганы с «усаами» (каменными выкладками)¹. Исследователями установлено, что этот тип памятника состоит из трех элементов искусственных сооружений: большого кургана с погребением человека, малого с захоронением коня и глиняного сосуда и каменных гряд, построенных из обломков плит в виде сомкнутой цепочки ящичков или колец².

В Казахстане область распространения курганов с каменными выкладками простирается с севера до Таласского района Джамбулской области на юге. Рассматриваемые погребальные сооружения сконцентрированы главным образом в центральной части Казахстана. На этом основании М. К. Кадырбаев считает, что эта область была центром формирования племен так называемой тасмолинской культуры. За пределами Казахстана курганы с аналогичными погребальными сооружениями известны лишь в Калмыцкой АССР³.

Археологические материалы из курганов с каменными выкладками свидетельствуют, что эти своеобразные памятники кочевых

---

¹ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. «Советская археология», 1936, № 1; И. В. Сеницын. Памятники предскифской эпохи. «Советская археология», 1948, № 10; М. К. Кадырбаев. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области. «Вестник АН КазССР», 1959, № 7 (в дальнейшем: М. К. Кадырбаев, 1959 а); его же. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана. Автореферат. Алма-Ата, 1959 (в дальнейшем: М. К. Кадырбаев, 1959 б).

² М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: «Древняя культура Центрального Казахстана». Алма-Ата, 1966 (в дальнейшем: М. К. Кадырбаев, 1966).

³ П. С. Рыков. Указ. работа.

племен Казахстана возникли довольно рано и бытовали очень долго, т. е. их абсолютный хронологический возраст охватывает период VII в. до н. э.—V в. н. э.⁴ Также установлено, что традиция возведения этих курганов была очень устойчивой, за протяжении всего периода их существования они почти не изменились. Материальная культура рассматриваемых племен Центрального Казахстана, по мнению М. К. Кадырбаева, генетически связана с местными племенами андроновской культуры Казахстана и по существу является продуктом ее дальнейшего развития⁵. Что касается связей племен, захороненных в курганах с каменными выкладками, то археологические данные указывают, что они по культуре были больше всего близки к синхронным племенам Алтая и Южной Сибири, обнаруживают они также много общего со скифами южной части степной полосы Восточной Европы⁶.

Весь комплекс археологических материалов, собранных за последние годы из курганов с каменными выкладками, раскрывает перед нами чрезвычайно интересную картину богатого исторического прошлого древних племен Казахстана в эпоху ранних кочевников.

В этой связи первостепенный интерес представляют антропологические материалы из описываемых памятников. К сожалению, они малочисленны и фрагментарны. За время экспедиций (с 1927 по 1964 г. раскопано более 100 курганов с «усами») найдено лишь 7 черепов, более или менее пригодных для антропологического исследования. Это объясняется тем, что большинство курганов ограблено еще в древности. Следовательно, в ближайшее время количество костных остатков из курганов с каменными выкладками вряд ли возрастет.

Изученные нами материалы происходят из различных районов Центрального Казахстана и хронологически разновременны. Наиболее ранним является череп из 19 кургана могильника Тасмола (Павлодарская область, Куйбышевский район), который относится к VII—VI вв. до н. э. Два черепа из могильника Карабие (Карагандинская область, Коунрадский район) датируются несколько более поздним периодом — V—III вв. до н. э. К тому же времени относятся черепа из могильников Ельшибек (Карагандинская область, Шетский район) и у р. Нургай, группа В, курган 16 (Карагандинская область, Коунрадский район). III—I вв. до н. э. датируется череп из кургана 4, расположенного в 3 км к югу от могильника Егиз-Койтас (Кара-

⁴ М. К. Кадырбаев. 1958; 1959 а, 1959 б; его же. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, 1959 (в дальнейшем: М. К. Кадырбаев, 1959 в).

⁵ М. К. Кадырбаев. 1959 а; 1959 б; 1959 в; 1966.

⁶ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, вып. 61, 1956; М. К. Кадырбаев, 1958; 1959 а; 1959 б; 1959 в; 1962; 1966.

гандинская область, Коунрадский район). Самым поздним (IV—V вв. н. э.) является череп из 19 кургана, группа А у р. Нуртай.

Всего исследовано семь черепов (три мужских, два женских и два детских).

Череп из курганов с каменными выкладками переданы в Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде, где зарегистрированы за № 6501.

В таблице 1 приведены индивидуальные размеры, в таблице 2—средние значения изученных черепов и их сравнительная характеристика.

Дадим индивидуальное описание черепов из курганов с каменными выкладками (табл. 1).

Могильник Тасмола I. Курган 19 (табл. 1, рис. 1). Сохранились только лицевая часть с частично поврежденной нижней челюстью и фрагменты затылочной кости. Череп принадлежал женщине

возмужалого возраста (зубы стертые очень слабо, сохранность их хорошая). Мозговая коробка довольно грацильная, по-видимому, средних размеров, мезо-брахикранного типа. Лоб средненаклонный, его наименьшая ширина стоит на нижней границе малых величин. Надпереносье и надбровные дуги развиты слабо. Судя по фрагментам, затылок имел округлую форму. Верхняя выйная линия мало выражена. Лицо высокое и широкое, мезогнатное по указателю, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости, со средневыступающими скуловыми костями, слабо выраженной клыковой ямкой. Нос выступает средне, высокий; грушевидное отверстие широкое и его нижний край антропинной формы. Выступление передней носовой ости слабое. Орбиты средневысокие, округлой формы. Нижняя челюсть довольно массивная со значительно выраженным рельефом, слабо выступающим подбородком, высокой, но широкой ветвью; вырезка, по-видимому, среднеглубокая. Череп имеет смешанный облик.

Могильник на р. Нуртай, группа А. Курган 16 (табл. 1). Череп с нижней челюстью. Он несколько поврежден. Разрушены носовые косточки, большая часть левой височной кости, основание черепа и часть левой скуловой кости. Значительно повреждена левая ветвь нижней челюсти. Череп принадлежал, несомненно, мужчине зрелого

Рис. 1.

возраста, хотя произошла облитерация всех черепных швов, но зубы стертые относительно мало и прекрасно сохранились. Череп довольно крупных размеров, но грацильный со слабо развитым рельефом. Мозговая коробка высокая, эллипсоидной формы, долихокранного типа. Лоб среднеширокий, слабонаклонный. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Затылок угловатый; выступает сильно. Наружный затылочный бугор умеренный, но сосцевидные отростки довольно крупных размеров. Лицо умеренной высоты и средней ширины, ортогнатное, резко профилированное в горизонтальной плоскости, со слабо выдающимися скуловыми костями, среднеуглубленной клыковой ямкой. Корень носа значительно западает, по-видимому, носовые кости выступали значительно; высота носа средняя, грушевидное отверстие среднеширокое и его нижний край антропной формы. Передняя носовая ось выступает средне. Орбиты низкие, прямоугольной формы. Нижняя челюсть крупных размеров, массивная, с хорошо выраженным рельефом, резко выступающим подбородком, с высокой, широкой ветвью и глубокой вырезкой. Череп европеоидный.

Группа Б, курган 19 (табл. 1, рис. 2). Череп с нижней челюстью. Сохранность его относительно хорошая, разрушены лишь основание черепа и левая скуловая кость. Череп принадлежал женщине, судя по состоянию облитерации черепных швов и стертости зубов, на границе возмужалого и зрелого возраста. Череп средних размеров, грацильный, с очень слабо выраженным рельефом. Мозговая коробка высокая, пентагоноидной формы, мезокранного типа. Лоб довольно широкий, но прямой. Надпереносье и надбровные дуги слабо развиты. Затылок средневыступающий, округлой формы. Верхняя выйная линия выражена очень слабо. Сосцевидный отросток мало развит. Лицо широкое и очень высокое, мезогнатное как по указателю, так и по углу, средневыступающее в горизонтальной плоскости, со средневыраженными скуловыми костями, слабо углубленной клыковой ямкой. Нос средневыступающий, по высоте относится к категории высоких, грушевидное отверстие среднеширокое и его нижний край антропной формы. Передняя носовая ось слабо развита. Орбиты высокие, округлой формы. Нижняя челюсть грацильная со средневыраженным рельефом, умеренно выступающим подбородком, низкой, но широкой ветвью, со среднеглубокой вырезкой. Череп смешанного типа. По ряду признаков он сближается с женским черепом из могильника Тасмола I (курган 19).

Могильник Ельшибек, курган 2 (табл. 1). Сохранился череп с нижней челюстью. Он сильно поврежден (разрушена правая глазница, сломана правая скуловая кость). Черепная крышка несколько де-

формирована после смерти. Череп принадлежал мужчине старческого возраста, так как полностью зарощены все швы черепной коробки и сильно стертые зубы (верхние премоляры и моляры утеряны при жизни, альвеолярный край атрофирован). Мозговая коробка очень крупных размеров, массивная, с довольно резко выраженным рельефом. Черепная крышка высокая по абсолютным размерам, очень широкая, сфеноидной формы, резко брахикранная. Лоб очень широкий, наклон лба значительно покатый. Надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Затылок очень широкий, слабо выступающий, менее округлой формы. Верхняя выйная линия значительно выражена. Лицо высокое и очень широкое, ортогнатное, среднепрофилированное в гори-

Рис. 2.

зонтальной плоскости, со средневыступающими скуловыми костями, умеренно углубленной клыковой ямкой. Нос средневыступающий; особенно обращает на себя внимание массивность носовых костей. Симотическая ширина очень большая (15,2 мм). Нос высокий и широкий, хамэринный по указателю. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Орбиты низкие, прямоугольной формы. Нижняя челюсть средних размеров, с умеренно выраженным рельефом, средневыступающим подбородком, низкой, но широкой ветвью, неглубокой вырезкой. Череп европеоидного типа.

Могильник Карабие, курган 1 (табл. 1, рис. 3). Череп с нижней челюстью. Прекрасной сохранности, принадлежал мужчине. Возраст по степени облитерации черепных швов старческий, но сохранность и состояние зубов указывает на смерть в более раннем возрасте. Череп довольно крупных размеров, массивный, с хорошо развитым рельефом. Мозговая коробка высокая, овоидной формы, брахикранного типа, с широким и близким к прямому лбом, резко выраженными надпереносьем и надбровными дугами. Затылок умеренно выступающий, округлой формы. Верхняя выйная линия значительно выра-

жена. Сосцевидные отростки массивные. Лицо по ширине стоит на верхней границе средних величин, средневысокое, ортогнатное, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости, со средневыступающими скуловыми костями, с умеренно углубленной клыковой ямкой. Нос средневыступающий, широкий, средневысокий, хамэринный по указателю. Нижний край грушевидного отверстия антропной формы. Передняя носовая ость выступает средне. Орбиты низкие, прямоугольной формы. Нижняя челюсть крупных размеров, массивная, с хорошо выраженным рельефом, резко выступающим подбородком, ветвь средней высоты и ширины, с глубокой вырезкой. Череп европеоидный.

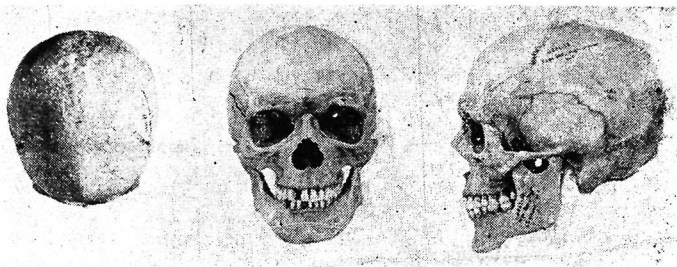

Рис. 3.

Этот череп интересен еще и тем, что на нем имеются следы трепанации в виде нескольких отверстий на левой стороне черепной крышки между теменной и затылочной костями. Подробное ее описание было дано нами в совместной работе с П. Боевым⁷. Уместно напомнить о втором трепанированном черепе, который был добыт в 1951 г. Центрально-Казахстанской археологической экспедицией в горной долине Сарша, в местности Бес-Оба Шетского района, Карагандинской области. По мнению М. К. Кадырбаева, этот череп предположительно относится к сакскому времени⁸. Основанием служит находка двух плоскоцилиндрических шестигранных бус, которые по своей форме сходны с бусами, найденными А. Н. Вернштамом

⁷ П. Боев, О. Исмагулов. Трепанированный череп из Казахской ССР. «Советская этнография», 1961, № 2.

⁸ М. К. Кадырбаев, 1958.

Таблица 1

Индивидуальные измерения черепов из курганов с каменными выкладками
Центрального Казахстана

№ по Маргину	Признак	Коллекционный № МАЭ	6501—1	6501—6	6501—2	6501—3	6501—7
		Местность	Тасмола 1, к. 19	Р. Нур- тай, гр. А, к. 16	Ельши- бек, к. 2	Карабие, к. 1	Р. Нур- тай, гр. Б, к. 19
		Датировка	VII—VI вв. до н. э.	V—III вв. до н. э.	V—III вв. до н. э.	V—III вв. до н. э.	IV—V вв. н. э.—
		Пол	Ж	М	М	М	Ж
		Возраст	Ad.	Mat.	Sen.	Ad.—Mat.	Ad.—Mat
1	2	3	4	5	6	7	
1	Продольный диаметр	—	188	—	178	181	
8	Поперечный диаметр	—	—	—	148	140	
17	Высотный диаметр (от базио- на)	—	—	—	135	—	
20	Высотный диаметр (от порио- на)	—	—	—	117	116	
5	Длина основания черепа	—	—	—	100	—	
9	Наименьшая ширина лба	86	96	111	101	98	
10	Наибольшая ширина лба	—	123	—	127	122	
11	Биаурикулярная ширина	—	—	140	133	129	
23	Горизонтальная окружность	—	—	—	525	509	
24	Поперечная дуга (рo—er—рo)	—	325?	357?	332	320	
25	Сагитальная дуга	—	380	—	372	368	
	Высота изгиба лобной кости	—	24	—	26	27	
	Высота изгиба затылочной ко- сти	—	31	—	27	28	
7	Длина затылочного отверстия	—	—	33	38	—	
16	Ширина затылочного отверс- тия	—	—	27	31	—	
8:1	Черепной указатель	—	—	—	83,1	77,3	
17:1	Высотно - продольный указа- тель	—	—	—	76,8	—	
17:8	Высотно - поперечный указа- тель	—	—	—	91,2	—	
9:10	Лобный указатель	—	78,0	—	79,5	80,3	
16:7	Указатель затылочного отвер- стия	—	—	81,8	81,6	—	
40	Длина основания лица	—	—	—	88	—	
45	Скуловой диаметр	139?	130?	144?	136	132	
48	Верхняя высота лица	72	74	75	70	79	
47	Полная высота лица	115	122	—	120	124	
43	Верхняя ширина лица	104	108	121	108	107	
46	Средняя ширина лица	92	98	—	88	—	

1	2	3	4	5	6	7
	Зиго-максиллярная ширина	91	96	—	90	101
	Выступание субспинальной точки ($zm' - ss - zm'$)	19	25	—	24	24
L zm'	Зиго-максиллярный угол	135	125	121	124	129
43(1)	Впорбитальная ширина	99	102	—	101	95
	Выступание назона над линией ($fmo - fmo$)	17	20?	—	20	16
77	Назо-маллярный угол	142	137?	—	137	143
48:45	Верхний лицевой указатель	51,8?	56,9?	52,1?	51,5	59,8
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	—	—	—	51,8?	—
55	Высота носа	54	49	57	50	52
54	Ширина носа	26	26	32?	28	25
54:55	Носовой указатель	48,1	53,1	56,1?	56,0	48,1
51	Ширина орбиты от mf	41	41?	49	45	42 пр.
51a	Ширина орбиты от d	39	—	44	42	39 пр.
52	Высота орбиты	32	33	33	33	34 пр.
52:51	Орбитный указатель от mf	78,0	80,5?	67,4	73,3	81,1 пр.
52:51a	Орбитный указатель от d	82,0	—	75,0	78,6	87,2 пр.
DC	Дакриальная ширина	20,0	—	—	21,7	21,0
DS	Дакриальная высота	12,8	—	—	11,8	9,0
DS:DC	Дакриальный указатель	64,0	—	—	54,4	42,8
SC	Симотическая ширина	10,1	—	15,2	8,3	8,2
SS	Симотическая высота	4,3	—	5,0	5,3	3,5
SS:SC	Симотический указатель	42,6	—	32,9	63,8	42,7
50	Максиллофронтальная ширина	17,0	—	—	22,0	18,9
MS	Максиллофронтальная высота	7,7	—	—	9,0	5,2
MS:50	Максиллофронтальный указатель	45,3	—	—	40,9	27,4
62	Длина нёба	—	—	—	43	41
63	Ширина нёба	—	38	—	32	41
63:62	Нёбный указатель	—	—	—	74,4	100,0
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	9 пр.	—	—	11	14 пр.
	Ширина изгиба скуловой кости (по Ву)	52 пр.	—	—	55	58 пр.
	Указатель изгиба скуловой кости (по Ву)	17,3	—	—	20,0	24,1
32	Угол профиля лба ($n-m$)	—	—	—	83	85
	Угол профиля лба ($g-m$)	—	—	—	72	79
72	Общий угол лица	—	—	—	90	86
73	Угол средней части лица	—	—	—	91	87
75	Угол носовых костей (к горизонталю)	—	—	—	65	70
75(1)	Угол носовых костей (к линии профиля)	19	—	21	25	16
33(1)	Угол верхней части затылка	—	—	—	95	85

1	2	3	4	5	6	7
33(2)	Угол нижней части затылка	—	—	—	38	29
33(4)	Угол перегиба затылка	—	—	—	133	114
79(1)	Угол подбородка	70	70	—	67	69
65	Мыщелковая ширина	—	—	117	122	114
66	Бигониальная ширина	116	—	106?	106	93
71a	Наименьшая ширина ветви	36	36 пр.	39	36	36
67	Передняя ширина	44	45	50	47	47
69	Высота симфиза	29	35	—	36	36
69(1)	Высота тела	27	34	32	34	32
69(2)	Толщина тела	14	13	13	13	12
	Форма черепной коробки	—	ell.	sphen.	ov.	pent.
	Надпереносье (1—6)	2	3	3	4	2
	Надбровные дуги (1—3)	1	2	2	3	1
	Глубина клыковой ямки (0—4)	1	2	2	2	1
	Глубина левой клыковой ямки, мм	3,2	4,6	2,2	4,5	—
	Глубина правой клыковой ямки, мм	2,0	—	—	6,0	0,5
	Выступление скуловой кости (1—3)	2	1	2	1	1
	Выступление носа (1—3)	2	3	2	3	2
	Нижний край грушевидного отверстия	anth.	anth.	anth.	anth.	anth.
	Передняя носовая ость (1—5)	2	3	3	4	2
	Наружный затылочный бугор (0—5)	—	2	2	3	1
	Сосцевидный отросток (1—3)	—	3	3	3	1
	Высота орбиты (1—3)	2	1	1	1	3

в сакских погребениях Тянь-Шаня⁹. Интересующий нас череп из Бес-Обы принадлежал женщине возмужалого возраста¹⁰. В нем на вечном шве были просверлены симметрично расположенных два круглых отверстия диаметром 8,8—9,5 мм. Расстояние между ними 5,3 см.

Курган 2 (V—III вв. до н. э.). Детский череп с нижней челюстью. Частично повреждена левая скуловая кость, разрушен наружный

⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952.

¹⁰ Этот череп был опубликован В. В. Гинзбургом, но по какому-то недоразумению ошибочно отнесен к курганам с «усами» и обозначен как европеоидный, тогда как он смешанного происхождения с монголоидной примесью. См.: В. В. Гинзбург. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXXIII, 1956, стр. 260—261 (в дальнейшем: В. В. Гинзбург, 1956).

край левой глазницы и сломаны носовые кости. Возраст около одного или полутора лет (большой родничок не заращен, прорезались лишь резцы, первые моляры, клыки только начали прорезываться).

Рис. 4.

Черепная крышка овоидной формы, долихо-мезокранного типа. Затылок выступает резко, угловатой формы. Лицо производит впечатление средневыступающего в горизонтальной плоскости. Корень носа значительно углублен, вероятно, носовые кости выступали средне. Череп, по-видимому, европеоидного облика.

Курган 4, в 3 км к югу от могильника Егиз-Койтас (III—I вв. до н. э.). Череп ребенка около 5—6 лет. Скелет сильно поврежден. Сохранились мозговая коробка, нижняя челюсть и обломок левой верхней челюсти.

Метопический шов не заращен. Затылок вмят с правой стороны после смерти. Имеющаяся часть левой верхней челюсти свидетельствует об умеренной глубине клыковой ямки и средней профилированности лицевого скелета в горизонтальной плоскости. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть очень миниатюрная, со слабо выступающим подбородком, низкой и сравнительно широкой ветвью. Из-за фрагментарности черепа мы не можем судить о его антропологическом типе. Тем не менее этот череп вызывает интерес. Его черепная крышка искусственно деформирована. В результате лобно-теменно-затылочной перетяжки черепная коробка резко вытянута кверху в виде конуса. След повязки наиболее четко выражен на лобной кости, частично на теменной и затылочной костях. Деформация была циркулярного типа.

В целом мужские черепа характеризуются средним продольным (183,0 мм), большим поперечным (148,0 мм) диаметром и соответственно брахикранным черепным указателем (83,1), средневысоким сводом черепной крышки (*ва* — 135,0 мм, *ро* — 117,0 мм), средненаклонным (83,9°), но широким (102,6 мм) лбом, выше среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Затылок средневыступающий, округлой формы. В вертикальной норме мозговая коробка; она разнообразная по форме: эллипсоидная, сфероидная, а также овоидная.

Лицо по высоте и ширине стоит на верхней границе средних категорий (верхняя высота — 73,0 мм, скуловая ширина — 136,6 мм). Высота его, по-видимому, больше тяготеет к большим величинам; о ширине лица судить трудно, но на трех измеренных черепах этот размер от 130 до 144 мм. Серия по верхнелицевому указателю попадает

в категорию средних (53,5). Вертикальный профиль лица в пределах ортогнатии (90°). Горизонтальная профилировка лица, измеренная на двух черепах, очень близка между собой по величине и в среднем (назо-малярный угол — $137,0^\circ$, зигмаксиллярный угол — $124,5^\circ$) укладывается в пределах вариаций европеоидных групп. Глубина клыковой ямки средняя. Выступление скуловых костей слабое.

Выступление носовых костей ниже среднего ($23,0^\circ$), причем симметрическая высота очень большая (5,15 мм), а дакриальная (измерена только на одном черепе) стоит на нижней границе больших величин. Нос средневысокий (52,0 мм) и широкий (27,0 мм), хамэринный по указателю. Нижний край грушевидного отверстия на всех черепах взрослых имеет антропинную форму и лишь на двух детских он инфантильный.

Орбиты низкие (33,0 мм) и очень широкие (от *mf* 45,0 мм), по указателю хамэконхные.

На основании приведенной характеристики определение расовой принадлежности мужских черепов не представляет особой трудности. Весь комплекс признаков позволяет отнести их к европеоидной большой расе. Морфологически они близки к черепах сакоусуньского времени Казахстана и Киргизии.

Два женских черепа характеризуются большой величиной мозговой коробки. Продольный и высотный диаметры их стоят на верхней границе больших величин, а поперечный — на нижней той же категории. Черепной указатель мезокранный. Лоб средненаклонный и среднеширокий, на одном черепе лобная ширина большая (98 мм), на другом, наоборот, малая (86 мм). Надпереносье и надбровные дуги развиты средне. Затылок средневыступающий, округлой формы. Сосцевидные отростки выражены слабо.

Лицо очень высокое (75,5 мм) и широкое (135,5 мм), мезогнатное как по углу, так и по указателю и среднепрофилированное в горизонтальной плоскости. Величины назо-малярного ($142,5^\circ$) и зигмаксиллярного ($132,0^\circ$) углов стоят на границе европеоидной и монголоидной группы. Клыковые ямки неглубокие. Скуловые кости средневыступающие. Выступление носа очень слабое ($17,5^\circ$). Корень носа не западает, хотя дакриальная и симметрическая высоты характеризуются большими размерами. Нос высокий и широкий, мезоринный по указателю. Нижний край грушевидного отверстия имеет антропинную форму. Орбиты широкие (от *d* 41,5 мм), средней высоты и мезоконхные по указателю.

Совокупность расово-диагностических признаков двух женских черепов затрудняет точное определение их расовой принадлежности. Высокое и широкое лицо, а также слабо выступающий нос, несомненно, указывают на присутствие монголоидных признаков. Однако

Сравнение мужских черепов из курганов с каменными

№ по Мартину	Признаки	Этнические группы	Племена эпохи бронзы Казахстана	Ранние кочевники из курганов с «усами»	Саки Восточного Казахстана
		Автор	Комарова Дебеч, Гинзбург, Исмагулов	Исмагулов	Дебеч, Гинзбург
1	Продольный диаметр черепа		185,6(14)	183,0(2)	179,3(15)
8	Поперечный диаметр черепа		141,5(14)	148,0(1)	144,5(15)
17	Высотный диаметр черепа (от базиона)		136,7(9)	135,0(1)	131,0(12)
9	Наименьшая ширина лба		97,3(14)	102,6(3)	98,8(16)
5	Длина основания черепа		104,9(8)	100,0(1)	100,9(12)
8:1	Черепной указатель		76,4(14)	83,1(1)	80,8(15)
40	Длина основания лица		100,8(8)	88,1(1)	97,7(12)
48	Верхняя высота лица		68,8(14)	73,0(3)	70,6(17)
45	Скуловой диаметр		138,0(12)	136,6(3)	138,8(17)
48:45	Верхний лицевой указатель		50,5(12)	53,5(3)	51,0(17)
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель		50,4(8)	51,8(1)	54,2(12)
40:5	Указатель выступления лица		96,1(8)	88,0(1)	96,8(12)
77	Назо-малярный угол		138,1(11)	137,0(2)	142,8(14)
└ zm'	Зигмаксиллярный угол		127,4(12)	124,5(2)	132,4(16)
DC	Дакриальная ширина		21,8(9)	21,7(1)	22,0(14)
DS	Дакриальная высота		13,51(9)	11,8(1)	12,30(13)
SC	Симотическая ширина		9,6(10)	11,7(2)	9,2(15)
SS	Симотическая высота		5,45(10)	5,15(2)	4,23(14)
54	Ширина носа		25,1(14)	27,0(2)	25,8(17)
55	Высота носа		51,1(14)	52,0(3)	51,2(17)
51a	Ширина орбиты от d		40,4(13)	43,0(2)	40,6(17)
52	Высота орбиты		31,8(13)	33,0(3)	33,0(17)
32	Угол наклона лба		86,1(12)	83(1)	80,8(14)
72	Общий угол лица		86,1(12)	90(1)	84,8(14)
75(1)	Угол выступления носа		31,4(13)	23,0(2)	26,8(14)
DS:DC	Дакриальный указатель		62,4(9)	54,4(1)	55,9(13)
SS:SC	Симотический указатель		58,2(10)	48,3(2)	46,2(14)
55:54	Носовой указатель		49,5(14)	54,6(2)	51,0(17)
52:51a	Орбитный указатель от d		79,0(13)	76,8(2)	77,5(17)
	Надпереносье (1—6)		3,27(15)	3,33(3)	3,48(17)
	Глубина клыковой ямки (0—4)		2,44(14)	1,66(3)	1,64(17)

¹ Вычислены из средних данных.

Таблица 2

выкладками Центрального Казахстана с некоторыми мужскими сериями

«Скифы» Алтая (VI—V вв. до н.э.)		Саки Южного Памира	Саки и ранние усуни Тянь-Ша- ня	Тагарцы (2 стадия Ми- нусинского края)	Усуни Семуре- чья	Сарматы Западного Казахстана	Скифы Подне- провья
Горного	Предгор- ного						
Дебец, Алексеев		Гинзбург		Алексеев	Исмагу- лов	Гинзбург, Фирштейн	Дебец
183,8(8)	182,1(9)	187,8(14)	177,8(9)	189,4(83)	182,4(23)	185,6(26)	189,7(42)
147,3(8)	145,0(8)	131,8(14)	145,7(9)	140,3(77)	145,9(24)	145,6(25)	138,3(41)
134,4(3)	135,8(8)	136,4(12)	136,5(6)	136,0(59)	139,1(11)	132,7(10)	136,6(31)
96,9(8)	98,0(9)	92,8(13)	96,1(9)	99,6(85)	98,7(26)	99,6(26)	96,2(41)
103,8(6)	104,5(8)	104,5(11)	103,0(6)	105,5(57)	104,2(11)	104,1(10)	104,5(32)
80,2(8)	79,9(8)	70,2(14)	82,2(9)	74,0(75)	80,3(20)	78,9(25)	73,0 ¹
98,8(6)	103,8(5)	98,5(11)	97,5(6)	102,7(54)	99,6(11)	100,7(10)	98,5(30)
73,7(7)	70,5(6)	73,6(14)	70,9(8)	72,8(73)	73,4(26)	71,5(26)	79,9(39)
141,9(7)	139,4(8)	126,1(12)	136,0(8)	138,0(62)	140,2(26)	138,2(24)	133,9(37)
52,1(7)	50,4(5)	58,2(12)	52,1(8)	52,6(59)	52,7(23)	52,4(23)	52,3 ¹
54,9(7)	51,4(5)	53,8(12)	51,7(6)	53,5(55)	54,4(10)	55,0(10)	51,2 ¹
95,2(6)	98,2(5)	94,2(11)	94,7(6)	97,5(54)	95,9(9)	96,4(10)	94,1 ¹
147,0(8)	139,0(5)	135,9(12)	143,7(6)	140,7(57)	143,5(25)	140,2(26)	137,6(17)
136,5(8)	130,5(4)	124,6(13)	131,0(6)	129,8(42)	130,7(25)	131,4(23)	128,1(15)
22,2(6)	21,0(5)	21,3(13)	23,2(5)	21,4(52)	21,8(22)	21,5(18)	21,2(13)
11,9(6)	12,5(5)	13,6(13)	13,0(5)	11,9(52)	12,28(21)	13,5(18)	12,28(13)
8,0(7)	7,4(5)	8,4(14)	9,3(6)	8,6(54)	9,03(22)	8,7(21)	8,65(15)
4,4(7)	4,0(5)	4,68(13)	4,17(6)	4,2(54)	4,60(22)	4,64(21)	4,77(15)
26,9(7)	25,7(7)	24,5(14)	25,9(9)	25,4(72)	25,3(26)	26,4(23)	25,2(37)
53,1(7)	51,4(7)	53,5(14)	52,5(8)	52,2(72)	52,0(26)	53,0(24)	49,9(37)
40,9(7)	40,0(7)	38,5(13)	40,4(7)	41,4(75)	39,8(23)	40,8(21)	—
34,6(7)	31,6(7)	33,8(13)	33,7(8)	33,2(75)	33,6(26)	33,2(24)	31,6(39)
82,4(7)	81,3(7)	80,2(12)	82,6(5)	83,1(58)	84,0(21)	84,0(22)	84,1(29)
86,4(7)	84,4(5)	84,4(12)	85,8(6)	85,6(57)	87,4(22)	86,0(21)	86,1(29)
25,3(6)	26,7(5)	34,2(12)	31,0(4)	30,3(58)	29,1(21)	31,4(18)	33,9(30)
53,8(6)	59,5(5)	64,4(12)	56,1(5)	56,7(52)	57,2(21)	63,2(18)	57,8 ¹
56,8(7)	54,3(5)	54,9(13)	45,9(6)	49,5(54)	46,4(21)	52,7(21)	55,2 ¹
50,7(7)	49,7(6)	46,0(14)	49,9(8)	48,3(72)	48,9(26)	49,6(23)	50,5 ¹
84,8(7)	79,3(7)	87,9(13)	83,7(7)	80,3(75)	86,4(23)	81,0(21)	—
3,50(8)	3,44(9)	3,14(14)	3,5(10)	3,58(85)	3,16(25)	3,85(26)	3,27(44)
—	—	1,71(14)	2,1(9)	—	1,74(27)	2,40(25)	—

эти черты сочетаются с такими показателями признаков высокой таксономической ценности, как горизонтальный профиль лицевого скелета, дакриальная и симотическая высоты, которые лежат в пределах вариаций европеоидных групп. Конечно, на двух черепах определить удельный вес европеоидного и монголоидного компонентов невозможно. Антропологический тип женских черепов близок к расе Среднеазиатского междуречья (узбеки) или к уральской группе (хан-ти и манси).

Женские черепа в целом близки с мужскими по ряду признаков, разумеется, с учетом половых различий. Однако по некоторым признакам они существенно различаются. Так, на женских черепах лицо заметно выше, ширина его не намного уже, уплощенность лица значительно больше, чем на мужских. Следовательно, женские черепа отличаются от мужских по антропологическому типу. Из этого следует, что захороненные в курганах с каменными выкладками не представляют собой однородную расовую группу в антропологическом составе местного населения.

Таким образом, кочевые племена, погребенные в курганах с каменными выкладками, в антропологическом отношении смешанного расового состава. Это видно уже при визуальном рассмотрении черепов, а также при сопоставлении с некоторыми сериями из Казахстана и близких к нему областей.

Рассмотрим сравнительную характеристику изученных черепов. В таблице 2 черепа из курганов с каменными выкладками сопоставлены, с одной стороны, с черепами андроновской культуры Казахстана¹¹, с другой, — с некоторыми синхронными сериями сопредельных областей, т. е. с саками Восточного Казахстана¹², саками и ранними усунями Тянь-Шаня¹³, саками Южного Памира¹⁴, «скифами» Горного и Предгорного Алтая¹⁵, тагарцами Минусинской котловины¹⁶, ски-

---

¹¹ О. Исмагулов. Палеоантропология Казахстана эпохи бронзы. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 18, Алма-Ата, 1963.

¹² Г. Ф. Дебеч. Палеоантропология СССР. М., 1948, № 27 (в дальнейшем: Г. Ф. Дебеч, 1948); В. В. Гинзбург, 1956; его же. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXI, М. 1961.

¹³ В. В. Гинзбург. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954.

¹⁴ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика саков Южного Памира. КСИИМК, вып. 80, 1960.

¹⁵ В. П. Алексеев. Палеоантропология Алтая эпохи железа. «Советская антропология», 1958, № 1.

¹⁶ Г. Ф. Дебеч, 1948; В. П. Алексеев. Палеоантропология Хакассии эпохи железа. Сб. МАЭ, т. XX, 1961.

фами Поднепровья¹⁷, сарматами Западного Казахстана¹⁸, усунями Семиречья¹⁹.

При сопоставлении черепов исследуемой серии с сериями андроновской культуры бросается в глаза большая разница в степени выступаения носовых костей к линии профиля, высоте лица и наклоне лба. В отличие от черепов эпохи бронзы черепа, изученные нами (как мужские, так и женские), характеризуются более высоким лицом, менее выступающим носом и несколько более покатым лбом. Однако следует подчеркнуть, что из-за малого количества наблюдений нельзя придавать различиям большого значения. Это надо иметь в виду и при сопоставлении с другими сериями. Тем не менее перечисленные различия между сравниваемыми группами настолько велики, что нельзя не обратить на них внимания. Довольно существенны различия между черепами также по дакриальной и симетической высотам. Величина этих признаков на исследуемых черепах несколько меньше, чем на черепах андроновской культуры. Мужские черепа из курганов с каменными выкладками по ширине лица и степени уплощенности лицевого скелета очень близки к мужской серии эпохи бронзы. Однако это не распространяется на женские черепа. У женщин из изученных нами курганов черепа по сравнению с черепами эпохи бронзы с более широким лицом, большим назо-маллярным и зиго-максиллярным углами, меньшим углом выступаения носовых костей. Это, как отмечалось, объясняется наличием у них монголоидных элементов.

В целом, черепа из курганов с каменными выкладками сближаются с сериями как андроновской, так и сако-усуньской культур, что более четко проявляется на мужских черепах, чем на женских. Это позволяет предположить, что в основе антропологического типа исследованных черепов лежит древнеказахстанский антропологический тип и близкие к нему компоненты, которые были характерны для населения Казахстана эпохи бронзы и раннего железа. Таким образом, обнаруживается антропологическая преемственность между племенами андроновской культуры и популяции, захороненной в курганах с каменными выкладками. Это также подтверждается археологическими данными.

---

¹⁷ Сводные данные о скифах Поднепровья Г. Ф. Дебеца еще не опубликованы, частично они содержатся в работе Б. В. Фирштейн. Савроматы Нижнего Поволжья. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXI, 1961.

¹⁸ В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана. Сб. МАЭ, т. XVIII, 1958 (в дальнейшем: В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, 1958).

¹⁹ О. Исмагулов. Антропологическая характеристика усуней Семиречья. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 16. Алма-Ата, 1962.

Из сравнения с синхронными группами, приведенными в таблице 2, видно, что по типу изученная группа больше всего сходна с племенами сакской культуры Восточного Казахстана. То же самое наблюдается при сопоставлении со «скифами» Горного и Предгорного Алтая. Несмотря на некоторые различия, между ними морфологически очень много общего, свидетельствующего об их генетических связях. Это подкрепляют и многочисленные данные их материальной культуры.

Особый интерес представляют деформированные черепа. Находка искусственно деформированных черепов на территории Казахстана столь раннего времени — явление довольно редкое. До сих пор из древних погребений Казахстана были известны три черепа с кольцевой деформацией²⁰. Один женский череп добыт А. Х. Маргуланом в 1952 г. из могильника Бегазы Коунрадского района Карагандинской области. Другой череп (половая принадлежность не ясна, но возраст зрелый) был выявлен им же в 1946 г. в верховьях реки Кара-Кенгир Улутауского района Карагандинской области. Первый череп относится к скифо-сарматскому времени, второй — к гуннскому²¹. Наконец, последний череп был обнаружен И. В. Синициным в 1952 г. на самой западной границе Казахстана у станицы Сайхин. Он принадлежал мужчине возмужалого возраста. И. В. Синицин считает его сарматским (III—IV вв. н. э.)²².

Череп с аналогичной деформацией известны из Кенкольского могильника Киргизской ССР²³; они найдены в крепостях Куныа-Уяз²⁴, Канга-Кала²⁵ и Калалы-Гыр²⁶ Хорезмского оазиса. Довольно часто деформированные черепа встречаются также в могильниках сарматского времени Нижнего Поволжья, Северного Кавказа и Украины.

С учетом этих данных вопрос о происхождении искусственной деформации кольцевого типа в среде сако-усуньских племен Цен-

²⁰ В. В. Гинзбург, 1956; В. В. Гинзбург, Б. В. Фирштейн, 1958.

²¹ А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1954, вып. 6.

²² И. В. С и н и ц и н. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 1. Алма-Ата, 1956.

²³ В. В. Гинзбург, Е. В. Жиров. Антропологические материалы из Кенкольского катакомбного могильника в долине р. Талас Киргизской ССР. Сб. МАЭ, т. X, 1949.

²⁴ Т. А. Трофимова. Материалы исследования по палеоантропологии Хорезма и сопредельных областей. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1949—1953 гг., т. II, 1959.

²⁵ Т. А. Трофимова. Черепа из Канга-Калы. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2. М., 1959.

²⁶ Т. А. Трофимова. Черепа из оссуарного некрополя крепости Калалы-Гыр I. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 2. М., 1959.

трального Казахстана вызывает известный интерес. В настоящее время, к сожалению, не представляется возможным объяснить такого рода находки не только в пределах Казахстана, но и на всей территории их обнаружения.

Вопрос о преднамеренно деформированных черепах уже неоднократно поднимался в литературе. Один из его исследователей Е. В. Жиров считал, что искусственной деформацией черепов кольцевого типа занимались гунны и затем этот обычай распространили как в Средней Азии, так и в Восточной Европе²⁷. Поэтому не случайно во главе хронологической классификации искусственно деформированных черепов он ставил черепа «гуннов» из Кенкольского могильника. Но с этой концепцией не согласуются материалы последних лет, полученные из Центрального Казахстана и областей Средней Азии. Для выяснения вопроса о происхождении кольцевой деформации черепов определенный интерес представляют палеоантропологические материалы из могильников Ак-там, Кунгая и Суфана в Ферганской долине²⁸. Хронологически они относятся к V—III вв. до н. э. Костные материалы из этих могильников изучены В. В. Гинзбургом²⁹, который описал три искусственно деформированных черепа кольцевого типа (женский череп зрелого возраста из Ак-тамского могильника; женский череп зрелого возраста из Кунгайского могильника; женский череп старческого возраста из Суфанского могильника). Известен также юношеский череп (V—IV вв. до н. э.) с кольцевой деформацией из поселения Яздепе в районе древнего Мерва³⁰.

Вследствие этих данных точка зрения Е. В. Жирова о происхождении кольцевой деформации нуждается в пересмотре.

Результаты изучения краниологических материалов из курганов с каменными выкладками следующие.

1. Черепа из рассматриваемых памятников относятся к европеоидной большой расе, но они содержат в своем физическом облике черты монголоидной расы, которые наиболее четко выражены в женской группе.

²⁷ Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, вып. 8, 1940; его же. Разновидности брахикефалии. КСИИМК, вып. 10, 1941; В. В. Гинзбург, Е. В. Жиров, 1949.

²⁸ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Ак-тамский могильник, КСИИМК, вып. 69, 1957; Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. «Археологический сборник». III. JL., 1961.

²⁹ В. В. Гинзбург. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы. МИА, № 118, 1962.

³⁰ В. Я. Зезенкова. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва. Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, т. IX, Ашхабад, 1959.

2. Морфологически погребенные индивидуумы в курганах с каменными выкладками больше всего сходны с племенами сако-усуньского времени, что является выражением общности их происхождения. Нам кажется, что изученная группа в антропологическом отношении не была особой этнической группой в среде сако-усуньских племен Казахстана.

3. Пока остается загадкой конструкция погребальных сооружений. Возможно, этот тип был выработан какой-то социальной прослойкой сако-усуньского общества, сохранявшей свои традиции в течение нескольких столетий.

Л. А. МАКАРОВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ О ЖИВОТНЫХ ЭПОХИ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ЧАГЛИНКА

Определение и статистическая обработка костных остатков животных вместе с изучением других предметов материальной культуры помогают наиболее полно познать хозяйственную деятельность древних племен, живших на той или иной территории в течение нескольких исторических эпох. Osteологические данные позволяют восстановить состав домашних животных и видовое разнообразие дикой фауны, картину ландшафта и климата местопоселений людей и их взаимоотношение с окружающей средой в прошлом.

За многие годы в научной коллекции отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН КазССР был накоплен значительный материал по костям животных из различных древних местонахождений республики.

Автору настоящего сообщения летом 1968 г. была представлена на определение систематической и видовой принадлежности коллекция костей животных из поселения Чаглинка Кокчетавской области, собранная археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (нач. А. М. Оразбаев), проводившей полевые исследования и раскопки в этом районе в 1965, 1968 гг.

По отчетным данным А. М. Оразбаева, древнее поселение Чаглинка, относящееся к эпохе бронзы, располагалось в 3—4 км на юг от с. Октябрьское Красноармейского района Кокчетавской области. Оно состояло из 16 землянок-жилищ. Раскопано пока шесть из них. Кости животных обнаружены во всех исследованных землянках в толще культурного слоя вместе с другими предметами. Всего на поселении собрано 1647 различных костей крупного рогатого скота, лошади и мелкого рогатого скота (овцы и козы)¹. Часть костей ранее была просмотрена и определена сотрудниками лаборатории палео-

¹ В общее количество костей вошли и определимые обломки.

биологии Института зоологии АН КазССР М. Д. Бирюковым, К. Жилкибаевым, Б. С. Кожамкуловой и Л. Т. Мусакуловой. В распоряжении автора из всего коллекционного костного материала из поселения Чаглинка оказалось 686 различных по сохранности костей домашних животных (табл. 1).

Таблица 1

Местонахождение	Крупный рогатый скот (кости)	Лошадь (кости)	Мелкий рогатый скот (кости)	Всего
	единиц			
Землянка № 2	ны	—	—	—
Землянка № 3	53	5	24	82
Землянка № 4	121	52	75	173
Землянка № 9	78	63	54	195
Землянка № 14 ^а	39	36	20	95
Землянка № 14 ^б	62	16	37	115
Всего	354	172	116	686

Крупный рогатый скот. Костные остатки крупного рогатого скота из поселения Чаглинка обнаружены во всех раскопанных землянках и, судя по собранному материалу, составляют наибольшее количество по сравнению с остатками других животных. Среди них имеются кости из всех отделов скелета, но все же больше таранных, пяточных и фаланг пальцев. Кости черепа, не говоря о целых черепах, а также стержни рогов (за исключением одного небольшого обломка) отсутствуют. Из краниологической части скелета пригодны для определения только 12 нижних челюстей. Пять имеют полный зубной ряд. Три челюсти принадлежат взрослым животным. Для одной из них характерна полная стертость жевательной поверхности зубов. Как видно из промеров, эта челюсть крупного животного (длина альвеолярного ряда нижних коренных зубов — 14,5 мм, длина третьего коренного М₃ — 39 мм, ширина — 17,5 мм). Из остальных челюстей пять имеют молочные предкоренные, а на четырех экземплярах отсутствуют не только третий коренной М₃, но и М₂. Как указывает В. И. Цалкин², за сроки прорезывания постоянных зубов у древнего скота следует принять те, которые характерны для современных позднеспелых пород:

² В. И. Цалкин. К истории животноводства и охоты в Восточной Европе. М., 1962, стр. 10; его же. Древние животные племен Восточной Европы и Средней Азии. М., 1966, стр. 8.

первый пермояр	28	месяцев	первый моляр	6	месяцев
второй	28	»	второй	18	»
третий	34	»	третий	28	»

Большое количество нижних челюстей в нашем материале принадлежало животным в возрасте от 6 до 28 месяцев, но как указывалось, есть экземпляры с сильно стертymi коронками постоянного третьего предкоренного и третьего коренного, что свойственно очень старым животным. Измерения длины альвеолярного ряда коренных зубов (в нашем материале лишь 3 нижние челюсти взрослых животных, длина альвеолярного ряда которых равна 13,5—14 мм) при накоплении данных могут стать до некоторой степени критерием для характеристики размеров черепа, а следовательно, и размеров скота поселения Чаглинка.

Трубчатые кости конечностей крупного рогатого скота большей частью лишены эпифизов или представлены обломками в основном нижних отделов. Поэтому пока не удастся определить полную длину этих костей, за исключением одной целой берцовой, ее длина 330 мм.

У неполностью сохранившихся трубчатых костей ширина нижнего суставного блока четырех плечевых костей колеблется от 81 до 115 мм, ширина пяти эпифизов нижнего конца берцовой кости — 59—73 мм.

Различны по своим размерам и имеющиеся в коллекции немногочисленные метаподии. Из пястных костей целыми являются только четыре (полная длина их 188, 195, 201 и 210 мм). Из плюсневых костей целая одна и та принадлежит молодой особи (длина 215 мм).

Гораздо многочисленнее и лучшей сохранности среди других остатков крупного рогатого скота таранные кости (24 шт.), пяточные (18 шт.) и фаланги пальцев, из них больших фаланг 76. Все кости из разных землянок, от разных особей. Наибольшая длина таранных костей от 58,5 до 72 мм, пяточных — от 126,5 до 162 мм. Большие фаланги пальцев конечностей имеют длину от 57 до 69 мм, кроме того, некоторые из них массивы, как и отдельные экземпляры пяточных и таранных костей. В связи с тем, что костный материал поселения Чаглинка обработан неполностью, в данной статье не дается сравнительная таблица промеров костей из одновозрастных мест нахождения их по республике, еще фактически отсутствующих для этой территории и по Союзу. Однако предварительное сопоставление размеров костей (плечевых, таранных, пяточных, метаподий) с данными, приводимыми В. Громовой³ для крупного рогатого скота нижней культуры Каунчи-тепа, датируемой Г. В. Григорьевым⁴ эпохой позд-

³ В. Громова. Материалы к изучению древнейших домашних животных Средней Азии. В кн.: Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.

⁴ Г. В. Григорьев. Указ. работа.

ней бронзы, показывает, что скот древнего Чаглинского поселения несколько крупнее среднеазиатского.

О. А. Кривцова-Гракова⁵ отмечает в близком территориально и по возрасту Алексеевском поселении Кустанайской области наличие мелкой и крупной породы скота. Чаглинский крупный рогатый скот, как это видно из размеров костей, не только был рослым, но и более однородным по составу.

Лошадь. Из 434 костей лошади, собранных при раскопках, автором просмотрено 172, причем большей частью фрагментарных. Черепа полностью отсутствуют. Имеется лишь обломок верхней челюсти с двумя резцами, клыком и тремя предкоренными (P², P³, P⁴). Судя по сильной стертости жевательной поверхности зубов, челюсть принадлежала очень старой особи.

Несколько больше (4) нижних челюстей, они нецелые, но с полными или почти полными зубными рядами, есть также отдельные фрагменты с зубами верхних и нижних челюстей и много зубов, выпавших из альвеол.

Кроме промеров различных костей посткраниального скелета, маглядную картину дают зубы строением рисунка эмали на жевательной поверхности, характеризующие в какой-то степени лошадей эпохи бронзы описываемой территории.

Наиболее существенным признаком в систематике лошадей считается большая или меньшая складчатость эмали верхнекоренных зубов. Как отмечает В. Громова⁶, для зубов лошадей бронзового века Средней Азии характерна слабо складчатая эмаль. У большинства зубов в нашей коллекции в строении эмалевого рисунка нет резких отличий от зубов современных лошадей. Однако на некоторых зубах (в нашем материале два полных зубных ряда и разрозненные зубы) замечается увеличение числа складочек и наличие хорошо выраженной так называемой «шпоры» как на премолярах, так и на молярах. Индекс длины протокона (переднего внутреннего столбика) к длине всего зуба близок к таковым, приводимым В. Громовой для зубов тарпана.

	P ³	P ⁴	M ¹	M ²
Индекс длины протокона к длине зуба, %	34,3	43	37	43

На нижних коренных зубах в строении двойной петли (признак наиболее характерный в систематике) резких отличий не наблюдается, она имеет типичную для современных лошадей форму.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Труды ГИМ, вып. XVII. М., 1948, стр. 75.

⁶ В. Громова. История лошадей (рода Equus) в Старом свете, ч. 1. М., 1949, стр. 20.

В своей работе Б. С. Кожамкулова⁷ отмечает существование на территории Кокчетавской области в среднеантропогенное время ископаемой лошади (*Equus caballus foss.*). Наличие зубов лошади из поселения Чаглинка, имеющей несколько отличные от настоящей домашней лошади признаки строения эмалевого рисунка на жевательной поверхности, а также, как будет отмечено, наличие плюсневой кости иного строения, чем у домашней лошади, позволяет думать об обитании в районе поселения в описываемую эпоху дикой, пока ближе не установленной, но, видимо, близкой к ископаемой форме лошади, кости которой вполне могли попасть в Чаглинку в результате охоты на нее древних поселенцев.

Немногочисленные среди исследованного материала кости конечностей: плечевые, лучевые, бедренные и берцовые представлены обломками проксимальных и дистальных концов. Среди них имеются кости молодых животных. Из пястных костей можно отметить только две целые (наибольшая длина их 230 мм, 240 мм), хотя отдельных верхних и нижних эпифизов имеется гораздо больше. Ширина верхних эпифизов пястных костей — 50—54 мм, нижних — 48—49 мм.

Плюсневых целых костей всего 3. Две из них почти одинаковых размеров (длина 255 мм). Одна очень отличается рисунком суставной поверхности проксимального (верхнего) конца и, что обычно характерно для диких форм животных, резко выраженными суставными фасетками. Она несколько длиннее (260 мм) и тоньше и, несомненно, принадлежит еще молодой лошади, так как хорошо заметно место соединения нижнего эпифиза с диафизом.

Несколько более полную картину дают промеры путовых костей (первых фаланг). Они представлены большим числом среди остатков других частей скелета и имеют лучшую сохранность. Большинство путовых костей принадлежит взрослым животным. Всего в нашем материале насчитывается 17 первых фаланг пальцев передней ноги, наибольшая длина которых от 84,5 до 95 мм, и 10 первых фаланг пальцев задней ноги, длина их 83,5—92,5 мм.

Характерным для строения путовых костей лошадей из поселения является большая ширина проксимальных (верхних) эпифизов, чем дистальных (нижних).

Из предварительных сравнений размеров путовых костей чаглинской лошади с таковыми одноименных костей, приводимыми В. Громовой⁸ для лошадей из Каунчи-тепа, видно, что кости лошади

⁷ Б. С. Кожамкулова. Антропогенная ископаемая териофауна Казахстана. Алма-Ата, 1969.

⁸ В. Громова. Материалы к изучению древнейших домашних животных, стр. 41.

поселения Чаглинка более крупные. Больших размеров и метаподии (табл. 2). По утверждению В. Громовой⁹, лошадь бронзового века Средней Азии и степной полосы Восточной Европы совсем не так мелка и тонконога, как лошадь бронзовой эпохи Западной Европы.

Таблица 2

Фаланга I (путовая кость)

Промеры	Тарпан	Лошадь Преже- вальского	Лошадь пос. Чаг- линка	Каучи-ге- па (нижн. культура)	Ископаемая лошадь г. Зырянов- ска
Полная длина	74,5	79,5—88	84—95	77—90,5	92
Длина по средней линии передней поверхности	69	72—81	78—85	72	83
Ширина верхнего конца	52	48—53,5	52—61	51—55,5	58
Ширина нижнего конца	44,7	44—47	44—49,5	44—48,5	48
Ширина в середине диафиза	33,8	32—35	33,2— 39,5	33—34	39

Исходя из изложенного и данных промеров, приводимых в таблице для путовой кости, можно предположить, что древняя чаглинская лошадь была крупной породы, наиболее близкой по своим размерам в какой-то дикой форме, существовавшей в то время в Северном Казахстане.

Мелкий рогатый скот. Вместе с другими костными остатками животных при раскопках на поселении найдены различные и довольно многочисленные кости мелкого рогатого скота (овец и коз). Сохранность их очень плохая, они представлены в большинстве обломками разных частей скелета, что, безусловно, является результатом разрушения костей при использовании мяса в пищу. Тем более, что эти животные, как об этом свидетельствует большинство трубчатых костей без эпифизов, употреблялись в пищу в молодом возрасте.

Из исследованного автором костного материала костей мелкого рогатого скота оказалось меньше всех (116 шт.). Из них наиболее полно количественно и лучшей сохранности нижние челюсти (31 шт.).

⁹ Там же.

Черепов овец и коз нет, имеются лишь фрагменты верхней челюсти и четыре обломка стержней рогов, которые, по всей вероятности, принадлежали козлам.

У большинства экземпляров нижних челюстей отсутствуют еще последние коренные (M_2 и M_3), а предкоренные являются молочными, т. е. в нашем материале преобладают челюсти молодых особей. Вместе с тем есть две челюсти с сильно стертymi зубами. Из-за плохой сохранности трудно сказать, кому они принадлежали, домашним или диким формам этих животных.

Из трубчатых костей, которые наиболее разрушены, имеются 14 нижних отделов плечевых, 7 обломков верхнего конца лучевых костей, 2 нижних отдела бедренной кости и 8 берцовой. Хорошо сохранились одна бедренная и одна берцовая кости, 12 таранных и 12 пяточных костей, а также 16 первых и 18 вторых фаланг. Интересно, что среди костей мелкого рогатого скота не встречено ни одной копытной фаланги овец или коз.

Сравнительно мало также в общей массе костных остатков обычно лучше сохраняющихся таранных и пяточных костей. Возможно их количество увеличится при дальнейшей обработке всего костного материала из поселения Чаглинка.

По имеющимся немногочисленным и очень фрагментарным костям пока трудно судить, кто преобладал из мелкого рогатого скота — овцы или козы. Но все же данные исследования небольшого количества костей показывают, что овец было больше. Костей коз не выявлено, если не считать небольших обломков стержней рогов.

Исследуемый костный материал, собранный на поселении, позволяет сказать, что кости крупного рогатого скота составляют 51% среди костных остатков домашних животных.

А. 1. Максимова¹⁰, касаясь характеристики хозяйства древних поселений Восточного Казахстана, особенно эпохи ранней бронзы, отмечает, что крупный рогатый скот на данном этапе времени преобладал в стаде домашних животных. Это подтверждается и фактическим материалом из Чаглинки, где, судя по количеству костей, крупный рогатый скот составлял половину домашних животных.

Костные остатки диких животных. В культурном слое древнего поселения Чаглинки наряду с костями домашних животных обнаружены кости представителей дикой фауны. Среди костей крупного рогатого скота оказалась нижняя челюсть тура. Судя по единичной находке, это животное в то время, видимо, являлось только предметом охоты, как и другие дикие животные. Ранее о находках костей

¹⁰ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7. Алма-Ата, 1959.

тура на территории Северного Казахстана упоминалось в работах О. А. Кривцовой-Граковой¹¹ и Б. С. Кожамкуловой¹². Размер челюсти из поселения Чаглинка соответствует размерам, приводимым Б. С. Кожамкуловой для нижней челюсти первобытного тура (*Bos primigenius* Voij), найденной близ г. Павлодара. Ее наибольшая длина — 400 мм, длина альвеолярного ряда — 155 мм, высота позади М₃—80 мм, высота горизонтальной ветви между М₂ и М₃—70 мм.

На поселении найдено и 6 зубов кулана (*Equus hemionus*) — правые и левые молочные премоляры (Р², Р³, Р⁴). На их жевательной поверхности хорошо виден рисунок эмали, характерный для молочных зубов, описанных В. Громовой¹³.

Ранее в этом местонахождении обнаружены часть нижней челюсти и третья фаланга пальца конечности кулана. Причем фаланга, как указывает Б. С. Кожамкулова¹⁴, принадлежала молодому животному. Возможно, эти кости кулана относятся к одной особи.

В небольшом количестве среди костного материала имеются различные, но точнее не определяемые кости птиц. Среди них интересен обломок верхнего конца плечевой кости крупной птицы, по всей вероятности, лебедя. Из костей мелких хищников найдена нижняя челюсть хорька.

Кроме перечисленных представителей дикой фауны, приведенных в отчете А. М. Оразбаева и подтвержденных определениями автора, в костном материале из Чаглинки имеется небольшое количество костей лисицы, собаки, сайги, архара и северного оленя.

Присутствие среди костных остатков домашних животных поселения единичных костей диких млекопитающих не дает пока основания говорить о большом значении охоты в хозяйстве чаглинских поселенцев.

В заключение следует отметить, что в целом костный материал из древнего поселения Чаглинка представляет интерес как по обилию костей, так и разнообразию состава домашних и диких животных. Последующая полная биометрическая и статистическая обработка костного материала даст возможность установить наиболее вероятное количество поголовья по каждому виду домашних животных и привести более полные данные по костным остаткам указанного поселения, что, естественно, дополнит имеющиеся сведения о хозяйственной деятельности древних поселенцев на территории Казахстана в эпоху бронзы.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. работа.

¹² Б. С. Кожамкулова. Указ. работа, стр. 43.

¹³ В. Громова. О скелете тарпана (*Equus gabbalus* Gmel, Aut.) и других диких лошадей. Труды Московского общ-ва испытателей природы, 1963.

¹⁴ В. С. Кожамкулова. Указ. работа, стр. 9.

Т. Н. СЕНИГОВА

НОВЫЕ НАХОДКИ В СЕМИРЕЧЬЕ.

Материал, собранный Институтом истории, археологии и этнографии АН КазССР из серии так называемых «случайных находок», делится по хронологическим периодам на сако-усуньский, тюркский и послемонгольский вплоть до XVIII в. К числу этих находок относятся бронзовый перстень и глиняные сосуды, найденные в районе пос. Саты, примерно в 300 км юго-западнее Алма-Аты, Тууюкской геологической экспедицией Южно-Казахстанского геологического управления при рытье хозяйственной ямы на берегу р. Чилик¹.

Перстень состоит из кольца и щитка, причем диаметр их одинаковый — 2 см. Весьма любопытно изображение на щитке — свернувшийся «в клубок» хищник (рис. 1, 1). Судя по его огромной голове, занимающей почти весь щиток, ярко очерченным скулам, тупой морде, согнутому телу и закрученному хвосту, можно заключить, что это зверь кошачьей породы. Исходя из многочисленных аналогий в памятниках скифского искусства, возможно, что на щитке выгравирован обитающий в горных отрогах и по сей день снежный барс или дикая кошка, изображение которой часто встречалось в пазырыкских памятниках скифского времени (IV—V вв. до н. э.)².

Интересные предметы были получены и от начальника геолого-морфологического отряда Иссыкской селевой экспедиции Южно-Казахстанского геологического управления Ю. И. Эйдинова. В 5 км восточнее пос. Талгар, на левом берегу р. Бес-Агаш при выемке грунта на глубине 1,5 м в замусоренных слоях были обнаружены фрагменты грубых круглодонных котлов с прилепными выступами —

¹ Перстень доставлен геологом В. Б. Клитиним в отдел археологии ИИАЭ АН КазССР для определения.

² С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. — Л., 1953, табл. XIX, 2, 3, 4.

ручками на корпусе. По своей форме они очень близки к комплексу сако-усуньских котлов Семиречья III—II вв. до н. э.³

По сообщению этого же информатора, в районе о. Иссык, в логу западной бухты на высоте 2800 м над ур. м., в лавинном подпочвенном горизонте на глубине 1 м найдены два аналогичной формы и техники сосуда, вставленных один в другой, которые также следует связать с усуньским периодом.

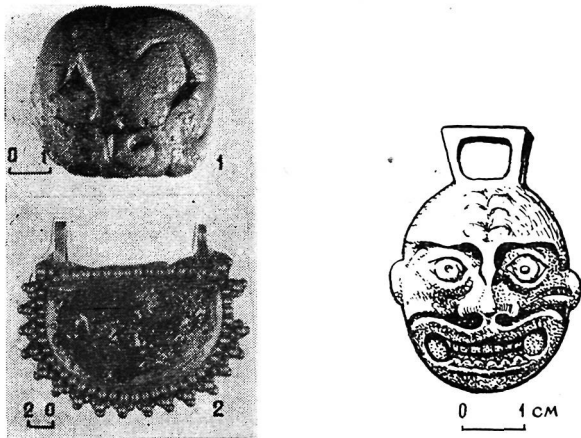

Рис. 1. Случайные находки: 1 — бронзовый перстень; 2 — золотая подвеска; 3 — бронзовый медальон.

Но наиболее интересные сообщения о находках в Семиречье были получены от старшего научного сотрудника Джамбулского областного музея А. П. Попова о доставленных к ним редких памятниках культуры, относящихся к различным хронологическим периодам.

Это миниатюрный сосудик (рис. 2), найденный учениками средней школы колхоза «Трудовик» при раскопке одного из курганов, расположенных недалеко от средневекового городища Кысмычи (Якалык).

Сосуд высотой 1,4 см имеет яйцевидный корпус, прямую горловину диаметром 6 см и слегка закругленное дно. Он сделан из серой с примесью песка глины, ручной лепкой, поэтому пропорции его несколько асимметричны.

³ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Самой важной деталью сосуда являются симметрично расположенные на его корпусе чуть ниже горловины четыре рельефных налета. Налеп — это весьма схематичное изображение стоящего в фас с широко расставленными ногами обнаженного мужчины с ярко выраженными признаками пола. Фигурка (высота 8 см) вылеплена весьма схематично, толщина налета 0,6—0,9 см. Корпус передан вертикально стоящей палочкой, а голова и руки — горошинами с точками в середине.

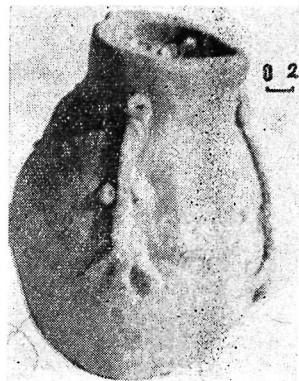

Рис. 2. Сосудик.

Антропоморфные изображения из бронзы и глины в виде идолов или налетов на стенках сосудов известны в Средней Азии и Казахстане с первых веков до н. э. и в основном встречаются в памятниках полукочевых и кочевых племен. В своей работе Л. М. Левина пишет: «Идолы имеют схематически моделированное лицо, удлинненную голову, плоскую заднюю сторону»⁴.

В Средней Азии традиции изображения подобных фигур связывают с наличием у местных племен особого фаллического культа, имевшего весьма древние корни. В северо-западных районах Казахстана это положение правомерно и для второй половины I тысячелетия до н. э., возможно, и для последних веков до н. э., что подтверждает находка бронзовой литой статуэтки мужчины в высоком башлыке со станции Аральское море⁵.

Интересно, что обнаруженные в Крыму антропоморфные фигурки, датированные IV—V вв. н. э.⁶, обычно связывают с движением гуннов. Однако, как замечает Л. М. Левина⁷, подобные изображения пока не встречены в материалах с гуннских памятников⁸. Видимо, их нельзя считать принадлежавшими самим гуннам. В то же время в

⁴ Л. М. Левина. К вопросу об антропоморфных изображениях в джеть-асарской культуре. В кн.: «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 170.

⁵ Там же, стр. 169, рис. 2, 1.

⁶ И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. в дер. Айвазовского. СА, 1957, № 2, стр. 257.

⁷ Л. М. Левина. Указ. работа, стр. 178.

⁸ С. И. Руденко. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М. — Л., 1962.

Джеты-асарских комплексах городищ и курганов их датируют I—IV вв.⁹, где они выполнены в более реалистической манере.

При сравнении данного сосуда с посудой из городищ Южного Казахстана и Джеты-асаров видно, что налепы и фигурки у первого ближе к джеты-асарским налепам, датированным I—IV вв.⁹. Но в отличие от последних руки у фигурок на нашем сосуде согнуты в локтях, что сближает их с бронзовым идольчиком из соседнего с Семиречьем Кара-Булакского могильника (II в. до н. э.—IV в. н. э.) и позволяет говорить о более раннем происхождении сосуда с изображениями, чем джеты-асарские с расставленными в сторону руками.

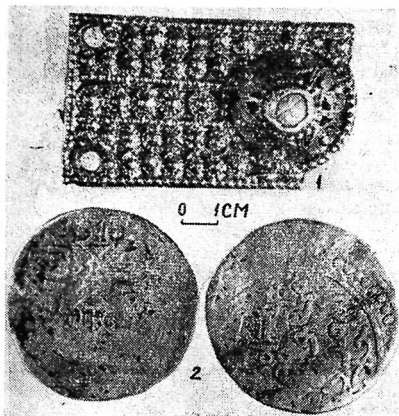

Рис. 3. Предметы: 1 — ювелирное украшение с зернью; 2 — монета.

захстана, в частности низовьев Сыр-Дарьи, и далее на Запад.

В самом Семиречье и в низовье Сыр-Дарьи эти традиции сохранились и в VI—VIII вв.¹⁰

К следующим IV—V вв., по всей вероятности, можно отнести два ювелирных изделия, найденных также в Восточном Семиречье. Одно (рис. 1, 2) в виде серьги¹¹ лунообразной формы (2×1,5 см) с двумя ушками для продевания дужки. В центре серьга украшена хорошо отшлифованным минералом молочно-коричневатого цвета. По краям он зажат тонкой золотой оправой, обрамленной в свою оче-

⁹ Л. М. Левина. Указ. работа, стр. 174, рис. 3.

¹⁰ Л. М. Левина. Указ. работа, стр. 178; Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городищ Южного Казахстана. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958, стр. 116, рис. 35.

¹¹ Найдена лесником В. Г. Григорьевым в обрыве реки в пос. Сатах Алма-Атинской области.

редь мельчайшими спаянными по четыре шариками зерни в виде зубчиков. Ободок серьги отделан полосочками из отдельно припаянных шариков зерни. Обратная сторона ее покрыта тонкой золотой пластинкой.

Подобная техника украшения ювелирных изделий драгоценными камнями и зернью широко известна в IV—V вв. как в Казахстане¹², так и за его пределами¹³. К этому периоду и следует отнести серьгу.

Другое ювелирное изделие¹⁴ найдено на огороде в совхозе «Горный гигант». Оно представляет собой серебряную подпрямоугольной формы пластинку (5,3×2 см), внешняя поверхность которой покрыта позолотой и имеет весьма сложный орнаментальный узор (рис. 3, 1). На пластинку нанесены мельчайшие, соединенные между собой тонкой провололочкой завиточки. Центральная часть занята рельефным конусообразной формы возвышением, образованным теми же завиточками и украшенным бирюзовой пастой. Судя по технике скани и пастовому украшению, эта пластинка является ювелирным изделием IV—V вв.

С этим временем, по всей вероятности, следует связывать и другой предмет — петлеобразной формы ручку от глиняного сосуда (рис. 4, 3). Поверхность ручки по бокам богато орнаментирована ямочными вдавлениями. Центральная часть ее покрыта елочным узором. Ручка найдена на пике Ак-Тас в горах Кошкар Нарынкольского района. Доставили находку Ж. Акылбеков и Д. Калдыбаев.

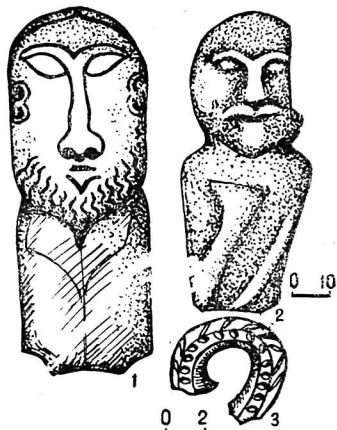

Рис. 4. Случайные находки: 1, 2 — каменные изваяния; 3 — ручка сосуда.

¹² А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. «Сборник музея антропологии и этнографии», вып. XIII, 1951, стр. 225; «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 146.

¹³ И. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», вып. XVII. Саратов, 1947, стр. 26.

¹⁴ О нем мы узнали от местного жителя Г. И. Селиванова.

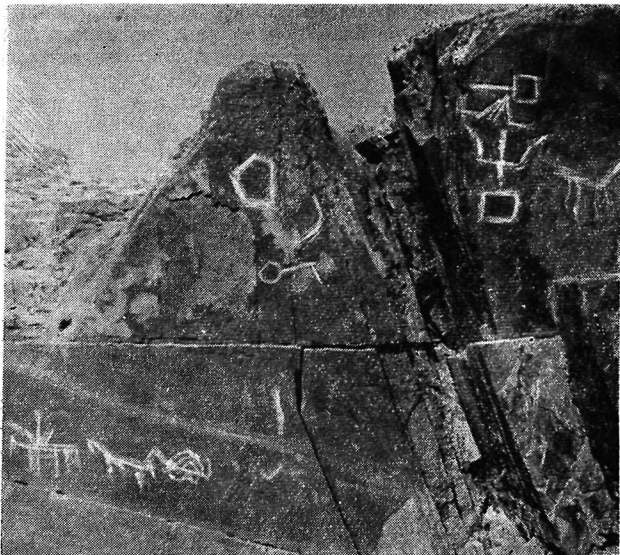

Рис. 5. Наскальные изображения. Перекочевка и родовые знаки.

В VI в. основная часть территории Казахстана входила в состав Западно-Тюркского каганата. Археологи выявили большое количество городов и оседло-земледельческих поселений того времени, свидетельствующих о том, что в южной части Казахстана было развито земледелие, в то время как население Центрального Казахстана вело в основном кочевой образ жизни и занималось скотоводством.

Приблизительно к этому времени следует отнести и серию наскальных изображений, зафиксированных доцентом Казахского политехнического института А. А. Ашировым в районе центрального хребта Каратау. У слияния рек Кашкар-Аты, Асан-Сая, Кара-Сая на высоте 1050 м на отвесных песчаниковых плитах, покрытых пустынным загаром, в семи местах обнаружены изображения (рис. 5)¹⁵.

¹⁵ Полевые записки от 17 августа 1967 г. и фотографии сделаны А. А. Ашировым.

Из них наибольший интерес представляют рисунки, на которых передан процесс перекочевки — всадник на лошади и лошадь, везущая повозку с юртой, а также изображены родовые знаки (тамги) в виде колеса, ключа, лука, лука с колесом (рис. 5). По заключению А. Х. Маргулана, эти знаки характерны для племенных объединений, обитавших в Семиречье в XVI—XVII вв.

По данным этого же информатора, в обрыве, на глубине 1,2 м выявлены три могильные ямы. Из одной извлечен плоскодонный горшок ручной лепки с отогнутым наружу венчиком. Такая форма посуды была распространена в тюркское время.

С этим же периодом следует связывать и доставленные в Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР два каменных изваяния. Одно из них передал в отдел археологии доцент Казахского политехнического института С. Б. Бакиров (обнаружил на правом берегу реки Кок-Тал, юго-западнее совхоза им. Ильича в местности Кос-Жупыр), другое — старший научный сотрудник Института геологических наук АН КазССР Рахимбаев (найдено в 20 км юго-восточнее г. Щучинска Кокчетавской области).

Первое изваяние высотой 95 см, шириной 40 см (рис. 4, 1) представляет собой весьма интересное решение мужского портрета. Широкий нос, большие глаза, прямой пробор волос, большая окладистая в завитках борода. Все это не характерно для тюркских изваяний рассматриваемого периода. Местами сохранились детали одежды, напоминающие отогнутый треугольником воротник.

По словам С. Б. Бакирова, в 300 м южнее от описанного изображения располагалось еще более антропоморфное каменное изваяние с остроконечной головой и плохо различимыми чертами лица. Данные изваяния говорят о расширении ранее установленных границ обитания тюркских племен, которые имели обычай ставить идолов над могилами знатных особ.

Другое изваяние высотой 76 см, шириной 30 см (рис. 4, 2) имеет типично монголоидный облик: широкий нос, миндалевидные глаза, обнаженную голову и согнутую в локте руку с сосудом.

К редким памятникам художественной культуры следует отнести и найденную на городище Касмычи бронзовую поделку, выполненную в виде подвески, носимую как нагрудный медальон (рис. 1, 3)¹⁶. Медальон овальный (3,5 × 3 см) с высоким рельефом (около 1,2 см). На нем изображено человеческое лицо с большими выпуклыми глазами, коротким носом и узкой переносицей, сливающейся с низкими бровями. Скулы высокие и приподняты полуулыбкой широко раскрытого

¹⁶ Медальон был привезен А. П. Поповым, за что автор выражает ему благодарность. В данное время медальон хранится в Джамбулском областном музее, № 2729.

рта, образующей морщины на щеках, доходящие до ушей. Сохранившееся левое ухо находится на уровне угла раскрытого рта. Во рту видны два ряда зубов. В местах, где кончается рот, имеется по одному округлой формы отверстию.

Волосы надвинуты на брови и показаны кружками. У верхней части головы сделан подквадратной формы выступ с отверстием для шнура.

Судя по общему облику изображенного, можно предположить, что перед нами один из религиозных персонажей буддийской иконографии. Ибо, согласно религиозным догматам буддизма, главный бог Будда всегда должен быть окружен менее значительными богами-помощниками, которых насчитывалось более тысячи. Очевидно, один из таких богов-помощников, неистовый страж, истребляющий «еретиков и безбожников», и изображен на медальоне. Сейчас пока трудно сказать, к какому времени относится данный предмет, так как вопросами о проникновении буддизма в Среднюю Азию стали заниматься лишь в последнее время¹⁷. В основном такие находки связывают с I в. н. э. Однако следует отметить, что в последние годы в Средней Азии открыты монументальные храмовые комплексы буддийской скульптуры и архитектуры VI—VII вв.¹⁸ Все это говорит о том, что «распространение буддизма расширило и углубило среднеазиатско-индийские связи и контакты, повлекло за собой появление новых форм и типов в области архитектуры и иконографии, способствовало проникновению новых форм идеологических представлений»¹⁹. Проникли они и в города Семиречья, что доказывает нахождение, хотя и редко, таких памятников в городах Южного Казахстана — Таразе²⁰, Туркестане²¹, Якалыке (Касмычи).

В X—XII вв. основная часть городов Казахстана входила в состав крупного Караханидского государства. В этот же период проис-

¹⁷ А. М. Беленицкий. Из истории культурных связей Средней Азии и Индии в раннем средневековье. КСИА, вып. 98, 1964; Б. А. Литвинский. Среднеазиатские народы и распространение буддизма (II в. до н. э. — III в. н. э., письменные источники и лингвистические данные). История археологии и этнографии Средней Азии. М., 1968, стр. 128—135; Н. В. Дьяконова, С. С. Сорокина. Хотанские древности, хранящиеся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1960.

¹⁸ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. II. М., 1954.

¹⁹ Б. А. Литвинский. Указ. работа, стр. 135.

²⁰ Т. Н. Сенигова. Вопросы идеологии и культов Семиречья. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 61.

²¹ «Отчет Императорской археологической комиссии за 1893 г.», стр. 45, рис. 30. Бронзовая скульптура слона с характерным для живописи художественным оформлением попоны VI—VII вв.

ходило бурное развитие городов, а также ремесел и земледелия. С этим временем связаны и основные слои, вскрытые Семиреченской археологической экспедицией на городищах Тараз, Кулан, Якалык, Талгар и других, давших богатейшие коллекции керамики, стекла и бронзовых изделий. Встречаются и случайные предметы данного периода. Такими вещами оказались три каменные ступки, найденные на развалинах древнего города в районе Балыкчи (Западное Семиречье).

Одна ступка похожа на приземистый сосуд цилиндрической формы: высота — 13,5 см, диаметр венчика и дна — 18 см, толщина верхнего края — 3 см. Она высечена из куска светло-серого камня, в 3 см от ее края расположен рельефный валик (рис. 6, 1).

Вторая ступка имеет форму цилиндра: высота — 21 см, диаметр на конце иверху — 15 см. Она также высечена из куска светло-серого камня, но в отличие от первой без рельефного украшения (рис. 6, 3).

Наиболее интересна по форме и внешнему оформлению третья ступка (рис. 6, 2)²². В отличие от двух предыдущих она имеет ярко выраженный венчик с перехватом и слегка покатым корпусом, высота которого доходит до 18 см, диаметр венчика — 19,5 см, дна — 18 см. Корпус ее украшен весьма примечательным архитектурным орнаментом, воспроизводящим арочные ниши полукруглой формы, соединенные между собой массивными колонками. Подобный прием украшения сосудов был широко распространен в Средней Азии на серебряной посуде типа кувшинов в VI—VIII вв.²³ Это позволяет датировать данную ступку VI—VIII вв., хотя не исключено предположение о продолжении ритуальных традиций и в X—XII вв.

На наш взгляд, уместнее появление ступки у проживавшего в Семиречье населения связывать с распространившимися здесь культами, в частности поклонения огню.

Неменьший интерес представляет и находка массивного бронзового сосуда высотой 14 см, длиной 12 см, найденного в соседнем с Таразом городище Исфиджаб, которое в историко-культурном отношении составляло единый с Таразом политический округ Караханидского государства X—XII вв. Приземистый корпус, слегка расширяющийся край сосуда и внешняя поверхность его, богато украшенная рельефными налепками в виде симметрично расположенных овалов и ромбов, свидетельствуют о высоком художественном мастерстве ре-

²² Ступки найдены школьниками и хранятся в районной школе пос. Балыкчи. Фотографии присланы старшим преподавателем Чимкентского пединститута Н. П. Подушкиным.

²³ Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. История искусства Узбекистана. М., 1965, рис. 125, 127.

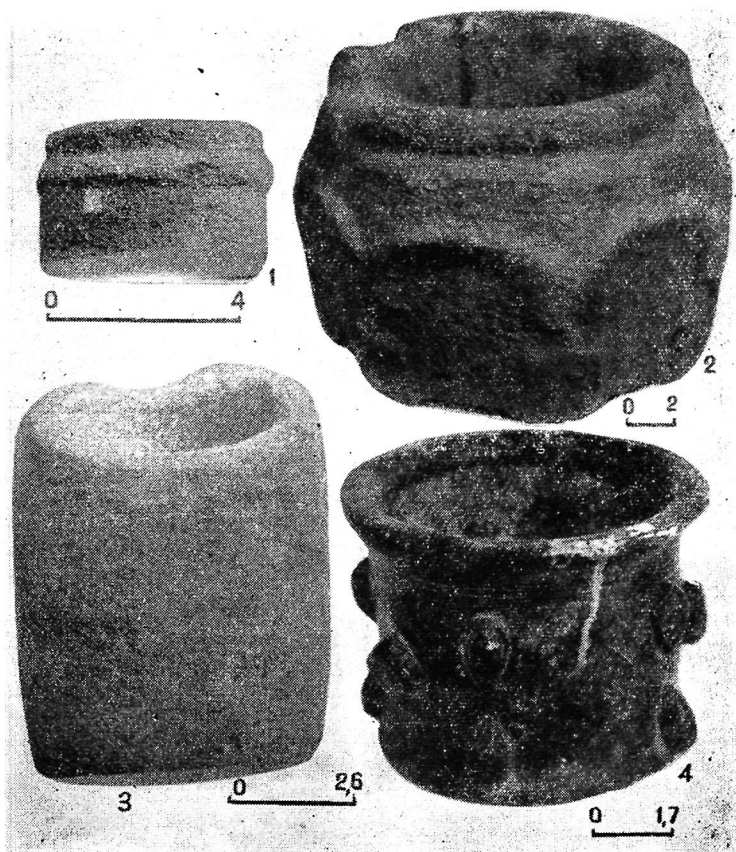

Рис. 6. Ступки: 1—3 — каменные, 4 — бронзовая.

месленников феодального города. Аналогичные сосуды известны в Средней Азии в XI—XII вв.²⁴

О высоком художественном мастерстве ремесленников Семиречья говорит бронзовая подставка под светильник (рис. 7), доставленная в Джамбулский областной музей учащимися школы колхоза «Трудовик» из того же городища Якалык (Касмычи). На сохранившейся полой подставке с чашеобразным резервуаром имеется два орнаментальных пояса. Один украшает основание подставки. Основной его мотив — растительный побег виноградной лозы, заключенный в пару круговых линий, местами прерванных лапчатыми ножками подставки (сохранилась одна). Другой пояс расположен у основания перехода подставки в резервуар. Кольцевое членение орнамента на подставке светильника в сочетании со свободным от узора пространством придает художественную выразительность предмету. Кольцевое членение основного узора вписано в рамку, оно симметрично прерывается тремя медальонами со вписанным в них одним и тем же орнаментальным зооморфным мотивом в виде обобщенного изображения птицы с выгравированными крыльями. Процесс развивающейся культуры орнамента включает в себя образительные мотивы, характерные для узоротворчества первой половины XI в.²⁵ Основным мотивом украшения в рамках были четко нарисованные буквы. Надписи воспринимаются как единое целое и не теряются на общем фоне. Три удлиненные буквы надписи «ел-йумн», выполненные без алифа, составляют основную композицию «обеспеченность». Начертанные буквы отделены от последующих

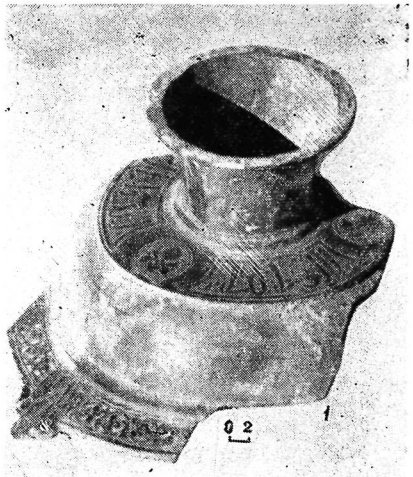

Рис. 7. Подставка под светильник.

²⁴ Там же, рис. 243.

²⁵ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда. Ташкент, 1967, стр. 92.

«стилизованной головкой птиц»²⁶. Местами к надписи добавлено по одной-две буквы. Это время первой половины XII в., когда «эпиграфика, изменившись качественно, превратилась в эпиграфический орнамент»²⁷.

Учитывая, что оседлая культура послемонгольского времени в Семиречье изучена еще слабо, любой материал, добытый из памятников того периода, играет очень важную роль в освещении культурной жизни населения данного района.

В этой связи мы хотим остановиться на находках научного со-

трудника отдела уйгуроведения АН КазССР Х. Х. Вахидова в Панфиловском районе Алма-Атинской области. Это костяной перстень и фрагмент серебряной кольчуги. Судя по техническому совершенству изделий, они были собственностью знатных особ.

На квадратном щитке-печати перстня имеется надпись в виде каких-то иероглифических значков и тамг (рис. 8, 1). До сих пор содержание надписи не прочтено.

Подобный бронзовый перстень хранится в Эрмитаже и датирован XIV в., но надпись на его щитке, к сожалению, также остается загадкой. По-видимому, это имя владельца перстня, некогда скреплявшего документы своей печатью.

Весьма интересным оказался и фрагмент (8×6 см) серебряной кольчуги (рис. 8, 2).

Известно, что кольчужные доспехи из соединенных колец появились в Восточной Европе в сарматское время²⁸. Данная же находка части кольчуги в

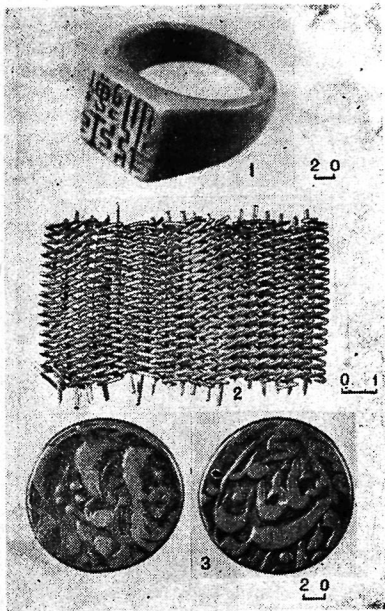

Рис. 8. Случайные находки: 1 — костяной перстень; 2 — фрагмент серебряной кольчуги; 3 — кокандская монета.

²⁶ Там же, стр. 80.

²⁷ Там же, стр. 92.

²⁸ А. Ф. Медведев. К истории кольчуги в древней Руси. КСИИМК, вып. XIX, 1948.

комплексе с описанным перстнем и монетой 1326 г. ближе к кольчуге из железных колец восточной работы, находящейся в Эрмитаже, но она датируется XV в.²⁹

Попутно скажем, что в этот период (XIV—XV вв.) на Востоке в отличие от Руси³⁰ уже широко применялись и панцирные доспехи из железных и стальных пластинчатых чешуек³¹, что, несомненно, свидетельствует о довольно развитом оружейном искусстве.

Судя по фрагменту, кольчуга была изготовлена особой техникой, ранее не зафиксированной. У нее железные колечки заменены серебряными изогнутыми спиральками, нанизанными на тоненькие вертикальные стерженьки. Подобный прием изготовления весьма прост. Сама же броня, сделанная из серебра, была значительно легче железной, не поддавалась коррозии, и кроме того, она эффектно выделяла ее владельца от простых воинов. Вполне возможно, что данная кольчуга изготовлена в XIV в.

Коллекцию случайных находок дополняют монеты. Наличие серебряных и бронзовых монет XVII—XVIII вв. Цянь-Луныя и кокандского чекана (рис. 8, 3)³² свидетельствует о том, что через города Восточного Семиречья пролегла торговая дорога, соединяющая Восток и Запад. Это же положение подтверждается и найденными в районе г. Алма-Аты в Ботаническом саду и на туристической базе фарфоровыми поделками с изображением драконов, объединяющих земной и подземный мир³³.

Резюмируя, следует отметить, что рассмотренные находки говорят о довольно высоком уровне развития материальной культуры как у сако-усуньского населения Семиречья VI в. до н. э.—IV в. н. э., так и оседлого городского населения Восточного Семиречья послемонгольского периода.

²⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, рис. 16.

³⁰ И. В. Рабинович. Из истории русского оружия IX—XV вв. Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. I. М.—Л., 1947.

³¹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. работа, рис. 17.

³² По определению Р. З. Бурнашевой чекана хана Латифа.

³³ Находим Г. И. Селиванова.

П. И. МАРИКОВСКИЙ

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ КАК МИШЕНИ

Юго-восток Казахстана богат наскальными рисунками. Их особенно много в отрогах Джунгарского Алатау. За много лет в этих районах автор нашел и просмотрел несколько тысяч наскальных рисунков. Недавно в горах Каратау, в ущелье Жалауы наше внимание невольно привлек один рисунок. На скале на изображении горного козла и вокруг него имелось много четких и довольно глубоких точечных углублений. Они были нанесены со значительной силой острым предметом, откалывавшим частицы породы. Судя по степени пустынного «загара» и «лака»*, которые покрывали рисунок, точечные выщерблины были сделаны значительно позже. Из множества предположений, объясняющих их появление, наиболее вероятно, что изображение горного козла служило мишенью для стрельбы из лука или копья, хотя среди петроглифов охотничьего и боевого оружия рисунки последнего на скалах юго-восточной части Казахстана нам не встречались.

Вскоре за первой находкой последовали другие. На очередном контурном рисунке, изображавшем горного козла или горного барана, отчетливо видны в передней части животного, т. е. в самых «убойных» местах, следы от стрел. И здесь следы от стрел намного «свежее» самого рисунка. Кстати, впоследствии рисунок был еще и подправлен. Тонкая талия, которая придавала животному изящество, была замаскирована горизонтальной чертой, отчего фигура казалась более полной с подчеркнутыми мясо-жировыми качествами. Очевидно, художнику, изменившему рисунок, гастрономические качества были

---

* Пустынный загар образуется на поверхности породы марганцовистыми и железистыми окислами вследствие сильного нагревания солнечными лучами. Кроме того, поверхность камней полируется ветрами, несущими пылинки. Этот процесс получил название «лак» пустыни.

более важны, чем эстетические. Этот рисунок найден в горах Анра-хай в небольшом ущелье против разъезда № 83 железной дороги Алма-Ата — Ташкент.

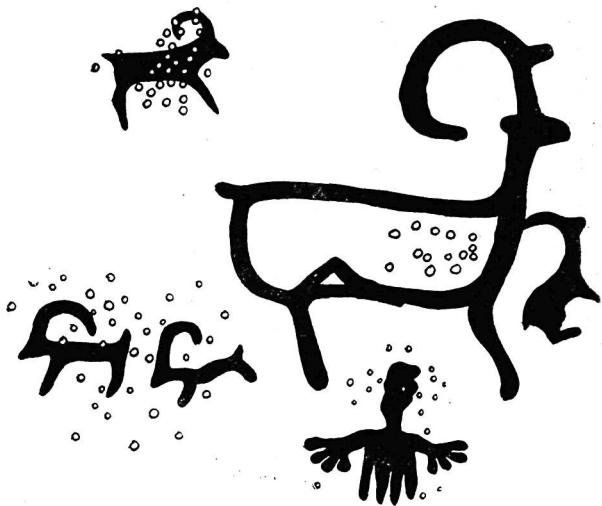

Рис. 1. Наскальные изображения.

Третий рисунок находился на гранитном валуне у подножия гор Алтынь-Эмель, в подгорной илийской равнине. Здесь на изображении двух горных козлов хорошо видны следы более чем 30 ударов стрел. Рисунки маленькие и поэтому возможно на них имеются следы только от нескольких удачных попаданий, тогда как другие равномерно окружают рисунок со всех сторон.

Очень интересен четвертый рисунок, найденный в том же районе, также на гранитном валуне. На нем изображено какое-то похожее на человека чудовище, коренастое, на четырех ногах с распростертыми в стороны руками, на каждой по четыре пальца. На рисунке следы стрел расположены только возле головы, также наиболее «ранимой» части тела.

По всей вероятности, стрельба из лука по наскальным рисункам была не редкостью. Возможно, ранее мы ее просто просматривали. Не замечали этого и другие исследователи.

Почему же рисунки использовались как мишень?

Наскальные рисунки представляют собой реалистичное искусство, отражавшее мировоззрение и быт ранее живших народов. Их смысл крайне разнообразен. Вот почему среди петроглифов юго-востока Казахстана встречается масса разнообразнейших сцен, отражающих биологические особенности того или иного зверя, различные приемы и орудия охоты, войны, празднества и, кроме того, ритуальные обычаи; в некоторых рисунках отчетливо виден юмор. Стрельба из лука могла иметь несколько значений. Во-первых, это было состязание в искусстве лучников, на каждом рисунке сохранилось множество следов от ударов стрел. Но стрельба из лука по камням была неудобной, так как из-за нее неизбежно тупились или обламывались накопечники стрел. Во-вторых, стрелявшие из лука пытались ослабить магическое значение, придававшееся некоторым наскальным изображениям. В какой-то мере это предположение согласуется с обнаруженным и описанным нами явлением маскировки наскальных рисунков дополнительными сложными и запутанными линиями¹. Кроме того, стрельба по изображениям животных и мифическим существам вызывалась суеверием, якобы способствовала удачной охоте, борьбе со злыми силами и т. д. И, наконец, стрельба из лука могла предшествовать удачной охоте и была непременно ритуалом, отпраздновавшимся на промысел охотников.

При изучении наскальных рисунков следует иметь в виду использование их в качестве мишени. Дальнейшее накопление материала, безусловно, прольет свет на эту оригинальную особенность быта древних народов.

---

¹ П. И. Мариковский. Наскальные рисунки «лабиринтов» юго-востока Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1965, № 8, стр. 77—80.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Е. И. Агеева. Средневековое стекло из Тараза	7
К. М. Байпаков, Л. В. Ерзакович. Некоторые итоги раскопок городища Жаксылык	22
М. К. Кадырбаев, Р. З. Бурнашева. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола	42
Ф. Х. Арсланова. Погребение золотоордынского времени в Павло- дарской области	54
Л. В. Ерзакович. О южноказахстанском компоненте в материаль- ной культуре городов Золотой орды	60
К. А. Акишев. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Семиречья	69
М. С. Мерциев. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I—IV веков и захо- ронение на нем воина IV—V века	79
Н. П. Подушкин. К вопросу о керамике раннеземледельческих посе- лений верховий реки Арысь (I—IV вв.)	93
Б. Нурмуханбетов. Некоторые итоги раскопок Борижарского мо- гильника	108
А. Г. Максимова. Цепочка курганов из могильника Караша I.	121
А. М. Оразбаев. Поселение Чаглинка (Шагалалы). Некоторые фор- мы и типы жилищ	129
Г. Б. Зданович. Новое поселение эпохи бронзы в Северном Казахстане	147
С. Я. Зданович. Могильник эпохи бронзы Бурлук I	154
А. Х. Маргулан. Комплексы Былкылдак	164
А. Г. Медоев. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка	200
М. Н. Клапчук. Галечные орудия местонахождения Музбель 1—2 в Центральном Казахстане	217
Х. Алпысбаев. Некоторые вопросы изучения памятников камен- ного века в Казахстане	227
Л. А. Чалая. Некоторые вопросы истории изучения неолита Казахста- на	241
О. Исмагулов. Черепа из курганов с каменными выкладками (Цент- ральный Казахстан)	251
Л. А. Макарова. Предварительное сообщение о животных эпохи бронзы поселения Чаглинка	269
Т. Н. Сенигова. Новые находки в Семиречье	277
П. И. Мариковский. Наскальные рисунки как мишени	290

**По следам древних культур
Казахстана**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии
Академии наук Казахской ССР*

Редактор *Н. Н. Королева*
Худож. редактор *И. Д. Сущих*
Художник *М. А. Хоменко*
Техн. редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *И. Л. Подгорная*

* * *

Сдано в набор 20/VI 1970 г. Подписано к печати 15/IX 1970 г.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 21,85 (4 вклейки).
Уч.-изд. л. 23,75. Тираж 2050. УГ09213.
Цена 1 р. 64 коп.

* * *

Типография издательства «Наука» Казахской ССР, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 103.

